

Перед нами едва ли
не самая удачная серия
любовно-приключенческих
романов со времен
«Трех мушкетеров»
Александра Дюма.

Анн Голон

АНЖЕЛИКА

ПУТЬ В ВЕРСАЛЬ

Самая популярная романтическая сага всех времен

Annotation

«Анжелика. Путь в Версаль» – вторая из серии книг Анн Голон, открывшейся знаменитым историко-авантюрным романом «Анжелика – маркиза ангелов». Во Франции времен Людовика XIV все пути вели в Версаль. Но, прежде чем прибыть к королевскому двору, Анжелика, которая после казни мужа оказалась в отчаянном положении, попадает в сообщество бандитов и нищих, которое называется Двор Чудес. Анн Голон удивительно точно воссоздает повседневную жизнь парижского дна. Перед Анжеликой стоит задача невероятной сложности: выжить и не сломиться, путем громадных усилий и точного расчета вернуть себе прежнее положение в обществе. Справится ли с ней хрупкая зеленоглазая красавица, ведь у нее на руках маленькие сыновья?..

Впервые на русском языке полная версия первого французского издания знаменитого романа.

Перед нами едва ли не самая удачная серия любовно-приключенческих романов со времен «Трех мушкетеров» А. Дюма. Недаром полвека спустя после нашумевшей экранизации «Анжелики» с Мишель Мерсье в главной роли французский кинематограф и режиссер Ариэль Зейтун с триумфом возвращаются к образу прелестной и своевольной героини Анн Голон.

-
- [Анн Голон](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)

- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Глава XXVII](#)
 - [Глава XXVIII](#)
 - [Глава XXIX](#)
 - [Глава XXX](#)
 - [Глава XXXI](#)
 - [Глава XXXII](#)
 - [Глава XXXIII](#)
 - [Глава XXXIV](#)
 - [Глава XXXV](#)
 - [Глава XXXVI](#)
 - [Глава XXXVII](#)
 - [Глава XXXVIII](#)
 - [Глава XXXIX](#)
 - [Глава XL](#)
 - [Глава XLI](#)
 - [Глава XLII](#)
 - [Глава XLIII](#)
 - [Глава XLIV](#)
 - [Глава XLV](#)
 - [Глава XLVI](#)

- [Глава XLVII](#)
 - [Глава XLVIII](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Анн Голон

Анжелика. Путь в Версаль

Anne Golon

ANGELIQUE, LE CHEMIN DE VERSAILLES

Copyright © Anne Golon – 1958

The Russian translation is done after the original text revised by the author.

© М. Брусовани, перевод (главы 1–24), 2014

© А. Серебрянникова, перевод (главы 25–33), 2014

© О. Егорова, перевод (главы 34–48), 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Часть первая
Двор Чудес

Глава I

Сквозь оконное стекло Анжелика рассматривала лицо монаха Беше.

Темной безлунной ночью она одиноко стояла под окном таверны «Зеленая решетка», не замечая, что тающий снег капает с крыши ей на плечи.

Неподвижно глядя перед собой, монах сидел за столом перед оловянным кувшином и пил. Анжелика отчетливо его видела, несмотря на толстое оконное стекло.

Внутри было не слишком накурено. Основные посетители «Зеленой решетки», монахи и церковные служители, не были курильщиками, они приходили, чтобы выпить или поиграть в шахматы и кости.

Молодая женщина в платье из грубой бумазеи и льняном чепце стояла неподвижно, хотя было очень холодно. Когда открывалась дверь таверны и на нее падал луч света, можно было различить тонкий овал очень красивого и бледного лица, чьи благородные черты свидетельствовали о знатном происхождении.

Совсем недавно эта женщина была одним из самых великолепных украшений роскошного двора молодого короля Людовика XIV. Она танцевала на балах в расшитом золотом платье, под пламенными взглядами замороженных ее красотой придворных.

Ее звали Анжелика де Сансе де Монтелу. В семнадцать лет родители выдали ее замуж за знатного тулузского сеньора графа Жоффрея де Пейрака.

Какими ужасными и непредвиденными путями судьба привела ее сюда?

В этот печальный и холодный вечер, прикинув к оконной решетке, она наблюдала за объектом своей ненависти. Всматриваясь в зловещее лицо монаха Беше, Анжелика снова переживала недавние жестокие страдания, тот страшный кошмар, в котором она пребывала последние месяцы.

Она словно бы вновь видела своего мужа, графа Жоффрея де Пейрака, странного и, несмотря на хромоту, обольстительного

человека, прозванного Великим Хромым из Лангедока. Он был к тому же великий ученый, великий художник, великий ум. Он был велик во всем и быстро завоевывал симпатию и любовь окружающих. Так и его юная жена, поначалу неприступная, со временем страстно влюбилась в него. Однако сказочное богатство графа де Пейрака возбуждало и зависть. Он стал жертвой заговора, в котором не последнюю роль сыграл король, опасавшийся этого могущественного вассала. Граф был обвинен в колдовстве, заключен в Бастилию, а затем предстал перед несправедливым судом, приговорившим его к сожжению на костре.

Анжелика видела, как этот монах приказал сжечь на Гревской площади того, кого она любила!

Она видела, как в морозном утреннем воздухе кровавые отблески пламени смешались с первыми лучами зимнего солнца.

Потом наступило оцепенение, мрак, отчаяние.

Она осталась одна, отвергнутая всеми, осужденная на забвение вместе со своими маленькими сыновьями.

Перед ее мысленным взором возникли мордашки Флоримона и Кантора. На глаза навернулись слезы, она заморгала. Анжелика отвела взгляд от лица монаха и устало склонила голову.

Может быть, Флоримон сейчас плачет, зовет ее... Бедный ангелочек. У него больше нет ни матери, ни отца...

Анжелика оставила детей у своей сестры Ортанс, несмотря на ее шумные протесты. Мадам Фалло, жена прокурора, боялась приютить детей колдуна. Она в страхе прогнала Анжелику. К счастью, в ее доме живет Барба, бывшая служанка Анжелики. У нее доброе сердце, она пожалеет бедных сироток...

Анжелика долго без всякой цели бродила по заснеженному Парижу, по ночам превращающемуся в бандитское логово и раздолье для воров и убийц. Случай привел ее к таверне «Зеленая решетка», куда только что пришел Беше, чтобы за выпивкой забыть о пламени костра, по его милости разгоревшегося на Гревской площади.

Анжелика резко встряхнулась. Нет! Она еще не побеждена. Ей еще кое-что предстоит сделать! Монах Беше должен умереть!

Анжелика даже не содрогнулась. Она-то знала, почему он должен умереть! Для нее монах был воплощением того, что всю жизнь презирал Жоффрей де Пейрак, – человеческой глупости, нетерпимости, прогнившей средневековой софистики, от которой он

тщетно защищал новые науки. Этот ограниченный, заблудившийся во мраке схоластической диалектики монах одержал победу. Жоффрей де Пейрак был мертв.

Но перед смертью он крикнул монаху с церковной паперти:

– Через месяц встретимся перед Божьим судом!

И вот месяц подходил к концу...

– Напрасно ты, девушка, мерзнешь у дверей. Тебе что, нечего выложить за стаканчик вина?

Анжелика обернулась, ища глазами собеседника, но никого не увидела. В этот момент луна, выглянув между облаками, осветила приземистую фигуру карлика. Тот поднял руку, замысловато скрестив два пальца. Молодая женщина вспомнила, как однажды этот знак показал ей Куасси-Ба и заверил: «Скрести вот так пальцы, и мои друзья скажут: „Да, она из наших!“»

Она машинально повторила знак Куасси-Ба. Сияющая улыбка озарила лицо карлика.

– Я так и думал, что ты наша. Только вот не пойму, ты чья? Родогона Цыгана, Беззубого Жака, Матроса Новобранца или Ворона?

Не отвечая, Анжелика сквозь стекло снова принялась разглядывать монаха Беше. Карлик вспрыгнул на подоконник. Свет из окна кабака осветил его большую голову в грязной фетровой шляпе. У него оказались круглые пухлые ручки, а на ножки были надеты полотняные башмачки, какие носят маленькие дети.

– Где тот клиент, которого ты высматриваешь?

– Вон он, сидит в углу.

– Думаешь, такой старый мешок с костями, взгляд которого не сулит ничего хорошего, дорого заплатит за твой труд?

Анжелика глубоко вздохнула.

– Это тот, кого мне надо убить, – сказала она.

Карлик ловко провел рукой вокруг ее талии:

– У тебя даже ножа нет, как же ты собираешься это сделать?

Анжелика впервые внимательно взглянула на своего странного нового знакомого, так неожиданно возникшего перед ней на мостовой, точно крыса, точно какое-то мерзкое ночное животное, из тех, что с наступлением сумерек вылезают на улицы Парижа.

– Пойдем со мной, маркиза, – неожиданно предложил карлик, спрыгивая на землю. – Пойдем на кладбище Святых Мучеников. Там ты договоришься с моими приятелями, чтобы они укокошили твоего монаха.

Анжелика, не раздумывая, последовала за ним.

Карлик вперевалку шел впереди.

– Меня зовут Баркароль, – снова заговорил он. – Очень красивое имя, прямо как я, верно? У-у-у!

Он издал нечто вроде раскатистого улюлюканья, кувыркнулся через голову, слепил снежок из грязного снега и запустил его в какое-то окно.

– Бежим быстрее, красотка, – сказал он, – пока за то, что мы помешали им дрыхнуть, эти чертовы буржуа не вылили нам на голову свои ночные горшки!

Едва он произнес эти слова, стукнула оконная створка, и Анжелике пришлось отскочить, чтобы ее не окатили.

Карлик куда-то исчез. Молодая женщина шла по колено в грязи, ее одежда промокла, но она не чувствовала холода.

Легкий свист привлек ее внимание к сточному желобу. Из его отверстия внезапно появился Баркароль.

– Простите, маркиза, что покинул вас без предупреждения. Я ходил за своим другом Жаненом Деревянный Зад, – сказал карлик, тяжело переводя дух.

Следом за ним из водосточного желоба выпрастывалась еще одна куца фигура. Это был не карлик, а безногий, человеческий обрубок, воткнутый в большой деревянный таз. В узловатых руках он держал две деревянные колодки, опираясь на которые перемещался по мостовой.

Урод поднял на Анжелику испытующий взгляд. Звериное лицо покрывали гнойные прыщи, редкие волосы были тщательно прилизаны на блестящем черепе. Вся его одежда состояла из какого-то подобия голубого плаща с золотыми пуговицами, прежде, должно быть, принадлежавшего офицеру. Плащ украшал безукоризненно чистый белый воротник. Окинув молодую женщину изучающим взглядом, он прокашлялся и плюнул на нее. С удивлением посмотрев на него, Анжелика вытерлась снегом.

– Хорошо, – удовлетворенно сказал Жанен. – Она отдает себе отчет, с кем разговаривает.

– Разговаривает? Вот уж манера говорить! – воскликнул карлик, разразившись своим улюлюкающим смехом. – У-у-у, какой я остроумный!

– Поддай мою шляпу, – приказал Жанен.

Он надел шляпу, утыканную перьями, прихватил деревянные колодки, и они тронулись в путь.

– Чего она хочет? – через некоторое время продолжил он.

– Чтобы ей помогли убить одного монаха.

– Это можно... Чья она?

– Не знаю, – ответил Баркароль.

Пока они шли, к ним постепенно присоединялись призрачные силуэты. Сперва из темных углов, с каналов и из глубины дворов раздавался свист. Затем, откуда ни возмись, появлялись нищие с длинными бородами, старухи, больше напоминающие бесформенную груду тряпья. Слепцы и безногие инвалиды закидывали на плечи свои костыли, чтобы они не мешали идти быстрее. Следом вышагивали горбуны, не успевшие избавиться от накладных горбов. Среди них оказалось и несколько настоящих калек. Анжелика с трудом понимала их язык, изобиловавший странными словами.

На перекрестке их атаковал отряд усатых головорезов. Сначала Анжелика подумала, что это солдаты или даже городская стража, но быстро догадалась, что это переодетые бандиты.

Под их пристальными алчными взглядами Анжелика чуть было не отступила. Оглянувшись, она увидела, что ее со всех сторон окружает армия уродов.

– Ты что, боишься, красотка? – спросил один из бандитов, обнимая ее за талию.

– Нет, – ответила Анжелика, отбросив его наглую руку.

Бандит не унимался, и она отвесила ему оплеуху. Это было как гром среди ясного неба, и Анжелика подумала: «Что со мной будет?» Но она не боялась. Ненависть и возмущение, которые так давно копились в ее душе, вылились в страстное желание кусаться, царапать и вырывать глаза. Шагнув в пропасть, она легко достигла соответствия с окружающим ее зверьем.

Забавник Деревянный Зад, неистово проревев что-то, властно восстановил порядок. Этот человеческий обрубок обладал загробным голосом, от которого окружающих бросало в дрожь и все замолкали. Его яростные слова прекратили потасовку.

Взглянув на бандита, Анжелика заметила, что у него все лицо в кровавых царапинах и он прикрывает глаза рукой.

Остальные смеялись:

– Здорово тебя отделала эта девка!

Услышав собственный вызывающий смех, Анжелика поразились: выходит, не так уж тяжело находиться в этом аду; что же до страха... Впрочем, что такое страх? Это чувство, которого для нее больше не существует. Оно годится для добропорядочных горожан, которых колотит дрожь, когда толпы нищих проходят под их окнами на кладбище Святых Мучеников, чтобы увидеть своего повелителя – принца нищих.

– Чья она? – спросил кто-то.

– Наша! – рявкнул Жанен. – И зарубите это себе на носу!

Его пропустили вперед. Никто, даже обладая парой проворных ног, не пытался опередить его. Когда дорога шла вверх, бандиты, которых прозвали весельчаками, поспешно поднимали лохань с безногим и тащили ее на руках.

В квартале, через который они шли, стояла невыносимая вонь: в сточных канавах гнили остатки мяса, сыра, овощей, повсюду разносился затхлый запах гниения. Это был район, который называли Чрево, к нему примыкало главное хранилище тухлятины – кладбище Святых Мучеников.

Анжелика никогда не бывала здесь, хотя кладбище считалось самым популярным в Париже местом свиданий. Там можно было встретить знатных дам, пришедших выбрать книги или белье в лавках, расположенных у кладбищенских стен. Привычно было видеть, как элегантные господа прогуливались со своими любовницами под аркадами, небрежно отбрасывая тростью валяющиеся повсюду черепа и кости, абсолютно не обращая внимания на погребения и похоронный хор.

По ночам это привилегированное место, где по традиции никого нельзя было арестовать, служило убежищем вора и мошенникам, а

распутники приходили сюда, чтобы выбрать среди бесстыдниц подругу для диких оргий.

Подойдя к ограде, представлявшей собой обвалившуюся во многих местах стену, что позволяло беспрепятственно проникать внутрь, толпа нищих повстречалась с глашатаем умерших. Он был одет в черный сюртук, где были вышиты скрещенные кости и серебряные слезы. Заметив пришедших, он бесстрастно проговорил:

– Есть покойник на улице Ферронри, так что на завтра требуются бедняки в похоронный кортеж. Каждый получит по десять су и черную куртку или накидку.

– Мы пойдем, мы пойдем! – закричали какие-то беззубые старухи.

Они готовы были за эти гроши сразу бежать к дому на улице Ферронри, но остальные стали браниться, а Деревянный Зад, щедро осыпая их страшными ругательствами, проревел:

– Черт бы вас побрал! Неужто мы будем заниматься своей работенкой и мелкими делишками, когда нас ждет принц нищих? На кой черт мне эти подлые старухи? Что за нравы, честное слово!

Сконфуженные нищенки опустили голову. Подбородки у них дрожали. Все друг за другом через разные дыры проникли на кладбище.

Глашатай умерших удалился, звеня колокольчиком. В проулке он остановился и, подняв голову, заунывно затынул:

– Проснитесь, спящие, помолитесь за усопших.

С расширенными от ужаса глазами Анжелика пробиралась среди канав, заполненных трупами. Здесь и там были общие могилы, наполовину заваленные закутанными в саваны мертвецами. Прежде чем их засыпят, разверстым ямам предстояло дожидаться новых обитателей.

Некоторые памятники или положенные прямо на землю надгробные плиты свидетельствовали о том, что их хозяева были довольно состоятельны. И все же испокон веков это было кладбище бедняков. Богатых хоронили на кладбище Святого Павла.

Луна, теперь одиноко царившая в темном небе, осветила едва заметную снежную пелену, покрывавшую крыши церкви и окрестных строений.

Тускло мерцал крест семейства Бюто – высокое металлическое распятие, установленное в центре кладбища, неподалеку от кафедры.

Мороз притуплял тошнотворный запах. Впрочем, никто не обращал на него внимания.

Да и сама Анжелика с безразличием вдыхала насыщенный миазмами воздух. Но четыре галереи, отходящие от церкви и формирующие ограду кладбища, приковывали ее взгляд и ошеломляли настолько, что ей казалось, будто она видит кошмарный сон. Нижняя часть этих средневековых построек представляла собой стрельчатые монастырские аркады, где нынче торговцы устроили свои лавочки. Но над галереями располагались лачуги с черепичными крышами, опиравшиеся со стороны кладбища на деревянные столбы, так что между кровлей и опорами оставались просветы. Все это пространство было заполнено останками. Там были свалены в груды тысячи черепов и скелетов. Чердаки смерти, переполненные своим зловещим урожаем, демонстрировали взорам живых небывалые нагромождения иссушенных ветром и превращенных в прах временем человеческих останков. Но на смену им бесконечно поступали новые, извлекаемые из кладбищенской почвы.

И действительно, везде возле могил виднелись кучи костей, аккуратно собранных в вязанки, и черепа, уложенные в штабеля могильщиками, четко выполняющими привычную для них работу. Завтра эти вязанки переместятся к стенам кладбища, как повторялось уже многие десятки лет.

– Что это... что это такое? – в ужасе промолвила Анжелика. Такое зрелище казалось ей нереальным, она боялась, что сошла с ума.

Взобравшись на могилу, карлик Баркароль с удивлением разглядывал ее:

– Оосуарии! Оосуарии кладбища Святых Мучеников. Самые прекрасные оосуарии Парижа!

И, помолчав, добавил:

– Ты что, с неба свалилась? Ты что, никогда этого не видела?

Анжелика присела рядом с ним. После того как она, не помня себя, расцарапала ногтями лицо того шутника, ее оставили в покое и больше с ней никто не заговаривал. Если кто-нибудь обращал на нее заинтересованный или игривый взгляд, немедленно раздавался голос:

– Она наша, поосторожней, братцы.

Анжелика не заметила, как только что почти пустынное кладбище постепенно заполнилось страшной толпой оборванцев.

Она не могла оторвать взгляд от оссуариев. Ей было невдомек, что эта жуткая страсть сваливать скелеты в кучи присуща Парижу. Все основные парижские церкви пытались оспорить это право кладбища Святых Мучеников.

Ей это место казалось ужасным, а карлик, напротив, находил его великолепным. Он пробормотал:

– Смерть наконец бросила им вызов.

Какое горе умереть
И не знать, куда идешь...

Анжелика медленно повернулась к нему.

– Да ты просто поэт, – сказала она.

– Это сочинил не я, а Грязный Поэт, Клод Ле Пти.

– Ты с ним знаком?

– Еще бы! Он же знаменитый памфлетист с Нового моста.

– Его я тоже хочу убить.

Карлик подпрыгнул, как жаба:

– Ты так не шути! Он мой приятель.

Баркароль оглянулся, призывая присутствующих в свидетели, и покрутил пальцем у виска:

– Сестренка спятила! Хочет всех укокошить!

* * *

Тут вдруг раздались какие-то возгласы, и толпа расступилась, дав дорогу странной процессии.

Во главе ее шел, семеня босыми ногами по грязному снегу, очень длинный и худой человек. Пышные седые волосы падали ему на плечи, лицо было лишено растительности. Можно было подумать, что это старуха, и, возможно, он и вправду не был мужчиной, несмотря на штаны и рваный плащ. У него были выступающие скулы, угрюмые и

мрачные глаза прятались в глубоких глазницах. Он был лишен пола, подобно скелету, и столь же уместен в этом скорбном месте. Он нес длинную палку, на конце которой болталась дохлая собака.

Рядом с ним потрясал метлой толстый безбородый человечек. За этими странными знаменосцами шел шарманщик, крутя ручку своего инструмента. Оригинальность музыканта заключалась в огромной соломенной шляпе с нависающими полями, скрывавшими его почти до плеч. В полях были проделаны маленькие дырочки, сквозь которые поблескивали хитрые глаза. За ним следовал мальчик, усердно бьющий в медный таз.

– Хочешь, я назову тебе этих знаменитых благородных господ? – спросил у Анжелики карлик и добавил, подмигнув ей: – Тебе известен наш знак, но я вижу, что ты не из наших. Те, которых ты видишь впереди, – это Большой и Малый Евнухи. Вот уже много лет Большой Евнух находится на грани смерти, но он никогда не умрет. Малый Евнух стережет жен принца нищих. У него в руках знак отличия.

– Метла?

– Тсс! Не вздумай насмеяться! Под метлой подразумевается наведение порядка. Позади них шарманщик и его паж Лино. А вот и крали принца нищих.

Из-под грязных чепцов виднелись распухшие физиономии проституток с усталыми и томными глазами. Некоторые еще не утратили красоту, но все без исключения нагло посматривали по сторонам. Но только первая, подросток, почти ребенок, единственная еще выглядела свежей. Несмотря на холод, платье ее было расстегнуто, и она с гордостью выставляла напоказ свои молодые, едва расцветшие груди.

Затем шли факельщики, за ними мушкетеры со шпагами, далее следовали нищие и мнимые паломники Святого Иакова. Под скрежет и лязганье появилась тяжелая тележка, которую толкал великан с отвисшей нижней губой.

– Это Слюнтяй, идиот принца нищих, – объявил карлик.

Замыкал шествие человек с длинной седой бородой, в черном сюртуке, карманы которого были набиты пергаментными свитками. На поясе у него болтались три хлыста, чернильница и гусиные перья.

– Это Старый Пень – главный помощник принца нищих, он же ведает законами королевства нищих, – пояснил карлик.

– А где же сам он? – поинтересовалась удивленная Анжелика.

– В тележке.

– В тележке? – изумленно переспросила Анжелика и немного приподнялась, чтобы лучше видеть.

Тележка остановилась в центре кладбища, перед кафедрой. Так называли возвышение с пирамидальной крышей, к которому вели несколько ступенек.

Слюнтяй наклонился и взял что-то из тележки, потом уселся на кафедру и водрузил предмет себе на колени.

– Боже мой! – ахнула Анжелика.

Перед ней был принц нищих. Это существо обладало мощной грудью, переходящей в хиленькие и беленькие, как у двухлетнего ребенка, ножки. Огромную голову, поросшую черными курчавыми спутанными волосами, наполовину закрывала грязная черная повязка, под которой виднелись гнойники. Сурово сверкали из-под нависших кустистых бровей глубоко посаженные глаза. Он носил длинные усы с туго закрученными концами.

– Хе-хе-хе, – засмеялся карлик, которому удивление Анжелики доставляло большое удовольствие, – скоро ты убедишься, красотка, что у нас маленькие властвуют над большими. Знаешь, кто, наверное, станет принцем нищих, когда Ролен Коротышка из тележки сыграет в ящик?

И он прошептал ей на ухо:

– Жанен Деревянный Зад. – Он несколько раз утвердительно кивнул. – Таков закон природы: чтобы править в нашем королевстве, нужно иметь кое-что в голове. Но избыток ног приводит к недостатку мозгов. А что ты об этом скажешь, Легконогий?

Тот, кого звали Легконогим, только что присел на край могилы и приложил руку к груди, как будто у него болело сердце. Это был очень молодой человек приятной наружности. Он сказал со вздохом:

– Ты прав, Баркароль. Лучше иметь голову, чем ноги, ведь, если откажут ноги, у тебя ничего не останется.

Анжелика с любопытством посмотрела на длинные мускулистые ноги молодого человека. Он грустно улыбнулся:

– Да, ноги у меня есть. Но я ими едва владею. Я служил скороходом у господина де Ла Саблиера. Однажды я пробежал почти двадцать лье, мое сердце ослабело, и с тех пор я с трудом хожу.

– У-у-у, – засмеялся карлик, – ты больше не можешь ходить, потому что слишком много бегал, как это забавно!

– Заткнись, Барко, – прозвучал грубый голос, – ты нам надоел своей болтовней.

Сильная рука схватила карлика за плащ и, как котенка, бросила на грудь скелетов.

– Этот ублюдок тебе изрядно надоел, не так ли, красотка?

Подошедший склонился к Анжелике. Утомленной скоплением уродства и ужасов, красота незнакомца доставила молодой женщине некоторое облегчение. Она плохо различала его лицо, скрытое в тени широкополой шляпы с тощим пером, однако можно было заметить большие глаза, красивый рот и мужественное лицо. Он был молод и полон сил. Его очень смуглая рука лежала на рукоятке длинного кинжала, висевшего на поясе.

– Ты чья, красотка? – спросил он хриплым голосом, в котором чувствовался неуловимый акцент.

Она не ответила и продолжала высокомерно смотреть вдаль. Там, где восседал принц нищих со своим огромным идиотом, поставили медный таз, недавно служивший мальчику барабаном. И теперь нищие, продвигаясь один за другим, бросали в него налог, требуемый принцем. Каждый платил в зависимости от своей профессии. Стоя рядом с Анжеликой, карлик вполголоса называл ей должности представителей нищего сброда, с первых дней существования Парижа научившегося использовать общественное милосердие. Он рассказывал ей о кастах мошенников. Одни, прилично одетые, прикидывались «погорельцами» и, стыдливо пряча глаза, с протянутой рукой, плели горожанам байки о том, что некогда были уважаемыми гражданами, их дома сожгли, а имущество разграбили во время войн. Торгаши изображали бывших купцов, которых обворовали бандиты с большой дороги. «Обращенные» ввали, что на них снизошла благодать и они готовы стать католиками. Каждый выдуривал деньги по-своему. Получив мзду, они отправлялись клянчить в другом приходе.

Бывшие солдаты, шутники и ловкачи просили милостыню, угрожая ножом, пугая порядочных горожан. «Сироты», маленькие детишки, попрошайничали, держась за руки и хныча от голода, стараясь разжалобить прохожих. Все они почитали принца нищих, так как он поддерживал порядок в соперничающих бандах.

Соли, экую и золотые монеты падали в медный таз. Смуглый незнакомец не спускал глаз с Анжелики. Подойдя к ней, он коснулся рукой ее плеча. Анжелика хотела отстраниться, но он торопливо произнес:

– Меня зовут Родогон Цыган, у меня четыре тысячи людей в Париже. Все цыганки платят мне дань, а еще смуглые женщины, что гадают по руке. Хочешь стать маркизой?

Анжелика не ответила.

Над церковью и грудями разбросанных повсюду костей и черепов плыла луна. Перед кафедрой проходила вереница настоящих и мнимых калек, тех, кто добровольно притворяется инвалидом, чтобы вызвать сострадание, и с наступлением темноты мог отбросить костыли и сорвать грязные повязки. Вот почему их логовище прозвали Двором Чудес.

Пришедшие с улицы Трюандри, из предместий Сен-Дени, Сен-Мартен, Сен-Марсель, с улиц де ла Жюсьен и Святой Марии Египетской шелудивые, чахоточные, запаршивевшие, издерганные, кривые, косые, которые по двадцать раз на дню замертво валились у придорожных столбов, предварительно стянув себе руку тесемкой, чтобы остановить биение пульса, один за другим бросали свою лепту в таз перед уродливым идолом-недомерком, власти которого подчинялись. Родогон снова положил руку на плечо Анжелики. На этот раз она не сопротивлялась, рука была живая, теплая, а она так замерзла... Мужчина был сильный, а она так слаба и беспомощна...

Анжелика повернулась к нему и под шляпой разглядела лицо, не вызвавшее у нее никакого страха. Ярко блестели белки его удлинённых цыганских глаз. Он выругался сквозь зубы и тяжело оперся о ее плечо.

– Так будешь моей маркизой? Или я тебя заставлю, – повторил он.

– Поможешь мне убить кое-кого?

Бандит запрокинул голову и рассмеялся жутким беззвучным смехом:

– Десять, двадцать человек, сколько хочешь! Только покажи кого, и, клянусь, нынче же на заре я выпущу его кишки на мостовую. – Он плюнул в ладонь и протянул ее Анжелике:

– По рукам!

Но Анжелика спрятала руки за спину и покачала головой:

– Нет еще.

Он выругался и отошел в сторону, не спуская с нее глаз:

– Ты упряма, но я тебя хочу, и ты будешь моей.

Анжелика провела рукой по лбу. Она никак не могла припомнить, кто-то ей уже говорил эти злые и алчные слова.

Двое солдат затеяли драку. Колонна нищих прошла.

Мимо кафедры потянулись самые отъявленные бандиты столицы: не только воры, срезающие кошельки и раздевающие прохожих, но и наемные убийцы, взломщики, к которым примкнули распутные студенты, лакеи, бывшие галерники и весь пришлый люд, заброшенный сюда превратностями войн, – испанцы и ирландцы, немцы и швейцарцы, а также цыгане.

Мужчин на этом сборище было гораздо больше, чем женщин.

На кладбище, однако, пришли не все. Каким бы огромным ни было кладбище Святых Мучеников, оно не смогло бы вместить всех городских бродяг и изгоев.

Внезапно помощники принца нищих разогнали толпу ударами плетей и приблизились к могиле, на которой сидела Анжелика. Увидев перед собой этих небритых мужчин, она сразу поняла, что они по ее душу. Впереди вышагивал старик по прозвищу Старый Пень.

– Принц нищих спрашивает, кто эта женщина, – сказал он, ткнув плетью в сторону Анжелики.

Родогон обнял ее за талию и прошептал ей на ухо:

– Не бойся, я сейчас все улажу.

Он пробился к кафедре, прижимая к себе Анжелику и бросая вокруг подозрительные и устрашающие взгляды, словно опасался, как бы кто-нибудь не вырвал у него добычу. Сапоги его были из добротной кожи, плащ из хорошего сукна. Анжелика бессознательно отметила эти детали. Она не боялась этого человека. В нем чувствовалась привычка к власти и сражениям. Анжелика подчинялась ему как побежденная женщина, которая не может обойтись без покровителя.

Подойдя к принцу нищих, Родогон вытянул шею вперед, плюнул и сказал:

– Я, цыганский барон, беру эту женщину в маркизы.

И размашисто швырнул в таз кошелек.

– Нет! – сказал спокойный и грубый голос.

Родогон резко обернулся:

– А, это ты, Каламбретен.

В нескольких шагах от них, освещенный луной, стоял человек, который уже дважды с ухмылкой вставал у Анжелики на пути. Он был такого же роста, как Родогон, но намного шире в плечах. Лохмотья, в которые он был одет, не скрывали его мускулистых рук и волосатой груди. Расставив ноги и заложив большие пальцы за кожаный пояс, он дерзко смотрел на Родогона. Его атлетическое тело было намного моложе его заросшей седой щетиной отвратительной физиономии. Из-под спадающих на лоб грязных прядей сверкал ненавистью единственный глаз, второй был закрыт черной повязкой.

Светила полная луна, и позади незнакомца серебрился в ее лучах снег на крышах оссуариев.

«О господи! Какое ужасное место!» – подумала Анжелика. Она спряталась за спину Родогона. Цыганский барон изощрялся в оскорблениях в адрес своего противника:

– Каналья, ублюдок, подонок! Это кончится плохо для тебя, ты тут лишний!

– Заткнись! – ответил Каламбретен.

Он плюнул в сторону принца нищих, что, похоже, было традиционным выражением почтения, и бросил в медный таз кошелек, поувесистей, чем кошелек Родогона. Жалкий урод на коленях у своего идиота затрясся в безудержном смехе.

– У меня появилось чертовское желание пустить эту красотку с аукциона! – сипло проскрежетал он. – Пусть ее разденут, чтобы все могли оценить товар. Пока победа за Каламбретеном. Твое слово, Родогон.

Нищий сброд взвыл от радости; грязные волосатые руки потянулись к Анжелике. Родогон толкнул ее к себе за спину и выхватил свой знаменитый кинжал. В этот момент Каламбретен наклонился и с силой швырнул какой-то круглый белый предмет в своего противника. Снаряд угодил Цыгану в запястье и откатился. Анжелика с ужасом поняла, что это череп. Цыган выронил кинжал. Каламбретен обхватил его туловище, бандиты сцепились, и оба рухнули в грязь.

Это послужило сигналом к жестокой потасовке.

Представители пяти соперничающих банд с криком кинулись друг на друга. Обладатели шпаг и кинжалов кололи наугад, хлынула кровь.

Остальные последовали примеру Каламбредена: как снежки, швыряли черепа. Анжелика хотела убежать, но чьи-то сильные руки поставили ее перед кафедрой, где в нее мертвой хваткой вцепились приспешники принца нищих.

Он в окружении своей охраны, покручивая ус, безучастно наблюдал за побоищем. Старый Пень поднял таз с деньгами и прижал к себе. Идиот Слунтяй и Большой Евнух злоеще смеялись. Тибо Музыкант вертел ручку своей шарманки и распевал что есть мочи.

Истошно вопили сбитые с ног и затоптанные в снег старые нищенки.

Анжелика заметила, что какой-то старый одноногий калека бьет Жанена костылем по голове, как будто хочет забить в нее гвоздь. Внезапно в живот его вонзилась рапира, и он замертво упал на безногого.

Баркароль с женами принца нищих укрылись на крыше оссуария и использовали хранящиеся там запасы, чтобы бомбардировать черепами поле битвы. К резким крикам, завываниям и стонам теперь примешивались вопли обитателей близлежащих улиц Фер и Линжери: свесившись из окон, выходящих на это бесовское место, они молили о защите Деву Марию и призывали ночную стражу. Луна медленно уходила за горизонт.

Родогон и Каламбреден продолжали биться с яростью бешеных псов. Удары сыпались один за другим. Силы были равны.

Внезапно все изумленно вскрикнули.

Родогон, словно по волшебству, исчез. Присутствующих, а все они, как один, были безбожники, охватила паника. Но тут все услышали крик Родогона, которого Каламбреден мощным ударом свалил в самую середину общей могилы. Придя в себя в окружении мертвецов, Цыган умолял, чтобы его вытащили оттуда. Стоявшие поблизости разразились гомерическим хохотом, остальные радостно последовали их примеру. Этот чудовищный смех после воплей убийственной драки бросил живших по соседству ремесленников и работников в холодный пот. Женщины в окнах осеняли себя крестным знаменем.

Тут, призывая к заутрене, мелодично зазвонил колокол. Ему отвечали другие, а с кладбища в темное небо вознесся шквал проклятий и сквернословия.

Пора было уходить. Подобно совам и всякой нечисти, боящиеся света воры покинули ограду кладбища Святых Мучеников. В грязном и смрадном свете наступающей зари, окрашенной розовым, точно жидкой сукровицей, перед Анжеликой возник Каламбрден. Он, ухмыляясь, не сводил с нее глаз.

– Она твоя! – прохрипел принц нищих.

Анжелика рванулась и побежала к решетке, но те же сильные руки вновь схватили ее, парализовали движения. Она стала отбиваться. Кто-то сунул ей в рот тряпичный кляп, у нее перехватило дыхание, и она потеряла сознание.

Глава II

– Ничего не бойся, – сказал Каламбрден.

Он сидел перед Анжеликой на скамеечке, положив тяжелые руки на колени. На полу возле него боролась с тусклым светом дня свеча в богатом серебряном подсвечнике. Анжелика пошевелилась и поняла, что лежит на убогом ложе, заваленном грудой накидок и плащей самых разных сортов и оттенков. Среди них были расшитые золотом роскошные бархатные плащи: в таких, должно быть, молодые сеньоры с гитарами распевали серенады под окнами своих возлюбленных. Другие, удобные и простые, из грубой бумазеи, скорее всего, принадлежали купцам и путешественникам.

– Ничего не бойся, Анжелика, – повторил бандит.

Она посмотрела на него расширенными от изумления глазами. Уж не бредит ли она? Он говорил на пуатевинском наречии, и она прекрасно его понимает!

Бандит поднес руку к лицу, сделал какое-то быстрое движение, и уродливая опухоль исчезла с его щеки. Анжелика испуганно вскрикнула. А Каламбрден уже отбросил свою грязную фетровую шляпу, сдернул спутанный облезлый парик и сорвал закрывающую глаз черную повязку.

– Так это тебя называют Каламбрденом?

Он выпрямился и звучно стукнул себя кулаком в грудь:

– Да, это я знаменитый проказник, король карманников с Нового моста. Да, – помолчав, добавил он, – я многого добился с тех пор, как мы с тобой расстались.

Анжелика смотрела на него, лежа на груди старого тряпья, не в силах пошевелиться. Через оконную решетку медленными завитками просачивался густой, как дым, туман. Возможно, поэтому этот оборванец, этот чернобородый геркулес в лохмотьях, который бил себя в грудь и твердил: «Я Никола!.. Я Каламбрден!..» – казался ей пугающим видением.

Сейчас она потеряет сознание.

Не спуская с нее глаз, Никола принялся мерить шагами комнату.

– Да, – снова заговорил он, – в лесах хорошо, когда тепло. Сначала я связался с контрабандистами, торгующими солью, потом встретился с одной бандой в лесу Меркеров. Она состояла из бывших наемников, крестьян, беглых каторжников и всякого сброда. Банда была хорошо организована, и я решил примкнуть к ней. Мы грабили путешественников на дороге из Парижа в Нант. Но в лесах хорошо, только когда тепло. С наступлением зимы лучше перебираться в город. Не так-то это просто... попытались счастья в Туре, в Шатодене... Вот так мы и оказались у ворот Парижа. Сколько же мы натерпелись от стражи! Тем, кому не посчастливилось удрать, брили брови и половину бороды, и – вали, дружок! Возвращайся в деревню, на свою сожженную ферму, к разграбленным домам или на поле боя. Или в Центральный госпиталь, а то и в тюрьму Шатле. Редко раздобудешь кусок хлеба, который из жалости даст жена булочника. Но я присмотрел неплохие местечки, где можно было переждать зиму: подвалы, ведущие из одного дома в другой, стоки, впадающие во рвы, а главное – ведь дело было зимой! – вмерзшие в лед баржи вдоль всей Сены от самого Сен-Клу. Так, с баржи на баржу, и – гоп-ля! Как-то ночью мы все, словно крысы, пробрались в Париж...

– Как ты мог так низко пасть, Никола? – грустно спросила Анжелика.

Он вздрогнул и склонил к ней свое перекошенное от ярости лицо:

– А ты?

Анжелика взглянула на свое рваное платье. Ее грязные, непричесанные волосы были собраны в узел под чепцом неопределенного цвета. Она носила его, как носят в деревне простые крестьянки.

– Это не одно и то же, – сказала она.

Никола скрипнул зубами и прохрипел, как бешеный пес:

– Ну нет... теперь почти одно и то же, слышишь меня, дрянь?

Анжелика с какой-то блуждающей улыбкой смотрела на него. Да, это он. Она вспомнила, как он стоял перед ней, освещенный солнечным светом, с полной горстью крупной лесной земляники. И сейчас на его лице такое же злое, мстительное выражение... Постепенно она вспомнила все. Тогда, в весеннем лесу, он склонился к ней... Тот по-деревенски неловкий, но уже дерзкий Никола.

Разгоряченный, как бычок, и все же прячущий руки за спину, чтобы не поддаться желанию и овладеть ею.

«Сейчас я скажу... В моей жизни не было никого, кроме тебя... Я словно бы не на своем месте, болтаюсь сам не знаю где... Единственным моим прибежищем всегда была ты...»

Совсем неплохо для деревенщины. Однако на самом деле теперь он находился на своем месте – наглый, наводящий ужас главарь столичных бандитов! Вместе с никчемными людьми, желающими отбирать у других, а не трудиться, чтобы заработать... Об этом можно было догадаться еще тогда, когда он бросал свое стадо коров, чтобы стащить завтрак у других пастухов. И Анжелика была его сообщницей!

Анжелика резко вскочила со своего ложа и бросила на него мрачный сине-зеленый взгляд:

– Я запрещаю тебе оскорблять меня! Я никогда не была дрянью с тобой. А теперь дай мне поесть. Я голодна.

Она и вправду ощущала зверский, почти болезненный аппетит.

Похоже, Никола – Каламбрден не ожидал такого отпора.

– Успокойся, – пробормотал он, – я обо всем позабочусь.

Схватив металлический лом, он ударил им в медный гонг, сверкавший на стене, точно солнце. И тут же на лестнице послышался перестук сабо и в дверном проеме появился человек с испуганным лицом. Никола указал на него Анжелике:

– Представляю тебе Жактанса. Virtuозно срезает кошельки. Но главное, месяц назад парень изобрел способ избежать позорного столба. Вот я и держу его здесь для стряпни, пусть ребята на рынке подзабудут чуток его физиономию. А там уж мы нацепим на него парик и айда на темную улицу с ножницами! Берегите кошельки! Что у тебя в котелке, бездельник?

Жактанс шмыгнул носом и провел под ним рукавом.

– Свиные ножки с капустой, – ответил Жактанс.

– Сам ты свинья! – проорал Никола. – Разве такая пицца подходит для дамы?

– Почему мне знать, хозяин...

– Я согласна и на это, – ответила Анжелика. От запаха еды она почти теряла сознание. И правда, до чего унижительно, что всякий раз, в самые ответственные или драматические моменты жизни, ее

обуревают такой голод! И чем драматичнее события, тем более неистовый голод она испытывает!

Через несколько минут появился Жактанс, неся в руках огромное деревянное блюдо. Перед ним шествовал карлик Баркароль. Кувыркнувшись, он отставил пухленькую ножку и, взмахнув огромной шляпой, отвесил Анжелике уморительный придворный поклон. Его уродливое лицо выражало сообразительность и было не лишено некоторой привлекательности. Возможно, поэтому, несмотря на его уродство, Анжелика сразу почувствовала симпатию к нему.

– Я вижу, ты доволен своим завоеванием, – сказал Баркароль, подмигнув Каламбреду, – но что скажет Польша?

– Заткнись! – прорычал Никола. – По какому праву ты суешься в мое логово?

– По праву твоего преданного слуги, который заслуживает награды, – весело проговорил карлик. – Не забывай, что именно я привел тебе красотку, которую ты так долго высматривал во всех уголках Парижа.

– Но привести ее на кладбище Святых Мучеников?! Можешь гордиться, ловко придумано! Еще немного, и принц нищих присвоил бы ее себе или ее отбил бы у меня Родогон Цыган.

– Ты должен был заслужить ее, – бросил крошечный Баркароль, которому приходилось запрокидывать голову, чтобы смотреть в глаза Никола. – На черта мне нужен хозяин, который не может сразиться за свою маркизу?! И не забудь, ты выплатил еще не все приданое. Я прав, красотка?

Но Анжелика ничего не слышала, она жадно набросилась на пищу. Карлик с умилением смотрел на нее.

– Самое лучшее в свиных ножках – это маленькие косточки, – любезно заметил он. – Их приятно обсасывать и забавно грызть. По мне, так все остальное можно и вовсе не трогать.

– Почему ты говоришь, что я еще не выплатил приданое? – спросил Никола, нахмутив брови.

– Пресвятая Богородица! А тип, которого она хочет убить, этот косоглазый монах?

Никола резко повернулся к Анжелике:

– Правда, ты этого хочешь?

Анжелика слишком поспешно ела. Теперь, насытившись, она впала в тупое оцепенение и снова свалилась на грудь плащей и накидок.

На вопрос Никола она, не открывая глаз, коротко ответила:

– Да, так надо.

– Пусть справедливость восторжествует. Кровь должна оросить свадьбу нищих! У-у-у! Кровь монаха! – И карлик разразился кощунственными речами. Но, увидев угрожающее движение хозяина, торопливо выскочил в коридор.

Каламбрден ударом ноги захлопнул за ним дверь. Встав возле странного ложа, на котором покоилась молодая женщина, и уперев сжатые в кулаки руки в бока, он долго разглядывал ее. Наконец она открыла глаза:

– Это правда, что ты искал меня по всему Парижу?

– Я сразу обнаружил тебя. А также благодаря моим людям я всегда осведомлен обо всех прибывших лучше, чем они сами. Знаю, сколько у них драгоценностей и как проникнуть к ним в дом, когда башенные часы на Гревской площади отбивают полночь. Но ты видела меня в «Трех молотках»...

– Подлец! – Анжелика содрогнулась. – Почему ты смеялся, глядя на меня?

– Я уже догадывался, что ты скоро будешь моей.

Она холодно посмотрела на него, потом пожала плечами и зевнула. Никола Анжелика не боялась, хотя прежде боялась Каламбрдена. Она всегда умела подчинять Никола себе. Не стоит бояться мужчины, если ты знала его ребенком. Анжелику клонило ко сну. Она вяло спросила:

– Почему ты сбежал из Монтелу?

– Почему? Вот это да! – воскликнул Никола, скрестив руки на груди. – Ты думаешь, мне очень хотелось, чтобы старый Гильом проткнул меня своей пикой? После того, что между нами было? Я сбежал из Монтелу во время твоей свадьбы. Ты что, и это забыла?

Да, Анжелика забыла. Перед ее закрытыми глазами вновь возникли эти картины, пахнущие сеном и вином, она вновь почувствовала тяжесть мускулистого тела Никола и это мучительное ощущение спешки, гнева, незавершенности.

– Ах, – с горечью сказал Никола, – похоже, я ничего не значил в твоей жизни. Понятно, ты ни разу не вспомнила обо мне за эти годы.

– Конечно, – спокойно ответила Анжелика. – У меня были другие дела, и я не вспоминала какого-то пастуха.

– Дрянь! Остерегайся таких слов! – вне себя прокричал Никола. – Этот пастух теперь твой господин! Ты моя!

Он кричал еще что-то, но Анжелика уже спала. Не тревожа ее, этот далекий голос приносил ощущение грубого, но благодетельного покровительства.

Вдруг Никола умолк.

– Да, – сказал он вполголоса. – Совсем как прежде, когда ты засыпала во мху в самый разгар наших ссор. Ну что же, спи, моя птичка. И все-таки ты – моя. Тебе не холодно? Может, тебя накрыть?

Ее веки едва заметно дрогнули. Он взял роскошную накидку из прекрасного сукна и набросил на нее. Потом с нежностью боязливо коснулся рукой ее лба.

* * *

Комната действительно производила странное впечатление. Сооруженная из больших камней, как сторожевая башня, она была круглой, и свет с трудом проникал в нее сквозь зарешеченную бойницу. Ее загромождали самые разнообразные предметы – от изысканных зеркал в рамах черного дерева или слоновой кости до старых железяк, вроде молотков, лопат и ржавого оружия.

Анжелика потянулась. Еще не совсем проснувшись, она с изумлением смотрела вокруг. Затем встала и взяла зеркало. В нем отразилось незнакомое бледное лицо, с испуганными и слишком неподвижными, как у злой кошки, подстерегающей добычу, глазами. При свете заходящего солнца молодая женщина разглядела свои потускневшие спутанные волосы. В страхе она отбросила зеркало. Эта девушка с затравленным и померкшим взглядом не она!

Что происходит?

Почему в этой круглой комнате так много вещей? Шпаги, кастрюли, сундуки, наполненные всякой всячиной, шарфы, веера, перчатки, украшения, трости, музыкальные инструменты, грелка для

постели, груды шляп, а главное – сваленные в груды на кровати, где она спала, плащи и накидки.

Единственной мебелью оказался инкрустированный ценными породами дерева изящный платяной шкаф, который, казалось, сам дивился, как очутился в этих сырых стенах. Прикоснувшись к поясу, Анжелика нащупала что-то твердое. Потянув за отделанную кожей рукоятку, она вытащила тонкий кинжал. Где же она могла его видеть? В своем тяжком и мучительном кошмарном сне, когда луна жонглировала черепами.

Его держал в руке смуглолицый человек. Потом нож упал, и Анжелика подобрала его в грязи, пока двое бандитов, сцепившись, катались по земле. Так знаменитый нож Родогона оказался у нее в руках. Быстрым движением она спрятала его под корсаж. Мысли ее путались. Никола... Где Никола? Она подбежала к окну и сквозь решетки увидела Сену, ее медленные зеленые волны под затянутым тучами небом и бесконечно снующие по ней лодки и баржи. На утопающей в сумерках противоположной стороне Анжелика разглядела Тюильри и Лувр. Видение прошлой жизни потрясло ее и убедило, что та безумна. Никола!

Но где же Никола?

Она кинулась к двери. Обнаружив, что она заперта на два оборота, принялась стучать, ломая ногти о гнилую древесину, и звать:

– Никола! Никола!

В замочной скважине заскрежетал ключ, и на пороге появился человек с красным носом.

– Маркиза, что ты орешь как бешеная? – спросил Жактанс.

– Почему дверь заперта?

– Почему я знаю. – Он глянул на нее и решился. – Пойдем, познакомлю тебя с приятелями. Развлечешься.

Она последовала за ним по винтовой каменной лестнице, сырой и темной.

По мере того как они спускались, становились слышнее ругань, крики, грубый смех и детский рев. Анжелика вошла в темный сводчатый зал, наполненный всяким сбродом. Прежде всего она увидела Жанена, возлежащего в своем корыте посреди стола, как кусок говядины. В глубине зала горел огонь. Легконогий следил за стоящим на очаге котелком. Какая-то толстуха ощипывала утку. Другая

женщина, помоложе, занималась не менее отвратительным делом: вычесывала вшей у стоящего перед ней полуголового ребенка. Повсюду на разбросанной на полу соломе валялись укрытые лохмотьями старики и старухи; грязные оборванные дети дрались с собаками из-за объедков.

Несколько человек сидели вокруг стола на служивших им стульями старых бочонках, играли в карты, пили или курили. При появлении Анжелики все взгляды обратились к ней, и в жалком собрании установилась относительная тишина.

– Проходи, дочь моя, – церемонно сказал Жанен. – Ты маркиза нашего господина Каламбредена. Нам положено уважать тебя. Ну-ка, голытьба, подвиньтесь! Да уступите маркизе стул!

Один из курильщиков толкнул своего соседа локтем:

– А что, она красотка, наша сестренка. Каламбреден сделал неплохой выбор.

Тот, к кому он обращался, подошел к Анжелике и, ласково и одновременно решительно взяв ее за подбородок, приподнял ее голову.

– Я Красавчик, – сказал бандит.

Анжелика гневно отбросила его руку:

– Кому что нравится!

Окружающие расхохотались, найдя ее ответ очень остроумным.

– Нравится не нравится, – захлебываясь смехом, сказал Жанен, – но его так зовут. Ну-ка, Жактанс, налей ей вина. Черт бы меня побрал, но она мне полюбилась!

Перед ней поставили высокий бокал на ножке с гербом какого маркиза. Похоже, банда Каламбредена как-то безлунной ночью посетила его особняк. Жактанс до краев наполнил бокал красным вином, а потом разлил и по другим стаканам.

– Твое здоровье, маркиза, – прохрипел Жанен. – Как тебя зовут?

– Анжелика.

Под сводами вновь разнесся громкий отвратительный хохот бандитов.

– Ну, дела! Анжелика!.. Ха-ха-ха! Ангельская, значит... Мы тут такого еще не видали... А почему бы и нет? Почему бы и нам самим тоже не быть ангелами? Раз уж она наша маркиза... Твое здоровье, Маркиза Ангелов!

Они хохотали, хлопали себя по ляжкам, вокруг нее стоял непрекращающийся оглушительный и зловецкий шум.

– Твое здоровье, маркиза! Ну, пей же... Пей!

Она, не двигаясь, смотрела в эти склонявшиеся над ней пьяные рожи, бородатые или дурно выбритые.

– Пей же! – прорычал Деревянный Зад своим леденящим душу голосом.

Анжелика не удостоила урода ответом.

Наступила угрожающая тишина. Жанен глубоко вздохнул и окинул собравшихся опечаленным взглядом:

– Она не хочет пить, что с ней?

– Что с ней? – спрашивали все. – Красавчик, ты, как никто другой, знаешь женщин. Можешь уладить дело?

Тот только пожал плечами.

– Придурки, – презрительно произнес он. – Вам невдомек, что если вы так орете, то никогда ей не понравится. – Он присел возле Анжелики и нежно, как ребенка, коснулся ее руки. – Не бойся, детка, они не такие уж злые. Они делают такие страшные рожи, чтобы пугать буржуа. А тебя мы уже любим. Ты наша маркиза, Маркиза Ангелов. Красивое имя. Тебе нравится? Очень идет к твоим красивым глазкам. Ну-ка, выпей немного, милочка, вино хорошее. Бочонок из Гревского порта, на своих ногах прибывший до самой Нельской башни. У нас все так. Ты же во Дворе Чудес.

И он поднес бокал к ее губам. Она подчинилась этому нежному мужскому голосу и выпила. От доброго вина по телу разлилось приятное ощущение теплоты. Неожиданно все упростилось, ей перестало быть страшно. Она выпила второй бокал и, облокотившись на стол, принялась осматриваться. Деревянный Зад не спускал с нее своих зловецких глаз морского чудища. Может быть, он специально приставлен к ней, чтобы следить? Но она и не думала бежать. Куда ей идти?

С приближением вечера Двор Чудес постепенно наполнялся всяким сбродом, жившим под покровительством Каламбредена. Среди них было много женщин, державших на руках слабо попискивающих больных детей или младенцев, завернутых в лохмотья. Одного из них, с гнойными нарывами на личике, передали сидевшей у очага женщине.

Та быстрой рукой сорвала с лица младенца все корки, провела какой-то тряпкой по крошечной мордашке, тут же ставшей гладкой и здоровой, и приложила ребенка к груди.

Жанен улыбнулся и пояснил:

– Видишь, у нас во Дворе Чудес быстро исцеляются. Чтобы увидеть чудо, не надо участвовать в религиозных процессиях. Здесь чудеса можно видеть каждый день. Может, как раз сейчас какая-нибудь знатная дама-благотворительница рассказывает своей подруге: «Ах, милочка, видела я сегодня ребеночка на Новом мосту... Какая нищета! Весь в гнойничках! Разумеется, я подала несчастной матери...» И они радуются, ханжи! А ведь это всего лишь несколько сухих хлебных крошек и капелька меда, чтобы мухи садились. А, ну вот и Крысолов. Ты можешь уйти.

Анжелика взглянула на него с изумлением.

– Тебе не обязательно понимать! – прорычал Жанен. – Это согласовано с Каламбреном.

Крысолов был испанец. Он был так худ, что его тощие колени и острые локти протерли дыры в одежде. Печальный оглодок фландрских сражений, он тем не менее молодцевато кичился своими черными усами и шляпой с пером. На плече он горделиво нес рапиру с нанизанными на нее пятью или шестью крысиными трупами. Днем испанец торговал на улицах средством от грызунов. Ночью он пополнял свое скудное жалованье, применяя фехтовальные приемы к крысам.

Крысолов с достоинством принял бокал и закусил редиской, которую достал из собственного кармана. Несколько старух спорили из-за его добычи. Он брал по два су за крысу. Припрятав выручку, Крысолов салютовал рапирой и вложил ее в ножны.

– Я готов! – величаво возвестил он. – Пойдем со мной, красотка.

– Иди, – сказал Анжелике Жанен.

Она хотела было задать вопрос, но раздумала. Остальные поднялись, это были уважающие разбой и сражения «весельчаки» и «шуты», как их тут называли, бывшие солдаты, которых мир обрек на праздность.

Анжелика видела, что ее окружают висельники. На них были лохмотья военной формы, на которой местами еще висел позумент и поблескивала позолота какого-то королевского полка.

Она поднесла руку к поясу, чтобы нащупать кинжал. Анжелика решила, что, если придется, она дорого продаст свою жизнь.

Но кинжал исчез. Гнев охватил ее – гнев, подогретый добрым вином. Забыв всякую осторожность, она гневно воскликнула:

– Кто взял мой нож?!

– Вот он, – нараспев произнес Жактанс и с невинным видом протянул Анжелике нож.

Она была поражена, как он мог вытянуть кинжал из корсажа ее платья так, что она ничего не почувствовала? Снова своды зала потряс ужасный смех нищих и бандитов – смех, который отныне всю жизнь будет преследовать молодую женщину.

– Хороший урок, красотка, – прохрипел Деревянный Зад. – Вот ты и узнала ловкость рук Жактанса. Его пальцы проворней, чем у фокусника. Спроси, что об этом думают рыночные торговки!

– Знатное перо, – сказал один из «весельчаков», беря кинжал. Рассмотрев, он в ужасе швырнул его на стол. – Да это же нож Родогона Цыгана!

Все со смешанным чувством уважения и беспокойства взирали на сверкающий в свете свечей клинок. Анжелика схватила свое оружие и снова спрятала под корсаж. Ей казалось, что этим жестом она освящает свою власть над отверженными. Никто не знал, как она вырвала этот трофей из рук самого опасного врага банды. Тайна окутала ее неким пугающим ореолом.

– Эге... – прохрипел Жанен, – да она хитрее, чем кажется, наша Маркиза Ангелов!

Под оценивающими и уже восхищенными взглядами Анжелика вышла.

В почти крошечной ночной тьме вырисовывался силуэт Нельской башни. Теперь Анжелика сообразила, что комната, в которую привел ее Никола, вероятно, находится на вершине этой башни и служит складом для воровской добычи. Один из «весельчаков» услужливо объяснил ей, что именно Каламбрдену пришла в голову мысль разместить своих людей в полуразрушенной средневековой крепости. И верно, башня была идеальным убежищем для бандитов. Обветшалые залы, полуразвалившиеся стены, шаткие башенки служили тайниками, которых не имели другие банды предместья.

Испугавшись сомнительного соседства, сбежали прачки, прежде имевшие обыкновение развешивать белье на зубцах крепостных стен. Никто не вмешался, чтобы выставить темных личностей, которые, прячась под перекинутым через засыпанные рвы горбатым мостиком, подстерегали кареты из Сен-Жерменского предместья.

Горожанам оставалось только вздыхать, что пассаж Нельской башни превратился в настоящее бандитское логово в самом сердце Парижа. Порой по вечерам нищие устраивали оргии, и тогда звуки скрипок из Тюильри, на противоположном берегу Сены, смешивались с пиликаньем аккомпанирующего их танцам папаши Юрлюро или песенками Тибо Музыканта.

Увидев крадущиеся вдоль берега тени, матросы на расположенной поблизости крошечной деревянной пристани умолкли. «Местечко становится небезопасным, – думали они. – Когда же наконец городские эшевены решатся снести эти древние укрепления и изгнать отсюда всю нечисть?»

– Приветствую вас, господа, – подойдя поближе, произнес Крысолов. – Не будете ли вы так любезны перевезти нас до набережной Жевр?

– А деньжата у вас имеются? – спросил один из лодочников.

– У нас вот что имеется, – ответил Крысолов, уткнув ему в живот острие своей шпаги.

Бедняга смиренно пожал плечами. Они каждый день имели дело с прохвостами, что прятались в лодках, воровали товар и заставляли бесплатно перевозить их, словно господ, с берега на берег. Когда речников бывало много, дело заканчивалось кровавой поножовщиной. Труженики речного цеха тоже не отличались особой кротостью нравов.

Однако в тот вечер трое мужчин, стороживших свои баржи, которые только что разожгли костер, поняли, что в их интересах не искать ссоры. По знаку хозяина поднялся молоденький лодочник. Анжелика со своими зловещими сопровождающими уселась в его посудину.

Лодка прошла под аркой Нового моста, возле моста Нотр-Дам и причалила к набережной Жевр.

– Тебе повезло, малыш, – сказал Крысолов юному лодочнику, – тебя не только благодарят, но и отпускают в целости и сохранности. Только одолжи нам свой фонарь. Мы вернем, когда вспомним...

Недавно сооруженная набережная Жевр с ее огромной каменной дугой представляла собой плод титанической работы мысли и резца.

Оказавшись под ее сводами, Анжелика услышала напоминающий мощный голос океана рев скованной гранитом реки. Картину дополнял подобный отдаленным раскатам грома грохот карет по мостовой. Казалось, эта холодная сырая уединенная пещера в сердце Парижа специально создана, чтобы служить укрытием для всех городских преступников.

Бандиты проникли в самую дальнюю ее часть. Три-четыре темных прохода, служившие стоками для расположенных на улице Вьей-Лантерн мясных лавок, изрыгали кровавые волны. Через них надо было перепрыгивать. Дальше пришлось идти узкими и зловонными коридорами, по лестницам, скрытым между домами, и топким берегам, где ноги по колено увязали в иле.

Когда бандиты снова вынырнули на поверхность, стояла крошечная тьма, так что Анжелика не могла бы сказать, где она находится. Очевидно, это была какая-то маленькая площадь с фонтаном в центре, потому что слышался плеск воды.

Внезапно совсем рядом раздался голос Никола:

– Это вы, ребята? Девушка с вами?

Один из «весельчаков» направил фонарь на Анжелику:

– Вот она.

Она различила высокий силуэт и жуткое лицо бандита Каламбрена. Даже зная, что это Никола, она не могла побороть панический страх, вызываемый в ней его видом.

Главарь шайки ладонью отвел фонарь от лица Анжелики:

– Совсем, что ли, обалдел со своей коптилкой! «Мусью» теперь для прогулок свет понадобился?

– Что-то у нас не было желания свалиться в воду под набережной Жевр, – возразил тот.

– Ничего не бойся, радость моя, ты же знаешь, что это я, – усмехнулся Каламбрена и подтолкнул Анжелику под навес какого-то крыльца.

– Ты, Снегирь, перейди на другую сторону улицы и встань за каменной тумбой, – распорядился он. – Ты, Мартин, останься со мной.

Ты, Гобер, встань в проулке. Другие пусть следят за перекрестками. Ты на месте, Барко?

– Я всегда на месте, – словно с небес, ответил карлик, вскарабкавшийся на вывеску какой-то лавки.

Из-под козырька подъезда, где она стояла с Никола, Анжелика видела всю узкую улочку. Несколько фонарей, укрепленных на стенах наиболее зажиточных домов, проливали свой слабый свет, в котором, точно печальная змея, поблескивала заваленная отбросами центральная сточная канавка.

Двери лавчонок ремесленников были наглухо закрыты. Обитатели улочки укладывались в постели, иногда за окнами можно было различить движение круглого пламени свечи.

Какая-то женщина распахнула окно, чтобы выплеснуть на улицу ведро нечистот. Слышно было, как она пугает плачущего ребенка, обещая позвать Страшного Монаха. Так в те времена звали Буку, бородатого монаха, который, как рассказывали, ходил по домам с мешком за спиной и забирал плохих детей.

– Я тебе покажу Страшного Монаха! – проворчал Никола. И тихим напряженным голосом добавил: – Сегодня заплачу за твое приданое, Анжелика! Вот как это делается у нищих. Чтобы заполучить свою красотку, мужчина платит за нее как за вещь, которой хочет обладать.

– Но это единственная вещь, которую мы покупаем, – хмыкнул один из головорезов.

Главарь выругался, и тот умолк. Услышав шаги, бандиты затихли, вынули из ножен оружие и замерли в ожидании. Какой человек пробирался по улице, то и дело перескакивая с одной мостовой на другую, чтобы не замарать в зловонных лужах украшенных бантами башмаков на высоких каблуках.

– Не он, – прошептал Никола Каламбретен.

Звякнуло оружие, которое его товарищи вставляли в ножны. Услышав пугающий звук, прохожий вздрогнул, различил смутные силуэты под козырьком подъезда и бросился бежать, завывая:

– Воры! На помощь! Раздевают! Убивают!

– Придурок! – сквозь зубы процедил с противоположной стороны улицы весельчак Снегирь. – Вот так раз в жизни спокойно пропустишь

клиента, даже не сняв с него накидки, а он орет во всю глотку, как осел. Прямо противно!

Легкий посвист, донесшийся с дальнего конца улицы, заставил его умолкнуть.

– Смотри-ка, кто идет, – прошептал Никола, потянув Анжелику за руку.

Замерзшая, бесчувственная настолько, что даже не ощутила прикосновения его руки, Анжелика ждала. Она знала, что сейчас произойдет. Это было неотвратимо. Это необходимо должно было свершиться. Только ПОСЛЕ этого ее сердце сможет ожить. Ибо все в ней умерло, и лишь ненависть была способна вернуть ее к жизни.

В желтом свете фонарей она увидела двух монахов; они шли, поддерживая друг друга под руку. В одном из них она без малейшего труда узнала Конана Беше. Второй, пухленький и многословный, разглагольствовал на латыни, энергично размахивая руками. Должно быть, он был слегка навеселе, потому что время от времени прижимал своего спутника к стене, а затем, извинившись, напрямик толкал в канаву.

Анжелика узнала резкий голос алхимика. Он возмущенно возражал, тоже на латыни. Возле самого крыльца Беше с возмущением воскликнул по-французски:

– Хватит, брат Амбруаз! Ваши измышления о крещении в жирном бульоне – это ересь! Таинство ничего не стоит, если вода, которой оно совершается, загрязнена нечистыми элементами, каковыми являются животные жиры. Крещение в жирном бульоне! Какое кощунство! Почему бы не в красном вине, вы ведь его предпочитаете? Вас бы это вполне устроило, – похоже, вы очень его любите!

Резко выпрямившись, тощий францисканец стряхнул цепляющуюся за него руку. Плачущим голосом пьяницы толстый брат Амбруаз пробормотал:

– Брат мой, вы разрываете мне сердце... Увы! Мне бы хотелось убедить вас. – И неожиданно, словно безумный, выкрикнул: – Ха-ха! Deus coeli!

Почти в то же мгновение Анжелика осознала, что брат Амбруаз стоит возле них, на крыльце.

– Валяйте, ребята! – прошептал он, плавно перейдя с латыни на босяцкий говор.

Конан Беше обернулся:

– Что с вами? – Умолкнув, он принялся испуганно озираться по сторонам. Почти лишившись голоса, он позвал: – Брат Амбруаз! Брат Амбруаз, где вы?..

Его тощее лицо фанатика, казалось, исказилось еще больше. Задыхаясь и в ужасе оглядываясь вокруг, он сделал несколько неуверенных шагов.

– У-у-у! – С жутким улюлюканьем ночной птицы в игру вступил карлик. Сделав кувырок вокруг угрожающе заскрипевшей металлической вывески, он, как огромная жаба, ловко спрыгнул под ноги монаха Беше. Тот вжался в стену. – У-у-у! – повторил карлик.

Исполняя перед своей испуганной жертвой какой-то адский танец, Баркароль кувыркался, причудливо кланялся, гримасничал, делал неприличные жесты. Он буквально заточил Беше в дьявольский круг. Затем из темноты, ухмыляясь, выступило второе безобразное существо – кривоногий горбун. Колени его стукались друг о друга, а слишком широко расставленные бедра и ступни заставляли передвигаться с резким и устрашающим раскачиванием. Но фигура его не шла ни в какое сравнение с жуткой физиономией монстра, с чьего лба свисал гигантский кожный красный нарост.

В вопле, вырвавшемся из горла монаха, не было ничего человеческого:

– Аааааа! Демоны! Демоны!

Его длинное тело согнулось пополам и рухнуло на колени прямо в грязь. Глаза вылезли из орбит. Лицо приобрело восковой оттенок. Разведенные в омерзительной гримасе ужаса губы открыли два ряда стучащих от страха дурных зубов. Очень медленно, словно пребывая в кошмарном сне, он воздел костлявые руки с растопыренными пальцами:

– Сжался... Пейрак...

Это имя, произнесенное ненавистным голосом, как лезвие стилета, пронзило сердце Анжелики. Ею овладело безумие.

– Убей его! Убей его! – принялась она вопить, не замечая, что вцепилась в руку Никола.

Каламбретен оттолкнул ее и вытащил из ножен служивший ему оружием огромный мясницкий нож.

Внезапно на улочке установилось тягостное молчание. Все слышали голос карлика:

– Готов...

Тело монаха рухнуло возле стены. Бандиты подошли поближе. Их главарь наклонился и приподнял голову лежащего. Нижняя челюсть отвалилась, огромная глотка распахнулась в последнем крике ужаса. Неподвижные глаза уже потускнели.

– Его больше нет. Он мертв, – констатировал Каламбретен.

– А ведь мы его даже не тронули, – произнес карлик. – Правда, Гребень, мы ведь его не тронули? Просто строили ему рожи, чтобы припугнуть!

– И вам это здорово удалось. Он и помер... Помер от страха!

Где-то наверху открылось окно, и дрожащий голос спросил:

– Что происходит? Кто тут поминает дьявола?

– Сматываемся! – приказал Каламбретен. – Нам тут больше нечего делать.

Обнаружив наутро труп монаха Беше без единой раны или следов побоев, горожане вспомнили слова колдуна, сожженного на Гревской площади:

«Конан Беше, через месяц встретимся перед Божьим судом!»

Посмотрев в календарь, горожане крестились: месяц заканчивался. Обитатели улицы Серизе, что возле Арсенала, рассказывали о странных криках, накануне вечером вырвавших их из первого сна. Могильщику, хоронившему проклятого монаха, пришлось заплатить двойную цену. Надгробный камень украсили такой эпитафией: «Здесь покоится отец Конан Беше, францисканец, убитый бесами в конце марта 1661 года».

Остаток ночи банда знаменитого проказника Каламбредена провела, последовательно посетив все кабаки и притоны между Арсеналом и Новым мостом. С ними была женщина с бледным лицом и растрепанными волосами. Анжелика напилась до бесчувствия, и ее страшно тошнило. Она уткнулась лбом в деревянный стол; безнадежная мысль билась в ее смятенной голове: «Как же низко я пала...»

Никола властно приподнял ее голову и с удивленным беспокойством взглянул на Анжелику:

– Я вижу, что тебе плохо, но мы еще ничего не выпили... Надо же отпраздновать нашу свадьбу...

Потом, видя, что она безнадежно пьяна и даже не в силах открыть глаз, он подхватил ее на руки и вышел на воздух.

Ночь была прохладной, в объятиях Никола Анжелика согрелась и чувствовала себя почти счастливой.

В ту ночь, лежа между ногами бронзового коня, Грязный Поэт с Нового моста видел знаменитого бандита, легко, словно куклу, несущего что-то белое со свисающими длинными волосами.

Когда Никола вошел в зал нижнего яруса Нельской башни, все его нищие сидели у огня. Какая-то женщина поднялась и с криком набросилась на него:

– Подлец! Ты нашел себе другую! Мне все уже рассказали. Да еще когда я надрывалась, обслуживая ораву распутных мушкетеров... Я зарежу тебя, как свинью, и ее тоже!

Никола спокойно опустил Анжелику на пол и привалил спиной к стене. Потом поднял мощный кулак, и женщина рухнула.

– Теперь слушайте все! – прорычал Никола Каламбрден, указывая на Анжелику. – Она моя и не будет принадлежать никому другому! Если кто-нибудь осмелится тронуть хоть один-единственный волосок на ее голове или попытается повздорить с ней, будет иметь дело со мной, а вы знаете, что это значит!.. Что касается маркизы Польки...

Схватив девушку за полу кофты, он с презрением отшвырнул ее в группу картежников:

– Делайте с ней что хотите!

С этими словами Никола Мерло, ставший матерым волком бывший пастух родом из Пуату, вернулся к той, которую любил всю жизнь и которую судьба ему вновь вручила.

Глава III

Подхватив ее на руки, он стал подниматься по лестнице. Каламбреден шел медленно, чтобы не споткнуться, поскольку винные пары дурманили его мозг. Медлительность придавала его движению некую торжественность.

Анжелика забылась в его крепких объятиях. Голова у нее кружилась, словно бы повторяя витки винтовой лестницы.

Оказавшись на последней ступеньке, Никола ударом ноги распахнул дверь в хранилище краденого и, подойдя к груде плащей и накидок, словно мягкий тюк, бросил на него Анжелику.

– Вот теперь мы вдвоем! – воскликнул он.

Падение на тряпье и торжествующий смех, исказивший сияющее в полумраке лицо молодого человека, заставили Анжелику выйти из пассивного безразличия, в которое она погрузилась в кабаке. После приступа рвоты Анжелика уже немного отрезвела. Она вздрогнула, встала, бросилась к окну и, сама не зная зачем, судорожно вцепилась в прутья решетки.

– Что ты хочешь сказать этим своим «мы вдвоем», глупец? – в бешенстве воскликнула Анжелика.

– Я... я хочу сказать... – промямлил он в полной растерянности.

Анжелика разразилась оскорбительным смехом:

– Уж не думаешь ли ты, что волею случая станешь моим любовником, а, Никола Мерло?

Он молча сделал два шага в ее сторону. Его лоб перерезала суровая складка.

– Я не думаю, я уверен в этом!

– Это мы еще посмотрим.

– Уже посмотрели.

Анжелика вызывающе смотрела на него.

Красные огоньки лодочников на пляже у подножия башни освещали их.

Никола глубоко вздохнул.

– Послушай, – с угрозой в голосе тихо сказал он, – я хочу с тобой поговорить, потому что это ты, и необходимо, чтобы ты поняла. Ты не

имеешь права отказать мне в том, о чем я прошу. Я дрался за тебя, я по твоему желанию убил человека, принц нищих соединил нас... Все по законам королевства нищих. Ты моя!

– А если я не хочу подчиняться этим законам?

– Значит, ты умрешь! – закричал Каламбрден, и глаза его заблестели. – От голода или чего другого. Тебе не спасти свою шкуру, даже не думай. Теперь выбирай! Ты что, все еще ничего не поняла? – Он ткнул кулаком в висок молодой женщины. – Пораскинь своими куриными мозгами, графиня. Разве ты не поняла, что сгорело на Гревской площади вместе с твоим муженьком-колдуном? Все то, что прежде разделяло нас. Нет больше лакея и графини! Я – Каламбрден, ты – ничто! Твои близкие отказались от тебя. Те, что на другом берегу...

Он вытянул руку, показывая на противоположный берег Сены, где во мраке ночи вырисовывались темная громада Тюильри и мерцающие огнями галереи Лувра.

– Для них ты теперь тоже не существуешь. Теперь ты одна из нас... Ты часть отверженных... Здесь у тебя всегда будет еда. Тебя будут оберегать, за тебя отомстят. Только никогда не предавай...

Никола умолк, ему не хватало воздуха.

Анжелика ощущала его горячее дыхание. Он прикоснулся к ней, и жар его желания мучительным волнением передался ей. Никола раскрыл объятия, потом опустил руки, спрятал их, как бы не осмеливаясь...

И тихим голосом стал умолять ее на их родном диалекте:

– Сердечко мое... Не будь такой злой. Почему ты упрямишься? Ведь это так просто. Мы одни, как прежде... Мы хорошо поели... выпили... Теперь самое время заняться любовью. Или ты хочешь, чтобы я решил, что ты меня боишься?

Анжелика усмехнулась и пожала плечами.

Никола продолжал:

– Ну же! Вспомни! Мы чудно ладили. Мы ведь созданы друг для друга. Тут уж ничего не поделаешь. Я всегда знал, что ты будешь моей. Я так мечтал о тебе, и вот наконец время пришло!

– Нет! – воскликнула Анжелика, упрямо встряхнув рассыпавшимися по плечам волосами.

Вне себя он воскликнул:

– Берегись! Я могу взять тебя силой, как шлюху на панели.
– Только попробуй, и я выцарапаю тебе глаза!
– А я позову своих людей, и они будут держать тебя! – прорычал он.

– Подлец!

Взбешенный, Никола разразился страшной бранью.

Однако Анжелика почти не слышала его. Прижавшись лбом к ледяным решеткам бойницы, точно отчаявшаяся узница, Анжелика ощущала, как ее заливают волна изнуряющего отвращения.

«Твои близкие отказались от тебя...»

И, словно эхом откликаясь на то, что только что произнес Никола, у нее в голове зазвучали другие слова, смертельные, как нож гильотины:

«Я не хочу больше слышать о вас. Вы должны исчезнуть! Ни титулов, ни имени – ничего!»

А перед ее мысленным взором злой мегерой вставала сестра Ортанс с подсвечником в руке:

«Убирайся! Убирайся прочь!»

Да, Никола прав. Никола – Каламбретен, силач с дикой и горячей кровью.

Внезапно смирившись, Анжелика прошла мимо него к лежанке и принялась расстегивать корсаж из коричневой саржи. Затем сняла юбку и осталась в одной сорочке. Ей было холодно, но голова горела как в огне. Подумав немного, она быстро скинула последнюю деталь своего туалета и, обнаженная, легла на грудь воровского тряпья.

– Иди ко мне, – спокойно сказала она.

Никола растерянно молчал, ее покорность показалась ему подозрительной. Он с недоверием подошел ближе и неторопливо тоже высвободился из лохмотьев. Почти достигнув исполнения своих самых смелых мечтаний, Никола, бывший лакей, теперь трепетал в нерешительности. В смутном отблеске костра лодочников на стене вырисовывалась его гигантская тень.

– Иди ко мне, – повторила Анжелика. – Мне холодно.

На самом деле ее тоже била дрожь – возможно, от холода, а быть может, от нетерпения, смешанного со страхом при виде этого огромного, замершего в неподвижности тела.

Одним прыжком он оказался на ней. Стиснув ее в объятиях и едва не переломав ей кости, он разразился прерывистым смехом.

– Ну вот и славно... Как хорошо! Ты моя... Теперь ты больше не убежишь... Ты моя! Моя! Моя! Моя! – иступленно твердил он.

Чуть позже она услышала, что он вздыхает, как насытившаяся собака.

– Анжелика... – прошептал он.

– Ты сделал мне больно, – пожаловалась она.

И, завернувшись в какой-то плащ, уснула.

В ту ночь он еще дважды овладел ею. В полном оцепенении она выныривала из тяжелого сна, чтобы стать добычей этого опасного человека, который с бранью хватал ее, принуждал к любви, испуская тяжкие хриплые стоны, потом внезапно валился рядом, бормоча что-то бессвязное. На рассвете ее разбудил шепот.

– Каламбреден, пошевеливайся, – требовал Красавчик. – Нам еще надо уладить одно дельце с колдуньями Родогона Цыгана на Сен-Жерменской ярмарке. С теми, что навели порчу на мамашу Юрлюрет и папашу Юрлюро.

– Иду. Только не шуми. Видишь, малышка еще спит.

– Надо думать. Что за гвалт стоял нынче ночью в Нельской башне! Крысы не могли уснуть. Похоже, ты всласть повеселился! Странно, что ты не можешь не орать, когда занимаешься любовью.

– Заткнись! – рявкнул Каламбреден.

– Полька не слишком убивается. Должен сказать, я в точности выполнил твои приказания. Всю ночь ублажал ее, чтобы ей не пришлось в голову наведаться сюда с пером. В доказательство, что бывшая маркиза на тебя не сердится, она ждет внизу с полным котелком горячего вина.

– Ладно. Исчезни.

Когда Красавчик ушел, Анжелика решила приоткрыть глаза.

Никола стоял в глубине комнаты. Он уже нацепил свои не имеющие названия лохмотья. Теперь, повернувшись к Анжелике спиной, он что-то искал, склонившись над сундуком. Сколько-нибудь искусственной женщине эта спина говорила о многом. Это была спина крайне смущенного мужчины.

Он закрыл сундук и, сжимая в ладони какой-то предмет, вернулся к кровати.

Анжелика поспешила сделать вид, что спит.

Он наклонился к ней и позвал вполголоса:

– Анжелика, ты меня слышишь? Мне надо бежать, но прежде я хочу тебе сказать... Я хочу знать... Ты не очень сердись на меня за эту ночь?.. Я не виноват. Это сильнее меня. Ты так прекрасна!

Он положил шершавую ладонь на ее обнаженное нежно-розовое плечо:

– Ответь мне. Я знаю, что ты не спишь. Посмотри, что я для тебя выбрал. Перстень. Настоящий, мне его оценили у одного торговца с улицы Орфевр. Посмотри... Не хочешь? Ну ладно, я положу его возле тебя. Скажи мне, чего бы ты хотела? Может, хочешь ветчины? Хорошей ветчины! Совсем свежей! Ее нынче утром украли у колбасника с Гревской площади, пока он глазел, как вешают одного нашего приятеля... Или новое платье? У меня есть... Отвечай, или я рассержусь!

Анжелика удостоила его быстрым взглядом сквозь спутанные волосы и высокомерно сказала:

– Я хочу большой ушат с горячей водой.

– Ушат, – озадаченно повторил Никола и с подозрением уставился на нее. – Зачем он тебе?

– Чтобы вымыться.

– Ладно, – успокоившись, согласился он. – Полька сейчас принесет. Проси все, что хочешь. А если ты будешь недовольна, скажи мне, и я ее жестоко накажу.

Радуясь, что она чего-то пожелала, он повернулся к небольшому венецианскому зеркалу, стоящему на полке очага, и, чтобы изуродовать лицо, принялся наклеивать на щеку кусок раскрашенного воска. Анжелика вскочила.

– А вот это никогда! – непререкаемым тоном произнесла она. – Я ЗАПРЕЩАЮ тебе, Никола Мерло, показываться мне с этим мерзким лицом гниющего гадкого старика. Иначе я не смогу перенести, если ты еще хоть раз прикоснешься ко мне.

Детская радость осветила его грубое лицо, уже отмеченное следами преступной жизни.

– А если я повинуюсь... Ты захочешь снова...

Анжелика быстро прикрыла лицо полой накидки, чтобы скрыть волнение, вызванное светом, блеснувшим в глазах Никола – Каламбредена.

Потому что это был тот, знакомый взгляд маленького Никола, такого легкомысленного, непостоянного, но «с добрым сердечком», как говаривала эта бедная женщина, его мать. Того Никола, который, склонившись над замученной солдатами сестренкой, все твердил: «Франсина, Франсина...»

Вот что может сделать из маленького мальчика и худенькой девочки жестокая жизнь. Сердце ее наполнилось жалостью к себе, к Никола... Они одни, отвергнутые всеми...

– Ты хотела бы, чтобы я снова любил тебя? – прошептал он.

И тогда, впервые с тех пор, как они снова так странно встретились, Анжелика улыбнулась:

– Быть может...

Никола церемонно вытянул руку и плюнул на пол:

– Тогда клянусь: даже если я рискую попасться стражам и недоброжелателям, которые накостыляют мне посреди Нового моста, ты больше никогда не увидишь меня в образе Каламбредена.

Он сунул парик и повязку в карман:

– Переоденусь внизу.

– Никола, – снова позвала она, – я поранила ногу. Взгляни. Может, Большой Матье, знахарь с Нового моста, сможет меня вылечить?

– Пойду спрошу.

Никола порывисто схватил маленькую белую ножку и поцеловал ее.

Когда он вышел, Анжелика свернулась клубком и попыталась снова уснуть. В комнате было очень холодно, но она хорошо укрылась и не мерзла. Бледное зимнее солнце отбрасывало на стены прямоугольные отблески. Анжелика ощущала усталость и даже боль во всем теле, но это не мешало ей испытывать что-то вроде блаженства.

«Как хорошо, – думала она. – Это как утоление голода и жажды. Больше ни о чем не думаешь. Как хорошо больше ни о чем не думать».

Возле нее сверкал бриллиант в перстне. Анжелика улыбнулась. Ах, Никола! Ей всегда удастся водить его за нос!

Позже, вспоминая время, проведенное на «дне» Парижа, она часто будет качать головой и мечтательно шептать: «Да, я была сумасшедшей».

На самом деле, наверное, именно сумасшествие помогло ей выжить в этом страшном и жалком мире. Или это было какое-то затмение сознания, нечто вроде животного сна.

Ее поступки и действия подчинялись самым простым нуждам. Она хотела есть, жить в тепле. Пугливая потребность в защите швырнула ее в грубые объятия Никола и сделала покорной его скотским и властным ласкам.

Она, любившая тонкое белье и кружевные простыни, спала на ложе из краденых плащей, впитавших в себя запахи всех обитателей Парижа. Она сделалась добычей мужлана, ставшего бандитом лакея, безумного ревнивца, гордившегося обладанием ею. А она не только не боялась его, но даже испытывала жгучее удовлетворение тем чувством, которое он к ней испытывал.

Вещи, которыми она пользовалась, пища, которую она ела, – все было добыто воровским путем, если не убийством. Другьями ее были убийцы и нищие. Жилищем ей служили закоулки крепости, берега или трущобы. А единственным ее обществом было опасное и неприступное братство, называемое Двором Чудес, куда офицеры Шатле и жандармские сержанты осмеливались наведываться лишь среди бела дня. Слишком немногочисленные против этих изгоев, составлявших в то время пятую часть населения Парижа, ночь они оставляли им.

Однако позже, прошептав: «Да, я была сумасшедшая», Анжелика порой предавалась мечтам и вспоминала те времена, когда подле знаменитого Каламбредена она властвовала над старыми укреплениями и мостами Парижа.

Именно Никола пришла в голову мысль «населить» преданными ему хулиганами и нищими развалины старой крепостной стены, некогда построенной Филиппом Августом и окружавшей средневековый Париж. За четыре века каменный пояс лопнул под натиском города; укрепления на правом берегу исчезли почти полностью, левобережные устояли, разрушенные, поросшие плющом, но испещренные воровскими норами и спасительными тайниками.

Чтобы завладеть ими, Никола – Каламбрден вел медленную осаду, тайную и упорную, стратегия которой с мастерством, достойным лучшего применения, была выработана его советником, Деревянным Задом. Прежде всего тут и там были расставлены женщины в лохмотьях, с целыми выводками завшивевших детей, которых стражи порядка не смогли бы изгнать, не всполошив целого квартала. Затем в дело включились нищие.

Старики и старухи, больные, слепые, довольствовавшиеся малым: дырой в стене и каплей воды, лестничной ступенькой, нишей, где некогда возвышалась статуя, и уголком пещеры.

Наконец бывшие солдаты со шпагами или начиненными ржавыми гвоздями мушкетонами силой заняли лучшие места: еще прочные донжоны и потерны с прекрасными просторными залами и подземельями. За пару часов они выставили оттуда семьи ремесленников и подмастерьев, рассчитывающих за небольшую цену обрести там кров. Будучи не в ладах с городскими властями, эти бедняки не отваживались жаловаться и бежали, радуясь, если им удавалось унести какую-нибудь мебель и не получить укол рапирой в живот.

Однако не всегда поспешные набеги заканчивались так просто. Среди собственников существовала категория так называемых строптивцев. Это были представители других банд, отказывавшиеся уступать насиженные места. Нередко вспыхивали страшные сражения с поножовщиной, а утром Сена выбрасывала на пляжи одетые в лохмотья трупы. Труднее всего оказалось занять Нельскую башню с галереями и бойницами, возведенную в месте впадения в Сену древних рвов. Но стоило людям Каламбрдена обосноваться там, какое это было чудо! Настоящий замок!..

Каламбрден сделал ее своим логовом. Именно тогда другие главари нищих заметили, что новичок среди их «братии» прибрал к рукам весь квартал Университета, Сен-Мишель, Сен-Виктор и наконец оказался на берегу Сены, в подземельях Турнельского замка.

Избравшим для дуэлей Пре-о-Клерк студентам, мелким буржуа, любящим в выходной половить пескаря в старых рвах, прекрасным дамам, жаждущим навестить приятельниц в предместье Сен-Жермен

или повидать своих исповедников в Валь-де-Грас, оставалось лишь держать наготове кошельки.

Тучи нищих выростали перед ними, останавливали лошадей, блокировали кареты в тесных проемах ворот или на переброшенных через каналы мостах.

Чужаки – приехавшие в город крестьяне или путешественники вынуждены были платить вторую въездную пошлину страшным «шутникам», которые встречали их уже после того, как они въехали в Париж. Сделав укрепления еще более неприступными, чем во времена цепных мостов, люди Каламбредена восстановили старые укрепления Филиппа Августа.

Это был мастерский ход в королевстве нищих. Управлявший им хитрый и корыстный принц нищих, недоносок Ролен Коротышка, не стал вмешиваться. Каламбреден платил по-королевски. Любовь к точному бою, смелые решения, предложенные гением организации Деревянным Задом, с каждым днем делали его все могущественнее.

Вскоре после Нельской башни он занял и Новый мост, привилегированное место Парижа с толпой зевак с вечно открытым ртом. Срезать у них кошельки было детской забавой, так что виртуозы вроде Жактанса этим занятием брезговали.

Битва за Новый мост была жестокой. Она длилась несколько месяцев. Каламбреден победил, потому что его люди заняли уже все вокруг.

В привязанных к мостовым пролетам и сваям старых заброшенных барках он поставил своих нищих. Казалось, они спят, но это были самые бдительные стражи.

Прошло несколько дней. Странствуя по подземному Парижу в обществе Легкононого, Баркароля или Жанена, Анжелика понемногу вникла в сеть попрошайничества и грабежа, старательно созданную ее бывшим товарищем по детским играм.

– Ты хитрее, чем я думала, – как-то вечером сказала она Никола. – У тебя тут кое-что есть. – И она прикоснулась рукой к его лбу.

Такой жест, совершенно несвойственный ей, потряс бандита. Никола схватил ее и посадил к себе на колени:

– Ты поражена? Не могла предположить такого от деревенщины вроде меня? Но я никогда не был деревенщиной, никогда не хотел быть им... – Он с презрением сплюнул на пол.

Они сидели в главном зале под Нельской башней. Здесь собирались сообщники Никола и всякий сброд, пришедший выслужиться перед своим князьком.

Как всегда по вечерам, эти грязные, шумные калеки сновали под сводами зала среди невыносимой вони старого тряпья и вина, под детские вопли, звуки отрыжки, брань, стук оловянных бокалов.

Собравшимся предлагалось все самое лучшее, что могли сыскать представители воинства знаменитого прохвоста. Тот желал, чтобы в его владениях всегда были открытые бочки с вином и мясо на вертелах. Подобная щедрость укрощала самые горячие головы.

И верно, в дождливую и ветреную погоду, когда улицы пустынные, благородные господа пренебрегают театром, а буржуа – кабаком, что может быть лучше для горе-«весельчака», вернувшегося с пустыми руками, чем пойти к Каламбреду и набить себе брюхо.

Деревянный Зад восседал на столе, с высокомерием доверенного лица и угрюмым видом непризнанного философа. Его кум Баркароль кувыркался от одних к другим и играл на нервах картежников. Крысолов продавал свою дичь голодным старушонкам. Бросая насмешливые взгляды сквозь щель шляпы, Тибо Музыкант вертел ручку шарманки, а его маленький спутник Лино, мальчонка с ангельскими глазами, бил по тарелкам. Мамаша Юрлюрет и папаша Юрлюро пускались в пляс, и отблески огня отбрасывали на своды зала их причудливые тяжелые тени. По словам Баркароля, у этой парочки на двоих был один глаз и три зуба. Слепой папаша Юрлюро терзал некое подобие коробки с натянутыми на нее двумя струнами, которую он называл скрипкой. Его подруга, одноглазая, тучная, с торчащей из-под грязного тюрбана паклей буйных седых волос, стучала кастаньетами и скидывала толстые отекавшие ноги, обмотанные несколькими слоями чулок.

Баркароль говорил, что она, видать, прежде была испанкой. С тех времен остались только кастаньеты.

Здесь были и другие люди Каламбредена: вечно задыхающийся бывший гонец Легконогий, Табело Горбун, Жактанс Карманник, Трус – вор, вечно хнычущий и трусливый, что не мешало ему участвовать во всех кражах, – Красавчик, который был «котом», то есть сутенером. Он

одевался по-королевски и однажды якобы обманул самого короля. Были здесь проститутки, пассивные, как скотина, и шумные, как гарпии. Шарлатаны случались редко – они предпочитали власть Родогона Цыгана. В ожидании нового места, где они снова станут обворовывать своих хозяев, приходили темные личности – лакеи, старающиеся сбыть краденое. Беспутные студенты, навсегда отмеченные порчей нищенства, в которое толкнула их бедность, заглядывали сюда, чтобы в обмен на мелкие услуги получить право сыграть с прохвостами в кости. Этих верховных помощников прозвали латинистами, они создавали законы принца нищих. Одним из них был Большой Мешок, который, переодевшись монахом, завлек Конана Беше в ловушку.

Днем наживающиеся на общественной жалости, уроды, слепцы, хромые и умирающие с наступлением темноты тоже занимали свое место в Нельской башне. Старые стены, выдавшие роскошные оргии королевы Маргариты Бургундской и слыхавшие предсмертные хрипы умерщвленных после ночи любви юношей, завершали свою страшную карьеру, принимая у себя худшие отбросы творения. Ибо здесь были и настоящие больные, идиоты, полубезумцы, уроды, вроде украшенного странным наростом на лбу Гребня, вида которого Анжелика не могла выносить.

В конце концов Каламбретен прогнал несчастного. Проклятый мир: непохожие на детей дети, отдающиеся тут же, на соломе, женщины, беззубые старики и старухи с блуждающими глазами потерявшихся собак.

И все же здесь царил атмосфера непритворного спокойствия и согласия.

Нищета невыносима только тогда, когда не является всеобщей, и для тех, кто может сравнивать.

Обитатели Двора Чудес не имели ни прошлого, ни будущего. Многие здоровые, но ленивые типы жирели в праздности. Голод и холод были для слабых, для тех, кто к этому привык. Преступление и нищенство – их единственная работа. Неуверенность в завтрашнем дне никого не беспокоила. Какая разница! Неоценимая награда за эту неуверенность – свобода, право бить своих вшей на солнце когда заблагорассудится. Всегда может прийти городской сторож! Знатные

дамы и их духовники всегда могут построить больницы, приюты... Нищие войдут туда лишь вопреки своей воле, по принуждению, несмотря на обещанную похлебку. Будто угощение у Каламбредена не лучшее, будто он не снабжается в хороших местах своими сбирами, подстерегающими баржи на Сене, рыщущими возле колбасных и мясных лавок, нападающими на крестьян, едущих на базар.

* * *

Сидя перед очагом, где потрескивал ворованный хворост, Анжелика прислонилась к крепким коленям Каламбредена. Бывший мальчуган, с ловкостью белки взбиравшийся на деревья, превратился в силача с крепкой и мощной мускулатурой. Только широкие плечи выдавали в нем крестьянское происхождение. Но он отряс прах прошлого со своих ног. Теперь это был городской волк, стремительный и ловкий.

Когда Никола заключал Анжелику в свои объятия, ей казалось, будто она замкнута в железное кольцо и никакая сила не сможет освободить ее. Порой она бунтовала, а иногда, словно ласковая кошечка, прикидала лицом к щетинистой щеке Никола. Ей нравилось смотреть, как в глазах дикаря загорается огонь восхищения, и осознавать свою власть над Каламбреденом.

Он никогда не показывался ей в гриме. Черты того, давнишнего Никола из Монтелу делали ее более чувствительной к власти нового Никола. И когда он шептал ей на пуатевенском диалекте, их первом языке, слова, которые говорят пастушкам в стоге сена, Анжелика забывала о гнусном окружении. Это было словно какое-то зелье, заживляющее самые глубокие раны.

Гордость, которую этот мужчина ощущал от обладания ею, одновременно оскорбляла и волновала. «Ты была из благородных... Ты для меня была запретной, – любил он повторять, – а я твердил себе: она будет моей... И я знал, что ты придешь... И вот теперь ты моя...»

Она осыпала его оскорблениями, но защищалась слабо. Ведь нельзя же по-настоящему бояться человека, которого знаешь с детства: неохотнее всего мы расстаемся с отражениями своего детства. Близость, соединявшая их, имела слишком глубокие корни.

– Знаешь, о чем я думал, – сказал он, отхлебнув вина, – все, что я сделал в Париже, все, что помогло мне добиться успеха, пришло ко мне из детства, из наших с тобой детских приключений и прогулок. Мы заранее готовились к ним, ты помнишь? И вот, поняв, как организовать свое... дело, я все твердил себе...

Он умолк и в задумчивости провел языком по губам. Устроившийся у его ног мальчонка по имени Флипо протянул ему стакан вина.

– Довольно, – буркнул Каламбрден, отталкивая его руку. – Дай нам поболтать...

– Знаешь, – продолжал он, обращаясь к молодой женщине, – я часто спрашивал себя: «А как поступила бы она, Анжелика? Какой удачный ход родился бы в ее головке?» Это мне помогало... Почему ты смеешься?

– Я не смеюсь, а улыбаюсь. Мне вспомнился наш последний поход, не очень-то славный... Когда мы отправились в Америку, а оказались прямехонько в Ньельском аббатстве.

– Да уж, глупо получилось! Не надо было в тот раз тебя слушаться. – Он задумался. – Тогда твои идеи были не слишком хороши. Потому что ты выросла, становилась женщиной. Женщины редко бывают благоразумны... Но тут дело в другом... – заключил он, игриво рассмеявшись.

Поколебавшись и краем глаза следя за своей подругой, он осмелился на ласку. Таков уж был характер Анжелики: Никола никогда не знал, примет ли она его любовные устремления. За какой-то поцелуй она могла накинуться на него с горящими, как у сердитой кошки, глазами; угрожать, что бросится с башни; осыпать его оскорблениями, достойными разве что базарной бабы, – она очень скоро их выучила.

Анжелика могла дуться по целым дням, быть такой холодной, что даже Баркароль пугался, а Красавчик и вовсе начинал заикаться.

Тогда Каламбрден собирал свою команду, чтобы каждый подумал о возможных причинах ее дурного настроения.

Зато в другие моменты она умела быть податливой, смешливой, почти нежной. Он узнавал ее. Это снова была она!.. Его всегдашняя

мечта! Девочка Анжелика, босиком, в старом платье, с былинками в спутанных волосах, бегущая по дороге.

А бывало, она становилась апатичной, будто отсутствующей, покорной всему, чего он от нее хотел, но такой безразличной, что он отступал в беспокойстве и смутной тревоге... Честное слово, что за дрянь эта Маркиза Ангелов!..

На самом деле в таком поведении не было никакого расчета. Слишком расшатанные нервы повергали ее то в отчаяние и ужас, то в мрачное и почти блаженное забвение. Однако женское чутье научило ее единственному способу самозащиты. Как в детстве она подчинила себе маленького крестьянина Мерло, так теперь она обуздывала бандита, в которого он превратился... Она избежала опасности стать его рабыней или жертвой. Нежностью своих признаний она удерживала его в своей власти даже крепче, нежели твердостью отказов. И страсть Никола с каждым днем становилась все ненасытней.

И этому опасному человеку, преступнику с обгавленными кровью руками, случалось дрожать от страха рассердить ее.

В тот вечер, видя Маркизу Ангелов в добром расположении духа, он принялся властно осыпать ее ласками. А она ослабела и приникла к его плечу, точно лиана. Ей было безразлично присутствие окружающих, их страшных ухмыляющихся рож. Она позволила Никола расстегнуть ей корсаж, жадно целовать ее в губы.

Ее изумрудный взгляд, вызывающий и далекий, светился сквозь ресницы. В душе она пила горькую чашу своего падения, но с виду казалось, будто Анжелике доставляет удовольствие демонстрировать, что она принадлежит опасному властелину.

Подобное зрелище заставляло Польку рычать от ярости. Бывшая официальная любовница Каламбредена не хотела смириться со своей внезапной отставкой. Тем более что с коварством настоящего тирана Каламбреден назначил ее в услужение к Анжелике. Именно ей полагалось поднимать в спальню соперницы горячую воду для мытья – настолько странная блажь в мире нищих, что слух о ней дошел даже до предместья Сен-Дени. В ярости Полька всякий раз проливала половину кипящей воды себе на ноги. Но столь велик был авторитет бывшего лакея среди его людей, что она не осмеливалась и рта раскрыть при той, которая отняла у нее расположение любовника.

Анжелика с одинаковым безразличием относилась к услугам и ненавидящим взглядам этой толстой темноволосой девушки. На языке Двора Чудес Польку называли солдатской подстилкой, она была полковой шлюхой, из тех, что во время войны сопровождают армию в походе. Она могла рассказать о сражениях больше, чем старый швейцарский наемник. Она одинаково подробно могла говорить о пушках, аркебузах и пиках, потому что общалась с военными всех полков. «Обслуживала, – уточняла она, – даже офицеров. За их прекрасные глаза и прекрасные усы, потому что у этих любезных господ в карманах пусто даже чаще, чем у отважных мародеров – солдат».

Однажды она всю кампанию царила в Польском полку, за что и получила свое прозвище.

Полька носила за поясом нож, который выхватывала по любому поводу. Говорили, она отлично им управляет.

По вечерам, допив кувшин вина, Полька вдохновенно рассуждала о грабежах и пожарах:

– Ах, хорошее время – война! Я говорила солдатам: «Любите меня, воины! Я истреблю ваших вшей!..»

Она затягивала какие-то военные марши, обнимала бывших вояк. В конце концов ее пинками выталкивали вон. Тогда, под дождем и зимним ветром, Полька бегала по берегам Сены и, вытянув руки к невидимому в темноте Лувру, кричала:

– Эй! Величество! Эй, король франков, когда же ты дашь нам войну?! Хорошую войну! Что ты сидишь там, в своей норе, и зря протираешь штаны? На кой мне сдался король без войны? Король без побед?..

Протрезвев, Полька забывала свои воинственные речи и думала лишь о том, как ей снова завоевать Каламбредена. Она, беспринципная и обладающая вулканическим темпераментом, не гнушалась ничем, чтобы достичь своей цели.

«По мне, эта девка, которая никогда не смеется и чьи глаза порой словно бы ничего не видят, Каламбредену скоро наскучит», – говорила она. Ладно, они «земляки»; это объединяет. Но уж она-то, Полька, Каламбредена знает. Ему этого будет недостаточно. И, Матерь Божья, она, Полька, готова даже делиться. Кстати, две женщины – не так уж много для одного мужчины. У принца нищих их шесть!..

И неминуемая драма произошла. Она была короткой, но жестокой.

Как-то вечером Анжелика отправилась навестить Жанена в его логове возле моста Сен-Мишель. Она принесла ему свиной колбасы. Деревянный Зад был единственным, к кому Анжелика испытывала уважение. Она выказывала ему знаки внимания, которые он, впрочем, принимал с обычным своим видом озлобленного бульдога, полагающего, что так и должно быть.

В тот вечер, понюхав колбасу, он взглянул на Анжелику и спросил:

– Куда идешь?

– В Нельскую башню.

– Не ходи. По дороге загляни в кабак Рамеза, что возле Нового моста. Каламбреден там. С приятелями и Полькой. Поняла?

Помолчав, словно для того, чтобы дать ей время осознать его слова, он настойчиво повторил:

– Поняла, что ты должна сделать?

– Нет.

По привычке она присела перед ним на колени, чтобы быть одного роста с этим человеческим обрубок. Пол и стены лачуги были глинобитные. Вся мебель состояла из единственного сундука, обтянутого драгоценным кюрболи^[1], куда Деревянный Зад убирал четыре свои куртки и три шляпы. Он всегда очень заботился о своей полуфигуре.

Логово освещала висящая на стене украденная из церкви лампада из позолоченного серебра, тонкая ювелирная работа.

– Войдешь в кабак, – наставительно объяснял Деревянный Зад, – и, когда увидишь, чем Каламбреден занимается с Полькой, возьми что под руку попадется: горшок, бутыл, и стукнешь по черепу.

– Кого?

– Да Каламбредена, черт возьми! В таких случаях девками не занимаются.

– У меня есть кинжал, – сказала Анжелика.

– О нем забудь. Ты не умеешь им пользоваться. И потом, чтобы проучить нищего, обманувшего свою маркизу, достаточно удара по голове. Уж поверь!

– Но мне безразлично, что этот мужлан обманывает меня, – с высокомерной улыбкой произнесла Анжелика.

Глаза Жанена запылали в зарослях кустистых бровей. Он медленно заговорил:

– У тебя нет права... Я даже больше скажу: у тебя нет выбора. Среди наших Каламбретен могуществен. Он тебя выиграл. Он тебя взял. У тебя больше нет права пренебрегать им. У тебя нет права позволить ему пренебрегать тобой. Он твой мужчина.

Анжелика содрогнулась. От ярости и глухого сладострастия. Горло ее сжалось.

– Не хочу, – сдавленно прошептала она.

Принц нищих разразился горьким смехом:

– Я тоже не хотел, когда при Нордлингене мне снарядом оторвало ходули. Меня никто не спросил. Былого не вернешь... Надо приноровиться, вот и все... Научиться передвигаться в деревянном корыте...

Пламя лампы освещало все неровности на толстом лице Жанена. Анжелика подумала, что он напоминает гигантский трюфель – гриб, выросший в подземной тьме и сырости.

– Так что приноровись-ка и ты жить среди нищих, – тихо и настойчиво продолжал он. – Делай, что говорю. Иначе умрешь.

Анжелика горделиво тряхнула головой, отбросив назад волосы:

– Я больше не боюсь смерти.

– Да я не об этой смерти тебе говорю! – прорычал Жанен. – Я о другой, о смерти твоей души!

Внезапно он впал в ярость:

– Из-за тебя я несую ерунду! Я пытаюсь заставить тебя понять, черт побери! У тебя нет права позволить Польке раздавить тебя! У тебя нет права... Не тебя... Поняла?

Он впился в ее глаза огненным взглядом:

– Давай вставай и иди! Поддай бутылку и стакан, там, в углу.

Доверху наполнив стакан дешевым вином, Деревянный Зад протянул его Анжелике:

– Пей залпом и уходи... Не бойся ударить сильно. Знаю я твоего Каламбретена, башка у него крепкая.

Войдя в притон овернца Рамеза, Анжелика замерла на пороге. Камин так дымил, что в помещении стоял такой же густой туман, как на улице.

Облокотившись на колченогие столы, выпивали какие-то работники. В глубине зала, возле очага, Анжелика разглядела нескольких солдат, составлявших обычную охрану Каламбредена. Среди них были Снегирь, Гобер, Рике, Шоссе, затем взобравшийся на стол Баркароль, Жактанс, Трус, Большой Мешок, Крысолов и, наконец, сам Никола. На коленях у него, запрокинувшись, сидела Польшка, в разодранном тряпье, и вопила пьяные песни.

Это был Никола, которого она ненавидела, с жутким заgrimированным лицом Каламбредена.

В придачу к алкоголю, который ее заставил выпить Деревянный Зад, это зрелище само по себе пробудило в ней воинственный инстинкт. Схватив со стола тяжелый оловянный кувшин, Анжелика приблизилась к компании. Собутельники были слишком пьяны, чтобы заметить и узнать ее.

Оказавшись около Никола, она собрала все силы и вслепую нанесла удар.

Баркароль громко выкрикнул свое «у!». Никола – Каламбреден покачнулся и рухнул головой прямо в тлеющие угли очага, потянув за собой отчаянно вопившую Польшку. Начался страшный переполох. Остальные собутельники бросились вон. Слышно было, как они кричат: «Убивают!» «Весельчаки» схватились за свои шпаги, а Жактанс, вцепившись в тело Никола, пытался оттащить его назад. Волосы Польшки загорелись. Баркароль по столу добежал до графина с водой, схватил его и окатил несчастной голову.

* * *

Вдруг кто-то крикнул:

– Братцы, спасайтесь! Фараоны!

На улице слышались шаги. В дверях, держа в руке пистолет, появился руководящий арестами сержант из Шатле:

– Ни с места, ворье!

Однако из-за плотного дыма и почти кромешной тьмы он потерял драгоценное время.

Подхватив безжизненное тело своего главаря, бандиты утащили его в дальнюю комнату и бежали через кухню.

– Спасайся, Маркиза Ангелов! – проорал Большой Мешок.

Пытаясь присоединиться к ним, Анжелика перепрыгнула через опрокинутую скамью, но чья-то сильная рука схватила ее. Какой-то голос прокричал:

– Сержант, я задержал шлюху!

Вдруг Анжелика разглядела возникшую прямо перед ней Польку. В занесенной руке та держала кинжал.

«Сейчас я умру», – мелькнуло в голове Анжелики. Разрезав мрак, блеснуло лезвие. Державший Анжелику солдат согнулся пополам и рухнул, испуская хрипы. Полька толкнула опрокинутый стол под ноги устремившимся к ним солдатам, пихнула Анжелику к окну, и они выскочили на улицу. Им вслед раздался выстрел.

Через несколько минут обе женщины присоединились к свите Каламбредена возле Нового моста. Здесь все остановились, чтобы перевести дух.

– Уф, – отдувался Снегирь, утирая рукавом вспотевший лоб. – Они не стали бы преследовать нас до этого места. До чего же тяжел наш Каламбреден, честное слово, можно подумать, он сделан из свинца!

– Никого не скрутили? Баркароль, ты здесь?

– Всегда здесь.

Полька объяснила:

– Они сцапали Маркизу Ангелов. Но я пырнула гада прямо в брюхо. Такое не прощают.

Она показала окровавленный кинжал.

Процессия последовала к Нельской башне. По дороге к ней присоединялись другие нищие, в тот час промышлявшие поблизости. Новость передавалась из уст в уста: «Каламбреден! Знаменитый проказник! Ранен...»

Большой Мешок давал пояснения:

– Это Маркиза Ангелов врезала ему по кумполу за то, что миловался с Полькой...

– Правильно сделала! – одобряли их спутники.

Кто-то предложил:

– Схожу за Большим Матье.

И бегом отправился за знахарем.

Придя в Нельскую башню, Каламбредена положили на стол в главном зале.

Анжелика подошла, сорвала с него маску и осмотрела рану.

Ее смущало, что он неподвижен и весь в крови; ей казалось, она ударила не слишком сильно. И парик должен был защитить голову. Однако основание кувшина соскользнуло и задело висок. К тому же, упав возле очага, Каламбреден обжег лоб.

Анжелика приказала:

– Нагрейте воды.

Мальчишки, отпихивая друг друга, бросились выполнять ее поручение.

Всем было известно, что горячая вода – это причуда Маркизы Ангелов, и теперь не лучшее время спорить с ней. Она поколотила Каламбредена, хотя даже Полька не отважилась привести свои угрозы в исполнение. А Анжелика сделала это тихо, в нужный момент, чисто... И поступила правильно. Ею восхищались, и никто не сочувствовал Каламбредену: всем было известно, что башка у него крепкая.

Но тут снаружи раздалась громкая музыка, двери распахнулись, и появился Большой Матье, зубодер и знахарь с Нового моста.

Даже в столь поздний час он не позабыл надеть свой знаменитый плоеный воротник, нацепить ожерелье из больших коренных зубов и прихватить с собой музыкантов с тарелками и трубами.

Как все шарлатаны, Большой Матье имел связи и в воровском мире, и во дворцах. Перед клещами зубодера все равны. А боль делает самого спесивого сеньора и самого отважного разбойника одинаково слабыми и доверчивыми.

Спасительные отвары, целебные эликсиры, чудодейственные примочки Большого Матье снискали ему вселенскую славу. Именно для него Грязный Поэт сочинил песенку, которую уличные музыканты распевали на всех углах:

...Зная все заблеванья,
Он всегда поможет нам
И назначит притиранья
Господам и скакунам...

Он пользовал девок и мошенников – не только чтобы добиться их благосклонности, но и из природной сердечности, а богатых – из честолюбия и алчности. Он мог бы сделать головокружительную карьеру среди дам, которых фамиллярно ощупывал и лечил без разбору, от светлостей до уличных девок и воровок. Исколесив всю Европу, он решил, что остаток дней проведет на Новом мосту и что никто его оттуда не выдернет.

Не скрывая своего удовлетворения, он оглядел неподвижно распростертого на столе Никола.

– Ловко его отделали. Это ты его так отходила? – обратился он к Анжелике.

Анжелика не успела и слова сказать, как он взял ее за подбородок и раскрыл ей рот.

– Какие хорошие зубки, выдрать нечего, – сказал он с отвращением. – Посмотрим ниже. Брюхатая? – Он так сильно ткнул ей в живот, что она вскрикнула. – Нет, пуст сундучок. Посмотрим ниже...

Отскочив, Анжелика уклонилась от этой привычной для знахаря консультации.

– Шарлатанское отродье! – в ярости воскликнула она. – Вас пригласили не для того, чтобы лапать меня, а чтобы вы занялись этим человеком.

– Хо-хо-хо! Маркиза! – разразился громким смехом Большой Матье. – Хо! Хо! Хо! Хо!

Хохот его становился все громче, с ветхих сводов посыпалась штукатурка. Наконец он в изнеможении схватился руками за живот.

Этот пышущий здоровьем гигант всегда носил оранжевые или голубые рединготы из переливчатого атласа. Парик прикрывала шляпа с богатым плюмажем. В мире воров и нищих в серых лохмотьях и с отвратительными язвами он был подобен солнцу.

Его смех затих, и тут все заметили, что Никола – Каламбрден пришел в себя. Теперь он сидел на столе, пытаясь скрыть некоторое смущение под сердитым выражением лица. Взглянуть на Анжелику он не решался.

– Что вас так развеселило, стадо ослов? – проворчал он. – Жактанс, дурень, снова ты спалил свою тухлятину? В этой норе воняет жареным поросенком.

– Это ты жареный поросенок! – проревел Большой Матье, клетчатым платком утирая слезы. – Да еще Полька! Вы только взгляните, она полспины подкоптила! Хо! Хо! Хо! – И он еще пуще расхохотался.

В ту ночь нищие славно повеселились в Нельской башне, напротив Лувра.

Глава IV

– Глянь-ка туда, – сказал Снегирь Анжелике. – Видишь того типа в надвинутой на глаза шляпе, который ходит по берегу, пряча свои усы под плащом? Ты его заметила? Это фараон.

– Фараон?

– Он из полиции, если тебе так больше нравится.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю. Я носом чую.

И «шутник» ущипнул себя за нос пьяницы, шишковатый багровый отросток, которому был обязан своей кличке Снегирь.

Анжелика стояла, опершись спиной на перила горбатого мостика, перекинутого через ров к воротам Нельской башни. Бледные лучи солнца едва пробивались сквозь густой туман, который уже несколько дней окутывал город. Противоположный берег, где находился Лувр, был еще почти не виден, но в воздухе ощущалось тепло. Оборванная детвора удила во рву рыбу, какой-то лакей на берегу реки поил и мыл лошадей.

Тип, на которого Снегирь указал черенком своей трубки, имел безобидный вид мелкого буржуа, нагуливающего аппетит перед обедом. Он наблюдал, как лакей обтирает жгутом соломы лошадей, и время от времени поднимал голову, чтобы взглянуть на Нельскую башню, словно его интересовал этот ветхий обломок былых времен.

– Знаешь, кого он ищет? – спросил Снегирь, выпустив в лицо Анжелике клуб едкого дыма.

Она отодвинулась:

– Нет.

– Тебя!

– Меня?

– Да, тебя, Маркизу Ангелов.

На губах Анжелики мелькнула улыбка.

– Ты фантазируешь.

– Чего я?

– Ничего. Я говорю, ты выдумываешь. Никто меня не ищет. Никто обо мне не думает. Меня больше нет.

– Возможно. Но сейчас, скорее, нет стражника Мартена... Помнишь, того, у кабатчика Рамеза, овернца? Большой Мешок крикнул тебе: «Спасайся, Маркиза Ангелов!» Фараоны это запомнили, а когда еще обнаружили одного из своих с распоротым брюхом... Маркиза Ангелов, вот кто его уколошил, решили они. И теперь тебя ищут. Я знаю, потому что мы, бывшие солдаты, иногда пропускаем стаканчик со старыми боевыми товарищами, которые теперь служат в Шатле.

– Ба! – раздался позади них голос Каламбредена. – Есть из-за чего портить себе кровь. Стоит нам только захотеть, и мы отправим того парня в Сену вниз головой. Что они могут против нас? Их не больше сотни, а нас...

Он горделиво повел рукой, словно собрав в кулак весь город целиком. Выше по течению сквозь туман слышался шум Нового моста с его шарлатанами.

На мостик въехала карета. Они расступились, чтобы пропустить ее. Однако у съезда с моста лошади встали, потому что под копыта им бросился нищий. Это был Сухарь, один из попрошаек Каламбредена, седобородый старик, увешанный крупными четками и ожерельями из раковин.

– Ради бога, – заныл он, – сжальтесь над бедным паломником, идущим к Сант-Ягода Компостела, чтобы дать обет, и не имеющим средств для продолжения пути. Подайте мне несколько су, и я буду молиться за вас на могиле святого Иакова.

Кучер жестоко огрел его хлыстом:

– Назад, чертов пилигрим!

Из окна кареты выглянула дама. На шее у нее, под накидкой, сверкнуло бриллиантовое кольцо.

– В чем дело, Лорен? Гоните лошадей. Я хочу к вечерне быть в Сен-Жерменском аббатстве.

Никола сделал несколько шагов и взялся за ручку дверцы.

– Почтенная дама, – сказал он, снимая дырявую шляпу, – неужели, направляясь к вечерне, вы откажете в милостыне этому бедному страннику, идущему на молитву так далеко, в Испанию?

Дама взглянула на возникшее из тьмы заросшее черной бородой лицо, рассмотрела его обладателя, чьи борцовские бицепсы не мог

скрыть драный плащ, и заметила, что пояс его украшен мясницким ножом. Широко раскрыв рот, она завопила:

– На помощь! Реж...

Снегирь уже приставил острие шпаги к животу кучера. Сухарь и Флипо, один из мальчишек, только что удивших рыбу во рву, теперь держали лошадей. Подбежал Трус. Каламбреден вскочил в карету и, грубой ладонью зажав женщине рот, крикнул Анжелике:

– Косынку! Дай мне свою косынку!

Сама не понимая как, Анжелика вдруг очутилась в карете, в запахе ирисовой пудры, рядом с расшитой золотой тесьмой великолепной юбкой. Сорвав с ее шеи платок, Каламбреден заткнул его даме в рот.

– Пошевеливайся, Трус! Срывай с нее побрякушки! Забирай деньги!

Дама яростно сопротивлялась. Трус выбивался из сил, расстегивая ее драгоценности: тонкую золотую цепочку и то, что тогда называлось «хомут», – то есть прекрасную пластину, тоже из золота, усеянную крупными бриллиантами.

– Подсоби-ка, Маркиза Ангелов! – захныкал он. – Совсем я запутался в этих безделушках!

– Шевелись, надо поторапливаться! – прорычал Каламбреден. – Она сейчас вырвется. Верткая, точно угорь!

Руки Анжелики нащупали застежку. Все оказалось очень просто. Она носила похожие украшения.

– Кучер, гони! – раздался издевательский голос Снегиря.

Карета с грохотом покатила по улице Сен-Жерменского предместья. Вне себя от радости, что отделался легким испугом, кучер нахлестывал свою упряжку. Дама, которой удалось вытащить кляп, снова принялась вопить.

В руках Анжелики было полно золота.

– Принесите огня! – прокричал Каламбреден.

В главном зале Нельской башни все собрались вокруг стола и смотрели, как сверкают драгоценности, только что высыпанные из рук Анжелики.

– Отличная добыча!

– Сухарь получит свою долю. Начал-то он.

– Все же, – вздохнул Трус, – дело было рискованное. Среди бела дня...

– Таких возможностей не упускают, заруби себе на носу, болван, недотепа, олух! Надо сказать, ты не особенно скор на руку... Если бы Маркиза Ангелов не помогла тебе... – Со странной победной улыбкой Никола взглянул на Анжелику.

– Ты тоже получишь свою долю, – прошептал он и бросил ей золотую цепь.

Анжелика с ужасом оттолкнула ее.

– И все же, – твердил Трус, – дело было рискованное. Да к тому же в двух шагах от нас прогуливался полицейский, это совсем не смешно...

– Стоял густой туман. Он ничего не видел, а если и слышал, то, должно быть, все еще бежит. Что он мог сделать, а? Из всех них я опасаясь только одного. Но его что-то давненько не видать. Будем надеяться, его укокошили где-нибудь в темном углу. Жаль. Мне бы хотелось собственными руками содрать шкуру с него и его чертовой собаки.

– Ох, собака! Собака! – От страшных воспоминаний у Труса округлились глаза. – Она меня так схватила... – И он поднес руку к своей шее.

– Человек с собакой, – полуприкрыв глаза, пробормотал Каламбрден. – Кажется, однажды я видел тебя с ним возле Малого моста? Ты его знаешь?

Подойдя к Анжелике, он задумчиво глянул на нее и снова как-то зловеще улыбнулся.

– Ты его знаешь! – повторил он. – Это хорошо. Поможешь нам взять его, а? Ты ведь теперь из наших...

– Он покинул Париж и больше не вернется, я знаю, – глухим голосом произнесла Анжелика.

– О нет, он вернется! – Каламбрден покачал головой, и все сделали то же самое.

Снегирь мрачно прорычал:

– Человек с собакой всегда возвращается!

– Так ты нам поможешь? – снова спросил Никола.

Он взял со стола золотую цепочку:

– Возьми, красавица моя. Ты ее заработала.

– Нет!

– Почему?

– Я не люблю золото, – внезапно содрогнувшись, сказала Анжелика. – Я его боюсь.

И она вышла, не в силах больше находиться в этом адском круге.

* * *

Полицейский исчез. Анжелика шла по берегу. В плотном сером тумане мерцали закрепленные на носках барж фонари. Она услышала, как лодочник тронул струны гитары и запел. Анжелика пошла дальше, в конец предместья, откуда веяло деревней. Остановившись, она услышала тишину: ночь и туман поглотили все звуки. Только где-то внизу плескалась вода о пришвартованные в камышах баржи.

Вполголоса, точно боящийся тишины ребенок, Анжелика позвала:
– Дегре!

Ей казалось, она слышит какой-то голос, шепчущий сквозь темноту ночи и плеск воды:

«Когда в Париже наступает вечер, мы отправляемся на охоту. Мы спускаемся к берегам Сены, рыщем под мостами и между сваями, бродим среди старых укреплений, заползаем в смрадные дыры, кишачие этим сбродом, нищими и бандитами...»

Человек с собакой вернется... Человек с собакой всегда возвращается...

«А теперь, господа, настало время услышать величественный голос – голос, который над человеческой подлостью и мерзостью всегда с осторожностью наставлял своих приверженцев...»

Человек с собакой всегда возвращается... Человек с собакой вернется...

Анжелика обеими руками обхватила себя за плечи, словно пытаясь сдержать зов, рвущийся из груди.

– Дегре! – повторила она.

Но лишь тишина была ей ответом – тишина столь же глубокая, как заснеженное молчание, в котором Дегре покинул ее.

Анжелика сделала несколько шагов, и ее ноги погрузились в тину. Вода коснулась щиколоток. Она почувствовала холод. Баркароль сказал бы: «Бедная Маркиза Ангелов! Наверное, ей не слишком нравилось умирать в холодной реке, ведь она так любила горячую воду!»

В камышах зашуршал какой-то зверь. Без сомнения, крыса. Комок мокрой шерсти скользнул по ее лодыжкам. У Анжелики вырвался крик отвращения, она поспешно выскочила на берег. Но когтистые лапки вцепились в юбку. Крыса карабкалась по ней. Анжелика отбивалась, размахивая руками во все стороны, чтобы избавиться от нее. Зверек стал испускать пронзительные крики. Внезапно Анжелика почувствовала, как холодные ручки обвили шею. Пораженная, она воскликнула:

– Что это? Это не крыса!

Мимо бечевой дорогой проходили два лодочника с фонарем. Анжелика окликнула их:

– Эй, перевозчики! Одолжите мне вашу коптилку.

Недоверчиво глядя на нее, мужчины остановились.

– Славная девка! – произнес один из них.

– Заткнись, – проворчал его спутник, – это маркиза Каламбредена. Веди себя смирно, если не хочешь, чтобы тебя зарезали как свинью. Он очень ревнив! Настоящий турок.

– Ой, обезьянка! – воскликнула Анжелика, которой наконец удалось разглядеть вцепившегося в нее зверька.

Обезьянка крепко держалась замерзшими ручками за шею Анжелики и смотрела на нее почти человеческими черными и испуганными глазами. Она страшно дрожала от холода, хотя была одета в короткие штанишки из красного шелка.

– Может, она ваша? Или кого-то из ваших товарищей?

Лодочники покачали головой:

– Точно нет. Должно быть, она принадлежит какому-нибудь скомороху с Сен-Жерменской ярмарки.

– Я нашла ее вон там. У реки.

Один из лодочников качнул фонарь в направлении, которое она указала.

– Там кто-то есть, – сказал он.

Мужчины подошли и увидели распростертое тело. Человек как будто спал.

– Эй, парень! Проснись, замерзнешь!

Спящий не шевельнулся, они перевернули его и в ужасе вскрикнули, потому что на лице его была красная бархатная маска. На грудь спускалась длинная седая борода. Его конусообразную шляпу украшали красные ленты. Расшитая котомка, велюровые башмаки с перехватывающими икру потрепанными грязными лентами выдавали в нем итальянского скомороха, одного из тех дрессировщиков или фокусников из Пьемонта, что бродили с ярмарки на ярмарку.

Он был мертв. Его открытый рот уже заполнила тина. Обезьянка, не разжимая объятий, жалобно скулила. Молодая женщина нагнулась и сняла с лица утопленника красную маску. Перед ней было лицо изможденного старика. Смерть исказила черты; на Анжелику смотрели остекленевшие глаза.

– Остается только спихнуть его в воду, – произнес один из лодочников.

Однако второй набожно перекрестился и сказал, что следует пойти за аббатом Сен-Жермен-де-Пре и похоронить несчастного незнакомца по-христиански.

Анжелика молча оставила их и направилась к Нельской башне.

Обезьянку она прижимала к груди. Неожиданно молодая женщина вспомнила сцену, которой сразу не придавала значения. Впервые она увидела эту обезьянку в таверне «Три молотка». Зверюшка смешила посетителей, изображая, как они едят и пьют. Указав на старого итальянца сестре, Гонтран тогда сказал: «Смотри, какое чудо эта красная маска и искрящаяся борода!...»

Еще Анжелика вспомнила, что хозяин звал обезьянку Пикколо.

– Пикколо!

Обезьянка печально вскрикнула и еще крепче прижалась к Анжелике.

А позже Анжелика заметила, что все еще держит в руке красную маску.

В этот самый момент испустил дух Мазарини. Приказав перенести себя в Венсенский замок и передав свое состояние королю, который отказался, господин кардинал простился с жизнью. Он ценил ее по достоинству, ибо познал ее самые разнообразные формы. И теперь он передавал предмет своей самой глубокой страсти, власть, царственному воспитаннику. И, подняв к королю желтое лицо, первый министр в предсмертном шепоте вручил ему ключ от абсолютной власти.

«Никакого первого министра, никакого фаворита! Только вы один, владыка и повелитель...»

И, безразличный к слезам королевы-матери, итальянец умер.

Вестфальский мирный договор с Германией, Пиренейский мирный договор с Испанией, Северный мирный договор, заключенный под эгидой Франции, реяли над его изголовьем.

Юный король, переживший Фронду, гражданскую войну и зарубежные походы, юный король, короне которого некогда угрожали более сильные монархи, пока он скитался из города в город, отныне становился королем королей.

Людовик XIV приказал три дня читать искупительные молитвы и надел траур. Двору пришлось последовать его примеру. Все королевство сквозь зубы молилось перед алтарями за ненавистного итальянца, и два дня над Парижем звучал похоронный звон.

Затем, осушив последние слезы юного сердца, не желавшего больше быть чувствительным, Людовик XIV принялся за работу.

Повстречавшись на приеме с председателем Совета духовенства, на его вопрос о том, к кому отныне обращаться с вопросами, обычно решавшимися господином кардиналом, король ответил: «Ко мне, господин архиепископ».

«Никакого первого министра... Никакого всесильного фаворита... Государство – это я, господа!»

Удивленные министры стояли перед молодым человеком, чья любовь к удовольствиям вселяла в них иные чаяния. Как дисциплинированные служащие, они вводили короля в курс дела. Двор скептически улыбался. Король составил себе программу, где час за

часом было учтено все: балы, любовницы, но в основном напряженный труд, постоянный и скрупулезный.

Придворные качали головой. «Это долго не продлится», – говорили они. Этому предстояло продлиться пятьдесят лет.

* * *

На противоположном берегу Сены, в Нельской башне, нищие слышали отголоски городской жизни в рассказах Баркароля. Карлику всегда было известно, что происходит при дворе. Ведь когда он отсутствовал при Дворе Чудес, он переодевался в костюм шута с погрешками и перьями и открывал дверь у одной из главных гадалок Парижа. «И напрасно навещающие ее прекрасные дамы надевают маски, я их всех узнаю».

Он называл имена и приводил такие подробности, что в прежние времена знававшая этих дам Анжелика не могла сомневаться, что самые прекрасные цветы из королевского окружения частенько посещают подозрительный притон гадалки.

Звали ее Катрин Монвуазен. Но посетительницы дали ей прозвище Вуазенша. Карлик говорил, что она опасна, а главное, очень искусна.

Усевшись, точно жаба, в своей обычной позе возле своего приятеля Жанена, Баркароль понемногу раскрывал перед все более испуганной и заинтересованной Анжеликой секреты интриг и жуткий арсенал приемов и мистификаций, свидетелем которых ему довелось быть:

– Зачем эти знатные дамы и вельможи выходят из Лувра в серых плащах и под маской? Зачем бегут по грязным улицам Парижа и стучатся в дверь какого-то притона, где им открывает уродливый карлик? Зачем нашептывают свои самые интимные тайны на ухо полупьяной женщине?

Потому что хотят того, чего нельзя купить за деньги.

Они хотят любви. Любви в молодости. Но еще и той, что хотят удержать зрелые женщины, которые видят, как их бросают любовники, и вечно ненасытные честолюбивцы, старающиеся забраться как можно выше, все выше и выше...

У Вуазенши просят волшебное приворотное зелье – обостряющий чувства возбуждающий напиток.

Кое-кто стремится завладеть наследством старого дядюшки, который все никак не решится исчезнуть, или жаждут смерти старого мужа, соперницы, нерожденного ребенка.

Подпольная акушерка, отравительница, колдунья – все это Вуазенша.

Чего еще хотят? Найти сокровища, поговорить с дьяволом, увидеть покойника, убить на расстоянии при помощи колдовских чар... Надо только сходить к Вуазенше. Главное, хорошо заплатить, и Вуазенша призовет своих сообщников: ученого, составляющего яды; лакея или служанку, ворующих письма; распутного священника, служащего черные мессы. И ребенка, которого, воткнув ему в шею длинную иглу, принесут в жертву, чтобы выпить его кровь...

Ложным колдовством брошенная на дно Двора Чудес, Анжелика из рассказов Баркароля узнавала о настоящем колдовстве. Кроме того, Баркароль разоблачал перед ней пугающее разложение религиозного чувства в семнадцатом веке.

Немало детей продал Вуазенше для жертвоприношений некий Жан Тухляк. Кстати, именно благодаря ему Баркароль поступил к гадалке привратником.

Жан Тухляк любил серьезную, хорошо сделанную и организованную работу. Анжелика не могла без содроганий видеть это мерзкое существо.

Когда в покосившуюся дверь зала проскальзывал этот бледнолицый человечек с мутными глазами дохлой рыбы, она вздрагивала.

Пожалуй, даже змея навела бы на нее меньший ужас.

Жан Тухляк был торговцем детьми. Где-то возле Сен-Дени, прямо во владениях принца нищих, у него имелся большой, слепленный из грязной глины ветхий дом, о котором даже самые ожесточенные обитатели Двора Чудес говорили вполголоса. Днем и ночью оттуда доносился плач невинных мучеников. Там находились бездомные и краденые дети. Самых слабых он увечил и сдавал нищенкам, чтобы разжалобить прохожих. Зато хорошеньких мальчиков и девочек

заботливо растил, чтобы потом, совсем еще юными, продать развратникам, которые заранее заказывали их для своих мерзких утех.

Самыми счастливыми были те, кого покупали бездетные женщины, жаждущие увидеть в своем доме детскую улыбку или ублажить обеспокоенного мужа. Иные таким образом обеспечивали мнимым потомством возвращение наследства.

Акробаты и скоморохи за несколько су получали здоровых детей, чтобы научить их выделывать трюки.

Этот достойный жалости товар был предметом бесконечной масштабной торговли. Маленькие жертвы умирали сотнями. И тем не менее у Жана Тухляка они никогда не переводились. Он был неутомим. Он посещал кормилиц, посылал своих людей в деревни, собирал подкидышей, подкупал прислугу общественных ясель и сиротских приютов, воровал маленьких савяров и овернцев, которые приезжали в Париж со своими сурками и инструментами трубочистов или чистильщиков сапог и исчезали навсегда.

Париж поглощал их, как всегда поглощал слабых, бедных, одиноких, неизлечимо больных, увечных, стариков, солдат без пенсий, изгнанных войнами с их земли крестьян, разорившихся торговцев.

Всем им раскрывала свои тошнотворные объятия воровская шайка, делясь с ними всеми секретами веками выработанных промыслов.

Одни научались изображать эпилептиков, а другие научились красть. Старики и старухи нанимались в похоронные процессии. Девушки торговали своим телом, а матери – своими дочерьми. Иногда знатный сеньор нанимал группу драчунов, чтобы где-нибудь в темном углу убить своего недруга. Или во Двор Чудес приходили, чтобы набрать участников бунта для победы какой-нибудь придворной интриги. Их нанимали, чтобы они кричали и ругались, и люди парижского дна от всего сердца отдавались этому делу. Перед натиском опасных голодранцев многие министры предпочитали не быть брошенными в Сену, а уступить давлению своих противников.

А в канун больших церковных праздников в самые опасные логова порой проскальзывали силуэты духовных лиц. Завтра по городу пронесут раку святой Оппортуны или святого Марсея. Каноники капитула желали, чтобы своевременное чудо оживило веру толпы. Где можно найти чудом исцеленных, как не при Дворе Чудес? Получив изрядную плату, мнимый слепой, мнимый глухой, мнимый паралитик вставали на пути следования процессии и внезапно, обливаясь слезами радости, возвещали о своем исцелении.

Кто осмелится сказать, будто подданные королевства нищих живут в праздности?

Легко ли Красавчику с его батальоном проституток? Разумеется, они приносили ему свой заработок, но ему приходилось усмирять их склоки и воровать тряпки, необходимые при их ремесле...

Снегирь, Гобер и прочие здешние «шутники» и «весельчаки» порой ощущали, что ночь холодна, а дичи нет.

Сколько долгих часов засады, сколько криков и мороки ради одного снятого плаща!

А изрыгать мыльную пену, катаясь по земле посреди тупых зевак, если ты «припадочный»? Это что, так уж забавно?

Особенно если в конце пути вас ждет только одинокая смерть в прибрежных камышах. Или, что еще хуже, пытки в тюрьме Шатле – пытки, от которых рвутся нервы и вылезают из орбит глаза. А в заключение виселица – виселица на Гревской площади. Площади, у обитателей Двора Чудес получившей название Аббатство Виселицы.

* * *

Впрочем, пользуясь покровительством Каламбредена и дружбой Жанена Анжелика чувствовала себя под защитой и жила свободно в королевстве нищих. Она была неприкосновенна. Она заплатила свою долю, став подругой бандита. Законы воровского мира жестоки. Все знали, что ревность Каламбредена беспощадна, и Анжелика могла среди ночи оказаться бок о бок с самыми грубыми и опасными людьми вроде Снегирия или Гобера, не опасаясь

двусмысленных поступков с их стороны. Какие бы желания она ни вызывала, пока главарь не снял запрета, она принадлежит лишь ему.

Так ее с виду убогая жизнь делилась на долгие часы сна и подавленности и бесцельные прогулки по Парижу. В Нельской башне ее всегда ожидала пища и огонь в очаге.

Она могла бы достойно одеваться, потому что порой воры приносили прекрасные наряды, благоухающие ирисом и лавандой. Но Анжелика их разлюбила. Она по-прежнему носила коричневое саржевое платье с обтрепанной юбкой. Волосы покрывал все тот же чепец. Полька дала ей специальный пояс для кинжала, который прежде Анжелика прятала в корсаже.

– Если хочешь, я научу тебя им пользоваться, – предложила бывшая соперница.

После сцены с оловянным горшком и зарезанным фараоном между ними установилось уважение, от которого недалеко и до дружбы.

Анжелика редко днем покидала башню и далеко не уходила.

Инстинктивно она подчинилась ритму жизни своих товарищей, которым буржуа, торговцы и полицейские по молчаливому соглашению оставили ночь.

Так что именно ночью прошлое возникло перед ней и так жестоко пробудило ее ото сна, что она едва не попрощалась с жизнью.

Банда Каламбрена грабила дом в предместье Сен-Жермен. Ночь была безлунной, улица освещалась скудно. Мальчишка с проворными пальцами, по кличке Отмычка, сдвинул щеколду на маленькой дверце черного хода, и бандиты без особых предосторожностей проникли в дом.

– Дом большой, и здесь нет никого, кроме старика и его служанки, которая спит где-то наверху, – сказал Никола. – Мы спокойно сделаем свою работу.

Он разжег потайной фонарь и повел сообщников в гостиную. Точное расположение комнат ему указал Сухарь, частенько приходивший в дом за подаванием.

Анжелика замыкала шествие. Она не в первый раз участвовала в подобных приключениях. Поначалу Никола не хотел брать ее с собой.

– С тобой что-нибудь случится, – говорил он.

Но она всегда поступала по-своему. Она ходила не для воровства. Ей нравилось вдыхать запахи спящего дома: ковров, воценой мебели, еды и выпечки. Она брала в руки статуэтки, ставила их на место. И никогда внутренний голос не говорил ей: «Что ты здесь делаешь, Анжелика де Пейрак?» Никогда, до той самой ночи, когда Каламбрэден грабил дом старого ученого Глазера в предместье Сен-Жермен...

В ту ночь Анжелика обнаружила на консоли канделябр со свечой. Она зажгла свечу от фонаря воров, пока те набивали мешки. Потом, заметив низкую дверь в глубине комнаты, с любопытством толкнула ее.

– Вот черт! – раздался у нее за спиной шепот Труса. – Это еще что?

Пламя свечи отражалось в больших стеклянных сосудах с длинными носами и в разноцветных склянках. На тянущихся из фаянсовых банок медных трубках можно было различить латинские надписи.

– Что это? – повторил пораженный Трус.

– Лаборатория.

Очень медленно Анжелика приблизилась к столу и остановилась возле выложенного из кирпича прилавка со стоящим на нем нагревательным прибором.

Тщательно вглядываясь в каждую деталь, она заметила запечатанный красным воском пакетик с надписью «Для г. де Сент-Круа». Потом в открытой банке Анжелика увидела какой-то белый порошок. Ее ноздри затрепетали. Запах показался ей знакомым.

– А это что? – спросил Трус. – Мука? Хорошо пахнет. Чесноком...

Взяв щепотку порошка, бандит поднес его ко рту. Анжелика непроизвольно хлопнула его по руке. Ей казалось, она вновь слышит, как Фриц Хауэр восклицает: «Gift, gnadige Frau!»

– Брось, Трус. Это яд. Мышьяк!

Анжелика испуганно огляделась.

– Яд! – ошеломленно повторил Трус.

Сделав шаг назад, он опрокинул колбу, которая упала на пол и с хрустальным звоном разлетелась вдребезги.

Незванные гости торопливо покинули комнату. Гостиная опустела. И тут все услышали, как по плиткам пола верхнего этажа застучала

трость и старческий голос на лестнице прокричал:

– Мари-Жозефа, вы снова забыли запереть кошек! Это невыносимо. Придется мне спуститься посмотреть.

Затем, склонившись над лестничным пролетом, старик продолжал:

– Это вы, Сент-Круа? Вы за своим составом?

Анжелика и Трус поспешно проскользнули в кухню, потом в погреб и через взломанную грабителями низкую дверь выскочили на улицу.

Отбежав подальше, они остановились.

– Уф, – вздохнул Трус, – ну и страху же я натерпелся! Думали ли мы, что залезли к колдуну!.. Только бы это не принесло нам беды! А где остальные?

– Должно быть, вернулись другой дорогой.

– Могли бы подождать нас. Теперь ни зги не видать.

– Ох, да не ной ты все время, бедняга Трус. Люди вроде тебя должны видеть в темноте.

Но он вдруг схватил ее за руку.

– Ты что, не слышишь? Послушай... – с неопишным ужасом повторял он.

Неожиданно он как-то странно прохрипел:

– Собака! Собака! – И, бросив на землю мешок, бросился бежать.

«Бедняга повредился умом», – подумала Анжелика, машинально наклоняясь, чтобы подобрать добычу вора. И тут она тоже услышала. Шум шел со стороны погруженных в тишину улиц.

Это напоминало легкий, очень быстрый галоп. Он приближался. Вдруг на противоположной стороне улицы Анжелика увидела зверя, похожего на скачущее белое привидение. Охваченная невыразимым ужасом, Анжелика тоже побежала. Она мчалась как сумасшедшая, не разбирая дороги и не обращая внимания на дурную мостовую, ранившую ее ступни. Она понимала, что погибла, ей хотелось кричать, но горло не могло исторгнуть ни единого звука.

Обрушившийся на плечи зверь свалил ее лицом в грязь. Она ощущала на себе его тяжесть, челюсть с острыми, как гвозди, зубами уже готова была сомкнуться на ее затылке.

– Сорбонна! – воскликнула она.

И тихо повторила:

– Сорбонна...

Затем очень медленно повернула голову. Без всякого сомнения, это была Сорбонна. Собака уже вовсю облизывала ее. Анжелика подняла руку и погладила огромную голову датского дога. Он с удивлением обнюхивал ее.

– Сорбонна, милая Сорбонна, как же ты меня напугала! Знаешь, ведь это нехорошо.

Шершавым языком пес облизал ей все лицо.

Анжелика с трудом поднялась на ноги. Падая, она сильно ударилась.

В тот же момент она различила шум шагов. Кровь застыла у нее в жилах. После Сорбонны... это мог быть только Дегре.

Анжелика рывком выпрямилась.

– Не выдавай меня, – умоляющим голосом обратилась она к собаке. – Только не выдавай...

Анжелика едва успела спрятаться в уголке какого-то крыльца. Сердце готово было выскочить из груди. На мгновение ей в голову пришла безумная мысль, что это не Дегре. Ведь он уехал из города. Он не мог вернуться. Он принадлежал мертвому прошлому...

Шаги слышались совсем близко. Вот они остановились...

– Как же так, Сорбонна? Что с тобой? Ты не схватила ту нищенку? – раздался голос Дегре.

Сердце болезненно билось у Анжелики в груди.

Такой знакомый голос – голос адвоката! «А теперь, господа, настало время услышать величественный голос – голос, который над человеческой подлостью и мерзостью...»

Ночь стояла глубокая и черная, как пропасть. Ничего не было видно, однако в двух шагах от Анжелики находился Дегре. Она могла бы прикоснуться к нему. Она ощущала его движения, догадывалась, что он озадачен.

– Проклятая Маркиза Ангелов! – воскликнул он. – Кто знал, что она заставит нас так долго преследовать ее. Ну же, нюхай, Сорбонна, нюхай. Нищенка хорошо придумала оставить в карете свою косынку. Теперь она от нас не уйдет. Пошли, вернемся к Нельским воротам. След ведет туда, я уверен.

Дегре свистнул, чтобы подзвать собаку, и они ушли.

Пот стекал по вискам Анжелики. Ноги подкашивались. Наконец она решилась сделать несколько шагов из своего убежища. Если Дегре рыщет вокруг Нельских ворот, туда лучше не возвращаться.

Она попробует добраться до лачуги Жанена и попроситься к нему на ночлег.

Во рту у нее пересохло. Анжелика услышала журчание фонтана. Небольшая площадь была слабо освещена факелом, прикрепленным возле лавки галантерейщика.

Подойдя к фонтану, Анжелика подставила испачканное лицо под струи прохладной воды и вздохнула с облегчением.

Когда она выпрямлялась, чья-то твердая рука схватила ее, а грубая ладонь заткнула ей рот.

– А вот и ты, красавица, – произнес Дегре. – Думаешь, от меня так просто отделаться?

Анжелика попыталась вырваться. Но он так крепко держал ее, что она не могла шевельнуться, не вскрикнув от боли.

– Ну уж нет, цыпленочек, от меня не уйдешь! – с хмурой улыбкой проговорил Дегре.

Лишенная возможности двигаться, Анжелика вдыхала знакомые запахи изношенной одежды, кожаного ремня, чернил, пергамента и табака. Это был адвокат Дегре со своим сумрачным лицом. Она почти теряла сознание от одной-единственной мысли: «Только бы он меня не узнал... Я бы умерла со стыда... Хоть бы мне удалось сбежать, прежде чем он меня узнает!»

По-прежнему удерживая ее одной рукой, Дегре поднес к губам свисток и трижды резко свистнул.

Через несколько минут пять или шесть солдат появились из прилегающих улочек. Слышался звон их шпор и шпаг. Это были стражники.

– Думаю, пташка поймана, – бросил Дегре.

– Ну что же, славная ночка. Мы вон там взяли двух грабителей. Если вдобавок мы возьмем Маркизу Ангелов, можно будет признать, сударь, что вы удачно нас привели. Видать, эти места хорошо вам знакомы...

– Это собака нас привела. С косынкой нищенки она должна была привести нас прямо к ней. Только вот... кое-чего я не понял. Девка

чуть не сбежала от меня... Вы ее знаете, эту Маркизу Ангелов?

– Это шлюха Каламбрена. Больше мы ничего не знаем. Единственный, кто мог ее видеть, мертв. Это стражник Мартен, которого укололи в кабаке. Но нам достаточно привести девчонку. Если это она, госпожа де Бренвилье ее узнает. Когда на ее карету напали, было еще светло и она прекрасно видела сообщницу грабителей.

– Однако какая дерзость! – проворчал один из стражников. – Эти бандиты уже ничего не боятся! Напасть на карету собственной дочери начальника гражданской полиции, да еще среди бела дня, в центре Парижа!

– Они за это заплатят, поверь мне.

Анжелика слушала реплики, которыми обменивались вокруг нее. Она старалась не шевелиться, надеясь, что Дегре ослабит свою хватку. Тогда бы она одним прыжком скрылась в благодатной ночи и сбежала. Анжелика была уверена, что Сорбонна не стала бы ее преследовать. А этим неповоротливым людям, закованным в тяжелую форму, ее не схватить.

Однако бывший адвокат не был расположен забывать о своей пленнице. Умелой рукой он ощупывал ее.

– Это еще что? – прорычал он.

И Анжелика почувствовала, как его пальцы скользнули за ее корсаж. Адвокат присвистнул:

– Да это кинжал, честное слово! Не перочинный ножик, прошу мне поверить. Что же, малышка, вид у тебя не слишком кроткий.

Сунув нож Родогона Цыгана в один из своих карманов, он продолжил осмотр.

Анжелика вздрогнула, когда его горячая грубая ладонь коснулась ее груди и остановилась.

– Как же бьется твое сердечко! – усмехнувшись, вполголоса заметил Дегре. – Вот ведь бешеная. Вытащим-ка ее под фонарь, посмотрим, на кого она похожа.

Анжелика резко рванулась, и ей удалось высвободиться. Но десять железных рук немедленно снова схватили ее, и на нее посыпался град ударов.

– Подлая тварь, хочешь заставить нас снова бегать за тобой?

Пленницу подвели к фонарю. Грубо схватив за волосы, Дегре запрокинул ее голову назад.

Анжелика закрыла глаза. Грязь у нее на лице смешалась с кровью, и Дегре не мог ее узнать. Она дрожала так сильно, что стучали зубы.

Секунды, которые она провела вот так, прямо под фонарем, показались ей вечностью.

Разочарованно чертыхнувшись, Дегре отпустил ее:

– Нет, это не она. Это не Маркиза Ангелов.

Стражники тоже выругались.

– Откуда вы знаете, сударь? – осмелился спросить один из них.

– Я ее уже видел. Однажды мне ее показали на Новом мосту. Девушка похожа на нее, но это не она.

– И все же прихватим ее. Она поможет нам кое-что прояснить.

Казалось, Дегре был в замешательстве.

– Впрочем, здесь что-то не так, – задумчиво продолжал он. – Сорбонна никогда не ошибается. Так вот, она не схватила эту девушку. Она спокойно дала ей пройти в нескольких шагах от себя. Нужно быстро обследовать дом. Пойдем к месту ограбления... Доказательство того, что девица неопасна.

И со вздохом заключил:

– Промашка. Счастье еще, что вы взяли двух грабителей. Где они промышляли?

– На улице Пти-Льон, у старого аптекаря, некоего Глазера.

– Вернемся туда, может быть, там нападем на след.

– А с этой что делать?

Дегре колебался:

– Я думаю, лучше отпустить. Теперь, когда я видел ее лицо, я уж его не забуду.

Стражники не стали настаивать, отпустили молодую женщину и, громко звеня шпорами, исчезли во тьме.

Анжелика поспешно выскользнула из светового круга. С облегчением оказавшись в тени, она кралась вдоль стен. Но возле фонтана она различала белое пятно и слышала, как Сорбонна лакает воду. Возле собаки маячила тень Дегре.

Анжелика снова замерла. Она увидела, как Дегре приподнял плащ и бросил что-то в ее сторону.

– Держи, – раздался голос бывшего адвоката, – возвращаю тебе твое перо. Никогда не воровал у девушек. К тому же для барышни, прогуливающейся в столь поздний час, кинжал может оказаться полезен. Ладно, прощай, красавица.

Анжелика молчала, и он добавил:

– Даже не попрощаешься?

Ей пришлось собрать все свое мужество, чтобы выдохнуть:

– Прощайте.

Анжелика слушала, как стучат по гулким плитам мостовой тяжелые, подкованные гвоздями башмаки полицейского Дегре. А потом принялась бесцельно бродить по Парижу.

Глава V

Заря застала Анжелику на окраине Латинского квартала, недалеко от улицы Бернардинцев. Предзасветное небо окрашивало крыши черных коллежей в розовый цвет. В чердачных окнах вставших засветло студентов виднелись отблески свечей. Анжелике повстречались и другие, которые, зевая, с мутным взором, вываливались из борделя, где сострадательная проститутка несколько часов баюкала этих жалких юнцов. У них были грязные манишки, поношенная одежда из дешевой саржи отдавала чернилами, черные чулки гармошкой спадали на тощие лодыжки.

На колокольнях начинали перекликаться колокола.

Анжелика спотыкалась от усталости. Она шла босиком, потому что потеряла оба башмака. На лице застыла маска оцепенения.

Придя на набережную Турнель, она ощутила аромат свежего сена. Первого весеннего сена. Здесь же болтались привязанные цепью баржи со своим невесомым пахучим грузом. Они наполняли весенний парижский воздух волнами теплого ладана, ароматом тысячи сухих цветов, обещанием грядущих прекрасных дней.

Анжелика спустилась к берегу. В нескольких шагах от нее грелись у огня лодочки. Они ее не заметили. Она вошла в воду, ухватившись за нос баржи, подтянулась и с наслаждением зарылась в сено. Под навесом запах был еще более пьянящим: влажным, теплым и чреватым грозой, как в летний день. Откуда могло взяться это раннее сено? Из тихой богатой деревни, плодородной и привыкшей к солнцу. Сено наводило на мысли о сквозящих и иссушенных ветром просторах, о полных света небесах, а еще о тайне огороженных равнин, берегущих тепло и питающих.

Раскинув руки, Анжелика вытянулась на сене. Глаза ее были закрыты. Она погружалась, тонула в этом сене. Она парила в облаке этих сильных запахов и больше не чувствовала своего разбитого тела. Ее обволакивал Монтелу, баюкал на своей груди. Воздух наполнился ароматом цветов, вкусом росы. Ветер ласкал ее. Она медленно плыла и

уносились к солнцу. Анжелика покидала эту ночь с ее кошмарами. Солнце ласкало ее. Как давно ее так никто не ласкал...

Она находилась во власти дикого Каламбредена; была подругой волка, которому порой, во время кратких объятий, удавалось исторгнуть из ее груди крик животного сладострастия, хрип покоренного зверя. Но тело ее забыло нежность истинной ласки.

Она бродила по Монтелу и ощущала в сене аромат малины. Ручеек охлаждал ее горящие щеки и пересохшие губы прохладой воды. Анжелике казалось, что на пылающих щеках и сухих губах она ощущает воду живительного источника. Приоткрыв губы, она вздыхала:

– Еще!

Во сне слезы текли по ее лицу и пропадали среди локонов. То были не слезы боли, но слезы слишком большой нежности.

Она вытягивалась, вся отдавалась вновь обретенному блаженству. Она отдавалась ему, убаюканная бормотанием полей и лесов, нашептывающих ей на ухо:

– Не плачь... Не плачь, моя милая... Ничего... Горе позади... Не плачь, бедняжка.

Анжелика открыла глаза. В темноте она различила чье-то тело, лежащее в сене подле нее. Два смеющихся глаза спокойно рассматривали ее.

Анжелика пробормотала:

– Кто вы?

Незнакомец приложил палец к губам:

– Я ветер. Ветер с окраины Берри. Когда косили сено, меня подкосили... Смотри, меня действительно совсем подкосили...

Он быстро встал на колени и вывернул карманы:

– У меня нет ни гроша! Совсем подкосили. Как сено. Меня погрузили в баржу, и вот я в Париже. Забавная история для сельского ветерка.

– Но... – Анжелика попыталась собраться с мыслями.

Молодой человек был одет в поношенный и местами порванный черный костюм, затянутый поясом. У него было приятное открытое

лицо, он улыбался. На шее болтались лохмотья брыжей, а пояс, стягивающий камзол, подчеркивал его худобу.

Но у него было интересное лицо, почти красивое, несмотря на вызванную голодом бледность. Его тонкие продолговатые губы словно были созданы для того, чтобы без умолку болтать и смеяться без причины. Его лицо не знало покоя. Он гримасничал, смеялся, корчил рожи. Эту забавную физиономию венчала непокорная, белая, как лен, шевелюра, а спадающая на глаза челка придавала лицу какую-то крестьянскую наивность, полностью опровергаемую хитрым взглядом.

Пока Анжелика изучала его, незнакомец говорил без остановки:

– Но что же делать бедному ветерку вроде меня в Париже? Я, привыкший дуть в изгороди, стану дуть в дамские юбки, да меня же еще и вздуют... Я стану срывать шляпы с попов, и меня отлучат от Церкви. Меня заключат в башни Нотр-Дам, и я заставлю колокола звонить когда ни попадя! Какой скандал!

– Но... – снова сказала Анжелика, пытаюсь приподняться.

Быстрым движением он вернул ее на прежнее место.

– Не двигайся... Тсс! – воскликнул незнакомец.

«Это слегка спятивший студент», – подумала Анжелика.

Он снова развалился на сене, поднял руку и потрепал ее по щеке, прошептал:

– Не плачь больше.

– А я и не плачу, – сказала Анжелика, но заметила, что ее лицо вновь залито слезами.

– Я тоже люблю спать в сене, – продолжал незнакомец. – Я залез на эту баржу и обнаружил тебя. Ты плакала во сне. Тогда я тебя погладил, чтобы утешить, а ты сказала: «Еще!»

– Я?

– Да. Я вытер тебе лицо и увидел, что ты прекрасна. Твои ноздри тонки, как раковины, что лежат на песчаном берегу. Знаешь, такие белые и такие тонкие раковины, что кажется, будто они просвечивают. Твои губы словно лепестки шиповника. Шея у тебя круглая и гладкая...

Анжелика слушала как в полусне. Да, ведь давно уже никакие уста не говорили с ней так. Его слова словно пришли откуда-то издалека, и Анжелика боялась, что незнакомец насмехается над ней. Как он может говорить, что она прекрасна, если она чувствует себя

помятой, потускневшей, навсегда замаранной этой чудовищной ночью, когда она поняла, что не сможет больше смотреть в глаза свидетелям своего прошлого?

Он продолжал нашептывать:

– Твои плечи точно два шара слоновой кости. Твои груди можно сравнить разве что с ними самими – так они прекрасны. Они просто созданы, чтобы покоиться в мужской ладони, и у них есть восхитительный бутончик цвета розового дерева, какие бывают иногда в природе, когда приходит весна. Бедра твои подобны веретену с шелковой нитью. Живот твой – как валик из белого шелка, полный, напряженный, к нему сладко прислониться щекой.

– Хотела бы я знать, – смущенно заметила Анжелика, – как вы можете судить обо всем этом?

– Пока ты спала, я рассмотрел всю тебя.

Анжелика резко села в сене:

– Наглец! Распутный школяр! Приспешник дьявола!

– Тсс! Не так громко. Ты что, хочешь, чтобы лодочники выбросили нас за борт?.. Почему вы сердитесь, прекрасная госпожа? Разве не справедливо, найдя на дороге украшение, рассмотреть его? Хочется знать, из чистого ли оно золота, так ли прекрасно, как кажется, – короче, подходит оно вам или лучше оставить его там, где нашел. *Rem passionis suae bene eligere princeps debet, mundum examinandum*^[2].

– Так это вы тот государь, на которого взирает мир? – язвительно поинтересовалась Анжелика.

С неожиданным удивлением он прищурился:

– Ты понимаешь латынь, малышка-нищенка?

– Для нищего вы неплохо на ней изъясняетесь.

Студент в задумчивости прикусил нижнюю губу.

– Кто ты? – мягко спросил он. – У тебя ступни стертые в кровь. Должно быть, ты долго бежала. Кто тебя испугал? Я – ветер.

Она не ответила, и он продолжал:

– У тебя есть нож... Страшное оружие, кинжал Цыгана. Умеешь им пользоваться?

Анжелика лукаво взглянула на него из-под ресниц:

– Может быть!

– Ай! – отодвигаясь, вскрикнул он.

Вытянув из сена стебелек, он принялся его покусывать. Светлые глаза сделались задумчивы. Вскоре Анжелике показалось, что он уже даже забыл о ней. О чем он думал? Быть может, о башнях собора Нотр-Дам, куда его заключат, как он сказал... Теперь, неподвижное и далекое, его лицо уже не выглядело таким молодым. В уголках его глаз она заметила следы увядания, которыми нищета или распутство может отметить мужчину в самом расцвете лет.

Впрочем, у него не было возраста. Его худое тело в слишком свободной одежде казалось бесплотным. Она испугалась, что он исчезнет, как видение.

– Кто вы? – шепнула она, коснувшись его руки.

Он обратил на нее глаза, казалось не созданные для света:

– Я уже сказал тебе: я ветер. А ты?

– А я – бриз.

Расхохотавшись, он взял ее за плечи и притянул к себе:

– Что делают ветер и бриз, когда встречаются?

Он нежно давил на нее своей тяжестью. Она вновь лежала в сене, а прямо над ней, совсем близко, были эти продолговатые чувственные губы. Была в них какая-то пугающая ее складка, но она не понимала почему. Что-то насмешливое, немного жестокое. Но взгляд был нежным и смеющимся.

Так он нависал над ней, пока она сама, первая, словно магнитом притянутая этим зовом, не сделала движения ему навстречу. Тогда он лег рядом и поцеловал ее.

Этот поцелуй длился долго, как десять поцелуев, когда любовники расплетаются и сплетаются снова.

Для огрубевших чувств Анжелики это было возрождением. Воскресали былые наслаждения, такие отличные от грубых утех, которыми наделял ее бывший лакей – при этом с каким жаром! – и к которым она уже привыкла.

«Только что я была такая усталая, – подумала Анжелика, – а теперь усталость прошла. Мое тело больше не кажется мне печальным и поруганным. Значит, я не совсем мертва...»

Она пошевелилась на сене, счастливая оттого, что в чреслах ее снова зарождалось желание, пока робкое, но скоро оно станет

неотвязным.

Незнакомец приподнялся на локте и, улыбаясь, смотрел на нее.

Она не ощущала нетерпения, просто внимательно прислушивалась к теплу, распространяющемуся по ее телу. Очень скоро он вновь овладеет ею. У них полно времени.

– Вот ведь странно, – прошептал он. – Ты чувствена, как знатная дама. А ведь, глядя на твои драные юбки, и не подумаешь...

Она усмехнулась:

– Правда? Так вы посещаете знатных дам, господин судейский?

– Иногда.

Пощекотав ей кончик носа сухим цветком, он пояснил:

– Когда у меня пустое брюхо, я иду наниматься к мэтру Жоржу, в бани Сен-Никола. Туда как раз приходят знатные дамы за капелькой перца в свои светские любовные связи. О, разумеется, я не такой зверь, как Красавчик, и знаки благосклонности моего жалкого, плохо кормленного тела оплачиваются дешевле, чем услуги поросшего густой щетиной и воняющего луком и скверным вином крепкого грузчика. Но в моем арсенале имеются другие струны. Да, душечка. Ни у кого в Париже нет такого запаса непристойных анекдотов, как у меня. Моим партнершам это очень нравится, чтобы настроиться на нужный лад. Я смешу их, этих прекрасных потаскух. Главное, что надо женщинам, – это шутки. Хочешь, расскажу тебе историю про молот и наковальню?

– О нет, – поспешно ответила Анжелика. – Прошу вас, я не люблю подобных историй.

Похоже, он растрогался:

– Милая крошка! Славная милая крошка! Как странно! Я уже встречал знатных дам, похожих на нищенок, но никогда не видел нищенок, похожих на знатных дам. Ты первая... Ты так прекрасна, словно это сон... Прислушайся, слышишь карильон башни «Самаритянка» на Новом мосту?.. Уже полдень. Хочешь, пойдем на Новый мост и украдем на завтрак пару яблок? И букет цветов, в который ты уткнешь свое личико... Послушаем, как Большой Матье расхваливает свой товар, и поглядим, как пляшет сурок шарманщика... И покажем кукиш полицейскому, который ищет меня, чтобы повесить. Как... Разве ты не знаешь, что меня всегда хотят повесить? – с изумлением спросил он.

«Решительно, он немного не в себе. Но он забавный», – подумала Анжелика.

Она потянулась. Ей хотелось, чтобы он снова начал ласкать ее. Однако внезапно он как будто задумался о другом.

– Теперь я вспомнил, – неожиданно произнес он, – я тебя уже видел на Новом мосту. Может, ты принадлежишь к банде известного прохвоста Каламбредена?

– Да, верно, я принадлежу Каламбредену.

С выражением комического ужаса он отпрянул:

– Ай-ай-ай! Во что же я снова впутался, неисправимый я ловелас! Ты, случайно, не Маркиза Ангелов, которую так безумно ревнует наш проказник?

– Да, но...

– Вы только взгляните, к чему приводит женское легкомыслие! – трагическим голосом воскликнул он. – Неужели ты не могла сказать раньше, несчастная? Или ты хочешь посмотреть, как потечет бедная кровь из моих вен? Ай-ай! Каламбреден! Вот такой я счастливчик! Стоило мне найти женщину своей жизни, так надо, чтобы она оказалась женщиной Каламбредена!.. Что поделаешь! Самая восхитительная возлюбленная – это по-прежнему сама жизнь. Прощай, красавица!..

Схватив свою старую конусообразную шляпу, какие носят школьные учителя, он нахлобучил ее на светлую шевелюру и выскользнул из-под навеса.

– Будь добра, – шепнул он ей с улыбкой, – не говори своему хозяину о моих подвигах... Да, вижу, что ты ничего не скажешь... Ты сама любовь, Маркиза Ангелов... Я буду думать о тебе, пока меня не повесят... А возможно, и дольше... Прощай!

Она слышала, как он под баржей шлепает по воде руками. Потом увидела его бегущим по берегу в лучах солнца. Одетый во все черное, в своей островерхой шляпе, с тощими лодыжками и развевающимся на ветру драным плащом, он напоминал диковинную птицу.

Заметив, как он спрыгнул с баржи, лодочники принялись швырять в него камнями. Незнакомец повернул к ним свое бледное лицо и разразился громким хохотом. А потом исчез – внезапно, как сон.

Глава VI

Это фантастическое явление немного успокоило Анжелику и отодвинуло на задний план горькое воспоминание о ночной встрече с Дегре.

Лучше об этом больше не думать. Она потрянула головой и запустила руку в волосы, чтобы вытащить стебельки сухой травы. Не стоит пока нарушать недавнее очарование. Анжелика вздохнула с легким сожалением. Неужели она действительно изменила Никола?

Маркиза Ангелов пожала плечами и сердито усмехнулась. Любовникам такого сорта не изменяют. Ничто не связывало ее с Никола, кроме рабства нищеты.

По тому, как поспешно только что сбежал молодой человек, она еще раз оценила мощную защиту, которой окружил ее бандит. Без него и его необыкновенной любви, возможно, она пала бы еще ниже.

Взамен она предоставила ему свое благородное и породистое тело, о котором он всегда мечтал.

Они были квиты. Она не испытывала никаких угрызений совести, что насладилась с другим более изысканными радостями, вкус которых уже забыла. Но этот другой бежал, и это к лучшему. Она бы не перенесла, если бы узнала, что нож Каламбредена обрек на вечное молчание этого искрометного болтуна.

Прежде чем тоже выскользнуть из-под навеса, Анжелика еще на мгновение задержалась в стоге сена. Потрогав воду, она нашла ее холодной, но не ледяной и, оглядевшись вокруг, едва не ослепла от света. Тогда она осознала, что наступила весна.

Студент ведь говорил что-то о цветах и фруктах на Новом мосту? Словно по мановению волшебной палочки, Анжелика вдруг заметила цветение самого прекрасного времени года.

Набухшее влагой небо отдавало розовым, а Сена была покрыта своими серебряными доспехами. По ее спокойной и гладкой поверхности сновали лодки. Ниже по течению вальки прачек перекликались с тиканьем плавучих мельниц.

Скрываясь от взглядов лодочников, Анжелика вымылась в холодной воде, которая замечательно разогрела ее кровь. Снова

одевшись, она вдоль берега пошла к Новому мосту.

Слова незнакомца разбудили ее окоченевшее за зиму сознание.

Она впервые увидела Новый мост во всем его великолепии, с прекрасными белыми арками и кипящей на нем радостной, непринужденной и неутомимой жизнью.

Это был самый красивый мост Парижа. И самый любимый, потому что самым коротким путем соединял оба берега Сены и остров Сите.

Над ним стоял непрерывный гул голосов, в котором смешивались крики вербовщиков и кустарей, советы знахарей и зубодеров, куплеты, колокольный перезвон, жалобы попрошаек.

Анжелика двинулась между рядами лавчонок и прилавков. Она шла босиком. Платье ее было разорвано; она потеряла чепец, и ее длинные, позолоченные солнцем волосы спадали по плечам. Но это не имело значения. На Новом мосту босые ноги вышагивали рядом с грубыми башмаками ремесленников и красными каблуками господ.

Анжелика остановилась перед водонапорной башней «Самаритянка», чтобы полюбоваться астрономическими часами, которые показывали не только часы, но также дни и месяцы и приводили в движение карильон, который конструктор башни, настоящий фламандец, каковым он и являлся, не позабыл установить.

На фасаде этого монументального насоса, подающего воду в Лувр и Тюильри, находился барельеф, изображающий евангельскую сцену, в которой самаритянка наливает Христу воды из колодца Иакова.

Анжелика останавливалась перед каждой лавкой. В них продавали безделушки, дичь, птиц. С ними соседствовали торговец игрушками и бильбоке, продавец чернил и красок, крошечный театр марионеток, собачий парикмахер, мошенник со своими стаканчиками. Анжелика заметила Сухаря с его ракушками, Крысолова с нанизанной на рапиру жалкой добычей, а возле «Самаритянки» – мамашу Юрлюрет и папашу Юрлюро.

Посреди толпы зевак слепой старик пикивал на своей скверной скрипке, а мегера горланила сентиментальный романс, где рассказывалось о повешенных и трупах, у которых вороны выклевывали глаза, и о прочих ужасах. Люди слушали, склонив голову и утирая слезы. Повешения и шествия были прекрасными зрелищами для парижского бедного люда – зрелищами, которые стоили недорого и

каждому давали возможность почувствовать, что у него есть еще тело и душа.

Мамаша Юрлюрет очень убедительно исполняла свою балладу:

Послушайте меня!
Когда я отлучусь
В Аббатство Виселицы,
За вас я помолюсь
И буду веселиться.

Она разевала беззубый рот, из единственного глаза катилась слеза и терялась в складках морщин. Она была чудовищна, великолепна...

Закончив песню, в крайнем волнении она послонявила толстый палец и принялась раздавать листочки, целая пачка которых торчала у нее под мышкой. Старуха вопила:

– Кто еще не получил повешенного?

Дойдя до Анжелики, она издала радостный вопль:

– Эй, Юрлюро, вот наша малышка! Подумай, какой концерт нынче утром устроил нам твой мужчина! Он сказал, что тебя загрызла чертова собака. Подумай, он собирает всех нищих и всех безногих Парижа, чтобы напасть на Шатле... А наша маркиза прогуливается по Новому мосту!

– Почему бы и нет? – надменно возразила Анжелика. – Вы же здесь прогуливаетесь?

– Я-то здесь работаю, – отвечала старая хрычовка. – Ты даже не представляешь, что приносит эта песня. Я всегда говорю Грязному Поэту: «Дайте нам повешенных». Ничто не приносит такого дохода, как повешенные. А ты-то хочешь одного? Отдам даром, потому что ты наша маркиза.

– Нынче вечером в Нельской башне угощу вас свиной колбасой, – пообещала Анжелика.

И, читая бумажку мамыши Юрлюрет, она с толпой зевак отправилась дальше.

Послушайте меня!
Когда я отлучусь

В Аббатство Виселицы,
За вас я помолюсь
И буду веселиться.

Внизу, в углу страницы, Анжелика разглядела уже знакомую ей подпись: «Грязный Поэт».

Едкое воспоминание о ненависти поднялось к ее сердцу. Она посмотрела на бронзового коня на земляной площадке. Именно сюда, говорили ей, к ногам коня, залезал порой поэт Нового моста, чтобы поспать. Воры уважали его сон. Впрочем, красть у него было нечего. Он был беднее самого бедного нищего. Он вечно бродил голодным, его вечно преследовали, а он сеял по Парижу скандал, точно пригоршню яда.

«Как это до сих пор не нашлось никого, кто бы его убил? – подумала Анжелика. – Я бы его убила, если бы встретила. Но прежде я хотела бы сказать ему за что...»

Скомкав бумажку, она бросила ее в канавку. Мимо проехала карета, перед ней, прыгая, как белки, бежали скороходы. В своих шелковистых ливреях и шляпах с перьями они были великолепны.

Толпа гадала, кто сидит в карете. Анжелика смотрела на скороходов и думала о Легконогом, чье сердце разбилось на бегу.

Славный бронзовый король Генрих IV искрился на солнце и улыбался над клумбой красных и розовых зонтиков. Сквер оккупировали торговки апельсинами и цветами. Они громогласно предлагали свои золотистые плоды:

– Португалия! Португалия!

Цветочницы обосновались на Новом мосту еще ранним утром. Они спускались сюда с улицы Букетери от церкви Сен-Жюльен-ле-Повр, где находилось их управление, или с улицы Арбр-Сек, где запасались товаром в садах Прованских Братьев.

Молоденькие прохаживались в толпе с корзинами тубероз, роз и жасмина, а пожилые, прикрываясь от солнца красными зонтиками, торговали за прилавками.

Одна из этих кумушек наняла Анжелику, чтобы та помогла ей составлять букеты. Заметив, с каким вкусом молодая женщина

справилась с работой, торговка дала ей двадцать су.

– Ты уже не в том возрасте, чтобы идти в ученицы, – сказала цветочница, внимательно оглядев Анжелику. – Но девчонке понадобилось бы два-три года, чтобы научиться делать такие букеты. Если бы ты захотела работать со мной, мы бы договорились.

Анжелика отрицательно покачала головой, зажала в руке двадцать су и ушла. Много раз она разжимала руку и рассматривала монетки, которые дала ей торговка. Это были первые заработанные ею деньги.

Купив у фритюрье два пончика, она немедленно проглотила их и смешалась с толпой зевак, во всю глотку хохочущих перед кафедрой Большого Матье.

Блистательный Большой Матье! Он обосновался лицом к лицу с королем Генрихом IV, ни насмешки, ни величия которого не опасался.

Стоя на своей передвижной кафедре с четырьмя колесами и балюстрадой, он громогласно, так что его слова разносились из конца в конец по Новому мосту, обращался к толпе.

Личный оркестр, состоявший из трех инструментов: трубы, барабана и тарелок, задавал ритм его речам и своим адским грохотом перекрывал стоны клиентов, которым Большой Матье драл зубы.

С постоянным неослабевающим энтузиазмом, вызывая изумление своей силой и ловкостью, Большой Матье всегда справлялся даже с самыми крепкими зубами, пусть даже ему приходилось ставить пациента на колени или клещами отрывать его от земли. После процедуры он отправлял свою полумертвую жертву к виноторговцу, прополоскать рот.

В перерывах между двумя клиентами Большой Матье, с развевающимися на ветру перьями шляпы, украшающим его атласный сюртук двойным ожерельем из зубов и бьющей по каблукам длинной саблей, расхаживал по своему помосту, расхваливая свои высочайшие познания и превосходное качество своих снадобий, порошков, лекарственных кашек и мазей всех сортов, приготовленных на медленном огне с добавлением сливочного и растительного масла, воска и нескольких безобидных травок.

«Дамы и господа, перед вами величайшая личность вселенной, виртуоз, феникс своей профессии, бриллиант медицины, наследник Гиппократы по прямой линии, пытливейший исследователь природы, гроза всех факультетов.

Перед вами медик методический, галианический, гиппократический, патологический, химический, спагирический, эмпирический. Исцеляю солдат из вежливости, бедняков ради любви к Богу, а ботатых торговцев за деньги. Я не считаю себя ни врачом, ни философом, однако моя мазь делает больше, чем философы и врачи. Опыт дороже науки. Вот есть у меня средство для отбеливания кожи: оно бело, как снег, благоуханно, как бальзам и мускус... А вот еще бесценная мазь, ибо, слушайте все, галантные кавалеры и любезные дамы, мазь эта предохраняет от предательских укулов шипов любви».

И, восторженно воздев руки, Большой Матье декламировал:

Мой волшебный порошок
Вас немедля вгонит в шок:
От недугов исцелит
И любовью одарит,
От всего излечит разом.
Он глупцам дарует разум,
Старцам – нежность,
Дамам – свежесть...
Так что мимо не проходим.
Без покупки не уходим!

Последняя фраза, которую Большой Матье проорал, дико вращая своими огромными глазами, заставила Анжелику расхохотаться. Заметив молодую женщину, он дружески помахал ей.

«Я рассмеялась. Чему я смеялась? – задумалась Анжелика. – То, что он говорит, – полная чушь».

Но ей хотелось смеяться.

Чуть дальше на небольшом возвышении попытался привлечь к себе внимание публики какой-то старичок с деревянной ногой:

– Приходите посмотреть на краснокожего! Это самое поразительное чудо природы. Вы считаете себя большими учеными, потому что уже видели нескольких людей с черной кожей. Но что теперь может быть банальнее всех этих марокканцев, которыми падишах наводнил нашу страну? А я покажу вам незнакомого человека

из незнакомого мира, как я называю Америку, необыкновенную страну, откуда я сам прибыл...

Слово «Америка» задержало Анжелику возле одноногого.

Затейник с деревянной ногой был небритым стариком с красной косынкой на голове. Он не вырядился в драную блестящую мишуру, как это делали другие кукольники или шарлатаны с Нового моста. Зрителей совершенно не привлекала его засаленная рубашка в красную и белую полоску, рваный жилет и едва слышный надтреснутый голос. В ухе старика поблескивало золотое колечко.

– Я бывший моряк, я много-много раз ходил на королевских судах, что бы я только мог порассказать вам про эти неизведанные страны! Но я прекрасно вижу, что вы спешите, дамы и господа. Поэтому я бы хотел лишь показать вам один сувенир, этого поразительного человека, которого там, в Америке, я сам поймал.

Концом палочки он указывал на нечто вроде будки с занавеской вместо двери, что представляло собой весь его демонстрационный инвентарь.

– Человек с красной кожей, дамы и господа, человек с красной кожей!

Анжелика бросила оставшиеся монетки в стоящую перед возвышением плошку. Зеваки последовали ее примеру.

Сочтя, что зрителей достаточно, инвалид театральным жестом отдернул занавеску.

В глубине будки находилась статуя, будто бы сделанная из терракоты. Ее голова и бедра были покрыты перьями.

Статуя шевельнулась и сделала несколько шагов к солнечному свету. В толпе стали перешептываться. Сомнений не было, это живой человек. У него были нос, рот, украшенные кольцами уши, удлиненные глаза с потусторонним взглядом, руки-ноги. Кожа человека имела заметный медно-красный оттенок.

«Но не более чем у некоторых испанских или итальянских горцев», – решили зрители. В общем, кроме торчавших на бедрах и голове перьев, в краснокожем человеке не было ничего необыкновенного.

Насмотревшись и обменявшись впечатлениями от увиденного, люди разошлись, и старый моряк заставил свое чудо уйти в будку.

После чего размял табачные листья, свернул их в шарик и принялся жевать.

Анжелика не уходила. Дующий с Сены ветер ерошил ее волосы и создавал иллюзию открытого моря, откуда всплыло это слово: «Америка».

Анжелика задумалась о своем брате Жослене и снова представила себе его отчаянные сверкающие глаза и страстный шепот: «Я уйду в море...»

Как-то вечером к ним заглянул пастор Рошфор. Дети де Сансе окружили его с полными восторга глазами. Жослен... Раймон... Органс... Гонтран... Анжелика... Мадлон... Дени... Мари-Агнес... Как они были прекрасны в своей невинности и неискушенности, эти не знавшие своей судьбы дети де Сансе! Они слушали незнакомца, и его слова смутили их сердце.

«Я всего лишь любопытный исследователь новых земель, жаждущий узнать места, где человек не страдает ни от голода, ни от жажды и чувствует себя свободным. Именно там я понял, что все зло от белого человека, потому что он не только не последовал Слову Господа, но, более того, искажил его. Ибо Господь повелел не убивать и разрушать, а любить друг друга».

Анжелика прикрыла глаза. Когда она снова открыла их, то в нескольких шагах от себя, в толкотне Нового моста, увидела Жактанса, Снегиря, Большого Мешка, Гобера, Красавчика и еще нескольких воров. Они смотрели на нее.

– Сестренка! – воскликнул Снегирь, схватив ее за руку. – А я уж собрался поставить свечку Предвечному в церкви Сен-Пьер-о-Бёф. Мы ведь подумали, что больше никогда тебя не увидим!

– Решили, одно из двух: ты или в Шатле, или в Центральном госпитале...

– Если только тебя не разодрала в клочья чертова собака.

– Отмычка и Трус попались. Нынче утром их повесили на Гревской площади.

Воры окружили ее. И снова она оказалась в плену их ужасных лиц, хриплых голосов пьяниц и цепей «воровского братства» – цепей, которых было не разорвать за один день. Однако с этого дня, который она отныне будет называть «днем баржи с сеном» или «днем Нового

моста», в ней затеплился огонек надежды. Она не знала, почему она надеется. Со дна поднимаются не так скоро, как опускаются туда.

– А теперь повеселимся, красотка, – сказал Снегирь. – Знаешь, зачем мы среди бела дня разгуливаем по Новому мосту? Чтобы мальш Флипо показал нам, как мастерски он умеет срезать кошельки.

Флипо, один из живущих в Нельской башне сопляков, ради такого случая сменил свои лохмотья на наряд из лиловой саржи и грубые башмаки, в которых передвигался не без труда. Он даже намотал на шею что-то вроде полотняного воротника, а под мышкой держал плюшевую торбу, в которой у него якобы находились книги и перья. Так он вполне мог сойти за решившего прогулять уроки, чтобы поглазеть на марионеток, сына какого-нибудь ремесленника.

– Послушай меня, сынок. Сегодня надо не только срезать кошелек, как ты это уже делал. Мы пойдем, способен ли ты смыться во время переполоха и унести добычу. Понял?

– Угу, – ответил Флипо, выразив таким образом свое понимание задачи.

Затем он несколько раз нервно шмыгнул и утер сопли рукавом.

Сообщники внимательно разглядывали прохожих.

– Ну-ка, вот прекрасный господин, занятый своей хорошенькой дамочкой... Они еще и пешком, какая удача! Ты заметил богатенького господина, прям-таки идущего тебе в руки, Флипо? Вон они остановились возле Большого Матье. Сейчас самое время! На-ка ножницы, сынок, и дуй на дело.

Жактанс торжественно вручил мальчишке остро заточенные ножницы и подтолкнул его в толпу. В это время его сообщники уже смешались со зрителями Большого Матье.

Опытным взглядом Жактанс внимательно следил за движениями своего ученика. И вдруг пронзительно закричал:

– Осторожно, сударь! Сударь, эй! У вас срезают кошелек, ваша светлость...

Прохожие посмотрели в сторону, куда он указывал, и бросились бежать. А Снегирь все надрывался:

– Господин мой, будьте осторожны! Тут какой-то мальчишка вас грабит!

Дворянин схватился за кошелек и нащупал руку Флипо.

– Грабят! – заорал он.

Его спутница испустила пронзительный вопль.

Мгновенно началась полная неразбериха. Люди кричали, сыпали тумаками направо и налево, хватали друг друга за горло и валили наземь, а подданные Каламбредена только усиливали беспорядок своими криками и призывами:

- Поймал!
- Это он!
- Ловите! Уходит!
- Туда!
- Сюда!

Плакали задавленные в суতোлке дети. Женщины теряли сознание. Прилавки были опрокинуты. Красные зонтики улетели в Сену. Чтобы защитить свой товар, торговцы фруктами принялись метать в толпу яблоками и апельсинами.

Разбежались животные собачьего парикмахера и плотными шерстяными мячиками, хрипя и истекая слюной, бросились под ноги дерущихся.

Красавчик переходил от одной женщины к другой, подхватывал за полные талии, обнимал и ласкал их самым дерзким образом под испуганными взглядами супругов, тщетно пытавшихся побить его тростью. Удары сыпались на других, а те в отместку срывали с оскорбленных мужей парики.

Посреди всей этой круговерти Жактанс и его сообщники срезали кошельки, незаметно вытаскивали деньги, опустошали карманы, снимали плащи и драгоценности, а Большой Матье с высоты кафедры, в грохоте своего распоясавшегося оркестра, потрясал саблей и ревел:

– Давай, ребята! Пошевеливайтесь, ребята! Это полезно для здоровья.

Анжелика стояла в отдалении, на ступеньках земляной площадки, ухватившись за решетку. Отсюда она могла наблюдать за зрелищем и смеялась до слез. День завершался просто великолепно. Именно этого ей не хватало, чтобы удовлетворить желание смеяться и плакать, мучившее ее с тех пор, как она пробудилась на барже с сеном от ласк незнакомца.

В толпе она узнала папашу Юрлюро и мамашу Юрлюрет. Вцепившись друг в друга, они качались на гребне толпы, как огромная пробка из грязного тряпья.

Анжелика пуще расхохоталась. Она буквально задыхалась от смеха. О, ей-богу, так и заболеть недолго!..

– Неужто это так смешно, крошка? – проворчал у нее за спиной чей-то размеренный голос.

И сильная рука схватила ее за запястье. «Фараона не узнаешь, его чувствуешь», – говаривал Снегирь. С той ночи Анжелика научилась чувствовать, откуда идет опасность. Она продолжала смеяться, но потише и приняла наивный вид.

– Конечно смешно: люди дерутся, а сами не знают почему.

– Но ты-то, наверное, знаешь, а?..

Улыбаясь, Анжелика склонилась к лицу полицейского. И внезапно сильно ухватила его за нос и свернула носовой хрящ, а когда от боли он запрокинул голову, кулаком нанесла ему мощный удар в выступающее адамово яблоко.

Этому приему ее научила Полька. Удар был не настолько жесткий, чтобы оглушить полицейского, но достаточный, чтобы заставить его ослабить хватку.

Высвободившись, Анжелика убежала, подпрыгивая, как козочка.

В Нельскую башню каждый вернулся своим путем.

– Можно подсчитать наши потери, – сказал Жактанс, – но какой большой урожай, друзья, какой урожай!

Тут же на стол были вывалены плащи, шпаги, украшения, тугие кошельки.

Флипо, весь в синяках, как утка в яблоках, принес кошелек того господина, которого ему указали.

Ему оказали честь, усадив за стол Каламбредена.

Глава VII

– Анжелика... – прошептал Никола. – Анжелика, если бы ты не вернулась!..

– Что бы тогда случилось?

– Не знаю...

Он притянул ее к себе и сжал в объятиях, едва не раздавив.

– О, прошу тебя! – вздохнула она, освобождаясь.

Анжелика прижалась лбом к решетке бойницы. Глубокое синее небо всматривалось своими звездами в спокойные воды Сены. В воздухе ощущался аромат миндальных деревьев, цветущих в садах и на развалинах крепостной стены предместья Сен-Жермен.

Никола подошел к Анжелике, продолжая пожирать ее глазами. Ее тронула сила его неизменной страсти.

– Что бы ты сделал, если бы я не вернулась?

– Смотря по тому, что с тобой произошло. Если бы тебя сцапали, поднял бы на ноги всех своих людей. Они облазили бы все тюрьмы, все больницы, все бордели. И помогли бы тебе бежать. Если бы тебя загрызла собака, я повсюду искал бы эту тварь и ее хозяина, чтобы убить их. Наконец, если бы... – его голос стал хриплым, – если бы ты ушла с другим... я бы нашел тебя и того, другого, и зарезал бы его.

Она улыбнулась. В ее памяти возникло бледное, насмешливое лицо. Но Никола был проницательней, чем она думала, а любовь обострила его чувства.

– Не думай, что от меня так легко уйти! – с угрозой в голосе продолжал он. – У нас тут не предают, как в высшем свете. Но если такое случится, предатель умирает. Ты нигде не наша бы убежища... Мы слишком многочисленны, слишком сильны. Я бы тебя достал из-под земли: в церкви, в монастыре, даже в королевских покоях. Мы хорошо организованы, ты же знаешь. А я, по правде говоря, обожаю затевать драки.

Он распахнул драный плащ и показал Анжелике маленькое голубоватое пятнышко на левой груди:

– Глянь-ка, видишь вот это? Мать всегда говорила: «Это знак твоего отца!» Потому что моим отцом был не этот здоровенный

мужлан, папаша Мерло. Нет. Мать зачала меня раньше, с одним военным, с каким-то офицером в высоком звании. Она так и не сказала, как его звали. Но всякий раз, когда папаша Мерло хотел отлупцевать меня, она кричала: «Старшего не тронь, он благородной крови!» Ты ведь этого не знала?

Анжелика закричала ему прямо в лицо:

– Солдатский ублюдок! – И надменно бросила: – Есть чем гордиться.

Он грубо схватил ее за плечи:

– Иногда мне хочется раздавить тебя как орех. Но теперь я тебя предупредил. Если когда-нибудь ты меня обманешь... Если переспишь с кем-нибудь...

– Можешь не бояться. Мне вполне хватает твоих объятий.

– Почему ты говоришь об этом с таким недовольным видом?

– Потому что для того, чтобы требовать еще, надо было бы обладать бешеным темпераментом. Вот если бы только ты мог быть более нежным!

– Это я-то не нежный? Я, который тебя обожает? Повтори, что я не нежный.

Он поднял увесистый кулак. Анжелика пронзительно закричала:

– Не прикасайся ко мне, мужлан! Скотина! Вспомни о Польке!

Он уронил руку и вздохнул, мрачно взглянув на нее:

– Прости меня, Анжелика. Ты всегда оказываешься сильнее. – Он улыбнулся и неловко протянул к ней руку. – Иди ко мне. Я постараюсь быть нежным.

Она позволила, чтобы он уложил ее на ворох тряпья, и, безразличная, пассивная, отдалась ставшим привычными объятиям.

Удовлетворив свое желание, он еще некоторое время лежал, тесно прижавшись к ней. Анжелика чувствовала на своей щеке жесткую щетку волос, которые из-за парика он стриг очень коротко.

Наконец он глухо пробормотал:

– Теперь я знаю... Ты никогда, никогда не будешь принадлежать мне. Потому что мне нужно не только это. Мне нужно твое сердце.

– Нельзя иметь все, бедняжка Никола, – рассудительно сказала Анжелика. – Раньше тебе принадлежала частица моего сердца. Теперь тебе принадлежит все мое тело. Раньше ты был моим дружкой Никола, теперь ты мой господин Каламбрден. Ты убил даже воспоминание о

том чувстве, которое я испытывала к тебе, когда мы были детьми. И все же я привязана к тебе, по-другому. Потому что ты сильный.

Он разозлился, вздохнул и снова проворчал:

– Я вот думаю, не придется ли мне на днях убить тебя?

Она зевнула, ей хотелось спать.

– Не говори глупостей.

Сквозь маленькое оконце звезды отбрасывали отсветы в краденые зеркала. У подножия башни неустанно распевали жабы.

– Никола... – вдруг сказала Анжелика.

– Да?

– Помнишь, мы хотели убежать в Америку?

– Да.

– А что, если теперь мы и вправду уедем туда?

– Куда это?

– В Америку!

– Ты спятила!

– Нет, уверяю тебя, это страна, где нет ни холода, ни голода... Там мы были бы свободны.

Она настаивала:

– Что ждет нас здесь? Тебя – только тюрьма или пытка, каторга или виселица. А что ждет меня, если ты исчезнешь?..

– При Дворе Чудес никогда не следует думать о том, что нас ждет. Завтра не существует.

– Там, быть может, у нас будет своя земля. Мы будем ее обрабатывать. Я тебе помогу.

– Ты спятила! – повторил он в новом приступе гнева. – Я только что растолковал тебе, что не имею ничего общего с мужичьем. И неужели ты думаешь, что я отступлю, оставив Родогону Цыгану клиентуру Сен-Жерменской ярмарки?

Она не ответила и снова стала безучастной.

Он еще некоторое время ворчал:

– Вот ведь эти женщины... Взбредет же такое в голову!..

В раздражении он ворочался и все никак не мог успокоиться. Какой-то голос внутри его твердил: «Что тебя ждет? Аббатство Виселицы? Да. А потом? Но разве можно жить где-то, кроме Парижа?»

В эту весеннюю ночь широкая грудь Никола – Каламбредена рвалась от сдавленных вздохов.

Он смотрел на спящую Анжелику и, терзаемый ревностью, хотел разбудить ее, потому что во сне она улыбалась.

Анжелике снилось, что она плывет по морю на барже с сеном.

Глава VIII

Как-то летним вечером Жан Тухляк заглянул в логово Каламбредена в Нельской башне. Он пришел проведать нищенку по кличке Фанни Несушка. У нее было десять детей, которых она поочередно сдавала то одним, то другим. На свои доходы она жила припеваючи, попрошайничеством занималась лишь для развлечения, а проституцией – по привычке. Впрочем, это совсем не мешало ее достоинствам производительницы, даже наоборот.

Жан Тухляк пришел «зарезервировать» ребенка, которого она ждала. Как настоящая торговка, она предупредила:

– За этого ты заплатишь дороже, потому что он будет колченогим.

– Откуда ты знаешь?

– Тот, кто мне его сделал, был хромым.

– О-ля-ля! – подняла ее на смех Полька. – Тебе повезло, что ты знаешь, каким был тот, кто тебе его сделал. Ты уверена, что не путаешь?

– Я всегда могу выбрать, – с достоинством отвечала Несушка.

И снова принялась пряхть клок грязной шерсти. Это была активная женщина, она не любила сидеть без дела.

Обезьянка Пикколо прыгнула на плечо Тухляка и вырвала у него клок волос.

– Мерзкое животное! – заорал он, отмахиваясь шляпой.

Анжелика была довольна поступком своей любимицы. Она не скрывала неприязни к палачу. Но Жан Тухляк был личностью опасной. Его уважал сам принц нищих, с которым они делили логово. И Анжелика позвала обезьянку.

Тухляк потирал череп и ругался на чем свет стоит. Он уже докладывал принцу нищих, что люди Каламбредена стали дерзкими и опасными. Что они считают себя хозяевами жизни. Но придет день, когда другие банды возмутятся. Этот день...

– Давай-ка выпьем, – предложила Полька, чтобы утихомирить его.

Она плеснула Тухляку полный ковш горячего вина.

Он всегда мерз, даже в разгар лета. Видать, в жилах у него текла рыба кровь. Впрочем, и глаза у него были мутные, а кожа липкая и

холодная, как у рыбы.

Он выпил, и на губах его появилась улыбка, открывшая ряд скверных зубов.

В зал в сопровождении маленького Лино входил Тибо Музыкант.

– А вот и он, мой красавчик, – сказал Жан Тухляк, потирая руки. – Ну, Тибо, на сей раз решено. Я у тебя его покупаю и дам тебе – смотри не упади! – я тебе дам пятьдесят ливров. Целое состояние.

Старик растерянно смотрел на него сквозь прореху в своей соломенной шляпе.

– Но что я буду делать с пятьюдесятью ливрами? И потом, кто же вместо него будет бить в барабан?

– Выдрессируешь другого мальчишку.

– Но это мой внук.

– Ты разве не хочешь его счастья? – спросил Жан Тухляк, злорадно улыбаясь. – Ты только подумай, твой внук будет ходит в бархате и кружевах. Я тебя не обманываю, Тибо. Я знаю, кому я его продам. Он станет фаворитом принца, а потом, если не будет глупцом, достигнет высокого положения.

Жан Тухляк погладил ребенка по каштановым кудряшкам:

– Ну что, Лино, хотел бы ты иметь красивую одежду, вдоволь есть из золотой посуды и лакомиться конфетками?

– Не знаю, – скуксившись, ответил мальчонка.

Он плохо представлял себе подобные удовольствия, потому что никогда не знал ничего, кроме нищеты, как и его предки.

Пробивавшийся через приоткрытую дверь луч заходящего солнца освещал его золотистую кожу. У него были длинные загнутые ресницы, большие черные глаза и красные, как вишня, губы. Он с изяществом носил свои лохмотья. Мальчика можно было принять за маленького сеньора, переодетого для маскарада. И казалось поразительным, что такой цветок мог взрасти на подобной навозной куче.

– Пойдем-пойдем! Мы с тобой чудно поладим, – приговаривал Жан Тухляк.

И он обнял детские плечики своей белой рукой.

– Пойдем, лапочка, пойдем, мой барашек.

– Но ведь я не согласен! – завопил Музыкант. Его била дрожь. – Ты не имеешь права отнимать у меня внука!

– Я у тебя его не отнимаю, я его покупаю. Пятьдесят ливров! Так ведь? И вообще, успокойся-ка. Иначе ничего не получишь. Вот и все.

Он оттолкнул старика и пошел к двери, волоча за собой Лино.

Но перед дверью он обнаружил Анжелику.

– Ты не можешь увести его без разрешения Каламбредена, – спокойно сказала она.

И, взяв мальчонку за руку, отвела его обратно в зал.

Лицо торговца детьми побелело. Жан Тухляк добрых три секунды разевал рот и судорожно глотал воздух.

– Еще чего! Ишь чего выдумала!

Он подтащил к себе табурет.

– Ну ладно, подожду Каламбредена.

– Можешь сколько угодно ждать, – сказала Полька, – да только если Маркиза Ангелов не захочет, не получишь ты своего мальчишку. Он делает все, что она хочет! – добавила она со злобой и восхищением.

Каламбреден со своими людьми вернулся только к ночи. Прежде всего он потребовал выпить. О делах можно поговорить после.

Он утолял жажду, когда в дверь постучали. Среди нищих это не было принято. Все переглянулись, а Снегирь, вытащив шпагу, пошел открывать.

Женский голос за дверью спросил:

– Жан Тухляк здесь?

– Да входите же вы, – сказал Снегирь.

Воткнутые в железные кольца на стенах смоляные факелы осветили фигуру закутанной в накидку высокой девушки и лакея в красной ливрее, с корзиной в руке.

– Мы ходили к тебе в предместье Сен-Дени, – пояснила девица Тухляку, – но нам сказали, что ты у Каламбредена. Ну и заставил же ты нас побегать! Не говоря уже о том, что до Нельских ворот от Тюильри мы добрались бы скорее.

Говоря, она распахнула накидку и взбила пышные кружева своего корсажа, где сверкнул золотой крестик на черной бархатной ленте. Глаза мужчин разгорелись при виде этой бойкой бабенки с выбивающейся из-под тонкого чепца буйной огненной шевелюрой.

Анжелика отошла в темный угол зала. На висках выступили капельки пота. В пришедшей она не сразу узнала Бертилию,

горничную графини де Суассон, которой всего несколько месяцев тому назад продала Куасси-Ба.

– У тебя для меня что-нибудь есть? – спросил Тухляк.

С многообещающим видом девица приподняла салфетку, прикрывающую корзину, которую лакей только что поставил на стол, и вынула из нее новорожденного младенца.

– Вот, – сказала она.

Жан Тухляк скептически осмотрел ребенка.

– Жирненький, хорошо сложен, – с гримасой промолвил он. – Честное слово, больше тридцати ливров дать не смогу.

– Тридцать ливров?! – возмущенно воскликнула та. – Ты слышишь, Жасент?! Тридцать ливров... Да ты на него и не посмотрел. Ты не способен оценить товар, который я тебе принесла. Посмотри хорошенько!

Маленькое разбуженное существо слабо зашевелилось.

– Ой! – воскликнула Полька. – Да у него писька черная!

– Это сын мавра, – прошептала служанка. – Помесь черного и белого. Знаешь, какими они становятся красавцами с золотой кожей. Такое не часто увидишь. Потом, когда ему будет пять-шесть лет, продашь его очень дорого в пажи. – Она злобно прыснула и добавила: – Кто знает, вдруг ты сможешь продать его собственной матери, Суассонше.

Глаза Тухляка алчно загорелись.

– Ладно, – решил он, – дам тебе за него сто ливров.

– Сто пятьдесят.

Подлец с негодованием воздел руки:

– Ты меня разоряешь! Вообрази, сколько денег понадобится на воспитание мальчишки, особенно если я хочу вырастить его откормленным и сильным?

Начался гнусный торг. Бертилия положила младенца на стол и уткнула руки в боки. Все присутствующие столпились вокруг и с некоторой опаской стали заглядывать в корзину. Кроме слишком темного члена, младенец почти ничем не отличался от любого другого новорожденного. Только кожа, казалось, была немного краснее.

– Во-первых, кто сказал, что это и правда мулат? – исчерпав все аргументы, спросил Жан Тухляк.

– Клянусь, что его отец чернее, чем дно закопченного котла.

Фанни Несушка испуганно воскликнула:

– Ох, меня чуть не парализовало от страха! Как твоя госпожа могла...

– А правду говорят, будто достаточно мавру только бросить взгляд на белую женщину, как она уже беременна? – поинтересовалась Полька.

Служанка гнусно хихикнула:

– Говорят... И наперебой твердят об этом от Тюильри до Пале-Рояль с тех пор, как беременность моей хозяйки стала заметна. Слухи дошли даже до опочивальни короля. Его величество сказал: «Неужели? Тогда это должен быть очень глубокий взгляд». И, повстречав мою хозяйку на приеме, повернулся к ней спиной. Представляете, как Суассонша разозлилась! Ведь она так надеялась подцепить его! Но король в ярости с тех пор, как стал подозревать, что мужчина с черной кожей поставлен Суассоншей в те же условия, что он сам. К несчастью, ни муж, ни любовник, этот мелкий негодяй маркиз де Вард, не согласны взвалить на себя отцовство. Но моя хозяйка себе на уме. Во-первых, официально она разродится только в декабре.

И Бертилия уселась за стол, победоносно глядя вокруг:

– Налей-ка мне, Полька, и я вам все выложу. Так вот. Очень просто. Надо только уметь считать на пальцах. Мавр покинул службу у хозяйки в феврале. Если она родит в декабре, значит мавр не может быть отцом ребенка. Тут она слегка расслабляет корсаж платья и жалуется подруге: «Ах, милочка, этот ребенок так ворочается. Он меня буквально парализует. Даже не знаю, смогу ли нынче вечером отправиться на бал к королю».

А потом, в декабре, роды с превеликим шумом, прямо в Тюильри. Тут-то, Тухляк, ты и доставишь нам ребеночка, свеженького, сегодняшнего. Пусть отцом будет кто угодно. Мавр ни при чем, что и требовалось доказать. Всем известно, что он с февраля гребет на королевских галерах.

– А за что его отправили на каторгу?

– Да из-за грязной истории с колдовством. Он был соучастником какого-то колдуна, которого сожгли на Гревской площади.

Несмотря на самообладание, Анжелика не смогла удержаться и не взглянуть на Никола. Но тот равнодушно пил и ел. Она снова

отступила в тень. Ей хотелось бы покинуть зал, но в то же время она сгорала от желания услышать продолжение.

– Да-а, грязная история! – понизив голос, продолжала Бертилия. – Мавр умел предсказывать судьбу. Вот его и приговорили. Как раз потому-то Вуазенша отказалась прийти, когда хозяйка послала за ней, чтобы она избавила ее от плода.

Карлик Баркароль вспрыгнул на стол возле стакана служанки:

– У-у! Я видел эту даму и тебя тоже, я тебя видел много раз, кудрявая морковка! Я маленький демон, который открывает дверь у моей знаменитой хозяйки, гадалки.

– Верно, я могла бы узнать тебя по твоей наглости.

– Вуазенша не захотела устроить графине выкидыш, потому что она носила под сердцем ребенка мавра.

– Как же она узнала? – спросила Фанни.

– Она знает все. Она же гадалка.

– Она только взглянула на ее ладонь и сразу все ей сказала, – испуганно пояснила служанка. – Что это ребенок смешанной крови, что черный человек, который ее обрюхатил, знает секреты магии, что она не может его убить, потому что это принесет ей несчастье, хотя она тоже колдунья. Моя хозяйка очень расстроилась. «Что будем делать, Бертилия?» – говорила она мне. Она пришла в ужасную ярость. Но Вуазенша не уступила. Она сказала, что поможет моей хозяйке родить, когда придет срок, и что об этом никто не узнает. Но что больше она ничего сделать не может. И спросила много денег. Все произошло прошлой ночью в Фонтенбло, куда двор переехал на лето. Вуазенша приехала с одним из своих людей, колдуном по имени Лезаж. Хозяйка родила в небольшом домике, принадлежащем семье Вуазенши, недалеко от дворца. На заре я проводила хозяйку, и с самого утра, разодетая в пух и прах и размалеванная, она, как обычно, предстала перед королевой, потому что она руководит ее свитой. Вот уж как разочаруются те, кто со дня на день ждет увидеть ее в затруднительном положении! Кому они теперь станут перемывать кости? Госпожа де Суассон по-прежнему беременна, родит только в декабре, белого ребенка, и, быть может, господин де Суассон признает его.

Оглушительный хохот сопровождал окончание ее рассказа.

Баркароль кувыркнулся и сказал:

– Я слышал, как моя госпожа призналась Лезажу, что заработала на Суассонше больше, чем если бы клад нашла.

– О, Вуазенша такая хищница! – злобно проворчала Бертилия. – Она запросила столько, что за мою помощь графиня смогла дать мне только вот этот крестик.

Служанка задумчиво смотрела на карлика:

– Знаешь, думаю, ты доставишь удовольствие кое-кому очень высокопоставленному из тех, кого я знаю.

– Я всегда знал, что создан для лучшей доли, – отвечал Баркароль, галантно встав на свои корявые ножки.

– Карлик королевы умер, и королева, которую с тех пор, как она забеременела, все раздражает, очень переживает. А карлица – та просто в отчаянии. Никто не может утешить ее. Ей бы нужно нового друга... ее роста.

– О, я убежден, что понравлюсь этой благородной даме! – воскликнул Баркароль, схватившись за юбку служанки. – Отведите меня, прекрасная морковка, отведите же меня к королеве. Разве я не восхитителен и не соблазнителен?

– А ведь он и правда не безобразен, а, Жасент? – развеселившись, заметила Бертилия.

– Я даже красив, – заявил уродец. – Если бы природа отпустила мне на несколько сантиметров больше, я был бы самым модным ухажером. А чтобы любезничать с дамами, уж вы мне поверьте, мой язык не знает отдыха.

– Карлица говорит только по-испански.

– Я говорю по-испански, по-немецки и по-итальянски.

– Надо его забрать! – хлопая в ладоши, воскликнула Бертилия. – Дельце выгодное, да и ее величество нас приметит. Надо спешить. К утру мы должны вернуться в Фонтенбло, чтобы никто не заметил нашего отсутствия. Может, посадить тебя в корзинку маленького мулата?

– Вы смеетесь, сударыня! – величественно возразил Баркароль.

Все с хохотом поздравляли друг друга. Баркароль отправляется к королеве!.. Баркароль будет жить у королевы!

Каламбреден едва поднял голову от миски.

– Не забудь своих друзей, когда станешь богатым, – процедил он. И потер большой и указательный палец, словно ощупывая золотую

монетку.

– Убей меня, если я их забуду! – запротестовал карлик, которому были известны безжалостные законы нищего братства.

И, прыгнув в угол, где затаилась Анжелика, отвесил ей низкий галантный поклон:

– До встречи, о прекраснейшая, до встречи, сестренка, Маркиза Ангелов.

Забавный человечек поднял на нее свои живые, поразительно пронзительные глаза. И добавил, изображая петиметра:

– Надеюсь, дражайшая, мы еще встретимся. Назначаю вам свидание... у королевы.

Глава IX

Двор находился в Фонтенбло. В жару не было более приятного места, чем этот утопающий в зелени белый замок с прудом, где плавали карпы со своим старейшиной, принесшим перстень Франциску I. Водоемы, цветы, рожи...

Король работал, король танцевал, король развлекался псовой охотой. Король был влюблен. Кроткая Луиза де Лавальер, трепеща при мысли, что пробудила страсть в этом царственном сердце, поднимала на государя свои великолепные томные голубые глаза. А двор наперебой прославлял их союз в многозначительных аллегориях, где бегущая по лесам Диана наконец отдается Эндимиону, и чествовал восхождение скромной белокурой девушки, чей цветок невинности только что сорвал Людовик XIV.

Семнадцать лет, едва выбравшаяся из бедной многодетной провинциальной семьи, одинокая среди фрейлин Мадам... Было от чего взволноваться сердцу Луизы де Лавальер, если все нимфы и дүхи леса Фонтенбло при ее появлении перешептываются в лунном свете:

– Фаворитка!

Она не знала, как скрыть силу своей любви и позор своего греха!

Но придворные хорошо владели техникой тонкого ремесла паразитов. Именно через любовницу получают доступ к королю, затевают интригу, добиваются места, милостей, пенсий. И пока отяжелевшая от беременности королева томилась в своих покоях в обществе безутешной карлицы, в сияющих летних парках продолжалась череда празднеств и увеселений.

Во время устроенного на канале малого ужина, когда в лодках не нашлось места для офицеров стола, придворные с удовольствием наблюдали за принцем Конде, который, как усердный слуга, вместо того чтобы выигрывать сражения или плести интриги против короля, принимал блюда, передаваемые с соседней лодки, и предлагал их королю и его возлюбленной.

Сидя на берегу Сены, в зловонии гниющей тины, Анжелика следила, как на Нотр-Дам опускаются сумерки.

В желтом небе над квадратными башнями и расширяющимся нефом апсиды метались ласточки. Время от времени какая-нибудь птица, пролетая совсем близко от Анжелики, касалась берега и с пронзительным криком взмывала ввысь.

На противоположной стороне реки, ниже домов каноников собора, пологий глинистый спуск вел к самому крупному водопою Парижа.

В этот вечерний час возчики и конюхи гнали туда вереницы лошадей.

Их ржание далеко разносилось в прозрачном вечернем воздухе.

Уставшие за день, извозчики медленно распрягали лошадей. Анжелика резко поднялась.

«Схожу повидать детей», – подумала она.

За двадцать су перевозчик доставил ее на пристань Сен-Ландри. Анжелика прошла по улице Анфер и остановилась в нескольких шагах от дома, где жил прокурор Фалло де Сансе. Она и подумать не могла предстать в доме своей сестры в обличье нищенки, в обтрепанной юбке, стоптанных башмаках, с прикрытыми косынкой встрепанными волосами. Но ей пришла в голову мысль о том, что, притаившись где-нибудь поблизости, она сможет увидеть своих сыновей.

С недавнего времени это стало навязчивой идеей, необходимостью, которая с каждым днем делалась все острее, занимала все ее мысли. Личико Флоримона всплывало из пропасти забвения и отупения, в которую она погрузилась. Она как будто снова видела его черные кудри под красным чепчиком, слышала его лепет.

Сколько ему теперь? Чуть больше двух.

А Кантору? Семь месяцев. Анжелика не представляла его себе. Ведь она оставила его таким крошкой...

Прислонившись к стене возле лавки сапожника, Анжелика принялась внимательно рассматривать фасад дома, в котором жила, пока была богата и уважаема. Год назад ее экипаж перегородил узкую улочку. Отсюда, роскошно одетая, она отправилась на триумфальный въезд короля. И Косая Като передала ей заманчивое предложение суперинтенданта Фуке: «Соглашайтесь, милочка! Разве это не лучше, чем потерять жизнь?»

Она отказалась. И потеряла все. Порой Анжелика задумывалась, не потеряла ли она также и жизнь? Ведь теперь она лишена имени,

права на существование. Для всех она мертва.

«Разве я не потеряла жизнь?»

Шло время, но дом казался пустынным. Впрочем, за грязными окнами кабинета прокурора угадывались унылые силуэты клерков.

Один из них вышел, чтобы зажечь фонарь.

Анжелика опасливо приблизилась:

– Дома ли мэтр Фалло де Сансе или уехал в деревню?

Прежде чем ответить, клерк неторопливо разглядел собеседницу.

– Вот уже некоторое время мэтр Фалло здесь не живет, – сказал он. – Он продал свою должность. У него были неприятности после процесса о колдовстве, в котором была замешана его семья. Это подорвало его репутацию. Он переехал в другой квартал.

– А... вы не знаете в какой?

– Нет, – высокомерно ответил клерк. – А если бы и знал, тебе не сказал бы. Ты не его клиентка.

Анжелика была потрясена. Несколько дней она жила лишь надеждой хотя бы на секунду увидеть личики своих детей. Она представляла, что они возвращаются с прогулки: Барба держит на руках Кантора, а Флоримон весело семенит рядом. И вот теперь они тоже навсегда исчезли из ее поля зрения!

У нее закружилась голова, и, чтобы не упасть, ей пришлось прислониться к стене.

Сапожник, закрывавший ставни мастерской на ночь, слышал ее разговор с клерком. Он сказал:

– Тебе так уж надо было увидеть мэтра Фалло? Ты по поводу суда?

– Нет, – ответила Анжелика, пытаясь взять себя в руки, – но я... я хотела видеть девушку, которая у него служила... по имени Барба. Вы не знаете нового адреса господина прокурора?

– Насчет мэтра Фалло и его семьи сказать не могу. А вот про Барбу – возможно. Она больше у них не служит. В последний раз, когда я ее видел, она работала в лавке торговца жареным мясом под вывеской «Храбрый Петух» на улице Валле-де-Мизер.

– О, благодарю вас.

И Анжелика бросилась бежать по темным улицам.

Улица Валле-де-Мизер, позади тюрьмы Шатле, была владением торговцев жареным мясом. Днем и ночью здесь не умолкали крики

забитой птицы и скрежет вертелов, которые крутились над очагом.

Харчевня «Храбрый Петух» была самой отдаленной и малопривлекательной. Казалось даже, что там пост уже начался.

Анжелика вошла в зал, скудно освещенный двумя или тремя свечами. Сидящий за столом перед кувшином вина толстый мужчина в грязном поварском колпаке был, казалось, гораздо больше увлечен выпивкой, чем обслуживанием клиентов. Впрочем, их было немного: несколько ремесленников и бедно одетый путник.

Мальчишка-поваренок, подпоясанный засаленным фартуком, шаркая, подносил блюда, определить состав которых было практически невозможно.

Анжелика обратилась к толстому повару:

– У вас тут есть служанка по имени Барба?

Повар небрежно ткнул пальцем в сторону кухни.

Анжелика увидела Барбу. Она сидела перед огнем и ошипывала птицу.

– Барба!

Та подняла голову и вытерла рукой потный лоб.

– Чего тебе, девушка? – устало спросила она.

– Барба, – повторила Анжелика.

Барба удивленно раскрыла глаза. Потом сдавленно вскрикнула:

– О госпожа графиня!.. Простите меня, госпожа...

– Не надо больше называть меня госпожой, – отрывисто сказала Анжелика.

Она рухнула на каменную приступку очага. Жара стояла удушающая.

– Барба, где мои дети?

Толстые щеки Барбы задрожали, словно она едва сдерживала рыдания. Сглотнув, она наконец смогла ответить:

– Они у кормилицы, госпожа... Не в Париже, в деревне возле Лоншана.

– Значит, моя сестра Ортанс не оставила их у себя?

– Госпожа Ортанс сразу отдала их кормилице. Я дважды ходила туда, чтобы передать ей деньги, которые вы мне оставили. Госпожа Ортанс требовала, чтобы я отдала их ей, но я кое-что утаила. Я хотела, чтобы эти деньги были только для детей. А потом я уже не могла

ходить к кормилице... Я ушла от госпожи Ортанс... Переменила много мест... Так трудно зарабатывать себе на жизнь.

Теперь она говорила торопливо, избегая встречаться с Анжеликой глазами. А та задумалась. Лоншан не слишком далеко. Это излюбленное место прогулок придворных дам. Они посещают службы монашенок тамошнего аббатства.

Барба снова принялась нервно оципывать птицу. У Анжелики появилось ощущение, что кто-то пристально на нее смотрит. Оглянувшись, она увидела поваренка, открыв рот разглядывающего ее. Выражение его лица не оставляло никаких сомнений относительно чувств, которые внушала ему эта прекрасная женщина в лохмотьях. Но на сей раз Анжелика не рассердилась. Она быстро поднялась:

- Где ты живешь, Барба?
- Здесь, госпожа, в каморке над лестницей.
- Не называй меня госпожой.

В этот момент на пороге кухни возник хозяин «Храброго Петуха» в сбившемся на сторону колпаке.

– Чем вы здесь занимаетесь? – заплетающимся языком спросил он. – Давид, тебя посетители требуют. Эта птица скоро будет готова, Барба? Видать, мне самому надо было побеспокоиться, пока вы тут бездельничаете! А эта нищенка что здесь забыла? Пошла вон, да поживей! И не вздумай стащить у меня каплуна!

– О, госпожа...

Но в этот вечер Анжелика была настроена агрессивно. Уперши кулаки в бока, она вспомнила весь словарь Польки:

– Заткнись, вонючая бочка! На черта мне твои старые жилистые петухи? А что до тебя, девственник-сифилитик, лучше бы тебе опустить зенки и закрыть хлебало, если не хочешь схлопотать по харе.

– О госпожа! – воскликнула пораженная Барба.

Анжелика, воспользовавшись смущением обоих мужчин, шепнула ей:

– Жду тебя во дворе.

Позже, когда Барба вышла с подсвечником в руке, Анжелика последовала за ней по расшатанной лестнице в каморку, которую хозяин, господин Буржю, за несколько су сдавал служанке.

- У меня так бедно... – смущенно сказала Барба.
- Не беспокойся, я тоже познала нищету...

Анжелика скинула башмаки, чтобы ноги отдохнули на прохладном полу, и присела на кровать. Это был поставленный на ножки соломенный тюфяк без полога.

– Надо извинить хозяина, госпожа, – заговорила Барба. – Он неплохой человек. Но после смерти жены запил. Поваренок – его племянник, он вызвал его из провинции, чтобы помогал. Но парень не больно расторопный. Так что дела идут совсем плохо.

– Если я тебя не стесню, Барба, можно я у тебя переночую? – спросила Анжелика. – Завтра на рассвете я уйду, чтобы повидать детей. Я могу лечь с тобой? Меня бы это устроило.

– Госпожа оказывает мне большую честь!

– Честь... – с горечью повторила Анжелика. – Взгляни на меня и больше так не говори.

Барба залилась слезами.

– Госпожа, – пролепетала она, – ваши прекрасные волосы... ваши такие прекрасные волосы! Кто же их теперь расчесывает?

– Я сама... иногда. Барба, не плачь так горько. Прощу тебя.

– Если госпожа позволит, – пробормотала служанка, – у меня есть щетка. Я могла бы... воспользоваться... тем, что я с госпожой...

– Ну, если хочешь.

Проворные руки служанки принялись распутывать отливающие золотом прекрасные пряди. Анжелика прикрыла глаза. Как велика власть каждодневных действий! Старательных рук служанки оказалось достаточно, чтобы вернуть прошлое. Барба всхлипывала.

– Не плачь, Барба, – повторила Анжелика, – все это закончится... Да, я верю, что это кончится. Не сейчас, я знаю, но наступит день... Ты не можешь понять, Барба. Это как круг ада, из которого нельзя выйти иначе как через смерть. Но я начинаю верить, что все же смогу бежать. Не плачь, Барба, добрая моя девочка...

Они спали вместе. Барба начинала работу на заре. Анжелика спустилась за ней в кухню харчевни. Барба налила ей горячего вина и сунула пару пирожков.

Теперь Анжелика направлялась в Лоншан. Выйдя за ворота Сент-Оноре и миновав песчаные пятиугольники променада, называвшегося Елисейскими Полями, она добралась до деревни Нёйи, где, как уверяла Барба, находились ее дети. Анжелика еще не знала, что будет делать. Быть может, издали наблюдать за ними? А если вдруг

Флоримон, заигравшись, подойдет поближе, она попытается привлечь его пирожком.

Она спросила, где находится жилище матушки Маво, и, подойдя к дому, увидела детей, играющих в пыли под присмотром девчонки лет тринадцати. Все они были замызганные и дурно одетые, но, похоже, чувствовали себя хорошо.

Она тщетно пыталась узнать среди них Флоримона.

Из дому вышла дородная женщина в сабо, Анжелика предположила, что это кормилица, и решила войти во двор:

– Я бы хотела видеть двоих детей, порученных вам госпожой Фалло де Сансе.

Крестьянка, крупная темноволосая мужеподобная женщина, оглядела ее с нескрываемым недоверием:

– Что это вы деньги с таким опозданием привозите?

– Так, значит, оплата пребывания у кормилицы поступает с опозданием?

– Хоть бы с опозданием! – взорвалась женщина. – Того, что оставила госпожа Фалло, когда я их приняла, и того, что потом привезла служанка, не хватило даже, чтобы месяц кормить их. А потом – дудки! – ни су! Я ездила в Париж, чтобы потребовать денег, но эти Фалло переехали. Что за манеры у сутяг-прокуроров! Все они одинаковы – что прокуроры, что адвокаты.

– А они? – спросила Анжелика.

– Кто?

– Дети.

– Почему я знаю? – пожав плечами, бросила кормилица. – Мне хватает дел и с теми крошками, за которых платят.

Подошедшая девочка быстро предложила:

– Младший там. Могу показать.

Взяв Анжелику за руку, она провела ее через главное помещение фермы в хлев, где находились две коровы. Позади яслей стоял ящик, в котором Анжелика с трудом разглядела ребенка примерно шести месяцев от роду. Он был совершенно голеньким, если не считать какого-то прикрывающего животик грязного лоскута, кончик которого он жадно сосал.

Анжелика схватила ящик и втащила в комнату.

– Это я положила его в хлев, потому что ночью здесь теплее, чем в погребке, – прошептала девочка. – И везде валяются хлебные корки. Но он не худенький. Я дою коров утром и вечером и каждый раз даю ему немного молока.

Ошеломленная Анжелика смотрела на ребенка. Этот безобразный червячок, покрытый гнойниками и паразитами, не мог быть Кантором! Тем более что Кантор родился блондином, а у этого ребенка были каштановые кудряшки. Тут ребенок открыл глазки, и стали видны великолепные ясные радужки.

– У него такие же зеленые глаза, как ваши! – сказала девочка. – Значит, вы его мать?

– Да, я его мать, – глухим голосом ответила Анжелика. – А где старший?

– Наверное, в собачьей конуре.

– Жавотта, не лезь не в свои дела! – гаркнула крестьянка.

Она недружелюбно следила за ними, но не вмешивалась, видимо надеясь, что в конце концов эта женщина с грустным лицом принесет деньги.

Будка была занята огромным сторожевым псом устрашающего вида. Чтобы выманить его оттуда, Жавотте пришлось прибегнуть к множеству уговоров и обещаний.

– Фло все время прячется за собаку, потому что боится.

– Чего боится?

Девчонка быстро огляделась:

– Что его побьют.

Она вытащила что-то из будки. Появился какой-то черный кудрявый комок.

– Но это другая собака! – воскликнула Анжелика.

– Нет, это его волосы.

– Конечно, – прошептала она.

Разумеется, подобная шевелюра могла принадлежать только сыну Жоффрея де Пейрака. Но под этим густым, темным и плотным руном было жалкое, худосочное сероватое тело, покрытое лохмотьями.

Анжелика встала на колени и дрожащей рукой приподняла взлохмаченные волосы. Она увидела бледное исхудалое личико, на котором блестели расширившиеся от страха черные глаза. Хотя было

очень жарко, ребенка сотрясала непрерывная дрожь. Под грязной шершавой кожей выступали острые тонкие кости.

Анжелика встала и подошла к кормилице.

– Вы оставили их умирать с голоду! – грозно сказала она. – Вы оставили их умирать в нищете. Месяцами дети не получали никакой заботы, никакой пищи. Только собачьи объедки или кусочки, которые эта девчушка отрывала от своего скудного ужина. Вы подлая женщина!

Крестьянка побагровела. Скрестив руки на груди, она заорала.

– Добренькая нашлась! – задыхаясь от ярости, вопила кормилица. – Сваливают на меня детей без единого су, пропадают, не оставив адреса, да еще какая-то нищенка с большой дороги, цыганка, египтянка, какая-то... меня поносит!

Не слушая ее, Анжелика вернулась в дом.

Схватив висящую у очага тряпку, прикрепила ею Кантора к себе на спину, завязав узел на груди, в точности как носят своих детей цыганки.

– Что это вы собираетесь делать? – спросила кормилица, вошедшая в дом вслед за Анжеликой. – Вы ведь их не уведете, а? Или давайте деньги.

Анжелика порылась в карманах и бросила на землю несколько монет. Крестьянка хмыкнула:

– Пять ливров! Смеешься, что ли? За этих щенков мне должны верных три сотни. Плати давай! Не то позову соседей с собаками, чтобы прогнали тебя.

Высокая и крупная кормилица, расставив руки, встала в дверях. Сунув руку за корсаж, Анжелика выхватила кинжал. Клинок Родогона сверкнул в темноте таким же жестоким блеском, как глаза той, что держала его.

– Уйди с дороги, – глухо бросила Анжелика, – уйди, или прирежу!

Услышав воровской жаргон, кормилица побледнела. В предместьях Парижа были слишком хорошо осведомлены о воровской дерзости и умении людей такого сорта владеть ножом.

Крестьянка в ужасе отступила. Анжелика прошла мимо, направив на нее острие кинжала, как учила Польша.

– И не вздумай звать на помощь! Не посылай ни псов, ни мужичье по моим следам, иначе горе тебе. Завтра же твоя ферма вспыхнет

огнем, а ты проснешься с перерезанной глоткой. Поняла?

Дойдя до середины двора, Анжелика сунула кинжал за пояс и, подхватив на руки Флоримона, бросилась в сторону Парижа.

Задыхаясь, она спешила в сторону столицы, пожирающей человеческие существа, где для двоих ее полумертвых детей не было иного пристанища, кроме руин и зловещего гостеприимства нищих и бандитов.

Ее обгоняли кареты, обдавая потное лицо Анжелики облаками пыли. Но она не замедляла шага, не ощущая тяжести своей двойной ноши.

«Этому придет конец! – думала Анжелика. – Должен же этому прийти конец. Однажды я сбегу и приведу их к живым...»

В Нельской башне проспавшаяся после попойки Полька помогла ей устроить детей.

Глава X

При виде детей Каламбретен, вопреки ее опасениям, не выказал ни гнева, ни ревности. Но выражение крайнего изумления возникло на его суровом и черном лице.

– Ты спятила? – сказал он. – Ты спятила, если привела сюда детей? Ты что, не видела, во что здесь превращают детей? Ты хочешь, чтобы у тебя их брали внаем и заставляли попрошайничать?.. Чтобы их сожрали крысы?.. Чтобы Жан Тухляк у тебя их выкрал?

Подавленная этими неожиданными упреками, Анжелика в отчаянии вцепилась в него:

– Но куда бы ты хотел, чтобы я их отвела, Никола? Посмотри, что с ними сделали... Они умирали с голоду! Я привела их сюда не для того, чтобы им причинили зло, а чтобы отдать под твою защиту. Ты ведь такой сильный, Никола.

В растерянности Анжелика прижалась к Никола и смотрела на него так, как не смотрела никогда.

Но он будто не замечал этого и, качая головой, твердил:

– Я не смогу всегда защищать их... этих детей благородной крови. Я не смогу.

– Но почему?! Ты сильный! Тебя боятся.

– Я не так силен. Ты измотала мое сердце. Для парней вроде меня, когда в дело вмешивается сердце, начинаются глупости. Все летит к черту. Иногда по ночам я просыпаюсь и думаю: «Берегись, Каламбретен... Аббатство Виселицы уже не так далеко...»

– Не говори так. Я редко прошу тебя о чем-то. Никола, мой Никола, помоги мне спасти детей!

Их прозвали ангелочками. Под покровительством Каламбретена дети разделяли жизнь Анжелики в самом средоточии нищеты и преступлений. Они спали в большом кожаном сундуке, выстланном мягкими плащами и тончайшими простынями.

Каждое утро им приносили парное молоко. Для них Ригобер или Снегирь подстерегали крестьянок, идущих на рынок Пьер-о-Лэ с медными бидонами на голове. И молочницы перестали ходить вдоль

берега Сены. Теперь их приходилось искать аж в Вожираре. В конце концов молочницы поняли, что заплатить за право пользоваться коротким путем можно всего лишь одним бидоном молока, и «шутникам» уже не приходилось вытаскивать шпаги.

Флоримон и Кантор разбудили сердце Анжелики.

Вернувшись из Нейи, она отвела детей к Большому Матье. Она хотела получить у него мазь для ран Кантора, а для Флоримона... Что надо сделать, чтобы вернуть к жизни это измученное дрожащее тельце, со страхом сжимавшееся под ласками матери?

– Когда я рассталась с ним, он говорил, – жаловалась она Польке, – а теперь только молчит.

Полька пошла вместе с ней к Большому Матье. Для них тот раздвинул пурпурные занавески, делящие надвое его возвышение, и, как знатных дам, провел их в свой личный кабинет. Там в невообразимом беспорядке валялись вставные челюсти, суппозитории, скальпели, коробочки с порошками, чайники, страусиные яйца и даже два чучела крокодилов.

Мэтр своей августейшей рукой лично умастил кожу Кантора мазью собственного изготовления и пообещал, что через неделю все пройдет. Его предсказание сбылось: корочки отвалились, и все увидели белокожего пухленького спокойного мальчугана, с курчавыми каштановыми волосами, который прекрасно себя чувствовал.

С Флоримоном дела обстояли не столь обнадеживающе. Большой Матье очень осторожно осмотрел его, несколько раз заставил улыбнуться и, вернув Анжелике, в задумчивости почесал подбородок. Анжелика была ни жива ни мертва.

– Что с ним?

– Ничего. Ему нужно есть, для начала понемногу. Потом столько, сколько сможет. Будем надеяться, тогда он немного прибавит в весе.

– Когда я покинула его, он говорил, ходил, – нервно твердила Анжелика. – А теперь молчит. И едва держится на ногах.

– Сколько ему было, когда ты его оставила?

– Двадцать месяцев, чуть меньше двух лет.

– Плохой возраст, чтобы научиться страдать, – задумчиво сказал Большой Матье. – Лучше бы это случилось раньше, сразу после

рождения. Или позже. Нельзя, чтобы жизнь с такой жестокостью набрасывалась на малышей, едва они на нее глянут.

Анжелика подняла на него блестящие от слез глаза. Она поражалась, как это грубое громогласное животное могло понимать такие тонкие вещи.

– Он умрет?

– Возможно, нет.

– Пропишите что-нибудь! – умоляла она.

Лекарь свернул бумажный кулек, насыпал в него измельченные травы и рекомендовал ежедневно давать ребенку пить отвар из них.

– Это укрепит его нервы.

Но, обычно столь многословный на предмет достоинств своих снадобий, на сей раз он воздержался от хвастовства.

– Главное, что ему надо, – это чтобы он больше никогда не знал ни холода, ни голода, ни страха, чтобы не чувствовал себя покинутым, чтобы его окружали одни и те же лица... В моих склянках нет того лекарства, которое ему необходимо, – счастья. Поняла меня, девушка?

Анжелика утвердительно кивнула. Она была потрясена и взволнована. С ней никогда не говорили так о ее детях. В том мире, где она жила прежде, это было не принято. Но простые люди, видимо, кое в чем разбираются лучше...

На возвышение взобрался пациент с перевязанной платком распухшей щекой, и грянул оркестр. Большой Матье вытолкал женщин наружу, дружески хлопнув каждую по спине.

– Постарайтесь, чтобы он улыбался! – крикнул он им вдогонку, хватаясь за щипцы.

С этого дня в Нельской башне все исхитрялись, чтобы вызвать улыбку Флоримона. Папаша Юрлюро и мамаша Юрлюрет, не жалея своих скрюченных ног, плясали для него. Сухарь давал ему поиграть свои ракушки. С Нового моста ему приносили апельсины, пирожные, бумажные мельнички. Маленький овернец показал ему своего сурка, а один скоморох с Сен-Жерменской ярмарки пришел с восьмью крысами, которые под скрипку сплясали менуэт.

Честь совершения чуда выпала Тибо Музыканту. Однажды старик принялся наигрывать «Зеленую мельницу». Анжелика, державшая Флоримона на коленях, почувствовала, как он вздрогнул. Мальчик

поднял на нее глаза. Его ротик приоткрылся, обнажая мелкие, как зернышки риса, зубки, и тихим глухим голосом, исходящим откуда-то изнутри, Флоримон сказал:

– Мама!

Глава XI

Наступил сентябрь, холодный и дождливый.

– Скоро зима, – стонал Сухарь и жался к огню, дрожа под своими лохмотьями.

Сырые дрова шипели в очаге. На этот раз буржуа и богатые торговцы не стали дожидаться Дня Всех Святых, чтобы достать из сундуков теплую одежду и чтобы пустить себе кровь согласно правилам гигиены, требующим ложиться под скальпель хирурга четыре раза в год, перед сменой сезона.

Но и богатым и нищим было чем заняться, вместо того чтобы беседовать о погоде.

Все крупные вельможи двора и финансового мира были поражены внезапным арестом богатейшего суперинтенданта финансов господина Фуке.

А все заметные персоны воровского мира размышляли о том, какой оборот примет к открытию Сен-Жерменской ярмарки борьба Каламбредена и Родогона Цыгана за власть.

Арест господина Фуке грянул как гром среди ясного неба. Несколькими неделями раньше король и королева-мать были приняты любимшим роскошь суперинтендантом в его замке Во-ла-Виконт. Они в очередной раз восхищались великолепным дворцом, построенным архитектором Лево, созерцали фрески Лебрена, наслаждались изысканной кухней Вателя. Они прогуливались по восхитительным садам, сооруженным по проекту Ленотра. Садам, освежаемым водами, укрощенными инженером Франсине и заключенными в водоемы, бассейны, гроты и фонтаны. И наконец, в зеленом театре весь двор аплодировал «Несносным» – первой комедии язвительного автора по имени Мольер.

А когда погасли последние факелы, все отправились в Нант, ознакомиться с финансовым состоянием Бретани. Именно там однажды утром, когда Фуке садился в карету, перед ним предстал хмурый мушкетер.

– Не сюда, сударь, – заявил офицер, – садитесь, пожалуйста, в ту, с зарешеченными дверцами.

– Это еще что? Что это значит?! – возмутился крайне удивленный суперинтендант.

– Что именем короля вы арестованы.

– Король – наш повелитель, – пробормотал побледневший суперинтендант. – Однако для его же славы я хотел бы, чтобы он действовал более открыто.

И снова на деле стояла печать царственного выученика кардинала Мазарини. В нем можно было увидеть аналогию с происшедшим год назад арестом тулузского вельможи графа де Пейрака, которого сожгли на Гревской площади как колдуна.

Но в смятении и тревоге, в которые арест суперинтенданта погрузил двор, никому не пришло в голову провести параллель относительно примененной в этом случае тактики.

Крупные вельможи мало размышляли. Однако они знали, что в счетах Фуке обнаружатся не только следы его злоупотреблений, но и имена всех тех господ... и всех тех дам, услуги которых он оплачивал. Поговаривали даже о чудовищно компрометирующих подробностях того, как вельможи, вплоть до принцев крови, во время Фронды продавались хитроумному финансисту.

Нет, тогда никто еще не признавал в этом втором аресте, более зрелищном и молниеносном, нежели первый, ту же властную руку.

Один только Людовик XIV, срывая печати с депеши, сообщавшей ему о восстании, поднятом в Лангедоке гасконским дворянином по имени Андижос, вздохнул: «Самое время!»

Бельчонок, убитый молнией на вершине дерева, падал все ниже и ниже с ветки на ветку. Да, самое время: Англия не восстанет ради Фуке, как Лангедок восстал за того странного человека, которого пришлось заживо сжечь на Гревской площади.

Дворянство, которое Фуке подкупал роскошью, не встанет на его защиту из страха вслед за ним испытать превратности судьбы. А несметные богатства Фуке вернутся в государственную казну, что будет только справедливо. Лево, Лебрен, Франсине, Ленотр, даже насмешник Мольер и Ватель – все художники, которых он выбрал и поддерживал вместе с их бригадами рисовальщиков, художников, рабочих, садовников, комедиантов и поварят, отныне будут работать на одного хозяина. Их направят в Версаль, в этот затерянный среди болот и лесов «маленький карточный домик», где Людовик XIV впервые

сжал в объятиях кроткую Лавальер. В честь этой испепеляющей любви там будет воздвигнуто самое неопровержимое свидетельство славы «короля-солнца».

Что же касается суперинтенданта Фуке, надо будет провести очень долгое расследование. Запрет бельчонка в крепость. О нем забудут.

У Анжелики не было времени размышлять над этими новыми событиями. Судьбе было угодно, чтобы падение того, кому принес тайную жертву Жоффрей де Пейрак, последовало слишком скоро за взлетом. Но для Анжелики было уже слишком поздно. Она даже не попыталась вспомнить, понять...

«Великие» приходили, устраивали заговоры, предавали и вновь входили в милость, а потом исчезали. Молодой король, властный и бесстрастный, ударом топора равнял придворных по росту. Ларчик с ядом по-прежнему был надежно спрятан в башне замка дю Плесси-Бельер. А Анжелика теперь была всего лишь безымянной женщиной, прижимающей к сердцу своих детей и со страхом наблюдающей за приближением зимы.

Если королевский двор напоминал разрушенный внезапным ударом ноги муравейник, то воровской мир кипел в ожидании битвы, которая обещала быть жестокой. И в тот момент, когда королева и цветочницы ждали рождения дофина, в Париж входили цыгане...

Сражение на знаменитой Сен-Жерменской ярмарке, утопившее ее в крови в день открытия, своим продолжением озадачило тех, кто пытался найти ему объяснение.

Лакеи избивали студентов, знатные сеньоры протыкали шпагами перевозчиков, женщин насиловали прямо на мостовой, поджигали кареты. И никто не понимал, где разгорелась смута.

И только один человек не заблуждался на этот счет. Это был парень по имени Дегре, человек образованный, с бурным прошлым. Он только что получил должность при Шатле. Его боялись, а теперь стали поговаривать о нем как об одном из самых ловких полицейских столицы.

Позже молодой человек прославится, организовав арест самой известной отравительницы своего времени, а возможно, и всех времен,

маркизы де Бренвилье, а в 1678 году первым приподнимет покров тайны над известным «делом о ядах», и брызги грязи от его разоблачений достигнут даже ступеней трона.

А пока, в конце 1661 года, полагали, что эти два обитателя Парижа, капитан стражи Дегре и его собака Сорбонна, лучше всех знают все притоны и всю фауну города.

Дегре уже давно следил за соперничеством, столкнувшим двух могущественных бандитских главарей, Каламбредена и Родогона Цыгана. Они оспаривали обладание территорией Сен-Жерменской ярмарки. Но Дегре также знал, что они соперники в любви, сражающиеся за благосклонность женщины с изумрудными глазами, по прозвищу Маркиза Ангелов.

Незадолго до открытия ярмарки полицейский пронюхал о стратегических движениях в воровском мире.

Несмотря на второстепенный чин, ему удалось как раз в утро открытия ярмарки вырвать у командования дозволение сконцентрировать все силы столичной полиции в окрестностях предместья Сен-Жермен. Он не сумел предотвратить начало сражения, разгоревшегося с крайней быстротой и жестокостью, но ограничил и пресек его со столь же мощной внезапностью, вовремя потушив пожары, организовав в боевые каре находившихся на ярмарке вооруженных дворян, произведя массовые аресты. Еще только занимался рассвет после этой кровавой ночи, когда два десятка «лучших» бандитов были уведены из города к зловецкой публичной виселице Монфокон и повешены.

По правде сказать, популярность Сен-Жерменской ярмарки по всем статьям оправдывала жестокую распрю, затеянную бандами парижских мошенников за исключительное право обирать ее.

С октября по декабрь и с февраля до поста здесь бывал ВЕСЬ Париж. Сам король не гнушался порой вечером посетить ее в сопровождении придворных. Какое раздолье представляет стая этих диковинных птиц для карманников и прочих грабителей!

Чем только не торговали на Сен-Жерменской ярмарке! Свой товар представляли торговцы из больших провинциальных городов: Амьена, Руана, Реймса. В роскошных лавках спорили из-за марсельских накидок, алансонских алмазов, верденских конфет.

Португалец продавал серый янтарь, тонкий фарфор. Провансалец выкладывал на прилавки апельсины и лимоны. Турок расхваливал персидский бальзам, ароматические воды из Константинополя. Фламандец привез свои знаменитые картины и сыры. Это был Новый мост во вселенском масштабе, в шуме колокольчиков, флейт, дудок, тамбуринов.

Дрессировщики показывали животных, чудеса природы привлекали публику. Парижане приходили посмотреть, как под звуки скрипки танцуют крысы, а мухи, размахивая соломинками, сражаются на дуэли.

В публике соседствовали простолюдины в лохмотьях и порядочные люди. Каждый приходил на Сен-Жерменскую ярмарку не только чтобы увидеть отливающие всеми цветами радуги прилавки, но и насладиться свободой нравов и поведения, чего нельзя было найти больше нигде.

Все там было предусмотрено, чтобы ублажить чувства.

Безудержный разгул соседствовал с обжорками, украшенные зеркалами и золотом прекрасные кабаре – с притонами для игры в брелан или ландскнехт.

Не было там парня или девушки, одержимых любовным бесом, которые не могли бы найти удовлетворения своей страсти.

Но во все времена цыгане оставались главной притягательной силой Сен-Жерменской ярмарки. Со своими акробатами и предсказателями они на ней были королями. Уже с середины лета можно было видеть караваны их повозок, груженных женщинами и детьми вперемешку с кухонной утварью, ворованными окороками и курами. Повозки волокли тощие клячи с заплетенными гривами.

Надменные и молчаливые мужчины с длинными черными волосами под украшенными перьями шляпами, в тени которых угольками горели глаза, тащили на плечах бесконечно длинные мушкетеры.

Наблюдая за ними, парижане ощущали жадное любопытство своих отцов, которые в 1427 году впервые увидели, как у стен Парижа появились эти вечные скитальцы с кожей цвета самшита. Их прозвали египтянами. Еще говорили «цыгане». Нищие признавали их влияние на законы воровского мира, и во время праздника дураков герцог Египетский шел рядом с принцем нищих, а высшие сановники

Галилейской империи вышагивали впереди главных помощников принца нищих.

Родогон, будучи цыганом, не мог рассчитывать на высокий титул среди парижских нищих. Поэтому, по справедливости, он хотел оставить за собой окрестности тех магических святилищ, украшенных жабами, скелетами и черными кошками, которые гадалки, «смуглые колдуньи», как их называли, возводили посреди Сен-Жерменской ярмарки.

Однако Каламбрден, как хозяин Нельских ворот и Нового моста, желал, чтобы этот лакомый кусок достался лишь ему. Подобное соперничество могло завершиться только смертью одного из них.

В последние дни, предшествовавшие открытию ярмарки, в квартале постоянно вспыхивали драки.

Накануне отрядам Каламбрдена пришлось беспорядочно отступить и укрыться в развалинах Нельской крепости, когда Родогон Цыган установил нечто вроде защитного кордона вокруг квартала, вдоль заброшенных рвов и Сены.

Люди Каламбрдена собрались в главном зале вокруг стола, откуда как бешеный орал Жанен:

– Я уже давно вижу, к какому разгрому мы движемся! А все из-за тебя, Каламбрден! Ты совсем рехнулся из-за своей девки. Ты разучился сражаться; другие банды поднимают голову. Они чувствуют, что ты теряешь нюх; они придут на подмогу Родогону, чтобы задавить тебя. Прошлым вечером я виделся с Матросом Новобранцем...

Стоя перед огнем очагов, в свете которого черным вырисовывалась его мощная фигура, Никола стирал с груди кровь, текущую из свежей раны. Он заорал громче, чем Деревянный Зад:

– Все знают, что ты предатель, что ты объединяешь все банды, что ты встречаешься с ними, что ты готовишься заменить принца нищих! Но берегись! Я предупрежу Ролена Коротышку...

– Негодяй! Что ты можешь против меня!..

При мысли о том, что эти дикие вопли могут разбудить Флоримона и напугать его, Анжелика почти сходила с ума.

Она взлетела в круглую комнату. Но ангелочки мирно спали. Кантор напоминал амурчика с голландской картины. У Флоримона опять появились щечки. Во сне, когда опущенные веки скрывали его

унылый взгляд, личико вновь приобретало счастливое детское выражение.

Страшные крики не утихали.

«Этому должен прийти конец! Непременно надо, чтобы этому пришел конец!» – думала Анжелика, изо всех сил стараясь как можно плотнее закрыть расшатанную дверь.

Она услышала грубый голос Жанена:

– Знай, Каламбрден: если ты отступишь – тебе конец. Родогон будет беспощаден. Ему нужна не только ярмарка, но и твоя девка, которую ты вырвал у него из рук на кладбище Святых Мучеников. Он нестерпимо ее хочет. Теперь или он, или ты!

Никола как будто успокоился:

– Что я должен сделать? Все эти люди, эти проклятые цыгане, там, снаружи, под нашим носом, а после взбучки, которую мы уже получили, не стоит откладывать. Иначе нас всех прикончат.

Анжелика вернулась в комнату, схватила накидку и надела красную бархатную маску, которая хранилась у нее в сундучке вместе с другими мелочами.

Нарядившись таким образом, она спустилась к крикунам. Ссора между Каламбрденом и Деревянным Задом стала еще яростней. Вождь нищих мог бы без труда размазать этот человеческий обрубок по его деревянному корыту. Но таков был авторитет Жанена, что этот последний прекрасно владел ситуацией.

При виде Анжелики в красной маске спорящие немного сбавили тон.

– Это еще что за маскарад? – проворчал Никола. – Ты куда?

– Просто хочу заставить войска Родогона убраться вон. Через час площадь будет свободна, господа. И вы сможете вернуться на свои позиции.

Каламбрден взял Жанена в свидетели:

– Тебе не кажется, что она все больше сходит с ума?

– Кажется, но, если ей так хочется, пусть поступает как угодно. С этой проклятой Маркизой Ангелов никогда не знаешь... Она превратила тебя в тряпку. Теперь пусть расхлебывает.

В темноте Анжелика бросилась к воротам Сен-Жак и только там решила перейти через рвы. Перед ней возник цыган. Она по-немецки

пробормотала ему какую-то невнятную историю: что она торговка с Сен-Жерменской ярмарки и возвращается к своему прилавку. Ничего не подозревая, он пропустил эту женщину в маске, закутанную в черный плащ. Она бегом бросилась к знакомому фокуснику, державшему огромных медведей. Анжелика без труда уговорила всех троих медведей, а также их старенького хозяина и мальчишку, собиравшего монетки в плоску.

Дело быстро сладилось ради прекрасных глаз посетительницы.

В аббатстве Сен-Жермен-де-Пре пробило десять, когда люди Родогона, стоящие на часах вдоль заброшенных рвов, увидели в тусклом лунном свете движущуюся на них огромную рычащую массу. Часовой, попытавшийся догадаться, кто хочет преодолеть их заграждение, получил прямо в грудь мощный удар когтистой лапой, разодравшей ему плащ и вырвавшей кусок мяса.

Остальные, не дожидаясь более подробных объяснений, бросились врассыпную через укрепления. Некоторые побежали к Сене, чтобы предупредить сообщников. Но и тем тоже были нанесены столь же неприятные визиты. Большинство бандитов уже были в воде и плыли к Лувру и к другим более безопасным местам. Перспектива сражаться, полечь в честном поединке с нищими и «шутниками» совершенно не пугала благородные сердца. Но схватиться врукопашную со стоящим на задних лапах медведем добрых двух туазов ростом – такого желанья не испытывал никто из людей Родогона!

Анжелика спокойно вернулась в Нельскую башню и сообщила, что квартал полностью очищен от нежелательных гостей.

Штаб Каламбредена прогулялся в округе и вынужден был признать очевидное.

От взрывов замогильного хохота Жанена трепетали за своими занавесками обитательницы предместья.

– О-ля-ля! Ай да Маркиза Ангелов! – повторял он. – Ты рассказываешь чудеса!

Но Никола понял все иначе.

– Ты сговорила с ними, чтобы предать нас, – твердил он, стиснув запястье Анжелики. – Ты отдалась Родогону!

Чтобы успокоить безумного ревнивца, Анжелике пришлось рассказать о своей военной хитрости.

Теперь взрывы хохота Жанена напоминали раскаты грома. Жители бросились к окнам, кричали, что сейчас спустятся со шпагами и алебардами и проучат ворье, которое мешает спать порядочным людям.

Человеку-колоде дела не было. Переползая в своем корыте с мостовой на мостовую и хохоча во все горло, он обошел все предместье Сен-Жермен. Еще долгие годы на воровских посиделках будут пересказывать историю о трех медведях Маркизы Ангелов!

* * *

Этот великолепный маневр имел драматичные последствия. Прав оказался полицейский Дегре, когда утром первого октября направился к господину де Дрё д'Обре, сиру д'Офемону и де Вилье, начальнику гражданской полиции города Парижа, и убедил его переместить все имеющиеся в его распоряжении силы в окрестности Сен-Жерменской ярмарки.

Однако первая половина дня выдалась спокойной. Люди Каламбредена чувствовали себя хозяевами во все растущей толпе. В сумерках стали прибывать кареты знати.

Освещенная сотнями факелов, зажженных над каждой лавкой, ярмарка выглядела очарованным замком.

Анжелика и Никола наблюдали за перипетиями схватки животных – двух догов и дикого кабана. Увлеченная жестоким зрелищем публика наваливалась на ограду небольшой арены.

Анжелика была немного пьяна, у лотка с напитками она попробовала мускатного вина, кедрового бальзама и коричной воды. Она без стеснения и счету тратила деньги из кошелька, который дал ей Никола. Флоримону она купила игрушек и пирожных. Чтобы не быть заметным, Никола побрился, надел более приличное тряпье, чем то, которое было обычным его маскарадом. В широкополой шляпе, скрывающей вселяющие тревогу глаза, он выглядел бедным

деревенщиной, который, несмотря на нищету, пришел на ярмарку повеселиться.

Было забыто все. Огни отражались в глазах; люди вспоминали прекрасные ярмарки своего детства в небольших поселениях и деревнях.

Никола обхватил талию Анжелики. У него была особая манера обнимать, так что у нее складывалось впечатление, что она закована в два железных обруча, вроде тех, что носят на поясе узники. Но столь суровое объятие не всегда было неприятным. Как раз в тот вечер в его мускулистых руках она чувствовала себя слабой и защищенной. Держа в руках конфеты, игрушки и флакончики духов, она завороченно следила за битвой животных, кричала и топала ногами вместе со зрителями, когда кабан с черной свирепой мордой, сбросив атакующих, из последних сил вспорол клыками брюхо одного из догов.

Вдруг прямо напротив них, по ту сторону арены, она увидела Родогона Цыгана. В пальцах он вертел остро заточенный кинжал. Брошенный нож просвистел над ареной. Анжелика кинулась в сторону, увлекая за собой Никола. Кинжал пролетел в дюйме от его шеи и воткнулся в горло торговца китайскими безделушками. Сраженный наповал, тот вытянул вперед руки, откинув полы своего разноцветного плаща, и на мгновение стал похож на насаженную на булавку огромную бабочку. Потом изо рта у него фонтаном хлынула кровь, и он рухнул.

И тут Сен-Жерменская ярмарка взорвалась.

* * *

В полночь Анжелика вместе с десятком других женщин и девушек, две из которых принадлежали к банде Каламбрена, была брошена в подвал тюрьмы Шатле. Когда тяжелая дверь захлопнулась, казалось, все еще были слышны крики нищих и бандитов, которых безжалостные грабли стражников и полицейских притащили с Сен-Жерменской ярмарки в общественную тюрьму.

– Вот мы и попались, – сказала одна из девиц. – До чего я невезучая! Первый раз вышла прогуляться куда-то, кроме Глатиньи,

так ведь надо было, чтобы меня сцапали. С них станется приговорить меня к дыбе или козлам за то, что я не осталась в своем квартале.

– А это больно? – спросила девочка.

– О бог ты мой, у меня до сих пор вены и нервы растянуты. Когда палач посадил меня туда, я кричала: «Боже милосердный! Дева Мария, сжальтесь надо мной!»

– А мне, – сказала другая, – палач запихал прямо в глотку пустой рог и залил через него почти шесть чайников холодной воды. Если бы еще это было вино! Мне казалось, меня разорвет, как мочевого пузыря свиньи. А потом они притащили меня к огню в кухне Шатле, чтобы привести в чувство.

Совершенно равнодушная к деталям, Анжелика слушала эти голоса, доносящиеся из зловонного мрака. Мысль о том, что ей, разумеется, во время обязательного для всех обвиняемых допроса предстоит пройти пытку, не проникала в ее сознание. Ее беспокоило лишь одно: «А дети?.. Что с ними будет?.. Кто позаботится о них? Вдруг в башне о них забудут и их съедят крысы?..»

Хотя в камере было холодно и промозгло, на висках ее выступили капельки пота.

Присев на кучу гнилой соломы, она прислонилась спиной к стене и, обхватив колени руками, уговаривала себя не дрожать и успокоиться:

«Найдутся женщины, которые позаботятся о детях. Они неаккуратные, неумелые, и все же они соображают дать своим детям хлеба... Дадут и моим... Впрочем, если Полька там, я спокойна... И Никола присмотрит...»

А вдруг Никола тоже арестован? Анжелика снова переживала ужас, который испытала, когда бежала кривыми улочками, чтобы спастись от кровавой бойни, а перед ней всякий раз вырастала фигура стражника или сержанта.

Все выходы с ярмарки и из предместья охранялись, можно было подумать, что количество полиции и стражников вдруг увеличилось.

Анжелика пыталась вспомнить, успела ли Полька покинуть ярмарку до начала потасовки. Последний раз она ее видела, когда бесстыдница тащила к берегу Сены юного провинциала, одновременно испуганного и восхищенного. Сначала они, возможно, останавливались перед многими лавочками, гуляли, пили в кабаке...

Собрав всю волю, Анжелика сумела убедить себя, что Польку не взяли, и эта мысль немного успокоила ее. Из глубины ее души поднималась тревога, и с губ машинально срывались обрывки забытых молитв.

«Сжался над ними! Спаси их, Дева Мария... Клянусь, – твердила она, – если мои дети будут спасены, я вырвусь из этого ада... Я убегу из этого общества преступников и воров. Я постараюсь зарабатывать на жизнь своим трудом...»

Она вспомнила торговку цветами и принялась строить планы. И время пошло быстрее.

Утром громко лязгнули запоры, заскрежетали ключи, и дверь отворилась.

Стражник посветил в камеру факелом. Свет, попадавший сюда через узкую бойницу, расположенную в стене толщиной в два туза, был таким скудным, что ничего нельзя было увидеть.

– Ага, вот и маркизы! – радостно выкрикнул он. – Налетай, ребята, урожай будет отличный!

За ним вошли еще три стражника и вставили факел в закрепленное в стене железное кольцо.

– Ну что, лапочки, будете умницами, а?

Один из них вытащил из-под накидки ножницы.

– Сними-ка чепец, – велел он женщине, сидевшей возле двери. – Тьфу, седая! Ничего, и за это дадут несколько су. Я знаю одного цирюльника, возле площади Сен-Мишель, он делает из таких дешевые парики для старых клерков.

Он состриг седые волосы, перевязал их обрывком веревки и бросил в корзину. Его товарищи смотрели на головы других узниц.

– Со мной можете не стараться, – сказала одна из них. – Не так давно вы меня уже обрили.

– Ишь ты, верно, – кивнул жизнерадостный стражник. – Я ее узнал, эту матушку. Хе-хе, похоже, наш постоялый двор пользуется успехом!

Один из стражников подошел к Анжелике. Она почувствовала, как грубая рука ощупывает ее волосы.

– Эй, друзья, – позвал он, – вот так лакомый кусочек! Посветите-ка, я получше рассмотрю.

Горящая смола осветила волну прекрасных золотистых кудрей, упавших из-под развязанного солдатом чепца. Стражники восхищенно присвистнули:

– Великолепно! Конечно, не слишком светлые тона, но с отливом. Их можно продать господину Бине с улицы Сент-Оноре. Он на цену не смотрит, его интересует качество. «Унесите вашу пакость, – говорит он мне каждый раз, когда я приношу ему волосы арестантки. – Я не делаю парики из волос, траченных молью!» Но уж на этот раз он не станет привередничать.

Анжелика прикрыла голову руками. Они не могут состричь ей волосы! Это невыносимо!

– Нет-нет, не делайте этого! – умоляла она.

Но мощная хватка заставила ее опустить руки.

– Да ладно тебе, красавица! Если ты хотела сохранить волосы, не надо было приходить в Шатле. Мы же должны иметь хоть какую-нибудь прибыль!

С громким лязганьем ножницы срезали золотистые локоны, которые когда-то с такой любовью расчесывала Барба.

Когда солдаты вышли, Анжелика провела дрожащей рукой по стриженному затылку. Ей показалось, что голова стала слишком маленькой и легкой.

– Да не плачь ты, – сказала одна из женщин. – Отрастут. При условии, если снова не попадешься. Эти стражники прямо косцы какие-то. Матерь Божья, волосы в Париже стоят дорого, ведь столько франтов хотят носить парики!

Не отвечая, Анжелика надела чепец. Товарки думали, что она плачет, потому что ее била нервная дрожь. Но неприятный инцидент уже забылся. В конце концов, какая разница! Важно было лишь одно: участь детей.

Глава XII

Время тянулось чудовищно медленно. Камера, куда загнали узниц, была такой маленькой, что трудно было дышать.

Одна из женщин сказала:

– Это добрый знак, что нас посадили сюда. Эту камеру называют «Между двумя слушаниями». Сюда сажают тех, с кем еще не решили, арестовать ли их. Сейчас они думают, как с нами поступить. Между прочим, когда нас арестовали, мы не делали ничего дурного. Были на ярмарке, как и все. Доказательство того, что там были все, – то, что нас не обыскали, потому что охранницы тоже ушли повеселиться на Сен-Жерменскую ярмарку.

– Полиция тоже там была, – с горечью заметила одна из девиц.

Анжелика нащупала под корсажем кинжал. Такой же, как тот, что Родогон Цыган метнул в лицо Никола.

– Хорошо, что нас не обыскивали, – твердила женщина, которая, наверное, тоже прятала оружие или тощий кошелек с несколькими экю.

– Не волнуйся, еще обыщут, – возразила ее товарка.

Большинство женщин вовсе не выражали оптимизма. Они пересказывали истории об узниках, проведенных в заключении десять лет, пока о них не вспомнили. А те, кто знал Шатле, описывали камеры зловещей крепости. Здесь был карцер «Смерть Радости», грязный и кишачий змеями; воздух там такой смрадный, что свеча гаснет. И другой, прозванный «Скотобойня», потому что там приходилось вдыхать тошнотворные испарения расположенной по соседству Главной скотобойни. Большая камера, где узники скованы между собой цепями, носила название «Цепи». Кроме того, были «Берберия», «Пещера», а еще «Колодцы», «Ров», имеющий форму перевернутого конуса. Там у арестантов ноги постоянно были в воде, они не могли ни стоять, ни лежать. Обыкновенно они умирали через две недели заключения. И наконец, кто-то, понизив голос, рассказал о «Каменном мешке» – подземном карцере, откуда никто не возвращался.

Сквозь зарешеченное оконце проникал серый свет. Невозможно было определить, который час. Одна старуха стащила с ног

стоптанные башмаки, вынула из подошвы гвозди и воткнула их обратно остриями наружу. Показав свое странное оружие сокамерницам, она посоветовала им последовать ее примеру, чтобы убивать крыс, которые придут ночью.

Но к середине дня дверь с грохотом отворилась, и солдаты с алебардами вывели узниц. Миновав множество коридоров, они привели их в большой зал, обитый голубыми шпалерами с желтыми лилиями.

В глубине зала на полукруглом возвышении располагалось что-то вроде резной деревянной кафедры под штофным балдахином. Над ней на стене висела картина, изображающая распятого Христа.

За кафедрой сидел человек в черной мантии с воротником, отороченным белым галуном, и в белом парике. Возле него стоял другой, со связкой пергаментов в руках. Это были прево Парижа и его помощник.

Женщин и девиц окружали приставы, унтер-офицеры с розгами и солдаты королевской стражи. Арестанток подтолкнули к возвышению: они должны были пройти перед столом, где секретарь суда записывал их имена.

Анжелика растерялась, когда секретарь спросил ее имя. У нее больше не было имени!.. В конце концов, внезапно вспомнив деревню, расположенную неподалеку от Монтелу, она назвалась Анной Совер.

Заседание прошло стремительно. В тот день тюрьма была переполнена, следовало разобраться поскорее.

Задав несколько вопросов каждой подозреваемой, помощник прево прочел переданный ему список и объявил, что «все вышепоименованные особы приговорены к публичному наказанию плетью, после чего будут препровождены в больницу Отель-Дьё, где набожные сестры научат их шить, а также молиться Богу».

– Легко отделались, – прошептала Анжелике одна из девиц. – Отель-Дьё – не тюрьма. Это приют для бедных. Нас туда заключают насильно, но охранять не будут. Сбежать оттуда – пара пустяков.

Затем группу из двух десятков женщин отвели в зал на первом этаже, и солдаты выстроили их вдоль стены. Дверь открылась, и вошел высокий дородный военный. Его украшенное черными усами цветущее лицо обрамлял превосходный парик. На жирных плечах едва

не лопался голубой мундир с украшенными позументом широкими обшлагами, огромный воротник был стянут шнуром с позолоченными кисточками, а на боку болталась шпага. Анжелика заметила, что он немного похож на Большого Матье, хотя лишен добродушия и жизнерадостности шарлатана. Под нависшими бровями сверкали маленькие злые глаза.

Башмаки на высоких каблуках делали его мощную фигуру еще выше.

– Это начальник стражи, – шепнула Анжелике стоящая рядом девушка. – Настоящий зверь. Его прозвали Людоедом.

Звеня шпорами, Людоед прохаживался перед узницами:

– Ну что, потаскушки, разомнемся немного? Ну-ка, снимайте рубашки. И знайте: кто будет громко кричать, получит больше всех.

Женщины, уже знакомые с наказанием кнутом, покорно снимали корсажи. Те, у кого были рубашки, спускали их с плеч на юбки. Стражники подходили к замешкавшимся и грубо стаскивали с них одежду. Один из них, сдернув с Анжелики корсаж, наполовину разорвал его. Боясь, как бы не заметили, что у нее за пояс заткнул кинжал, она торопливо сама оголила спину.

Начальник стражи прохаживался перед строем, разглядывая стоящих перед ним женщин. Он останавливался возле молоденьких, и в его поросячьих глазках загорелся огонь. Наконец он властно указал на Анжелику.

Заговорщицки гоготнув, один из стражников вывел ее из строя.

– Довольно, уводите весь этот сброд, – приказал офицер. – И чтобы у них кожа лопнула. Сколько их?

– Два десятка, сударь.

– Сейчас четыре пополудни. Чтобы к закату закончили.

– Хорошо, сударь.

Стражники увели женщин. Во дворе Анжелика заметила повозку, груженную связками розог, которая должна была следовать за достойным жалости кортежем к предназначенному для публичных наказаний месту возле церкви Сен-Дени-де-ла-Шатр. Дверь закрылась. Анжелика осталась наедине с начальником стражи. Она бросила на него удивленный и беспокойный взгляд. Почему она не разделяет участи своих подруг? Неужели ее снова отведут в камеру?

В зале с низкими сводами и сырыми стенами стоял ледяной холод. Хотя снаружи было еще светло, в помещении уже царил полумрак, так что пришлось зажечь факел. Дрожа, Анжелика скрестила руки на груди и обхватила плечи, быть может, не для того, чтобы защититься от холода, а чтобы прикрыть грудь от тяжелого взгляда Людоеда.

Покашливая, он тяжелыми шагами приблизился к ней:

– Ну, моя козочка, хочешь, чтобы с твоей хорошенькой белой спинки содрали кожу?

Анжелика молчала, и он приказал:

– Отвечай: хочешь?

Разумеется, Анжелика не могла сказать, что хочет. Она решила отрицательно покачать головой.

– Отлично, сейчас мы это уладим, – ласково продолжал военный. – Жалко было бы испортить такую аппетитную курочку. Может, договоримся?

Взяв Анжелику снизу за подбородок, он заставил ее приподнять голову и восхищенно присвистнул:

– Черт возьми! Какие зеленые глаза! Должно быть, твоя мать пила абсент, когда ждала тебя! Ну, улыбнись же мне.

Его грубые пальцы тихонько ласкали ее нежную шею, поглаживали округлые плечи.

Она отступила, не в силах унять дрожь омерзения. Людоед хохотнул, его живот затрясся. Она пристально смотрела на него своими зелеными глазами. И наконец, хотя он был по всем статьям сильнее ее, начальник стражи первым почувствовал замешательство.

– Мы ведь договорились, не так ли? – снова начал он. – Сейчас ты пойдешь в мои покои. А потом присоединишься ко всем. Но стражники тебя не тронут. Тебя не высекут... Ну, ты довольна, цыпоська?

И он радостно захохотал. Потом решительно привлек к себе и принялся смачно и жадно целовать ее лицо.

Прикосновение этих мокрых губ, воняющих табаком и вином, вызывало у Анжелики тошноту. Пытаясь высвободиться из его объятий, она извивалась как угорь. Портупея и позументы на мундире капитана царапали ей грудь.

Наконец ей удалось вырваться, и она поспешно стала натягивать драную одежду.

– Что это ты? – удивился гигант. – Что с тобой? Разве ты не поняла, что я хочу избавить тебя от наказания?

– Благодарю вас, – твердо сказала Анжелика. – Я предпочитаю, чтобы меня высекли.

Людоед широко раскрыл рот, усы его задрожали, он побагровел, как если бы шею ему изо всех сил стянули завязками воротника.

– Что ты... что ты такое говоришь?..

– Я предпочитаю, чтобы меня высекли, – повторила Анжелика. – Господин прево приговорил меня к наказанию кнутом. Я не должна уклоняться от правосудия.

И Анжелика решительно направилась к двери. Но Людоед мгновенно нагнал ее и схватил сзади за шею.

«О боже мой! – думала Анжелика. – Больше никогда не буду хватать курицу за шею. Это так ужасно!»

Капитан внимательно разглядывал ее.

– Что-то ты не очень похожа на нищенку, – сказал он, немного отдышавшись. – За то, что ты мне только что сказала, я мог бы избить тебя и полумертвой оставить валяться здесь. Но я не хочу тебя портить. Ты красива, хорошо сложена. Чем больше я на тебя смотрю, тем больше хочу тебя. Будет глупо, если мы не договоримся. Я могу оказать тебе услугу. Послушай, не упрямясь. Будь со мной любезней, а когда пойдешь к своим подружкам... как знать! Может, стражник, который поведет тебя, будет смотреть в другую сторону...

На какой-то миг Анжелика увидела путь к спасению. Перед ее глазами возникли личики Флоримона и Кантора.

Она представила, как над ней склоняется эта грубая красная физиономия. Тело ее взбунтовалось. Это невыносимо! Она никогда не сможет! Тем более что из больницы сбегают... она даже попробует, когда их туда повезут...

– Я предпочитаю Отель-Дъё! – крикнула она. – Я предпочитаю...

Последние ее слова потонули в громовых раскатах брани, которой осыпал ее капитан, тряся так, что она не могла вздохнуть. Широко распахнулась дверь, и он с силой вышвырнул ее в светлый проем:

– Отделайте эту девку так, чтобы на ней живого места не осталось!

И дверь с грохотом захлопнулась.

Анжелика оказалась в помещении, где находилась группа гражданской стражи, заступавшая в ночной дозор. В большинстве своем это были мирные ремесленники и торговцы, которых тяготила эта обязанность, поочередно возлагаемая на различные гильдии для безопасности города. Впрочем, это был «сидячий», или «спящий», дозор – вот и все обязанности.

Они только что взялись за свои карты и трубки, как вдруг к их ногам свалилась эта полуголая девица. Капитан так свирепо проревел свое приказание, что никто ничего не понял.

– Ну, вот еще одна, которую наш капитан совратил с пути истинного, – заметил один из них. – Не скажешь, что любовь делает его нежным.

– Однако он пользуется успехом. Никогда не проводит ночи в одиночестве.

– Еще бы! Он находит в куче арестанток хорошенькую и предлагает ей выбрать между тюрьмой и своей постелью.

– Если бы прево Парижа об этом узнал, наш капитан сильно бы пожалел...

Анжелика, вся растерзанная, поднялась. Стражники спокойно смотрели на нее. Они набивали трубки и шлепали картами по столу.

Анжелика опасливо подошла к порогу кордегардии. Никто ее не остановил.

Она оказалась в крытом пассаже улицы Сен-Лефруа, который через крепость Шатле вел на улицу Сен-Дени и мост Менял.

Прохожие обходили ее. Анжелика поняла, что свободна, и опрометью бросилась бежать.

Глава XIII

– Эй, Маркиза Ангелов, стой! – Голос Польки остановил Анжелику, когда она уже приближалась к башне.

Анжелика обернулась и заметила девицу, прячущуюся в тени какого-то крыльца и делающую ей знаки. Она подошла.

– Ну вот, бедняжка, – вздохнула Полька, – вот и мы. Такие дела. К счастью, только что вернулся Красавчик. Один «брат» сделал ему тонзуру, и стражники поверили, что он аббат. А когда его перевозили из Шатле в епископальную тюрьму, он дал деру.

– Почему ты не даешь мне пройти в Нельскую башню?

– Да потому, что там Родогон Цыган со своей бандой. Не ходи туда.

Анжелика побледнела, а Полька продолжала:

– Видела бы ты, как они нас выставили! Мы даже барахлишко не успели прихватить. Но я все-таки взяла твой сундучок и обезьянку. Они сейчас на улице Валь-д’Амур, там у Красавчика друзья, он к ним в дом своих девочек поселит.

– А мои дети? – спросила Анжелика.

– Никто не знает, что стало с Каламбреном, – продолжала болтливая Полька. – Арестовали? Повесили? Кое-кто поговаривает, что видел, как он бросился в Сену. Может, выбрался из города...

– Плевать мне на Каламбрена, – стиснув зубы, сказала Анжелика.

Схватив Польку за плечи, она вонзила в них свои ногти:

– Где мои малыши?

Полька с некоторой растерянностью глянула на нее и опустила свои черные глаза:

– Я не хотела, клянусь тебе... но остальные оказались сильнее...

– Где они? – повторила Анжелика бесцветным голосом.

– Их забрал Жан Тухляк... со всеми малютками, которых сумел найти.

– Он увел их туда, в предместье Сен-Дени?

– Да. То есть он увел Флоримона. А Кантора – нет. Он сказал, что малыш слишком упитанный и он не сможет сдать его попрошайкам.

– Что он с ним сделал?

– Он... он его продал. Да, за тридцать су... цыганам, которым нужен был ребенок, чтобы выучить на акробата.

– Где эти цыгане?

– А я почему знаю?! – с досадой высвобождаясь, запротестовала Полька. – Убери-ка свои когти, кошечка, а то ты мою шкурку попортишь... Что ты еще хочешь от меня услышать? Это были цыгане... Они уходили. Ночное сражение отбило у них охоту оставаться здесь, так что они покинули Париж.

– В какую сторону они ушли?

– Часа два назад их видели на дороге к воротам Сент-Антуан. А я вернулась сюда; что-то подсказывало мне, что я тебя встречу. Ты мать... А матери могут горы свернуть...

Безутешное горе раздирало Анжелику на части. Ей казалось, она сходит с ума.

Флоримон там, в руках этого ублюдка Тухляка, – наверное, он плачет и зовет мать... А Кантора навсегда увели в неизвестность!

– Надо искать Кантора, – решила Анжелика, – может, пока цыгане не ушли далеко от Парижа...

– Ты свихнулась, бедняжка! – воскликнула Полька.

Но Анжелика уже снова двинулась в путь. Полька последовала за ней.

– Во-первых, – в раскаянии пробормотала она, – их еще надо найти. У меня есть немного денег. Может, они согласятся перепродать его нам?

* * *

Весь день лил дождь. В сыром воздухе пахло осенью. Блестела мокрая мостовая.

Пройдя по правому берегу Сены, женщины вышли из Парижа по набережной Арсенала. Вдали, на горизонте, низкое небо горело красным закатом. Под вечер подул холодный ветер. Жители предместья сказали им, что видели цыган возле Шарантонского моста.

Анжелика и Полька спешили. Время от времени Полька пожимала плечами и с ее губ слетало бранное слово, но она не роптала. Она

сопровождала Анжелику с обреченностью человека, прошагавшего много дорог. И никогда не знавшего зачем.

Добравшись на Шарантонского моста, они заметили в стороне от дороги два костра.

Полька остановилась.

– Это они, – прошептала она. – Нам повезло.

Они подошли к табору. Вероятно, цыган привлекла роща старых дубов, и они решили устроиться здесь на привал. В эту дождливую ночь единственную их крышу представляли натянутые между ветвями полотнища. Женщины и дети сидели вокруг костров. На неструганом вертеле жарился барашек. Поодаль щипали траву тощие лошади.

Анжелика и ее спутница подошли поближе.

– Не вздумай их разозлить, – прошептала Полька. – Ты не знаешь, какие они подлые. Они преспокойно могут насадить нас на вертел, как своего барашка, и никто не узнает. Дай я с ними поговорю, я немного знаю их язык...

На фоне костра выросла фигура верзилы в меховой шапке. Цыган двигался в их сторону. Они приветствовали его условными знаками королевства нищих. Он высокомерно ответил тем же. Полька принялась объяснять цель их визита. Анжелика не понимала ни слова. По лицу цыгана она пыталась угадать, о чем тот думает, но тьма сгустилась, и она не могла различить его черты.

Наконец Полька достала кошелек. Цыган взвесил его в руке, вернул ей и удалился в сторону костров.

– Он сказал, что ему надо переговорить со своими людьми.

Они ждали, дрожа под холодным ветром. Цыган вернулся, все такой же спокойной и гибкой походкой.

Он произнес несколько слов.

– Что он говорит? – спросила Анжелика, задыхаясь от волнения.

– Он говорит... что они не хотят возвращать ребенка. Они его уже полюбили. Они говорят, что очень довольны.

– Но это невозможно!.. Я хочу забрать своего ребенка! – закричала Анжелика.

Она рванулась, чтобы бежать к табору. Полька крепко схватила ее. Цыган выхватил нож. Подошли остальные.

Распутница потащила подругу к дороге:

– Чокнутая!.. Смерти своей хочешь?

– Это невозможно, – твердила Анжелика. – Надо что-то делать. Они не могут увести Кантора далеко... так далеко...

– Не убивайся так, это жизнь! Рано или поздно дети уходят... Чуть раньше или чуть позже, какая разница? У меня, может, тоже были дети. А разве я знаю, где они теперь? Это не мешает мне жить!

Анжелика мотала головой, чтобы не слышать этот голос. Пошел дождь, мелкий и колючий. Надо было что-то делать!

– Я кое-что придумала! Пойдем в Париж. Я хочу вернуться в Шатле.

– Ладно, пошли в Париж, – согласилась Полька.

И они поплелись назад, скользя по раскисшей дороге. Ноги Анжелики в скверных башмаках кровоточили. Ветер облеплял икры мокрыми юбками. Ей казалось, она сейчас лишится сознания.

– Больше не могу, – прошептала она, чтобы передохнуть. – Но ведь надо действовать быстро... быстро...

– Подожди, позади нас фонари. Какие-то всадники направляются в Париж. Попросим подвезти нас.

И Полька отважно встала посреди дороги. Когда всадники поравнялись с ними, она крикнула своим сиплым голосом, в котором появились ласкающие нотки:

– Эй, галантные господа! Сжальтесь над двумя бедными девушками, попавшими в беду. Мы сумеем отблагодарить вас.

Всадники придержали коней. В темноте можно было различить только их накидки с поднятыми воротниками и промокшие шляпы. К Анжелике протянулась рука, и молодой голос по-французски сказал:

– Садитесь, красавица!

Крепко подхватив женщину, всадник боком посадил ее позади себя. Лошади тронулись.

Полька смеялась. Поняв, что ее попутчик иностранец, она принялась обмениваться с ним любезностями на корявом немецком языке, который выучила на полях сражений.

Не оборачиваясь, спутник Анжелики сказал:

– Прижмитесь ко мне покрепче, девушка. У моего скакуна резкий шаг, а седло узкое. Вы рискуете упасть.

Она подчинилась и обвила руками молодого человека, сомкнув на теплой груди замерзшие ладони. От этого тепла ей стало лучше.

Уронив голову на крепкую спину незнакомца, она наслаждалась коротким отдыхом.

Теперь, когда она знала, что делать, ей стало спокойней. Из разговора всадников она поняла, что это гугеноты, возвращавшиеся из храма в Шарантоне.

Вскоре они въехали в Париж. Спутник Анжелики заплатил за нее пошлину у ворот Сент-Антуан.

– Куда вас доставить, красавица? – спросил он, на сей раз повернувшись, чтобы разглядеть ее лицо.

Она стряхнула навалившееся оцепенение:

– Не хотелось бы злоупотреблять вашим временем, сударь, но вы очень обяжете меня, если подвезете в Шатле.

– Охотно.

– Анжелика! – закричала Полька. – Ты делаешь глупость. Одумайся!

– Оставь меня... И дай твой кошелек. Он мне еще может понадобиться.

– Ну что же, как хочешь, – пожав плечами, пробормотала Полька.

Она спрыгнула на землю и на дурном немецком рассыпалась в благодарностях своему кавалеру, который оказался не немцем, а голландцем и выглядел одновременно очарованным и смущенным этой веселой сердечностью.

Второй всадник в знак прощания приподнял шляпу и пустил лошадь в галоп по широкой и пустой улице Фобур-Сент-Антуан. Спустя несколько минут он остановился перед тюрмой Шатле, которую Анжелика покинула всего несколько часов назад.

Она сошла с лошади. Большие факелы, укрепленные под сводом главных ворот крепости, освещали площадь. В их красноватом свете Анжелика лучше разглядела своего предупредительного попутчика. Это был молодой человек лет двадцати – двадцати пяти, одетый удобно, но просто, как буржуа.

Она сказала:

– Простите, что разлучила вас с друзьями.

– Ничего страшного. Эти молодые люди мне не друзья. Они иностранцы. Я француз, живу в Ла-Рошели. Мой отец арматор; он отправил меня в Париж, чтобы я познакомился со столичной торговлей. Я ехал с этими иностранцами, потому что встретил их в

Шарантоне, где мы присутствовали на погребении одного из единоверцев. Так что вы нисколько не нарушили моих планов.

– Благодарю вас, что так любезно мне все разъяснили, сударь.

Анжелика протянула ему руку. Пожав ее, молодой человек с улыбкой поклонился, и она увидела его доброе и серьезное лицо.

– Рад оказать вам услугу, душечка.

Она смотрела, как он удаляется, идя вдоль кроваво-красных витрин мясных лавок на улице Гранд-Бушри. Он не обернулся, но эта встреча придала молодой женщине храбрости.

Спустя некоторое время Анжелика решительно вошла под своды пассажа и оказалась перед входом в кордегардию. Ее остановил стражник.

– Я хочу поговорить с капитаном королевской стражи.

Стражник непроизвольно подмигнул:

– С Людоедом? Ну-ну, иди, красотка, раз уж он пришелся тебе по вкусу.

В комнате висел синий табачный дым. Войдя, Анжелика машинально пригладила мокрую юбку. Она заметила, что ветер снова сорвал ее чепец, и при мысли о голой голове ей стало стыдно. Сняв шейный платок, она повязала им голову. После чего направилась в глубину комнаты.

Перед очагом на фоне огня выделялся огромный силуэт капитана. Он шумно разглагольствовал, держа в одной руке трубку с длинным чубуком, а в другой – стакан вина. Собеседники слушали его, зевая и раскачиваясь на стульях. Они привыкли к его бахвальству.

– Ишь ты, эта краля у нас уже гостила, – заметил один из солдат, обрадовавшись развлечению.

Узнав Анжелику, капитан вздрогнул и побагровел. Не дав ему опомниться, она закричала:

– Господин капитан, выслушайте меня! И вы, господа военные, помогите мне! Цыгане похитили моего ребенка и увозят его из Парижа. Они сейчас находятся возле Шарантонского моста. Умоляю вас последовать за мной туда и заставить их вернуть ребенка. Они будут вынуждены подчиниться приказу стражи...

Все ошеломленно умолкли, а потом расхохотались.

– Ну и ну! В жизни такого не слыхивал! Ха-ха-ха! Потаскуха собирается направить стражу, чтобы... Ха-ха! Нет, это курам на смех!

Ты за кого нас принимаешь, маркиза?

– Она бредит. Ей кажется, что ее зовут Королева Франции!

Казалось, даже стены дрожали от хохота. Куда бы Анжелика ни повернулась, повсюду она видела разверстые рты и сотрясающиеся от неудержимого смеха плечи. Только капитан не смеялся. Его багровая физиономия становилась все ужасней.

«Сейчас он прикажет бросить меня в темницу, я пропала», – подумала Анжелика. Охваченная паникой, она стала озираться по сторонам.

– Он совсем маленький, ему всего восемь месяцев! – закричала она. – Он прекрасен, как ангел. Он похож на ваших детей, которые сейчас спят в своих кроватках, рядом со своими матерями. А эти цыгане увезут моего мальчика далеко-далеко... И он никогда не увидит свою мать... Не будет знать ни своей родины, ни своего короля... Он...

Слезы душили ее. Веселье исчезло с лиц солдат и стражников. Раздалось еще несколько смешков, потом присутствующие стали смущенно переглядываться.

– Право слово, – сказал старый солдат с исполосованным шрамами лицом, – если эта нищенка так привязана к своему малышу... Вон другие – бросают детей повсюду...

– Молчать! – прогремел капитан. Он угрожающе встал перед молодой женщиной. – Вот оно как! – со зловецким спокойствием проговорил он. – Мало того что ты нищая потаскуха, приговоренная к наказанию плетьюми, так ты еще позволяешь себе наглость беспокоить королевскую стражу?! И считаешь это вполне естественным? А что дашь взамен, маркиза?

Анжелика гордо посмотрела на него своими обворожительными глазами.

– Себя, – решительно сказала она.

Глаза великана сузились. Он вздрогнул.

– Иди-ка сюда! – рявкнул он и впихнул ее в соседний чулан, служивший канцелярией.

– Уточни, что ты имела в виду, – пробурчал он.

Анжелика сглотнула, но не отстранилась:

– Я хотела сказать, что сделаю все, что вы пожелаете.

Ее внезапно охватил безотчетный страх. Она испугалась, что он больше не желает ее, что находит ее чересчур жалкой. Жизни

Флоримона и Кантора висели на тонком волоске похоти этого животного.

А он думал, что никогда не видел подобной девушки. Тело богини! Да, бог ты мой, это угадывалось под ее лохмотьями. С ней он отдохнет от жирных увядших девиц, с которыми обычно имел дело. А главное – лицо! Он никогда не заглядывал шлюхам в лицо. Неинтересно. Надо же было дожить до таких лет, чтобы понять, что это значит – женское лицо! Честное слово, с ума можно сойти!

Людоед задумался, а Анжелику била дрожь. Наконец он протянул руки, взял ее под мышки и грубо прижал к себе.

– Я хочу, – прорычал он, – я хочу... – Он умолк. Ей было невдомек, что он колебался от робости.

– Я хочу целую ночь, – наконец выговорил он. – Поняла? Не интрижку где-нибудь в углу, как я тебе предлагал раньше... Целую ночь.

Отпустив ее, он удовлетворенно взялся за свою трубку.

– И только попробуй снова начать ломаться! Ну? Договорились?

Не в силах вымолвить ни слова, Анжелика кивнула.

– Сержант! – рявкнул капитан.

Появился офицер.

– Лошадей!.. И пять человек. Да шевелитесь!

* * *

Небольшой отряд остановился недалеко от цыганского табора. Капитан отдавал приказы:

– Двое туда, за рощу, на случай, если им придет в голову бежать. Ты, барышня, оставайся здесь.

Инстинктивно, как животные, привычные чуют в темноте, цыгане уже смотрели в сторону дороги и сбивались в кучку.

Капитан со стражниками направились в их сторону, а еще двое совершали обходной маневр.

Анжелика затаилась в темноте. Она слышала, как капитан стражи, подкрепляя свои слова бранью, объяснял главарю, что все его цыгане, мужчины, женщины и дети, должны выстроиться перед ним. Их пересчитают. Это необходимая формальность, связанная со вчерашним

происшествием на Сен-Жерменской ярмарке. После их отпустят с миром.

Успокоившись, кочевники повиновались. Странствуя по всему миру, они привыкли к придиркам полицейских.

– Иди сюда, барышня! – проревел капитан.

Анжелика прибежала.

– У вас ребенок этой женщины, – продолжал капитан. – Верните его, или мы вас всех перережем.

В этот момент Анжелика увидела Кантора. Он спал на смуглой груди цыганки. Зарычав, как тигрица, она бросилась к женщине и вырвала у нее из рук ребенка. Тот заплакал. Цыганка закричала, но властный окрик вожака заставил ее умолкнуть. Вид стражников на конях, со сверкающими в свете костра алебардами, подсказывал ему, что всякое сопротивление бесполезно.

Однако он проявил крайнюю наглость, заметив, что за ребенка было уплачено тридцать су. Анжелика швырнула ему деньги.

Ее руки страстно сжимали нежное пухленькое тельце. Кантору очень не понравилась эта резкая смена власти. По всей вероятности, при его природной способности приспособливаться, доказанной им сразу после появления на свет, ему было совсем не плохо возле груди цыганки.

Мерная поступь лошади, на которой Анжелика сидела позади стражника, убаюкала его, и он снова уснул, засунув в рот большой палец. Похоже, он не страдал от холода, хотя был абсолютно голым, как принято у цыган.

Анжелика устроила сына у себя на груди, под корсажем, и придерживала одной рукой, а другой ухватила за пояс стражника.

В Париже было темно, приближался час, когда тени сгущаются, чтобы из них, подобно ручью, который внезапно появляется на лугу из невидимого подземного русла, родился новый день.

Добропорядочные горожане уже закрывали окна и задували свечи. Господа и буржуа направлялись в театры и таверны. Интимные ужины заканчивались рюмочкой ликера и галантными поцелуями.

Часы на башне Шатле пробили десять раз.

Анжелика спрыгнула с лошади и подбежала к капитану.

– Позвольте мне отнести ребенка в надежное место, – умоляюще попросила она. – Клянусь, что приду следующей ночью.

Он нахмурил брови:

– Смотри не обмани! Иначе не поздоровится.

– Клянусь, что приду.

Не зная, как убедить его, она скрестила пальцы и плюнула на землю, как это делают бродяги, когда дают клятву.

– Ладно, – сказал капитан. – Не часто мне приходилось видеть, чтобы нарушали эту клятву. Но не заставляй меня томиться. А пока подари-ка мне в залог поцелуйчик.

Но она отпрянула и бросилась бежать. Как он осмелился прикоснуться к ней, когда она держит в объятиях своего драгоценного сыночка?! Решительно, у мужчин нет ничего святого.

Улица Валле-де-Мизер находилась прямо за Шатле. Анжелике надо было пробежать совсем немного. Не замедляя шага, она вошла в харчевню «Храбрый Петух», пересекла зал и заглянула в кухню.

Барба была там, она снова меланхолически ощипывала старого петуха. Анжелика положила ребенка ей в передник.

– Вот Кантор, – сказала она срывающимся голосом, – береги его, охраняй его. Обещай, что бы ни случилось, ты его не оставишь.

Кроткая Барба прижала сразу и младенца, и птицу к груди:

– Обещаю вам, госпожа...

– А если твой хозяин Буржю рассердится...

– Пусть покричит, госпожа... Я скажу, что это мой сын, что мне его сделал один мушкетер...

– Хорошо, Барба... А теперь возьми четки...

– Госпожа?..

– Бери четки.

– Да, госпожа...

– И начинай молиться за меня Деве Марии...

– Да, госпожа...

– У тебя есть водка, Барба?

– Да, госпожа, на столе, там...

Анжелика схватила бутылку и сделала один большой глоток. Ей показалось, что она сейчас рухнет на пол, поэтому она оперлась о стол. Но через мгновение зрение ее прояснилось и она ощутила, как ее заливают благотворное тепло.

Барба смотрела на нее расширившимися глазами:

– Госпожа... Где ваши волосы?

– Откуда мне знать, где мои волосы? – с раздражением отвечала Анжелика. – Мне есть чем заняться, вместо того чтобы искать свои волосы.

Она решительно направилась к двери.

– Госпожа, куда вы?

– Искать Флоримона.

Глава XIV

Возле глинобитного домика возвышалась статуя Бога обитателей парижского дна – Предвечный, украденный из церкви Сен-Пьер-о-Бёф. Молясь, паства обращалась к нему с поношениями и сквернословием.

Миновав святыню через лабиринт узких грязных и зловонных улочек, вы попадали в царство тьмы и страха. Статуя Предвечного обозначала границу, которую не рискнули бы пересечь в одиночестве ни полицейский, ни стражник. Добропорядочные горожане тоже не отваживались туда соваться. Да и что им было делать в этом безымянном квартале, с почерневшими и полуразрушенными домами, старыми каретами и старыми повозками, старыми мельницами и старыми баржами, бог знает как притащенными сюда? Здесь селились тысячи семей, тоже безымянных и не имеющих корней. Единственным их пристанищем стал воровской мир.

Темнота и тишина становились все более зловещими, и Анжелика поняла, что скоро попадет во владения принца нищих. Сюда едва доносилось пение из таверн. Здесь уже не было ни фонарей, ни таверн, ни песен.

Ничего, кроме настоящей нищеты, с ее грязью, ее крысами, ее бродячими собаками...

Однажды Анжелика уже бывала с Каламбреном в этом потаенном квартале предместья Сен-Дени. И он даже показал ей вотчину принца нищих. Это был странный многоэтажный дом, прежде, видимо, принадлежавший монастырю. Среди куч земли, груд старых досок и щебня еще сохранились подпертые сваями, чтобы не обвалились, башенки с колоннами и развалины внутренних галерей.

Укрепленный со всех сторон, неустойчивый и увечный, зияющий ранами всех своих арок и стрельчатых окон и спесиво воздевший оципантый плюмаж своих башенок – таков был дворец короля нищих.

Принц нищих жил в нем со своим двором, своими женами, своими помощниками и своим идиотом. Именно здесь, под крылом принца нищих, Жан Тухляк содержал свой товар – украденных законных или бездомных детей.

Проникнув в опасный квартал, Анжелика сразу принялась искать этот дом. Инстинкт подсказывал ей, что Флоримон там. Она шла под защитой крошечной тьмы. Встреченные ею прохожие не обращали внимания на оборванку, которая ничем не отличалась от обитателей здешних печальных трущоб. Если бы к ней обратились, она легко бы вышла из положения, не вызвав подозрений. Она достаточно хорошо знала обычаи и язык воровского мира.

Выбранный ею маскарадный костюм, платье нищенки, поистине был единственным, который мог позволить ей безнаказанно пройти через этот ад.

Какая представительница этого страшного мира могла в тот вечер обвинить ее, закутанную в мокрое и рваное тряпье, с бритой головой арестантки, искаженным тревогой и усталостью лицом, что она не из них и проникла на эту проклятую территорию с враждебным умыслом?

И все же она должна была стараться, чтобы ее не узнали. В этом квартале обосновались две соперничающие банды.

Что будет, если распространится слух, будто здесь рыщет Маркиза Ангелов? Ночная охота диких зверей в лесной чаще менее жестока, чем люди, устремившиеся по следу одного из себе подобных во чреве города!

Для надежности Анжелика нагнулась, зачерпнула с мостовой грязь и вымазала лицо.

* * *

В этот поздний час дом принца нищих отличался от остальных тем, что был освещен. То тут, то там в окнах поблескивала рыжеватая звездочка незамысловатого светильника, представлявшего собой плоскую с маслом, в которой чадила старая тряпка.

Спрятавшись за столбом, Анжелика долго разглядывала дом. Жилище принца нищих оказалось к тому же и самым шумным. Там, как прежде в Нельской башне, проходил сход нищих и бандитов. Принимали людей Каламбредена. Вечер был холодным, поэтому для тепла все двери и окна были загорожены старыми досками.

Анжелика решила подойти к окну и глянула в щель между двумя досками. Помещение было переполнено. Кое-кого молодая женщина узнала: там были Малый Евнух и Старый Пень, с окладистой бородой, и, наконец, Жан Тухляк. Грея белые руки у огня, он говорил помощнику принца нищих:

– Вот что называется славная операция, мой дорогой магистр. Полиция не только не причинила нам никакого вреда, но еще и помогла разгромить банду этого наглого Каламбредена.

– Мне кажется, ты ошибаешься, говоря, что полиция не причинила нам никакого вреда. Полтора десятка наших людей без суда были повешены на виселице Монфокон! И мы даже не знаем, оказался ли в их числе Каламбреден!

– Да ну... В любом случае у него разбита башка и он еще не скоро сможет собрать свой отряд... Если, конечно, допустить, что он появится. В чем я сомневаюсь. Родогон занял все его позиции.

Старый сборщик налогов вздохнул:

– Значит, нам придется расправиться и с Родогоном. Нельская башня, которая преграждает доступ на Новый мост и Сен-Жерменскую ярмарку, – это важное стратегическое место. Прежде, когда я преподавал историю нескольким шалопаям в коллеже Наварры...

Жан Тухляк не слушал его:

– Не будь пессимистом относительно будущего Нельской башни. По мне, так даже хорошо иногда обновить кровь такой революцией. Что за дивный урожай я собрал в Нельской башне! По меньшей мере два десятка отборных сопляков, за которых я получу хорошую плату звонкой монетой.

– И где же твои херувимчики?

– Там, наверху... Мадлен, дочь моя, подойди и покажи мне своего питомца.

Толстая женщина с тупым лицом оторвала от груди сосавшего ребенка и протянула его мерзкому типу. Тот принял его и с гордостью показал собеседнику:

– Что за красавчик этот маленький мавр! Когда он подрастет, я закажу ему небесно-голубой наряд и продам парнишку кому-нибудь из придворных.

Тут один из нищих взял дудку, двое других принялись отплясывать крестьянский бурре, и Анжелика больше не слышала, о

чем говорили Жан Тухляк и Старый Пень.

Но теперь она была уверена. Украденные в Нельской башне дети находятся в доме, видимо в помещении над основным залом.

Анжелика очень медленно двинулась вдоль стены. И обнаружила лаз, ведущий на лестницу. Сняв башмаки, она пошла босиком, стараясь не шуметь.

Винтовая лестница привела ее в коридор. Стены и пол были глинобитными. Слева Анжелика заметила пустую комнату, где мигал светильник. В стены были вмурованы цепи. Кого здесь держали?.. Кого пытали?.. Она вспомнила: говорили, будто во время Фронды Жан Тухляк похищал молодых людей и одиноких крестьян и продавал их вербовщикам в армию... В этой части дома стояла пугающая тишина.

Анжелика пошла дальше.

Коснувшись ее босой ноги, мимо пробежала крыса. Анжелика сдержала вопль ужаса.

Теперь из глубины дома до нее доносился новый звук.

Стоны, далекие всхлипывания, плач становились все отчетливее. Сердце ее сжалось: плакали дети. Она представила себе лицо Флоримона с испуганными черными глазами, текущие по бледным щекам слезы. Ему было страшно в темноте. Он звал... Анжелика ускорила шаг, жалобный плач буквально притягивал ее. Поднявшись на следующий этаж, она миновала еще две комнаты; тускло светили масляные плашки. На стенах Анжелика заметила медные гонги, они да брошенные прямо на пол охапки соломы и несколько глиняных мисок представляли жалкое убранство зловещего особняка.

Она поняла, что находится у цели. Теперь она ясно слышала горестный хор рыданий, к которому примешивался ободряющий шепот.

Анжелика вошла в комнатку, расположенную по левую сторону коридора, по которому она только что прошла. В нише мерцал огонек. Но никого не было. Однако звуки доносились именно отсюда. В глубине комнаты Анжелика заметила тяжелую дверь. Это была первая запертая дверь, попавшаяся ей, остальные комнаты были открыты всем ветрам.

В створке было зарешеченное окошко. Через него Анжелика ничего не могла разглядеть, но поняла, что дети там, в этой норе без воздуха и света. Как привлечь внимание двухлетнего малыша?

Почти касаясь губами прутьев решетки, молодая женщина тихонько позвала:

– Флоримон! Флоримон!

Плач ненадолго прекратился. Какой-то голос из-за двери прошептал:

– Это ты, Маркиза Ангелов?

– Кто это?

– Это я, Лино. Жан Тухляк запер нас здесь с Флипо и другими.

– Флоримон с вами?

– Да.

– Это он плачет?

– Он плакал, но я сказал ему, что ты придешь за ним.

Анжелика догадалась, что мальчишка повернулся, чтобы ласково прошептать:

– Вот видишь, Фло, твоя мама здесь.

– Потерпите, сейчас я вас выпущу, – пообещала Анжелика.

Она осмотрела дверь. Замки выглядели крепкими. Но стена была гнилая.

Наверное, можно попытаться выломать петли. Анжелика стала скрести ногтями штукатурку.

И тут позади себя она услышала странный шум. Что-то вроде кудахтанья, сначала сдавленного, которое понемногу становилось все громче и громче, пока не превратилось в СМЕХ.

Молодая женщина обернулась и на пороге увидела принца нищих.

Урод развалился в низкой четырехколесной тележке. Именно так, упираясь в пол и помогая себе обеими руками, он передвигался по своему жуткому лабиринту.

Он не сводил с Анжелики свирепого взгляда. А она, парализованная ужасом, вспомнила его фантастическое появление на кладбище Святых Мучеников.

От этого смеха, похожего на мерзкое кудахтанье и квохтанье, сотрясилось его уродливое тело с крошечными тонкими и дряблыми ножками.

Затем, не переставая смеяться, он сдвинулся с места. Анжелика ошеломленно следила за перемещением скрежещущей тележки. Она направлялась не к ней, а катилась поперек комнаты. И тут она заметила

на стене медный гонг. Она уже видела такие в других помещениях. Рядом на полу валялась железная палка.

Принц нищих намеревался ударить в гонг. И на его зов тут же из недр дома сюда сбегутся все нищие, все бандиты, все демоны этого ада...

* * *

Глаза зарезанного зверя остекленели.

– О, ты убила его! – воскликнул чей-то голос.

На том же пороге, где недавно появился принц нищих, стояла молодая девушка, почти девочка, с лицом Мадонны.

Анжелика посмотрела на красное от крови лезвие и тихо произнесла:

– Не вздумай звать на помощь! Или тебя мне тоже придется убить.

– О нет! Я не собираюсь кричать. Я так довольна, что ты убила его!

Она подошла к Анжелике.

– Ни у кого не хватало смелости расправиться с ним, – прошептала девушка. – Все боялись. А ведь это был всего лишь маленький уродец.

Она подняла на Анжелику свои черные глаза:

– Но теперь тебе надо бежать.

– Кто ты?

– Я – Розина, последняя жена принца нищих.

Анжелика спрятала нож за пояс. Протянув дрожащую руку, она коснулась нежной розовой щеки девушки:

– Помоги мне, Розина. За этой дверью мой ребенок. Его запер Жан Тухляк. Мне нужно забрать его.

– Двойной ключ от этой двери здесь, – сказала девочка. – Тухляк доверил его принцу нищих. Он в тележке.

Она нагнулась к неподвижной отвратительной туше. Анжелика отвернулась. Розина выпрямилась:

– Вот он.

Девочка сама вставила ключи в замки. Они заскрежетали. Дверь открылась. Анжелика бросилась в карцер и схватила Флоримона,

которого держал на руках Лино. Малыш не плакал, не кричал, но тельце было ледяным. Он так крепко обхватил мать за шею, что ей стало трудно дышать.

– А теперь помоги мне выбраться отсюда, – сказала она Розине.

– Маркиза Ангелов! Маркиза Ангелов, не оставляй нас! – закричали Лино и Флипо.

– Я не могу вывести всех вас.

Она вырвалась из их грязных ручонок, но мальчуганы бросились за ней.

– Маркиза Ангелов, не оставляй нас, – хныкали они.

Вдруг Розина, которая вела их к лестнице, приложила палец к губам:

– Тсс! Кто-то поднимается.

Этажом ниже раздавались тяжелые шаги.

– Слюнтяй, идиот. За мной!

И девушка бросилась бежать как сумасшедшая. Анжелика с детьми не отставала. Когда они выскочили на улицу, во дворце принца нищих раздался нечеловеческий рев. Это Слюнтяй, идиот принца нищих, выл от горя над трупом царственного ублюдка, которого так долго окружал своей заботой.

– Бежим! – твердила Розина.

Все, задыхаясь, помчались по темным улочкам. Босые ноги скользили по грязной мостовой. Наконец девушка замедлила бег.

– Вот и фонари, – сказала она. – Это улица Сен-Мартен.

– Нужно идти дальше. Нас могут преследовать.

– Слюнтяй не говорит, он немой. Его никто не поймет. Может, даже подумают, что это он уколошил принца нищих. Они назначат другого принца нищих. А я туда никогда не вернусь. Я останусь с тобой, ведь это ты его убила.

– А если Жан Тухляк нас найдет? – спросил Лино.

– Он вас не найдет. Я всех вас сумею защитить, – сказала Анжелика.

Вытянув руку, Розина показала в конец улицы, где занимался бледный рассвет. Фонари тускнели.

– Смотри, ночь закончилась.

– Да, ночь закончилась, – упорно твердила Анжелика.

По утрам в аббатстве Сен-Мартен-де-Шан раздавали похлебку бедным. Знатные дамы, присутствовавшие на первой мессе, помогали монахиням совершать этот акт милосердия. Нищие, которые подчас ночевали, прислонившись к приворотной тумбе, находили в монастырской столовой временный покой. Каждый получал миску горячего супа и краюшку хлеба.

Именно здесь и остановилась Анжелика с Флоримоном на руках в сопровождении Розины, Лино и Флипо. Все пятеро были растеряны, замызганы и измучены.

Вместе с вереницей других горемык они вошли в рефекторий и сели на скамьи за деревянные столы. Появились служанки с большими кострюлями бульона.

Аромат был такой аппетитный! Но прежде чем приняться за еду, Анжелика хотела напоить бульоном Флоримона.

Она осторожно поднесла миску к губам ребенка.

Только теперь она могла разглядеть его при падавшем сквозь витраж обманчивом свете. Глаза мальчика были полузакрыты, нос раздулся. Он дышал судорожно, словно его истерзанное страхом сердце не могло попасть в нормальный ритм. Вялый и безучастный, он не глотал, и бульон стекал у него с губ. И все же горячая жидкость оживила его. Он поперхнулся, сумел сделать один глоток, потом сам протянул ручки к миске и стал жадно пить.

Анжелика вглядывалась в это личико оборванца, спрятанное под темной спутанной копной волос.

«Смотри, – говорила она себе, – вот что ты сделала с сыном Жоффрея де Пейрака, наследником графов Тулузских, ребенком поэтических турниров, рожденным для света и радости!..»

Она пробуждалась от долгого оупения, осознавала ужас и крах своей жизни. Звериная злоба против самой себя и против всего мира вдруг поднялась в ней. Хотя она должна была чувствовать себя разбитой и опустошенной после этой ужасной ночи, ее наполнила чудесная сила.

«Больше никогда, – сказала она себе, – он не будет голодать... Больше никогда он не испытает холода... Больше никогда ему не будет

страшно. Клянусь в этом».

Но разве не голод, холод и страх поджидали их у ворот аббатства?
«Надо что-то делать. Немедленно».

Анжелика посмотрела вокруг. Она была лишь одной из этих несчастных матерей, одной из этих обездоленных «бедняжек», на которых нарядные дамы распространяли свою милость, прежде чем вернуться к пустой салонной болтовне или к дворцовым интригам.

Прикрыв прически мантильей, чтобы приглушить блеск жемчугов, повязав поверх шелков и бархата передники, они переходили от одной нищенки к другой. За ними следовали служанки с корзинами, из которых дамы вынимали пирожные, фрукты, иногда пироги или половинку цыпленка – объедки с барского стола.

– О милочка! – произнесла одна из них. – Какая вы смелая, что в вашем состоянии в такую рань пришли за подающим! Благослови вас Господь.

– Спасибо, я надеюсь, моя дорогая.

Последовавший за этими словами смешок показался Анжелике знакомым. Она подняла глаза и узнала графиню де Суассон, которой рыжая Бертилия подавала лиловую шелковую накидку. Графиня зябко закуталась в нее.

– Плохо Господь распорядился, заставив женщин девять месяцев носить в своем чреве плод минутного удовольствия, – сказала она аббатисе, провожавшей ее к воротам.

– Что бы осталось монахиням, если бы все было удовольствием в каждое мгновение мира? – с улыбкой отвечала настоятельница.

Анжелика резко поднялась и передала сына Лино.

– Присмотри за Флоримоном, – сказала она.

Но малыш вцепился в нее и стал кричать.

Тогда она сказала остальным:

– Ждите меня здесь и не двигайтесь с места.

Карета ждала на улице Сен-Мартен. Графиня де Суассон уже собиралась уехать, когда к ней приблизилась бедно одетая женщина с ребенком на руках и сказала:

– Сударыня, мой ребенок умирает от голода и холода. Прикажите одному из ваших лакеев доставить в место, которое я укажу, полную

тележку дров, котелок супа, хлеб, одеяла и одежду.

Знатная дама с удивлением посмотрела на нищенку:

– Это уже дерзость, дочь моя. Ты ведь получила утром свою миску супа.

– Одной миски супа недостаточно, чтобы жить, сударыня. Я прошу у вас такую малость по сравнению с вашим богатством. Тележку дров и еду, которые вы будете мне давать, пока я не смогу устроить иначе.

– Невероятно! – воскликнула графиня. – Ты слышишь, Бертилия? Эти нищенки нагледят с каждым днем! Оставьте меня в покое, женщина! Не прикасайтесь ко мне своими грязными руками, или я прикажу лакею поколотить вас.

– Берегитесь, графиня, – очень тихо сказала Анжелика. – Берегитесь, как бы я не рассказала о ребенке Куасси-Ба!

Графиня, подбиравшая юбки, чтобы усесться в карету, замерла, не успев поставить ногу на ступеньку кареты.

Чтобы скрыть смущение, она схватила веер и стала обмахиваться им, что не имело никакого смысла: дул довольно сильный ветер.

Анжелика переложила Флоримона на другую руку, теперь малыш уже казался ей тяжелым.

– Я знаю, что кое-кто воспитывает ребенка мавра, – продолжала она. – Он недавно родился в Фонтенбло в такой-то день с помощью такой-то женщины, имя которой я могу назвать тому, кого это заинтересует. Двор будет приятно удивлен, когда узнает, что госпожа де Суассон тринадцать месяцев носила младенца под сердцем.

– Ах ты, шлюха! – воскликнула прекрасная Олимпия, чей южный темперамент всегда брал верх.

Она стала вглядываться в лицо Анжелики, пытаясь разглядеть его, но та опускала глаза, уверенная, что в таком жалком виде никто не сможет узнать в ней блистательную госпожу де Пейрак.

– Ну все, довольно! – с гневом сказала графиня де Суассон и поспешила к своей карете. – Мне бы следовало приказать поколотить вас. Знайте: я не люблю, когда надо мной смеются.

– Король тоже не любит, когда над ним смеются, – пробормотала Анжелика.

Благородная дама побагровела и рухнула на бархатные подушки, нервно прихлопывая вздувшиеся юбки.

– Король!.. Король!.. Буду я слушать, как оборванка болтает о короле! Это невыносимо! И что теперь? Чего вы хотите?

– Я вам уже сказала, сударыня. Совсем немного: тележку дров, теплую одежду для меня, моих малышей и двух мальчиков восьми и десяти лет. И какую-то еду...

– Ах, что за унижение – слышать, когда с тобой так разговаривают! – возмутилась графиня, от злости раздирая зубами кружевной платок. – А этот идиот – начальник полиции еще похвастается удачной операцией на Сен-Жерменской ярмарке... Будто бы он уничтожил разбойничий притон... Чего вы ждете, болваны? Почему не закрываете дверцу? – набросилась она на лакеев.

Чтобы исполнить приказание госпожи, один из них оттолкнул Анжелику, однако она не сдавалась и снова подошла к карете:

– Могу ли я прийти в особняк Суассон на улице Сент-Оноре?

– Приходите, – сухо отвечала графиня. – Я распоряжусь.

Глава XV

Господин Буржю, хозяин харчевни на улице Валле-де-Мизер, как раз приступал к первой пинте вина, вспоминая веселенький мотивчик, который прежде в этот час обычно мурлыкала мамаша Буржю, когда увидел входящую во двор странную компанию.

Кучка оборванцев – две женщины и трое детей – следовала за лакеем из богатого дома, в вишнево-красной ливрее, который толкал груженную дровами и одеждой тележку.

Довершала картину очень довольная такой прогулкой обезьянка, сидящая на пожитках и строящая рожи. Один из мальчишек держал в руках скверную скрипку и радостно пощипывал ее струны.

Господин Буржю вскочил, стукнул кулаком по столу и бросился в кухню, чтобы как раз застать там Анжелику, передающую Флоримона на руки Барбы.

– Это еще что?! – заплетающимся языком вне себя от изумления проговорил он. – Еще скажи, что и этот твой! А я-то считал тебя разумной, порядочной девушкой.

– Господин Буржю, выслушайте меня...

– Не желаю ничего слушать! Превратить мою таверну в приют! Я опозорен!

И, сорвав с головы поварской колпак, хозяин побежал за стражей.

– Пусть малыши побудут в тепле, – сказала Анжелика Барбе. – А я пока затоплю камин в комнате.

Потрясенному и возмущенному лакею госпожи де Суассон пришлось по расшатанной лестнице тащить дрова на восьмой этаж в каморку, где не было даже постели с пологом.

– И посоветуй госпоже графине каждый день посылать мне то же самое, – сказала Анжелика, выставляя его вон.

– Знаешь, красотка, что я думаю... – начал лакей.

– Даже знать не хочу, мужлан, и запрещаю тебе мне тыкать! – резко оборвала его Анжелика тоном, который никак не вязался с ее рваной одеждой и коротко стриженными волосами.

Спускаясь по лестнице, лакей, так же как господин Буржю, полагал себя опозоренным.

Через некоторое время по лестнице поднялась Барба, неся Кантора и Флоримона. Лино и Флипо изо всех сил дули на весело потрескивающие поленья. В каморке стояла удушающая жара, и щеки у мальчишек уже покраснелись.

Барба сказала, что хозяин все еще злится.

– Оставь малышей нам, теперь здесь тепло, – сказала Анжелика, – а сама иди занимайся своими делами. Барба, ты не сердись, что я пришла к тебе с малышами?

– О госпожа! Для меня это большое счастье!

– И этих несчастных детей тоже нужно приютить, – сказала Анжелика, указывая на Розину и двух мальчишек. – Знала бы ты, где они были!

– Госпожа, моя бедная комната в вашем распоряжении.

Со двора донесся вопль:

– Ба-а-а-рба!

Орал господин Буржую. Его крики разносились по всей округе. Мало того что дом заполнили нищие, так к тому же еще и служанка совсем сбрендила. Дотла спалила вертел с шестью каплунами... А что за снопы искр летят из трубы?! В камине уже пять лет не разжигали огонь. Все сгорит! Это конец... Матушка Буржую, зачем ты покинула меня?..

Госпожа де Суассон прислала вареного мяса, похлебки и прекрасных овощей. А помимо того, два хлеба и кувшин молока.

Розина сходила во двор за водой и поставила ведро на огонь. Анжелика искупала малышей, надела на них новые рубашонки и завернула в теплые одеяльца. Никогда больше они не испытают голода, никогда больше они не испытают холода!

Кантор сосал подобранную в кухне куриную косточку и что-то лепетал, суча ножками. Флоримон еще не совсем пришел в себя. Он засыпал и с криком просыпался вновь. Он дрожал, и Анжелика не знала, от лихорадки или от страха. Но после горячей ванны он обильно вспотел и уснул спокойным сном.

Анжелика выставила из комнаты Лино и Флипо и тоже вымылась в лохани, которую обычно использовала для своего туалета скромная служанка.

– Какая ты красивая! – сказала ей Розина. – Я тебя не знаю, но ты, наверное, одна из женщин Красавчика?

В знак отрицания Анжелика энергично помотала головой и отметила, что гораздо легче мыть волосы, когда их нет.

– Нет, я Маркиза Ангелов.

– А, так это ты! – воскликнула восхищенная Розина. – Я столько о тебе слышала. Это правда, что Каламбредена повесили?

– Я ничего не знаю, Розина. Ты видишь, мы в простой камерке честной девушки. На стене распятие и кропильница. Не надо говорить об этом.

Анжелика надела рубашку из грубого полотна, юбку и корсаж из темно-синей саржи. Все это тоже притащил в своей тележке лакей. Тонкая талия молодой женщины терялась в складках грубой, бесформенной одежды. Но платье было чистое, и, бросив на пол вчерашние лохмотья, она испытала истинное облегчение.

Из ларчика, который она забрала с улицы Валь-д'Амур вместе с обезьянкой Пикколо, Анжелика достала зеркальце. В этом ларце было много интересных вещиц, дорогих ее сердцу. Например, черепаховый гребень. Анжелика причесалась. Лицо в зеркале, обрамленное короткими волосами, казалось ей незнакомым.

– Это тебя стражники обкорнали?

– Да... Ничего, отрастут. Ой, Розина, а это у меня что?

– Где?

– Да вот тут, в волосах. Взгляни.

Розина присмотрелась.

– Прядь седых волос, – сказала она.

– Седые волосы... – в ужасе повторила Анжелика и в изнеможении присела на постель Барбы. – Но это невозможно! Еще... еще вчера их не было, я уверена.

– А теперь есть. Может, они появились нынче ночью?

– Да, нынче ночью...

Ноги Анжелики дрожали.

– Розина... Я стала старухой?

Встав перед ней на колени, девушка стала внимательно рассматривать ее. Потом погладила по щеке:

– Не думаю. У тебя ни одной морщинки и кожа гладкая.

Анжелика с грехом пополам причесалась, постаравшись спрятать злополучную седую прядь под другими. А затем повязала голову черным сатиновым платком.

– Сколько тебе лет, Розина?

– Не знаю. Может, четырнадцать, а может, пятнадцать.

– Теперь я тебя вспомнила. Как-то ночью я видела тебя на кладбище Святых Мучеников. Ты шла в свите принца нищих с открытой грудью. Зимой. Неужели ты не умирала тогда от холода?

Розина подняла на Анжелику огромные темные глаза, и та прочла в них смутный упрек.

– Ты же сама сказала, не будем говорить об этом, – прошептала она.

Тут в дверь заколошматили Флипо и Лино. Они казались очень довольными. Барба тайком сунула им сковороду, кусок сала и кувшин молока. Они будут печь блины.

В тот вечер не было в Париже веселья, подобного тому, что царило в крошечной каморке на улице Валле-де-Мизер. На сковородке у Анжелики подпрыгивали блины. Лино терзал струны скрипки Тибо Музыканта. Полька нашла инструмент у какого-то столба и вручила его внуку старика. Куда делся во время неразберихи сам старик, никто не знал.

Вскоре в каморку поднялась Барба с подсвечником в руке. В харчевне не было ни одного посетителя, и раздосадованный папаша Буржю запер дверь. В довершение всех несчастий у кабатчика украли часы. Короче говоря, Барба освободилась гораздо раньше обычного. Пока она говорила, взгляд ее упал на странный набор предметов, разложенных на деревянном сундуке, где хранились ее пожитки.

На сундуке оказались две терки для табака, льняной кошелек с несколькими экю, крючок, а посреди всего этого...

– Да ведь... это же часы господина Буржю! – ахнула Барба.

– Флипо! – воскликнула Анжелика.

Флипо потупился:

– Да, это я... Когда я пошел в кухню за тестом для блинов...

Анжелика схватила его за ухо и сильно дернула:

– Если ты снова примешься за свое, мелкий воришка, я тебя прогоню. Можешь возвращаться к Жану Тухляку.

Расстроенный мальчик улегся в углу каморки и немедленно уснул. Лино последовал его примеру. Потом Розина вытянулась поперек соломенного тюфяка и тоже заснула. Спали и малыши.

Не спали только Барба и устроившаяся возле очага Анжелика. Шум с улицы, которую постепенно заполняли выпивохи и картежники, был едва слышен, потому что окно каморки выходило во двор.

– Еще совсем не поздно. На башне Шатле как раз бьет девять, – сказала Барба.

Анжелика растерянно взглянула на нее и неожиданно поднялась с колен.

Барба удивилась.

Анжелика постояла возле спящих Флоримона и Кантора и направилась к двери.

– До завтра, Барба, – шепнула она.

– Куда собирается госпожа?

– У меня осталось еще одно дело, – сказала Анжелика. – А потом с этим будет покончено. И жизнь начнется сначала.

Глава XVI

Чтобы с улицы Валле-де-Мизер добраться до Шатле, достаточно сделать несколько шагов. Островерхие крыши крепостных башен виднелись прямо из харчевни «Храбрый Петух».

Анжелика шла медленно и все же очень скоро оказалась перед главными воротами тюрьмы с двумя башенками по бокам и колокольней с часами наверху.

Как и накануне, свод освещали факелы.

Анжелика направилась к воротам, потом отступила на несколько шагов и принялась кружить по соседним улочкам в надежде, что какое-то внезапное чудо уничтожит мрачный замок, толстые стены которого выстояли уже несколько веков. События прошедшего дня стерли из ее памяти данное капитану стражи обещание.

О нем напомнили слова, сказанные Барбой.

Пришла пора сдержать обещание.

Улочки, по которым бродила Анжелика, источали нестерпимое зловоние. Это были улицы Пьер-а-Пуассон, Тюери и Трипери, где располагались скотобойни и торгующие требухой лавки и где крысы дрались за отбросы.

«Пора, – сказала себе Анжелика, – оставаясь здесь, я ничего не выигрываю. В любом случае через это придется пройти».

Она вернулась к воротам и вошла в кордегардию.

– А, вот и ты, – сказал капитан. Он курил, сидя в кресле и положив обе ноги на стол.

– Я не думал, что она придет, – сказал какой-то стражник.

– А я был уверен, что она вернется, – отвечал капитан. – Я видел много мужчин, которые не держат слова, но шлюха никогда не обманет! Ну так что, цыпочка?

Она ледяным взглядом окинула его налитое кровью лицо. Капитан протянул руку и от всей души ущипнул ее за бедро:

– Сейчас тебя отведут к лекарю, пусть отмоет тебя и посмотрит, не больна ли ты. Если больна, обработают мазью. Я, знаешь ли, разборчив. Ну, пошевеливайся!

Солдат потащил Анжелику в кабинет лекаря. Тот любезничал с одной из тюремных надзирательниц.

Анжелике пришлось улечься на скамью и подвергнуться унизительному осмотру.

– Скажешь капитану, что она чиста, как новая монетка, и свежа, как роза! – проорал лекарь вслед удаляющемуся солдату. – Такие здесь не часто попадаются.

После чего надзирательница проводила Анжелику до комнаты капитана, торжественно называвшейся «покоями».

Анжелика осталась одна в комнате с зарешеченными, как в камере, окнами. Стены были прикрыты коврами, потертыми и обтрепанными.

Стоящий на столе возле чернильницы подсвечник с трудом рассеивал собравшуюся под сводами тьму. В комнате пахло кожей, табаком и вином. Поглощенная своей тревогой, Анжелика стояла возле стола, не решаясь ни присесть на кровать, ни сделать что-нибудь другое. Время шло, ей становилось все холоднее, в тело все глубже проникала сырость.

Наконец она услышала, что пришел капитан. Он появился, изрыгая проклятия:

– Банда бездельников! Не могут сами выкрутиться! А если бы меня там не было!

Он с размаху швырнул на стол шпагу и пистолет, отдуваясь, уселся на стул и, протянув к Анжелике ногу, приказал:

– Сними с меня сапоги.

Сердце Анжелики гулко стукнуло.

– Я вам не служанка!

– Что ты сказала? – прошептал он, положив руки на колени, чтобы лучше рассмотреть ее.

Анжелика сказала себе, что, видать, она сошла с ума, если, находясь полностью во власти Людоеда, осмелилась вызвать его гнев. Она спохватилась:

– Я бы охотно сделала это, но ничего не смыслю в военной амуниции. У вас такие огромные сапоги, а у меня такие маленькие руки. Взгляните.

– Да, верно, маленькие, – согласился он. – У тебя руки как у герцогини.

– Я могу попытаться...

– Оставь, замухрышка, – проворчал он, отстраняя ее.

Он ухватился за сапог и, изгибаясь и гримасничая, принялся тянуть его кверху.

В этот момент в коридоре послышался шум и какой-то голос позвал:

– Капитан! Капитан!

– В чем дело?

– Только что с Малого моста доставили труп.

– Так отправьте его в морг.

– Да... Только вот он получил удар ножом в живот. Надо бы, чтобы вы удостоверили...

Капитан разразился такими проклятиями, что едва не рухнула колокольня соседней церкви, и выскочил в коридор.

И снова, замерзая все больше и больше, Анжелика ждала. Она уже стала надеяться, что ночь так и пройдет, что капитан не вернется или – как знать? – с ним что-то случится... Однако вскоре снова послышались раскаты его мощного голоса. Он вошел в сопровождении солдата.

– Сними мне сапоги! – приказал он солдату. – А теперь убирайся! А ты, девушка, не стой тут как пень и не стучи зубами, а пошевеливайся!

Анжелика развернулась, направилась к алькову и принялась раздеваться.

В желудке у нее словно застрял тяжелый ком.

Она задумалась, следует ли снять рубашку, и осталась в ней. Анжелика легла в постель и, несмотря на свою боязнь, нырнув под одеяло, ощутила блаженство: перины были мягкие. Она понемногу стала согреваться и, подтянув простыню к подбородку, смотрела, как раздевается капитан.

Это было похоже на разгул стихии. Он трещал, свистел, стонал, рокотал, а тень его гигантской фигуры распласталась по всей стене.

Сняв свой великолепный каштановый парик, Людоед бережно надел его на деревянную болванку.

И наконец, энергично почесав голый череп, совсем освободился от одежды.

Даже без сапог и парика, обнаженный, как Геракл Праксителя, начальник королевской стражи по-прежнему выглядел очень внушительно. Анжелика услышала, как плещется вода. Наконец он появился, стыдливо прикрыв бедра полотенцем.

И тут в дверь снова постучали:

– Капитан! Капитан!

Людоед открыл.

– Капитан, вернулся стражник и доложил, что на улице Мучеников ограбили дом и что...

– Черт бы вас всех побрал! – захохотал капитан. – Что же вы никак не угомонитесь! Когда же вы поймете, что мученик – это я?! Вы что, не видите, что в постели у меня тепленькая курочка, которая вот уже три часа томится в ожидании? Неужто вы думаете, что у меня есть время заниматься вашей ерундой?

Он захлопнул дверь, с грохотом заложил засовы и, на мгновение задержавшись у порога, разразился отборной бранью. Успокоившись, он повязал голый череп платком и кокетливо выпустил уголки надо лбом.

После чего взял подсвечник и осторожно подошел к алькову.

Свернувшись в клубок под натянутой до самого подбородка простыней, Анжелика смотрела на приближающегося красного гиганта, голова которого с двумя «рожками» отбрасывала забавную тень на потолок.

Ей, пригревшейся в тепле постели, оцепеневшей от ожидания и уже полусонной, его вид показался столь комичным, что она не удержалась и прыснула.

Людоед остановился и с удивлением уставился на молодую женщину. На его веселой физиономии появилось ликующее выражение.

– Хо-хо! Моя крошка мне улыбается! Вот уж не ожидал! Пускать взглядом ледяные стрелы ты мастерица! Но вижу, ты и шутку понимаешь! Ну да! Ты смеешься, красотка! Это хорошо! Эй-эй! Хо-хо-хо!

И он расхохотался во все горло. Он был так смешон со своими «рожками» и подсвечником, что Анжелика буквально задыхалась от смеха в подушках. Наконец, с глазами полными слез, она все же справилась с собой. Она злилась на себя, потому что собиралась вести

себя с достоинством, равнодушно, дать только то, что от нее потребуют. А теперь она смеется, как продажная девка, желающая приободрить клиента.

– Хорошо, милашка, хорошо, – твердил совершенно довольный капитан. – Ну-ка, подвинься немного, дай мне местечко возле тебя.

Матрас прогнулся под его огромным телом. Капитан задул свечу. Его рука задернула завесу алькова. И во влажной темноте стал особенно невыносим исходивший от него сильный запах вина, табака и кожаных сапог.

Он порывисто дышал и бормотал какие-то нечленораздельные ругательства. Наконец, похлопав по матрасу, он нащупал свою пленницу, и его гигантская лапища накрыла Анжелику. Она напряглась.

– Ну-ну! – произнес Людоед. – Что это ты превратилась в деревянную куклу? Совсем не время, красотка. Впрочем, я не собираюсь тебя торопить. Я хочу обойтись с тобой нежно, потому что это ты. Только что было совсем другое дело: ты смотрела на меня, словно я не больше горошинки, и я уж было решил, что тебе приятно прийти сюда и переспать со мной. А я, между прочим, красивый мужчина, я нравлюсь женщинам. Впрочем, не стоит пытаться понять потаскуху... Главное, что ты мне нравишься. Я даже влюблен! Ты не похожа на других. Ты в десять раз краше. Со вчерашнего дня я только о тебе и думаю...

Его толстые пальцы пощипывали и ощупывали ее.

– Можно подумать, тебе это непривычно. Хотя ты так красива, у тебя, должно быть, много мужчин! Что касается нас двоих, скажу тебе откровенно: когда я увидел тебя в кордегардии, то подумал, что со своими замашками благородной дамы ты очень даже способна навести на меня порчу и сделать бессильным. Такое случается, даже с самыми лучшими. И тогда, чтобы быть уверенным, что смогу оказать тебе честь и не оплошать, я приказал принести мне крющона с корицей. И горе мне! Именно с этого момента мне на башку так и сыплются все эти истории с ворами и покойниками. Эти люди будто специально подставились под нож, чтобы досадить мне. Три часа я метался между судебной канцелярией и моргом с этим чертовым крющоном с корицей, который так возбуждает. И вот теперь я готов, не стану

скрывать. И все же будет лучше для нас обоих, если ты проявишь немного нежности.

Его слова оказали на Анжелику успокаивающее воздействие.

В отличие от большинства женщин, она реагировала на уговоры. Капитан, который вовсе не был глупцом, интуитивно почувствовал это. Невозможно, приняв участие в разграблении многих городов и изнасиловав немало женщин и девушек разных национальностей, не приобрести некоторого опыта.

Терпение Людоеда было вознаграждено – лежавшее подле него прекрасное тело было безответно, но гибко. Со стоном наслаждения начальник стражи овладел им.

Анжелика не успела ни испытать отвращения, ни воспротивиться. Подхваченная этим объятием, словно ураганом, она почти тотчас вновь была свободна.

– Вот и все, дело сделано, – вздохнул капитан.

Широкой ладонью он, словно бревно, откатил Анжелику на другой конец постели.

– Давай спи себе на здоровье, красотка. С утра вернемся к нашим забавам и тогда будем квиты. – Через две секунды он уже громко храпел.

Анжелика думала, что ей будет трудно уснуть, но это упражнение, прибавившееся к усталости последних часов и уюту мягкой и теплой постели, очень скоро погрузило ее в глубокий сон.

Когда Анжелика проснулась, было еще темно. Ей потребовалось довольно много времени, чтобы понять, где она находится. Теперь капитан храпел тише. Было так жарко, что Анжелика сняла рубашку. Суровое полотно раздражало ее нежную кожу.

Анжелика больше не боялась Людоеда. И все-таки ей было не по себе. Тюрьма давила на нее. Какая-то тоска распирала грудь. Анжелика пыталась снова заснуть, но не смогла. Что-то мешало ей. Прислушавшись, она уловила доносящиеся откуда-то снизу странные звуки. И вдруг все поняла. Это были заключенные, находившиеся в камерах под полом, они скреблись, как крысы. Эти мрачные звуки разносились повсюду. Анжелика дрожала всем телом. Крепость Шатле давила на нее своей вековой тяжестью. Выйдет ли она когда-нибудь отсюда? Отпустит ли ее Людоед?

Он спал. Ему было подвластно все.

Он был хозяином этого ада, где человека превращают в животное, борющееся за свое жалкое существование. Анжелику пробрала дрожь, но она приблизилась к Людоеду и тронула его за плечо.

– А, ты уже не спишь? – процедил капитан сквозь зубы.

Он зевнул, почесал грудь, потом встал и приоткрыл шторы. Первые лучи осветили мрачную комнату, эту берлогу, которая много перевидала на своем веку.

– Как ты рано проснулась, моя курочка.

– Что это за звуки?

– Это заключенные. Еще бы! Им-то не позабавиться.

– Они страдают.

– Они там не для того, чтобы веселиться. Знаешь, тебе повезло, что ты оттуда вышла. Скажи, в моей постели лучше, чем там, за стеной, на соломе? Или ты не согласна?

Анжелика кивнула; ее убежденность восхитила капитана.

Он взял со столика возле кровати чарку и жадными глотками принялся пить. Его кадык поднимался и опускался.

Потом Людоед протянул бокал Анжелике:

– Теперь ты.

Она согласилась, понимая, что здесь, в зловещих стенах Шатле, только вино может спасти от отчаяния.

Он подбадривал ее:

– Пей, моя кошечка, пей, красотка. Это хорошее вино. Тебе станет лучше.

Когда она наконец откинулась назад, у нее кружилась голова. Крепкий и терпкий напиток затуманил ее мысли. Главное – она жива.

Он тяжело развернулся к ней, но она его больше не боялась.

Когда он стал без особой нежности ласкать ее своей сильной и опытной широкой ладонью, она даже испытала приближающееся наслаждение. Его ласки, скорее напоминающие чересчур жесткий массаж, нежели дыхание зефира, принесли ей подлинное облегчение. Он по-крестьянски навалился на нее с жаркими и шумными поцелуями. Это удивило Анжелику, ей стало смешно.

Потом он схватил ее своими волосатыми руками и положил поперек кровати. Догадавшись, что на сей раз он полон решимости воспользоваться своим правом, Анжелика прикрыла глаза.

О том, что последовало дальше, она предпочла бы забыть. Впрочем, это не было так ужасно, как она себе представляла.

Людоед не был злым. Скорей он вел себя как человек, не осознающий своего веса и силы. Но, невзирая на это неудобство, вследствие чего он едва не раздавил ее, Анжелика была вынуждена признать, что была недалеко от того, чтобы испытать наслаждение, понимая, что находится в объятиях этого полного сил и бодрости колосса.

После она ощутила себя легонькой как пушинка.

Капитан одевался, мурлыча военный марш.

– Клянусь чревом серых братьев-францисканцев, – приговаривал он, – ты доставила мне удовольствие! А я-то тебя боялся!

Вошел тюремный лекарь с тазиком для бритья и инструментом.

Пока ее грузному любовнику на одну ночь повязывали на шею полотенце и намыливали щеки, Анжелика оделась. Людоед продолжал делиться своим удовлетворением:

– Ты был прав, цирюльник! Свежа, как роза!

Анжелика не знала, как уйти. Неожиданно капитан швырнул на стол кошелек:

– Это тебе.

– Мне уже заплатили.

– Бери, – прорычал капитан, – и убирайся вон!

Анжелика не заставила просить себя дважды. Очутившись за стенами тюрьмы, она не сразу отважилась вернуться на находившуюся слишком близко от Шатле улицу Валле-де-Мизер. Она спустилась к Сене. На лето матросы с пришвартованных вдоль набережной Морфондю барж устроили на берегу купальни. Во все времена парижане и парижанки в течение трех жарких месяцев освежались, барахтаясь в Сене. Купальни представляли собой несколько свай, накрытых полотном. Женщины окунались в воду в рубашках и чепцах.

Женщина, которой Анжелика хотела заплатить, воскликнула:

– Ты в своем уме – лезть в воду в такую рань? Знаешь, прохладно.

– Ничего.

Вода и правда была холодная. Анжелика вздрогнула, но вскоре привыкла. Она была в купальне одна, поэтому могла несколько раз проплыть между сваями. Обсохнув и одевшись, она еще долго бродила вдоль берега, наслаждаясь теплым осенним солнцем.

«С этим покончено, – размышляла она. – Я больше не хочу совершать ужасные поступки вроде убийства принца нищих или из-за нищеты спать с капитаном стражи. Это не в моем стиле. Я люблю тонкое белье, красивые платья. Я хочу, чтобы мои дети больше никогда не знали ни голода, ни холода, чтобы они были хорошо одеты и к ним относились с почтением. Хочу, чтобы к ним вернулось их имя. Я хочу, чтобы ко мне вернулось мое имя. Я хочу снова стать знатной дамой».

Глава XVII

Когда Анжелика, стараясь не шуметь, проникла во двор харчевни «Храбрый Петух», на нее бросился вооруженный половником господин Буржю.

Она, в общем-то, была к этому готова и как раз успела отскочить и спрятаться за колодцем. Хозяин бросился вдогонку.

– Убирайся отсюда, нищенка, потаскуха! – вопил Буржю. – Чем я прогневал небеса, что они ниспослали мне голодранцев, сбежавших из Центрального госпиталя, Бисетра или того хуже? Я знаю, у кого бывает бритая голова вроде твоей. Возвращайся в Шатле, откуда пришла, или я сам упеку тебя туда! Не знаю, что помешало мне вчера позвать стражу. Я слишком добр. Ах, что бы сказала моя набожная женушка, если бы увидела, как опозорено ее заведение?

Стараясь увернуться от ударов половником, Анжелика принялась кричать еще громче, чем он:

– А что бы сказала ваша НАБОЖНАЯ женушка, если бы увидела, как ее позорит ее благоверный, напиваясь чуть свет каждый день?

Папаша Буржю резко остановился. Воспользовавшись этой передышкой, Анжелика продолжала:

– И что бы она сказала о своем загаженном заведении и о прилавке с заскорузлыми, как пергамент, петухами недельной давности? И о пустом погребке, и о дурно навощенных скамьях и столах?..

– Вот черт! – пробормотал он.

– Что бы она сказала о богохульствующем муже? Бедная матушка Буржю, которая с небес видит этот беспорядок! Могу заверить вас, не боясь ошибиться: ваша дорогая покойница не знает, куда деться от стыда перед ангелами и всеми святыми рая!

Лицо господина Буржю принимало все более растерянное выражение. Наконец он тяжело опустился на край колодца.

– Увы! – простонал он. – Зачем она умерла? Такая приветливая хозяйка, всегда спокойная и веселая. Не знаю, почему я до сих пор не нашел забвения в этом колодце!

– А я скажу, что вам мешает: мысль о том, что она встретит вас там, наверху, со словами: «А, вот и ты, папаша Пьер...»

– Простите, папаша Жак...

– «Вот и ты, папаша Жак! Не могу тебя похвалить. Я тебе всегда говорила, что ты один не справишься. Хуже, чем ребенок!.. И ты это доказал! Когда я вижу, во что ты превратил мое столь прекрасное заведение, сверкавшее чистотой, пока я была жива... Когда я вижу, как заржавела наша нарядная вывеска, слышу, как она скрипит в ветреные ночи, мешая уснуть соседям... А мои оловянные котлы, мои формы для пирогов, мои сковородки для рыбы... Как они исцарапаны! Твой идиот-племянник чистит их золой, вместо того чтобы использовать мягкий мел, специально купленный на рынке на улице Тампль. А когда я вижу, что ты позволяешь обворовывать себя всем этим жуликоватым торговцам птицей или вином, которые подсовывают тебе вместо каплунов петухов с обрезанными гребешками или бочки кислятины вместо доброго вина, как же я могу наслаждаться пребыванием в раю?.. Это я, святая и честная женщина?..»

Анжелика умолкла, чтобы перевести дух. Папаша Буржую неожиданно оживился.

– Да, ты права, – пробормотал он. – Ты права... Именно так она бы и сказала... Она была такая... такая... – Его толстые щеки задрожали.

– И нечего хныкать, – твердо сказала Анжелика. – Так вам не избежать шквала ударов метлой, который ждет вас на том конце жизни. Принимайтесь за работу, господин Буржую. Барба хорошая девушка, но медлительная. Ей надо говорить, что она должна делать. Ваш племянник показался мне каким-то дурнем. К тому же посетители не ходят в заведения, где их встречают рычанием.

– Это кто же рычит? – снова приняв угрожающий вид, спросил господин Буржую.

– Вы.

– Я?!

– И ваша жена, которая была такой веселой, и трех минут не стала бы терпеть вашей физиономии над кувшином вина.

– А ты думаешь, она стала бы терпеть вшивую нахалку вроде тебя в своем дворе?

– Я не вшивая! – возразила Анжелика и распрямилась. – Одежда у меня чистая. Судите сами.

– А ты думаешь, она стала бы терпеть, чтобы ты притащила к ней в кухню своих наглых мальчишек? Это же настоящие мелкие воришки! Я застал их у себя в погребе, где они лакомились салом. К тому же я уверен, что это они украли мои часы.

– Вот ваши часы. – Анжелика пренебрежительно вынула что-то из кармана. – Нашла на ступеньках лестницы. Думаю, вы их потеряли вчера, когда поднимались к себе в спальню, вы были очень пьяны...

Протягивая часы через колодец, она добавила:

– Видите, я не воровка. Ведь могла бы присвоить их себе.

– Смотри не урони в колодец! – забеспокоился он.

– Охотно подошла бы поближе, да боюсь вашего половника.

Выругавшись, господин Буржю бросил половник на землю. Анжелика игриво приблизилась. Она чувствовала, что ночь, проведенная с капитаном королевской стражи, не прошла для нее бесследно и научила некоторым хитростям искусства соблазнения ворчунов и сопротивления грубиянам. У нее появилось новое ощущение непринужденности, которое отныне может ей пригодиться.

Анжелика не спешила вернуть часы.

– Красивая вещица, – проговорила она, с интересом разглядывая часы.

Лицо кабатчика снова озарилось улыбкой.

– Вам нравится? Я их купил у одного торговца из кантона Юра. Они на зиму спускаются с гор со своим товаром и живут в Париже. Чего у них только нет... Но, должен признать, они не перед каждым раскрывают свои закрома, будь ты хоть принц. Они любят знать, с кем имеют дело. Эти люди предпочитают общаться с серьезными покупателями, а не с простофилями... Особенно если речь идет о таких чудесах техники, как мои часы. Верно ты говоришь, это поистине произведение искусства, – повторил господин Буржю, любуясь, как серебряная крышка часов сверкает в робких лучах пробивающегося сквозь облака солнца.

Потом он сунул часы в карман, продел цепочки и брелоки в петли и снова бросил на Анжелику подозрительный взгляд.

– Никак не пойму, как часы могли выпасть из кармана, – сказал он. – И еще не пойму, с чего вдруг ты заговорила как знатная дама,

хотя еще вчера говорила на таком жаргоне, что у меня волосы дыбом вставали. Видать, ты хочешь меня облапошить и соблазнить, ты ж потаскуха.

Анжелика не растерялась.

– Не так-то легко с вами разговаривать, папаша Жак, – укоризненно заметила она. – Вы чересчур хорошо знаете женщин.

Торговец сложил короткопалые руки на круглом, как бочонок, брюхе, и лицо его приняло свирепое выражение.

– Знаю я вас. Так что меня не проведешь!

Не отводя взгляда от потупившейся преступницы, он выдержал многозначительную паузу.

– Ну так что? – решительно продолжил он.

Анжелика была выше ростом. Суровый вид толстяка в надетом набекрень колпаке рассмешил ее. Однако она смиренно ответила:

– Я сделаю, как прикажете, господин Буржую. Если выгоните меня с детьми, уйду. Но я не знаю, куда идти, куда увести малышей, чтобы защитить их от холода и дождя. Я живу в комнате Барбы. Я вас не стесняю. У меня свои дрова и пища. Сопровождающие меня мальчишки и девочка могли бы оказывать вам мелкие услуги: носить воду, мести двор... Малыши останутся наверху...

– Почему это они останутся наверху? – проревел кабатчик. – Детям место не в голубятне, а в кухне, возле очага, где они могли бы греться и прогуливаться в свое удовольствие. Ох уж эти нищенки!.. Бессердечные, как скотина! Ну-ка, спускай своих карапузов в кухню, если не хочешь, чтобы я рассердился! Не хватало еще, чтобы ты ненароком подожгла мне кровлю!..

Как птица взлетела Анжелика на седьмой этаж, в мансарду Барбы. В этом торговом квартале, где под натиском бурно растущего города в Средние века дома стояли очень тесно, их строили высокими и узкими.

На каждом этаже располагалось две комнаты, а чаще даже одна, вокруг которой и вилась винтовая лестница, словно решившая довести вас до неба.

На площадке перед Анжеликой метнулась какая-то испуганная тень, в которой она узнала Давида, племянника хозяина. Поваренок вжался в стену и бросил на Анжелику мстительный взгляд. Анжелика уже не помнила унижительных слов, брошенных ею в адрес парнишки

в тот день, когда она впервые пришла в харчевню, чтобы повидать Барбу.

Она улыбнулась, решившись завести друзей в доме, где намеревалась вернуться к достойному существованию:

– Здравствуй, малыш.

– Малыш? – вздрогнув, проворчал тот. – Заметь, при случае я бы мог на твоей голове есть пирожки. По осени мне стукнуло шестнадцать.

– О, извините, сударь! Непростительная ошибка с моей стороны. Будете ли вы столь великодушны даровать мне прощение?

Давид, судя по всему, не привык к подобным шуткам. Он неловко пожал плечами и пробормотал:

– Да ладно, чего там...

– Вы слишком добры. Я растрогана. И как вы прекрасно воспитаны, что не позволяете себе фамильярно тыкать знатной даме...

Казалось, бедный поваренок испытывал страшные муки. У него были довольно красивые черные глаза на худом и бледном лице переростка. Уверенность мигом покинула его.

Вдруг Анжелика, которая уже снова поднималась по лестнице, остановилась:

– С таким акцентом ты точно южанин, угадала?

– Ага... из Тулузы.

– Из Тулузы! – воскликнула она. – Братец-земляк!

Она бросилась парню на шею и расцеловала его.

– Тулуза, – повторяла она.

Поваренок покраснел как помидор. Анжелика сказала ему еще что-то на родном наречии, и волнение Давида удвоилось.

– Так вы, значит, оттуда?

– Почти.

Эта встреча странным образом обрадовала Анжелику. Какой поворот судьбы! Быть одной из знатных дам Тулузы и дойти до того, чтобы целовать какого-то поваренка только за то, что в языке его чувствуется этот привкус солнца с запахом чеснока и цветов!

– Красивый город, – прошептала она. – Почему ты там не остался?

Давид объяснил:

– Мой отец умер. А он всегда хотел, чтобы я обосновался в Париже, где можно заняться оптовой торговлей и научиться ремеслу торговца прохладительными напитками. Сам-то он был бакалейщик. Я поступил, как он велел, и даже собирался пройти экзамен по воску, макаронам, сахару и пряностям, тут он и помер. Тогда я отправился в Париж и прибыл сюда как раз в тот день, когда моя тетушка, мамаша Буржую, умирала от оспы. Никогда мне не будет удачи. Я вечно промахиваюсь. – Он умолк, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

– Удача к тебе вернется, – пообещала Анжелика и принялась подниматься по лестнице.

В мансарде Анжелика обнаружила Розину. Почесывая голову, та вполглаза наблюдала за шалостями Флоримона и Кантора. Барба была внизу, в кухне. Мальчишки отправились «пройтись». На воровском жаргоне это означало, что они пошли попрошайничать.

– Не хочу, чтобы они просили милостыню, – решительно сказала Анжелика.

– Ты не хочешь, чтобы они воровали, ты не хочешь, чтобы они попрошайничали. Тогда чего же ты хочешь?

– Чтобы они работали.

– Но это работа! – возразила девушка.

– Нет! И давай-ка помоги мне поскорей отвести малюток в кухню. Да поживей! Присмотришь там за ними, а заодно поможешь Барбе.

Анжелика с радостью разместила детей в просторных комнатах, где было тепло и вкусно пахло. Казалось, даже огонь в очаге разгорелся с новым жаром.

«Пусть они больше никогда не страдают от холода, пусть они больше никогда не страдают от голода! – мысленно твердила Анжелика. – Честное слово, до чего же славно я придумала – привести их в харчевню!»

Флоримон был одет в серо-коричневое кисейное платьице, корсаж из желтой саржи и передник из зеленой саржи. Голову его украшал саржевый чепец, тоже зеленого цвета. Эти цвета делали его личико с тонкими чертами еще более болезненным. Чтобы проверить, нет ли у него жара, Анжелика пощупала лоб сына и приложила губами к его ладошке. Малыш выглядел бодрым, хотя несколько капризным и плаксивым. А Кантор с самого утра был занят тем, что пытался высвободиться из пеленок, в которые Розине удалось, хоть и не

особенно ловко, завернуть его. И вскоре уже он, голенький, как ангелочек, встал на ножки в корзине, куда его положили, и попытался вылезти из нее, чтобы поймать языки пламени.

– Этого ребенка растили не как положено, – озабоченно сказала Барба. – Хотя бы ручки и ножки ему пеленали? Он не сможет держаться прямо и даже рискует стать горбатым.

– Пока что он выглядит скорее слишком крепким для девятимесячного малыша, – заметила Анжелика, с восхищением глядя на младшего сына.

Но Барбе было беспокойно. Ее беспокоило, что Кантор слишком подвижен.

– Вот выдастся свободная минутка, нашью ему свивальников, чтобы пеленать. Но нынче утром об этом не может быть и речи. Похоже, господин Буржю в ярости. Представьте, госпожа, он приказал мне вымыть полы, натереть столы воском, да еще я должна сбегать на площадь Тампль и купить там мягкого мела, чтобы почистить оловянную посуду. Просто голова кругом...

– Попроси Розину помочь тебе.

Позабывшись обо всем, Анжелика торопливо направилась к Новому мосту.

Цветочница не узнала ее. Анжелике пришлось напомнить торговке, как однажды она помогала ей составлять букеты и удостоилась ее похвалы.

– Да как же я могу тебя узнать? – воскликнула добрая женщина. – В тот раз у тебя на голове были волосы, но на ногах не было башмаков. А теперь ты в башмаках, зато без волос. Но пальчики у тебя, надеюсь, все те же? Садись рядом. Ко Дню Всех Святых работы довольно. Вскоре расцветут все кладбища и церкви, не говоря уже об изображениях покойных.

Анжелика устроилась под красным зонтом и добросовестно и ловко принялась за дело. Она не поднимала глаз, опасаясь увидеть на ярком фоне реки старый силуэт Нельской башни или узнать среди прохожих на Новом мосту кого-нибудь из нищих Каламбрена.

Но в тот день на Новом мосту было спокойно. Не слышно было даже громового голоса Большого Матье, потому что на период Сен-Жерменской ярмарки он вместе со своей кафедрой на колесах и оркестром переместился туда.

Новый мост стал пустынным. Сейчас на нем встречалось меньше зевак, меньше фокусников, меньше нищих. Анжелике это было на руку.

Торговки, ахая, обменивались сплетнями о сражении на Сен-Жерменской ярмарке. Говорили, будто после кровавой бойни до сих пор подсчитывают трупы. На сей раз полиция оказалась на высоте. С того памятного вечера стражники частенько проводили по улицам группы нищих в Центральный госпиталь или партии каторжников на галеры. Что же до казней, то каждая новая заря освещала двух-трех повешенных на Гревской площади.

Потом все с горячностью обсудили наряды, которые наденут женщины – цветочницы и фруктошницы с Нового моста, когда вместе с торговками сельдью с Центрального рынка пойдут поздравлять молодую королеву и новорожденного монсеньора дофина от имени парижских торговков.

– А пока, – продолжала хозяйка Анжелики, – меня заботит другое. Где нашу братию достойно угостят по случаю Дня святого Вальбонна? В прошлом году хозяин кабака «Добрые детки» ободрал нас как липку. Я не желаю, чтобы хоть одно мое су упало в его кошелек.

Анжелика вмешалась в разговор, который поначалу слушала молча, как подобает почтительной ученице:

– Я знаю великолепную харчевню на улице Валле-де-Мизер. Цены там доступные, а готовят вкусно и по-новому.

И она быстро перечислила блюда, в приготовлении которых некогда принимала участие как хозяйка Отеля Веселой Науки:

– Пироги с раками, фаршированные фенхелем индейки, рубец ягненка. Не говоря уже о миндальных и фисташковых пирожных, слоеных пирожках и анисовых вафлях. К тому же, сударыни, в этой харчевне вы полакомитесь кое-чем, чего никогда не видывал на своем столе даже сам его величество король Людовик Четырнадцатый, – крошечными горячими и воздушными бриошами, начиненными засахаренным паштетом из печени. Это настоящее чудо!

– Хм... Девушка, от твоих рассказов у нас слюнки текут! – наперебой воскликнули торговки, лица которых буквально засветились от предвкушения. – Где ты живешь?

– Под вывеской «Храбрый Петух», это последняя харчевня на улице Валле-де-Мизер в сторону набережной Таннер.

– Вот уж не думаю, что в твоём «Петухе» так уж хорошо готовят. Мой муж работает на Главной скотобойне и порой заходит туда перекусить. Он говорит, заведение тоскливое и малопривлекательное.

– Вы не все знаете, голубушка. Хозяин харчевни господин Буржю только что выписал из Тулузы племянника. Он изысканный кулинар и знаком со многими блюдами средиземноморской кухни. Не забывайте, что Тулуза – это один из тех французских городов, где правят цветы. Святой Вальбонн только обрадуется, что его чествуют под таким покровительством! А ещё в «Храбром Петухе» живет обезьянка, умеющая строить всякие рожицы. И скрипач, который знает все песенки Нового моста. Короче, все, что нужно, чтобы как следует повеселиться в теплой компании.

– Ну, девушка, похоже, ты владеешь даром расхваливать товар даже лучше, чем вязать букеты! Схожу-ка я туда.

– О нет, только не сегодня! Тулузский кулинар отправился в поля, специально чтобы выбрать капусту для рагу с обжаренной ветчиной. Рецепт этого блюда он хранит в строжайшей тайне. Но завтра вечером мы вас ждем вместе ещё с двумя дамами, чтобы обсудить меню.

– А что ты делаешь в харчевне?

– Господин Буржю мне родня, – ответила Анжелика.

Вспомнив, что при первой встрече с цветочницей у нее было печальное лицо, она пояснила:

– Мой муж был мелким кондитером. Этой зимой он ещё не прошел проверку на звание мастера, чтобы стать компаньоном, когда умер от чумы. Он оставил меня в нищете, потому что за время его болезни мы много задолжали аптекарю.

– Да, знаем мы, что такое счета от аптекаря! – вздохнули цветочницы, воздев глаза к небесам.

– Господин Буржю принял меня из жалости, и я помогаю ему по хозяйству. Но посетителей мало, поэтому я стараюсь заработать немного денег на стороне.

– Как тебя зовут, красавица?

– Анжелика.

Вскоре она поднялась и попрощалась с цветочницами, сказав, что пойдет предупредить господина Буржю.

Торопливо возвращаясь на улицу Валле-де-Мизер, она поражалась: столько наврала всего за одно утро! Анжелика даже не

пыталась понять причину, толкнувшую ее на поиски клиентуры для господина Буржую. Быть может, таким образом она хотела выразить кабатчику признательность за то, что не выгнал ее? Надеялась ли она на благодарность с его стороны? Она не задавала себе вопросов. Она лишь плыла по течению, требовавшему от нее делать то одно, то другое. Внезапно обострившийся инстинкт матери, спасающей своих малышей, толкал ее все вперед и вперед. Так, постепенно, при помощи то лжи, то смекалки, то отчаянной отваги, она сумеет спасти себя, спасти своих детей. В этом она была уверена!

Глава XVIII

На следующее утро Анжелика встала с первыми лучами зари и сама разбудила Барбу, Розину и детей:

– Ну-ка, вставайте, друзья! Не забывайте, к нам придут дамы, чтобы договориться насчет праздничного ужина. Нам предстоит пустить им пыль в глаза.

Флипо разворчался:

– Почему мы должны работать, а этот лентяй Давид еще дрыхнет и всегда спускается в кухню, только когда огонь уже горит, вода нагрелась и пол подметен? Ты бы вздула его как следует, маркиза!

– Будьте осторожны, теперь я больше не Маркиза Ангелов, а вы не нищие. Сейчас мы семья, прислуга и подручные господина Буржуа. А скоро мы с вами станем буржуа.

– Вот еще! – недовольно фыркнул Флипо. – Не люблю буржуа. У них срезают кошельки, отбирают плащи. Не стану я буржуа.

– А как теперь тебя называть, если ты больше не Маркиза Ангелов? – спросил Лино.

– Называйте меня «госпожа» и говорите мне «вы».

– Всего-то! – хмыкнул Флипо.

Анжелика отвесила ему подзатыльник, дав понять, что новая жизнь – дело серьезное. Пока он хныкал, она внимательно осмотрела обоих мальчишек. Они были одеты в обноски, присланные графиней де Суассон, уродливые и залатанные, но чистые и пристойные. К тому же грубые, крепкие, подбитые гвоздями башмаки хотя и были великоваты, зато надежно защищали от зимних холодов.

– Ты, Флипо, пойдешь с Давидом на базар. Лино, ты будешь делать то, что скажет Барба. Наносишь воды, дров... Розина присмотрит за малышами в кухне, а заодно последит за вертелами.

Флипо грустно вздохнул:

– Какая скука эта новая работа! Нищие и карманники живут как короли... Раз – и у тебя полно денег: ешь до отвала и пей до полусмерти. Потом раз – и ничего нет. Тогда, чтобы не чувствовать голода, заваливаешься куда-нибудь в уголок и дрыхнешь вволю. А здесь вечно надо пахать, а кормят отварным мясом.

– Если хочешь вернуться к принцу нищих, я тебя не держу.

Мальчишки запротестовали:

– Нет! Нет! Теперь нам туда нельзя. Нас пристукнут. Раз – и нету!

Анжелика вздохнула:

– Вам не хватает приключений, маленькие дурачки. Я вас понимаю. Но на том пути в конце вас ждет виселица. А эта дорога, возможно, не приведет нас к богатству, но мы станем уважаемыми гражданами. Ну-ка, пошевеливайтесь!

И вся компания шумно побежала по лестнице.

На одной площадке Анжелика остановилась, постучала в дверь юного Шайу и вошла:

– Подмастерье, пора вставать!

Из-под одеяла появились ошеломленные глаза подростка.

– Подъем, Давид Шайу! – настаивала Анжелика. – Не забывай, что с сегодняшнего дня ты знаменитый кулинар, за чьими рецептами станет охотиться весь Париж.

* * *

Наспех одевшись, господин Буржю, причитая, против своей воли взволнованный и увлеченный повелительным тоном Анжелики, согласился дать ей туго набитый кошелек.

– Если вы опасаетесь, как бы я вас не ограбила, можете пойти со мной на Центральный рынок, – сказала она. – Но лучше бы вам остаться здесь и приготовить каплунов, индюков, уток и жаркое. Поймите, дамы, которые вот-вот придут, хотят оказаться в уютной обстановке. Пустая или заполненная запылившейся птицей витрина, провонявший табаком зал с закопченными стенами, запах бедности и запустения не привлекают людей, решивших славно попить. Что толку обещать им особенное меню, они мне просто не поверят.

– Но что ты собираешься покупать нынче утром, если эти дамы еще ничего не выбрали?

– Обстановку.

– Об... что?!

– Все, что нужно, чтобы ваша харчевня приобрела заманчивый вид: кроликов, рыбу, копчености, фрукты, красивые овощи.

– Но я не трактирщик! – простонал толстяк. – У меня ХАРЧЕВНЯ. Ты хочешь подвергнуть меня преследованиям гильдий поваров-кулинаров-кондитеров?

– Да что они вам сделают?

– Женщинам никогда не разобраться в столь серьезных вопросах! – простонал господин Буржю, воздев короткопалые руки к потолку. – Присяжные этих гильдий возбудят против меня дело, потащат в суд. Короче, ты хочешь разорить меня!

– Да вы и так разорены, – нанесла ему удар Анжелика. – Так что вам нечего терять, и вы можете взяться за другое дело и слегка встряхнуться. Насадите вашу птицу на вертела и сходите-ка к Гревскому порту. Я слышала, уличный виноторговец говорил о прибытии партии хорошего товара из Бургундии и Шампани.

Анжелика сделала все покупки на площади Пилори, стараясь следить, чтобы ее не надули.

Дело усложнял Давид, который непрестанно твердил:

– Это слишком хорошо! Это слишком дорого! Что скажет дядя?

– Балбес! – наконец бросила она ему. – Тебе, южанину, не стыдно быть таким мелочным, как скупец с обмороженным сердцем? Не смей мне больше говорить, что ты из Тулузы!

– Нет, я из Тулузы! – возмутился задетый за живое поваренок. – Мой отец – господин Шайу. Вам это имя ни о чем не говорит?

– Нет. Чем именно занимался твой отец?

Большой мальчик Давид был разочарован, как дитя, у которого отняли конфету.

– Да ладно, вы его отлично знаете! Большой бакалейный магазин на площади Гаронн! Единственный, где торговали экзотическими пряностями!

«В то время я еще не ходила сама за покупками», – подумала Анжелика.

– Он был поваром на королевских судах и привозил из своих странствий много неизвестных вещей, – продолжал Давид. – Да вы знаете, это он привез в Тулузу шоколад.

Анжелике пришлось сделать над собой усилие, чтобы вызвать в памяти случай, связанный со словом «шоколад». Да, верно, в гостиных об этом говорили. Ей вспомнилось возмущение одной тулузской дамы. И она сказала:

– Шоколад? Но это же напиток индейцев!

Давид разволновался. Похоже, мнение Анжелики уже имело для него важное значение.

Приблизив губы к самому ее уху, он сказал, что, для того чтобы убедить ее в совершенстве идей господина его папеньки, сейчас он сообщит ей секрет, которым не поделился еще ни с кем, даже с дядей.

И Давид рассказал, что в молодые годы его отец был заядлым путешественником и пробовал шоколад в разных странах, где его производили из зерен, которые поставляли из Мексики. Так, в Испании, Италии и даже в Польше он имел возможность убедиться в превосходных качествах нового продукта, обладающего приятным вкусом и изумительными целебными свойствами.

Заговорив на эту тему, юный Давид, казалось, был неиссякаем. В стремлении удержать внимание дамы своей мечты он принялся визгливым голосом излагать все, что знал о шоколаде.

– Фу! – скривилась Анжелика, которая слушала болтуна вполуха. – Никогда не пробовала и нет желания. Говорят, королева, она ведь испанка, от него без ума. Зато весь двор пребывает в смущении относительно этого диковинного пристрастия и смеется над ней.

– Это потому, что у придворных нет привычки к шоколаду, – довольно логично сделал вывод ученик кулинара. – Мой отец тоже так думал, поэтому получил королевский патент на изучение этого нового продукта. Но увы! Он умер, а так как моя матушка тоже скончалась, кроме меня, использовать этот патент больше некому. А я даже не знаю, с чего начать. И дяде я о нем не говорил. Я боюсь, он станет смеяться надо мной и отцом. Он при каждом удобном случае твердит, что мой отец был сумасшедшим.

– Так у тебя есть патент? – резко остановившись, спросила Анжелика и поставила корзины на землю, чтобы внимательно посмотреть на своего юного воздыхателя.

В лучах ее зеленого взгляда тот едва не лишился чувств. Когда сознание Анжелики было занято более или менее серьезными мыслями, глаза ее излучали почти магнетический свет, что всегда действовало на собеседника, тем более что зачастую причина подобного явления была ему неизвестна.

Бедный Давид был обречен. Он не сопротивлялся.

– У тебя есть этот патент? – повторила Анжелика.

– Да, – едва выдохнул он.

– Каким числом он датирован?

– Двадцать восьмым мая тысяча шестьсот пятьдесят девятого года, и разрешение действительно двадцать девять лет.

– То есть ты имеешь разрешение в течение двадцати девяти лет производить этот экзотический продукт и торговать им?

– Ну да...

– Надо бы узнать, не опасен ли шоколад, – пробормотала Анжелика, – и сможет ли он понравиться публике. А ты сам-то его пил?

– Да.

– И что ты об этом думаешь?

– По мне, – отвечал Давид, – он слишком приторный. Впрочем, если добавить черного и красного перца, то вполне сойдет. Но я бы предпочел стакан доброго вина, – добавил он с залихватским видом.

– Поберегись! – раздался голос откуда-то сверху.

Они едва успели отскочить в сторону, чтобы не попасть под зловонный ливень. Анжелика схватила поваренка за руку и почувствовала, что он дрожит.

– Я хотел сказать вам, – торопливо пробормотал он, – что я никогда не видел... такой... красивой женщины, как вы.

– Нет, видел, бедный мальчик, – раздраженно ответила она. – Стоит только посмотреть вокруг, а не грызть ногти и не ползать, как осенняя муха. А пока, если хочешь понравиться мне, вместо того чтобы расточать ненужные комплименты, расскажи-ка лучше еще про свой шоколад.

Заметив его несчастный вид, она попыталась его приободрить. Не стоило отталкивать мальчишку. С этим своим патентом, единственным владельцем которого он был, Давид мог оказаться полезным.

Анжелика рассмеялась:

– Увы, я уже не пятнадцатилетняя девочка, мой мальчик. Смотри, я старуха. У меня уже седые волосы. – Она выпустила из-под чепца прядь волос, так внезапно поседевших за ту страшную ночь в предместье Сен-Дени. – А где же Флипо? – оглянувшись, спросила Анжелика. – Где шляется этот маленький негодник?

Она немного забеспокоилась, опасаясь, как бы Флипо, оказавшись в толпе, не попытался вновь применить на практике уроки Жактанса

Карманника.

– Напрасно вы так заботитесь об этом плуте, – ревниво заметил Давид. – Я только что видел, как он обменивался знаками с каким-то покрытым гнойниками нищим, который попрошайничал на паперти. А потом тот бросился бежать... с его корзиной. Дядя придет в ярость!

– Все-то ты видишь в черном цвете, бедняга.

– А как же, я в жизни не видал удачи!

– Пошли назад, мы найдем этого воришку.

Но мальчуган уже и сам бежал им навстречу. Со своими живыми глазами парижского воробышка, красным носом и длинными жесткими волосами под большой потрепанной шляпой он казался Анжелике даже милovidным. Она привязалась к нему, как и к маленькому Лино, которого дважды вырвала из когтей гнусного Жана Тухляка.

– Что я тебе скажу, Маркиза Ангелов, – задыхаясь, лепетал Флипо, от волнения забыв обо всех запретах. – Знаешь, кто теперь принц нищих? Жанен Деревянный Зад. Да, дорогая моя, наш Жанен из Нельской башни!

Мальчишка понизил голос и испуганно прошептал:

– И мне сказали: «Берегитесь, мелюзга, вы живете под юбками предательницы».

У Анжелики кровь застыла в жилах.

– Ты думаешь, они знают, что я убила Ролена Коротышку?

– Они ничего не сказали. Хотя нет... Сухарь говорил про стражников, которых ты упрашивала отправиться к цыганам.

– Кто там был?

– Сухарь, Легконогий, три старухи из наших и двое припадочных из другой банды.

Молодая женщина и мальчонка обменивались какими-то словами на воровском жаргоне, которых Давид не понял, однако он без труда уловил пугающие интонации. Он испытывал одновременно беспокойство и восхищение, осознавая таинственную связь своей новой пассии с неуловимым и всемогущим воровским миром, игравшим заметную роль в жизни Парижа.

На обратном пути Анжелика молчала, но, едва переступив порог харчевни, решительно отбросила все опасения.

«Девочка моя, – сказала она себе, – очень вероятно, что однажды утром тебе перережут горло или утопят в Сене. Ты уже давно рискуешь. Тебе угрожают то принцы, то нищие! Ну и что? Надо бороться, даже если ты в последний раз видишь дневной свет. Из трудностей невозможно выбраться, не схватив быка за рога и не расплатившись собственной персоной... Разве не говорил тебе этого когда-то господин Молин?»

– Вперед, дети мои! – вслух скомандовала Анжелика. – Надо, чтобы, едва переступив порог, почтенные дамы из гильдии цветочниц растаяли, как масло на солнце.

* * *

Под вечер прибыв в харчевню, дамы и точно были очарованы, оказавшись в зале «Храброго Петуха». Мало того что там витал изумительный аромат вафель, но к тому же само убранство зала было соблазнительным и оригинальным.

Ярко пылающий в камине огонь, потрескивая, окрашивал все помещение золотистым светом. Расставленные на ближайших столах канделябры отбрасывали разноцветные отблески на оловянную посуду и кухонную утварь, красиво размещенную на полках: горшки, кувшины, сковороды и формы для тортов.

К тому же Анжелика реквизировала у Буржо несколько серебряных приборов, которые хозяин ревниво хранил в сундуках: два кувшина для воды, уксусницу, две кокотницы и две чаши для мытья рук. Эти последние были доверху наполнены виноградными гроздьями, грушами и другими фруктами, расставлены на столах вперемешку с великолепными сосудами для красного и белого вина, в которых рубиновыми и золотистыми искрами играл огонь. Именно эти детали больше всего поразили кумушек.

Цветочниц часто просили по случаю праздника доставить товар в богатые дома, и в этой сервировке с серебром, фруктами и винами им привиделось смутное сходство с роскошными приемами у знати. И это втайне льстило их самолюбию.

Будучи осмотрительными торговками, они не пожелали открыто признать свое удовлетворение и критическим взглядом окидывали

подвешенных под балками кроликов и окорока, недоверчиво принохивались к блюдам с копченостями, с холодным мясом и рыбой под зеленым соусом, тыкали опытным пальцем в птицу. В конце концов возглавлявшей гильдию матушке Маржолен удалось отыскать недостаток в этом чрезмерном совершенстве:

– Здесь не хватает цветов. Вон та бычья голова выглядела бы совсем иначе с двумя маками в ноздрях и пионом на темени.

– Сударыня, мы не хотели даже веточкой петрушки попытаться оспорить изящество и ловкость, которые вы демонстрируете в области, где вам нет равных, – невероятно учтиво парировал папаша Буржю.

Милых дам усадили перед огнем, а из подвала принесли кувшин лучшего вина.

Прелестный Лино, устроившись поблизости, медленно крутил ручку шарманки, а Флоримон играл с Пикколо.

Меню праздничной трапезы было согласовано в самой сердечной обстановке. Стороны прекрасно поладили.

– Ну вот, – выдохнул хозяин харчевни, когда с почтительными поклонами выпроводил цветочниц за порог. – И что мы теперь будем делать со всеми этими расставленными на столах изысками? Сейчас придут перекусить ремесленники и рабочие. Уж они-то не станут есть эти деликатесы, а тем более платить за них. К чему эти ненужные траты?

– Вы меня удивляете, господин Буржю, – сурово возразила Анжелика. – Я полагала, вы деловой человек. Эти ненужные траты позволили вам залучить к себе компанию, которая десять раз окупит ваши сегодняшние расходы. Не говоря уже о том, что никто не может знать, какую расточительность позволят себе дамы, начав пировать. Они у нас станут танцевать и петь, а прохожие, видя, какая веселая жизнь кипит в харчевне, захотят тоже получить свою долю удовольствия.

Папаша Буржю изо всех сил сопротивлялся, однако все же позволил себе разделить ожидания Анжелики.

Жар и энергия, потраченные им на подготовку пиршества в День святого Вальбонна, заставили толстяка позабыть о своей привычке к выпивке. Ковыляя на своих коротких ногах, он вновь обрел расторопность повара и властную манеру общаться с торговцами, а также свойственную всякому уважающему себя кабатчику слащавую

любезность. В конце концов Анжелике даже удалось убедить его, что респектабельный вид необходим для успеха предприятия, и господин Буржю дошел до того, что заказал полное обмундирование для своего племянника... и еще один комплект – для Флипо.

Огромные колпаки, куртки, штаны, фартуки – все вместе со скатертями и салфетками было отправлено прачкам и вернулось от них белоснежным и туго накрахмаленным.

Утром знаменательного дня папаша Буржю, улыбаясь и потирая руки, подошел к Анжелике.

– Милая моя, – ласково сказал он, – ты ведь сумела вернуть в мой дом веселье и жизнь, которые когда-то царили здесь при моей святой и доброй женушке. И вот что я подумал. Пойдем-ка со мной.

Ободряюще подмигнув, он знаком пригласил ее следовать за ним.

Анжелика стала подниматься по винтовой лестнице. На втором этаже они остановились. Оказавшись в супружеской спальне, Анжелика ощутила ужас, которого прежде не испытывала. Уж не лелеет ли хозяин харчевни идею просить ту, которая так отважно заменила его супругу в делах, пойти немного дальше в исполнении столь деликатной роли?

Загадочное выражение его улыбающегося лица, когда он с таинственным видом направился к гардеробу, ее отнюдь не успокоило.

Неужели ей придется отказаться от своих прекрасных планов и покинуть этот уютный кров, чтобы снова скитаться с двумя детьми и жалкой маленькой бандой?

Уступить? Щеки Анжелики вспыхнули, она тревожно озиралась в спальне мелкого торговца, разглядывая широкую кровать и занавеси из зеленой саржи, два колченогих скрипучих стула и туалетный столик с умывальным тазом и серебряным кувшином.

Над очагом висели две картины на сюжет Страстей Христовых, а к подставке для оружия были прислонены два небольших ружья, мушкет, аркебуза, пика и шпага с серебряной гардой и эфесом – гордость всякого ремесленника и буржуа.

Хозяин «Храброго Петуха», такой вялый в обыденной жизни, был сержантом гражданской милиции, и это ему нравилось. В отличие от большинства своих коллег, он охотно шел в Шатле, когда настаивал его черед заступать на дежурство.

Теперь Анжелика слышала, как он пыхтит и шумно ворочается в прилегающем к спальне чулане.

Господин Буржю появился, толкая перед собой тяжелый ларь из почерневшего дерева.

– Помоги-ка мне, девушка.

Вдвоем они выволокли сундук на середину комнаты.

Хозяин отер пот со лба.

– Вот, – сказал толстяк. – Я тут подумал... Ты ведь сама твердила мне, что для этого ужина надо, чтобы мы были столь же прекрасными, как швейцарские гвардейцы. Давид, два поваренка, я сам – мы-то будем во всей красе. Я надену коричневые шелковые штаны. А вот ты, бедняжка, совсем не делаешь нам чести, несмотря на свою хорошенькую мордашку... Так вот, я подумал...

Он умолк, задумался, потом открыл сундук.

Там, заботливо переложённые веточками лаванды, хранились юбки матушки Буржю, ее корсажи, чепцы, шейные платки и превосходная шляпка из черного фетра с квадратными шелковыми вставками.

– Она была поплотнее тебя, – сдавленным голосом произнес хозяин харчевни. – Но при помощи булавок...

Смахнув пальцем слезу, он внезапно рявкнул:

– И нечего меня разглядывать! Выбирай.

Анжелика принялась перебирать одежду покойной. Скромные наряды из саржи или полушелка, но с бархатной отделкой и подкладками ярких цветов, тонкое белье доказывали, что к концу жизни хозяйка «Храброго Петуха» была одной из самых зажиточных торговек квартала. У нее даже имелась крошечная муфта из красного бархата с золотыми узорами, которую Анжелика с нескрываемым удовольствием покрутила на руке.

– Сумасшедшая! – снисходительно улыбнулся папаша Буржю. – Увидела ее в торговой галерее и все уши мне прожужжала. Я ей говорил: «Амандина, что ты будешь делать с этой муфтой? Она для благородной дамы из Марэ, которая ездит кокетничать в Тюильри и на Кур-ла-Рен». А меня это бесило. Я подарил ей муфту на последнее Рождество. Как же она радовалась!.. Кто бы мог сказать, что спустя несколько дней... она... умрет...

Анжелике удалось справиться с волнением.

– Я уверена, что ей доставляет удовольствие видеть с небес, сколь вы добры и великодушны. Я не стану носить эту муфту, потому что для меня она слишком хороша. Но я охотно принимаю ваш дар, господин Буржую. Посмотрю, что мне подойдет. Не могли бы вы прислать ко мне Барбу, чтобы она помогла подогнать одежду?

Анжелика с удовольствием отметила, что стоит перед зеркалом с камеристкой у ног, и расценила этот факт как первый шаг к намеченной цели. Зажавшая в зубах булавки Барба тоже ощущала это и с видимым удовольствием неустанно называла ее «госпожой».

«Подумать только, что все мое состояние – это несколько су, что дали мне цветочницы с Нового моста, и подавание, которое ежедневно посылает графиня де Суассон!» – радостно изумлялась Анжелика.

Она выбрала корсаж и юбку из зеленой саржи, отороченные черным атласом. Черный атласный передник в золотой цветочек дополнил ее наряд успешной лавочницы. Он был рассчитан на пышную грудь мамыши Буржую, поэтому точно подогнать одежду под маленькие, крепкие и высоко посаженные груди Анжелики не удалось, и зияющий вырез корсажа прикрыли розовым шейным платком с вышивкой зеленым шелком.

В маленьком саше Анжелика обнаружила незатейливые украшения владелицы харчевни: три золотых перстня с сердоликами и бирюзой, два крестика, две пары сережек и восемь ниток великолепных четок – одни из гагата, а остальные из горного хрусталя.

Анжелика спустилась в харчевню. Из-под скрывающего ее стриженные волосы накрахмаленного чепца сверкали серьги с агатами и жемчугом, а шею украшал крестик на черной бархотке. При ее появлении добрый кабатчик не мог скрыть радости:

– Клянусь святым Николаем-угодником, ты похожа как раз на ту девочку, которую нам всегда так хотелось иметь, но которой у нас никогда не было! Иногда мы предавались мечтам. «Сейчас ей было бы пятнадцать лет, теперь шестнадцать, – говорили мы. – Она была бы одета так или вот так... Она появлялась бы в нашем заведении и весело шутила с клиентами...»

– Как мило с вашей стороны, господин Жак, что вы говорите мне такие прекрасные слова. Увы, мне уже не пятнадцать лет и даже не шестнадцать. Я мать семейства...

– Я не знаю, кто ты, – отвечал он, с умилением качая головой. – Мне кажется, ты не совсем настоящая. С тех пор как ты принялась как вихрь носиться по моему дому, у меня впечатление, что время изменилось. И я не уверен, что в один прекрасный день ты не исчезнешь так же внезапно, как появилась... Тот вечер, когда ты из тьмы возникла на пороге, с рассыпавшимися по плечам волосами, и спросила, нет ли у меня служанки по имени Барба, кажется мне таким далеким... Те твои слова прозвучали у меня в голове как удар колокола... Возможно, это означало, что здесь тебе предстоит сыграть какую-то роль...

«Очень надеюсь», – подумала Анжелика. Но бранчливо-ласковым тоном возразила:

– Вы были пьяны, вот почему в голове у вас словно звенели колокола.

Сейчас, когда оба смаковали трогательные подробности, испытывали мистические предчувствия, Анжелике представлялось неловким заводить с господином Буржую разговор о денежной компенсации для себя и своей банды, которую она рассчитывала получить за сотрудничество.

Когда мужчины предаются мечтам, не стоит резко возвращать их на землю – они не слишком к этому расположены. И Анжелика решила приложить все силы своей непосредственной природы, чтобы без фальши в течение нескольких часов сыграть роль прелестной дочери трактирщика.

* * *

Ужин членов гильдии Святого Вальбонна удался на славу, и сам святой пожалел лишь об одном: что не смог воплотиться, чтобы сполна насладиться пиршеством.

Три корзины цветов пошли на украшение столов. Сияющие господин Буржую и Флипо принимали гостей и подавали блюда. Розина помогала Барбе в кухне. Анжелика переходила от одних к другим, следила за кастрюлями и вертелами, любезно отвечала на сердечные приветствия сотрапезниц и подбадривала похвалами таланты Давида,

получившего звание великого кулинара по части средиземноморских блюд.

Она и впрямь не скомпрометировала себя, представив мальчишку как талантливого шеф-повара. Он многое умел, и лишь его лень да, возможно, отсутствие случая до сих пор мешали ему проявить себя. Под воздействием Анжелики, вознесенный ее похвалами, руководимый ею, он превзошел самого себя. Когда она выволокла его, совершенно красного, в обеденный зал, ему устроили овацию. Разгоряченные добрым вином дамы нашли, что у него прекрасные глаза, засыпали бедолагу нескромными озорными вопросами, зацеловали и защекотали его...

Лино взял скрипку. Все принялись петь, подняв кубки, а потом, когда обезьянка Пикколо стала исполнять свои номера, подражая ужимкам матушки Маржолен и ее товарок, раздались взрывы хохота.

Тем временем болтающаяся в поисках развлечений по улице Валле-де-Мизер компания мушкетеров услышала веселые женские голоса и ввалилась в зал «Храброго Петуха», требуя «мяса и вина».

С этого момента пиршество приняло оборот, который не понравился бы святому Вальбонну, если бы этот провансальский святой, друг солнца и радости, по природе своей не был снисходителен к беспорядкам, которые роковым образом порождает союз цветочниц и любвеобильных военных. Разве не сказано, что уныние есть грех? А если хочется посмеяться, да посмеяться всласть, есть множество способов, как взяться за дело.

А наилучший – это находиться в благоухающей ароматами вина, приправ и цветов натопленной комнате, с маленьким страстным музыкантом, который заставляет вас скакать и петь, с обезьянкой, которая вас веселит, и свежими смешливыми женщинами не робкого десятка, которые при снисходительном одобрении толстых пожилых кумушек, жирненьких и игривых, позволяют обнимать их.

* * *

Анжелика пришла в себя, когда колокола церкви Святой Оппортуны призывали к утренней молитве. С покрасневшими щеками, отяжелевшими веками, отваливающимися от таскания

подносов и кувшинов руками и горящими от нескольких жарких и колючих поцелуев щеками, она оживилась, увидев, что Буржою со знанием дела подсчитывает золотые монеты.

Она воскликнула:

– Мы славно потрудились, верно, господин Жак?

– Еще бы, дочь моя! Давненько мое заведение не видывало такого праздника! И эти господа оказались не такими скаредами, как можно было опасаться, видя их плюмажи и рапиры.

– Как вы думаете, не приведут ли они к нам своих друзей?

– Может быть.

– Вот что я вам предлагаю, – заявила Анжелика. – Я продолжаю помогать вам вместе со всей своей ребятней: Розиной, Лино, Флипо и обезьянкой. А вы отдаете мне четверть прибыли.

Хозяин харчевни насупился. Подобный способ ведения дел по-прежнему не представлялся ему общепринятым. Он все еще не был уверен, что в один прекрасный день у него не начнутся сложности с гильдиями или купеческим прево. Но успешные ночные возлияния туманили ему мозг и делали беззащитным перед натиском Анжелики.

– Мы подпишем контракт у нотариуса, – продолжала она, – но сохраним это в тайне. Нет необходимости делиться всеми подробностями с соседом. Скажете, что я ваша молодая родственница, которую вы приютили, и что мы работаем семьей. Сами увидите, господин Жак, я предчувствую, что мы блестяще поведем дела. Все вокруг будут расхваливать вашу коммерческую сметку, люди станут завидовать вам. Матушка Маржолен уже говорила со мной о трапезе торговки фруктами с Нового моста. Их праздник выпадает на святого Фиакра. Поверьте, вам выгодно оставить нас у себя. Смотрите, за сегодняшней ужин вы мне должны вот что.

Она быстро подсчитала полагающуюся ей долю и вышла, оставив добряка в недоумении, но в полной уверенности, что он бойкий коммерсант.

Во дворе Анжелика вдохнула свежий утренний воздух. Она крепко прижимала к груди руку с зажатыми в ней золотыми монетами. Это был ключ к свободе.

Конечно, никто не намеревался обогреть господина Буржою. Но Анжелика подсчитала, что ее маленькая команда довольствуется остатками после пирушек, так что все, что она выручит и увеличит

пропорционально общим усилиям, в конечном счете составит основу их благополучия. Тогда можно будет попытаться придумать еще что-нибудь.

Например, почему бы не пустить в дело патент Давида Шайу, дающий право на изготовление экзотического напитка под названием «шоколад»? Разумеется, простонародье никак не признает этот напиток, зато жадные до новинок и диковинок щеголи и жеманницы, возможно, введут моду на него.

Анжелика уже представляла, как кареты знатных дам и разряженных господ останавливаются на улице Валле-де-Мизер.

Чтобы освободиться от этого видения, она тряхнула головой. Не стоит заглядывать слишком далеко. Пока что жизнь была шаткой, нестабильной. Сейчас следовало собирать, накапливать. Как муравей. Богатство – ключ к свободе, к праву не умереть, не увидеть смерть своих детей, к праву видеть их улыбку. «Если бы мое имущество не было конфисковано, – подумала молодая женщина, – я бы могла спасти Жоффрея!» Она снова тряхнула головой. Не надо больше об этом думать. Потому что всякий раз, как она об этом думала, в ее сознание проникала мысль о смерти, ее охватывало желание уснуть вечным сном, погрузиться в воды забвения.

Она больше никогда не станет вспоминать об этом. Ей есть чем заняться. Она должна спасти Флоримона и Кантора. Она накопит денег, накопит!.. Запрет свое золото в деревянный ларец, драгоценную реликвию гнусного времени, куда она уже спрятала кинжал Родогона Цыгана. Рядом с отныне бесполезным оружием убийства будет копиться золото, оружие власти.

Анжелика подняла глаза к промозглому, тяжелому как свинец серому небу, на котором постепенно тускнел золотистый отблеск зари.

Где-то поблизости громко предлагал свой товар уличный торговец вином. У входа во двор затянул свою унылую жалобу попрошайка. Взглянув на него, Анжелика узнала Сухаря. Сухаря, со всеми его лохмотьями, со всеми его рубцами, со всеми его нашитыми раковинами вечного пилигрима нищеты.

Охваченная страхом, Анжелика бросилась за краюхой хлеба и чашкой супа и поднесла их ему. Из-под нависших кустистых седых бровей нищий упорно не сводил с нее глаз.

Глава XIX

В следующие несколько дней Анжелика разрывалась между кастрюлями папаши Буржую и цветами матушки Маржолен. Цветочница попросила помочь, потому что близилось рождение королевского наследника и дамы были перегружены работой.

Как-то ноябрьским днем, когда они сидели на Новом мосту, зазвонили часы на башне королевского дворца. Кузнец на башне «Самаритянка» схватился за свой молот, а вдали, в Бастилии, раздались глухие пушечные выстрелы.

Горожане пришли в восторг:

– Королева родила! Королева родила!

Публика, затаив дыхание, прислушивалась и считала:

– Двадцать, двадцать один... двадцать два...

Когда раздался двадцать третий выстрел, все кинулись друг к другу. Кто-то говорил, что это двадцать пятый, другие – что двадцать второй. Оптимисты опережали события, пессимисты тормозили их. А колокольный перезвон и пушечные выстрелы продолжали сыпаться на обезумевший Париж. Сомнений не было: МАЛЬЧИК!

– Дофин! Дофин! Да здравствует дофин! Да здравствует королева! Да здравствует король!

Горожане бросились обниматься. Новый мост огласился песнями. Образовались хороводы. Лавки и мастерские распахнули ставни. Фонтаном хлынули струи вина. За накрытыми королевской челядью на улицах столами все лакомились пирожными и вареньем. Вечером был великолепный фейерверк.

Когда королева вернулась из Фонтенбло и вновь поселилась в Лувре с королевским отпрыском, все парижские гильдии стали готовить поздравления. Мамаша Маржолен сказала Анжелике, к которой привязалась:

– Ты тоже пойдешь. Это не принято, но я скажу, что ты ученица и я взяла тебя, чтобы нести корзины. Тебе понравится, еще бы! Посмотришь королевское жилище, этот прекрасный дворец Лувр. Комнаты там огромные, а потолки в них выше, чем в церкви!

Анжелика не посмела отказаться. Добрая женщина оказала ей большую честь.

Впрочем, не признаваясь даже самой себе, она была встревожена тем, что вновь окажется в тех местах, которые стали свидетелями стольких событий и драм ее жизни. Увидит ли Анжелика Великую Мадемуазель с полными радостных слез глазами? Заносчивую графиню де Суассон? Искрящегося остроумием де Лозена? Угрюмого де Гиша? Де Варда? Кто из этих знатных дам и господ разглядит среди торговки женщину, которая некогда, в прекрасных платьях, с горящим взором, бежала по коридорам Лувра в сопровождении своего невозмутимого мавра, металась от одного к другому, то взволнованная, то умоляющая, требуя невозможной милости по отношению к заранее обреченному супругу?..

В назначенный день она оказалась во дворе Лувра, где слышались звучные голоса и шорох накрахмаленных юбок цветочниц и торговки фруктами с Нового моста и торговки сельдью с Центрального рынка.

Совсем скоро корзины с цветами и фруктами и бочки сельдей выставят в ряд перед монсеньором дофином, который будет касаться своей ручонкой нежных роз, сияющих апельсинов и прекрасных серебряных рыб.

Поднимаясь по лестнице, ведущей в королевские покои, шумная и благоухающая толпа торговки повстречалась с папским нунцием, только что вручившим будущему наследнику французского престола приданое, которое по традиции посылалось в дар от папы римского в качестве «свидетельства того, что он признает младенца как старшего сына Церкви».

В передней, где им пришлось подождать, добрые женщины восхищались прелестными вещицами в трех обитых красным бархатом сундуках с серебряными застежками.

Затем их пригласили в опочивальню королевы. Представительницы торговых гильдий преклонили колени и приступили к поздравлениям.

Анжелика, вместе со всеми стоявшая на коленях на ярком ковре, в полутьме украшенного позолотой ложа видела королеву в роскошном платье. На лице ее было все то же застывшее выражение, с которым молодая испанка, только что покинувшая сумрачный мадридский дворец, впервые появилась в Сен-Жан-де-Люз. Однако французские

наряды и прически шли ей гораздо меньше, чем фантастические одежды инфанты и взбитые волосы с накладками, некогда подчеркивавшие ее лицо и силуэт юного идола, отданного по обету «королю-солнце».

Счастливая мать, влюбленная женщина, успокоенная знаками внимания короля, королева Мария-Терезия удостоила улыбкой пеструю колоритную толпу, сменившую у ее изголовья папского посланника.

Король находился подле нее. Он улыбался.

Стоя на коленях среди этих простых женщин возле ног короля, Анжелика чувствовала себя ослепшей и парализованной. Она больше не видела никого, кроме короля.

Позже, вместе со своими товарками выйдя из покоев, она услышала, что в опочивальне королевы присутствовала и королева-мать, а также герцогиня Орлеанская и мадемуазель де Монпансье, герцог Энгийенский, сын принца Конде, и множество придворных обоюбого пола из их свит.

Но она не видела никого, кроме короля, который улыбался, стоя на ступенях ложа королевы. Анжелика очень испугалась. Он не был похож на того молодого человека, который принимал ее в Тюильри и которого ей так хотелось дернуть за жабо. В тот день их силы были равны, они ожесточенно боролись, и каждый был уверен в своей победе.

Какое безумие! Как она могла не понять сразу, что его мнимая ранимость, скрывающаяся под чувствительной наружностью, принадлежала государю со сложившимся характером, который никогда в жизни не допустит малейшего посягательства на свою власть!

Он с самого начала был королем, которому суждено побеждать, а она, Анжелика, не признав этого, была сломана, как тростинка.

И вот теперь в толпе подмастерьев она направлялась к выходу из дворца. Дамы – прево гильдий остались на большой ужин, но подмастерьев на общую трапезу не пригласили.

Проходя через буфетную, где были приготовлены фигурные торты и груды мяса для пиршественных столов, Анжелика услышала свист. Один протяжный и два коротких.

Анжелика узнала условный сигнал банды Каламбредена и решила, что бредит. Здесь, в Лувре?

Она обернулась. Из проема приоткрытой двери на пол падала маленькая тень.

– Баркароль!

В порыве искренней радости она бросилась к нему. Карлик весь раздулся от достоинства и гордости.

– Входите, сестренка. Входите, моя дорогая Маркиза! Давайте поболтаем немного.

Она рассмеялась:

– О Баркароль, какой ты красивый! И как ты хорошо говоришь.

– Я карлик королевы, – самодовольно отвечал Баркароль.

Он провел ее в помещение вроде маленькой гостиной и дал полюбоваться своим наполовину оранжевым и наполовину желтым атласным камзолом, стянутым поясом с бубенчиками. А чтобы она могла оценить их дребезжание, проделал несколько кувырков. С коротко стриженными волосами и тщательно выбритыми щеками, карлик казался счастливым и бодрым. Анжелика сказала, что он помолодел.

– Да, честное слово, я это и сам ощущаю, – скромно признался Баркароль. – Жизнь не лишена удовольствий, и, полагаю, в конечном счете я нравлюсь здешним обитателям. Я рад, что в своем возрасте достиг вершины карьеры.

– Сколько тебе лет, Баркароль?

– Тридцать пять. Самый расцвет зрелости, физических и духовных возможностей мужчины. Пойдем-ка, сестренка, я представлю тебе благородную даму, к которой, не стану скрывать, испытываю нежные чувства... и она отвечает мне тем же.

С видом удачливого любовника карлик повел Анжелику через мрачный лабиринт переходов Лувра.

Они вошли в темную комнату, где Анжелика заметила сидящую за столом женщину лет сорока, крайне уродливую и смуглую. Она готовила что-то на маленькой позолоченной плитке.

– Донья Тересита, позвольте представить вам донью Анжелику, самую прекрасную мадонну Парижа! – высокопарно возвестил Баркароль.

Женщина пробуравила Анжелику угрюмым и проницательным взглядом и произнесла что-то по-испански. Анжелика разобрала только слова «Маркиза Ангелов». Баркароль подмигнул ей:

– Она спрашивает, не ты ли та Маркиза Ангелов, о которой я ей все уши прожужжал. Видишь, сестренка, я своих друзей не забываю.

Они обошли вокруг стола, и Анжелика отметила крошечные ножки доньи Тереситы. Это была карлица королевы.

Подхватив юбку двумя пальцами, Анжелика сделала небольшой реверанс, чтобы выказать уважение к столь высокопоставленной особе.

Кивком карлица указала молодой женщине на табурет и продолжала неторопливо помешивать варево. Баркароль прыгнул на стол. Что-то по-испански рассказывая своей подруге, он колот и грыз орешки.

Прекрасная белая борзая обнюхала Анжелику и улеглась у ее ног. Животные инстинктивно льнули к ней.

– Это Пистолет, борзая короля, – представил собаку Баркароль. – А вот Доринда и Миньона, левретки.

Анжелике было уютно и спокойно в этом уголке дворца, где двое уродцев предавались любви между двумя фортелями.

Ноздри Анжелики затрепетали от удивления, когда она унюхала идущий от кастрюльки запах. Это был какой-то необъяснимый, приятный аромат, где преобладали нотки корицы и душистого перца. Она пригляделась к лежащим на столе ингредиентам: лесной орех и миндаль, стручки красного перца, горшочек меда, наполовину раздробленная сахарная голова, плоски с семенами аниса и зернами перца, баночки с молотой корицей. И наконец, какие-то бобы, названия которых она не знала.

Полностью отдавшись священнодействию, карлица, казалось, не была расположена пускаться в объяснения с вновь прибывшей.

Однако болтовня Баркароля в конце концов вызвала ее улыбку.

– Я ей сказал, – объяснил он Анжелике, – что ты заметила, как я помолодел, и что этому я обязан счастью, которое она мне дарит. Дорогая, я здесь живу припеваючи! По правде сказать, я обуржуазился. Иногда меня это беспокоит. Королева очень добрая женщина. Когда ей особенно грустно, она посылает за мной и, похлопывая меня по щекам, говорит: «Бедный мой мальчик! Бедный мой мальчик!» А я, ты же Баркароля знаешь, не привык к такому обращению. У меня даже слезы на глаза наворачиваются.

– А почему королеве бывает грустно?

- Так ведь она начинает подозревать, что муж ей изменяет!
- Значит, правду говорят, что у короля есть фаворитка?
- Еще бы! Он ее прячет, свою Лавальер! И все же королева узнает.

Бедняжка! Она не слишком проницательна и ничего не понимает в жизни. Знаешь, сестренка, жизнь принцев не особенно отличается от жизни их смиренных подданных. Они доставляют друг другу неприятности, ссорятся, совсем как девушки со своими друзьями.

Ты бы видела ее, нашу королеву, когда она по вечерам ждет прихода своего супруга. А он в это время совершает экзерсисы в объятиях другой. Если уж нам, французам, есть чем гордиться, так это любовными способностями нашего властелина. Бедняжка королева Франции! – Похоже, циничный Баркароль стал приверженцем умильной философии. Заметив улыбку Анжелики, он подмигнул ей. – Неплохо иногда испытывать добрые чувства, правда, Маркиза Ангелов? Чувствовать себя порядочным, честным, зарабатывать на жизнь упорным трудом?

Она не ответила – ей не понравился слащавый тон карлика. Чтобы сменить тему, Анжелика спросила:

– Ты не скажешь, что донья Тересита готовит с таким тщанием? От этого кушанья исходит такой странный аромат... Даже не знаю, как его назвать.

– Да это же шоколад королевы.

Анжелика резко поднялась, чтобы заглянуть в кастрюльку. Она увидела какую-то темную, густую и совершенно неаппетитную массу. Через Баркароля она затеяла разговор с карлицей. Та поведала, что, для того чтобы произвести шедевр, который она готовит, ей потребовалось сто зерен какао, два зернышка чили, или мексиканского перца, горсть аниса, шесть александрийских роз, зубчик кампеша, две драхмы корицы, двенадцать ядер миндаля, двенадцать ядер лесного ореха и полголовы сахара.

– Мне это представляется невероятно сложным, – разочарованно сказала Анжелика. – Это хотя бы вкусно? Можно попробовать?

– Попробовать шоколад королевы! Какое святотатство! Ты нищенка! Что за кощунство! – с деланным возмущением воскликнул карлик.

Хотя карлице просьба Анжелики тоже показалась очень дерзкой, она все же сообразовала протянуть Анжелике капельку темного

месива в золотой ложечке.

Чрезмерно сладкая каша обволокла весь рот молодой женщины. Из вежливости она произнесла:

– Восхитительно.

– Королева не может без него обходиться, – прокомментировал Баркароль. – Ей требуется несколько чашек в день, но его приносят тайком, потому что король и весь двор смеются над ее пристрастием. В Лувре его пьют только она и ее величество королева-мать, которая тоже испанка.

– А здесь можно достать зерна какао?

– Королеве специально доставляют их из Испании через посла. Их надо обжаривать, толочь, обезжиривать, – пояснил карлик и тихонько добавил: – Не понимаю, к чему столько хлопот ради такой гадости!

В этот момент в комнату вошла девочка и скороговоркой, по-испански, потребовала шоколад ее величества.

Анжелика узнала Филиппу. Поговаривали, будто это внебрачная дочь короля Филиппа IV Испанского и что ее воспитала инфанта Мария-Терезия, обнаружившая малышку в коридорах Эскориала. Девочка состояла в испанской свите, переправившейся через реку Бидасоа.

Анжелика встала и простилась с доньей Тереситой. Карлик проводил ее до низкой двери, выходящей на набережную Сены.

– Ты даже не спросил, что со мной произошло, – сказала она ему.

Ей неожиданно показалось, что карлик превратился в тыкву, потому что теперь она видела только его огромную оранжевую атласную шляпу. Баркароль смотрел в землю.

Анжелика присела на порог, чтобы быть одного роста с маленьким человеком и видеть его глаза:

– Отвечай!

– Я знаю, что с тобой произошло. Ты бросила Каламбрена и оказалась во власти добрых побуждений.

– Похоже, ты меня в чем-то обвиняешь? Ты что, не слыхал о сражении на Сен-Жерменской ярмарке? Каламбрена исчез. Мне удалось сбежать из Шатле. Родогон в Нельской башне.

– Ты больше неходишь в братство нищих.

– Ты тоже.

– О, я по-прежнему в братстве нищих. Я всегда в нем буду. Это мое королевство! – торжественно произнес Баркароль.

– А кто тебе сказал про меня?

– Деревянный Зад.

– Ты видел Жанена?

– Я ходил воздать ему должное. Теперь он принц нищих. Думаю, тебе это известно?

– Да.

– Я пошел, чтобы вывалить в таз целый кошелек золотых луидоров. У! У! Дорогуша, я оказался самым богатым из всех.

Анжелика взяла карлика за руку, за маленькую, круглую и пухлую, как у ребенка, ручку:

– Скажи, Баркароль, они хотят причинить мне зло?

– Я думаю, в Париже нет другой красотки, которой следовало бы так опасаться за свою прекрасную шкуру, как тебе. – И он состроил зловещую гримасу.

Однако Анжелика чувствовала, что это не пустая угроза. Она встряхнула головой:

– Тем хуже. Значит, я умру. Но я не смогу вернуться к прошлому. Можешь передать Жанену.

Трагическим жестом Баркароль прикрыл глаза рукой:

– Ах, как же мучительно будет увидеть такую красотку с перерезанным горлом!

Анжелика собралась уходить, он схватил ее за юбку:

– Между нами... Было бы лучше, если бы ты сама сказала об этом Жанену.

С декабря Анжелика полностью погрузилась в дела харчевни. Посетителей прибавилось. Рассказы об удавшейся пирушке гильдии цветочниц обрастали хвалебными слухами. «Храбрый Петух» стал специализироваться на корпоративных праздниках. Ремесленники, жаждущие промочить глотку и набить брюхо в компании и во славу своих святых покровителей, теперь устраивали цеховые трапезы под заново отполированными балками харчевни, постоянно увешанными лучшими образчиками копченостей и дичи, какие только можно было найти.

Анжелика всеми силами способствовала насыщению требовательных глоток и желудков, как если бы она оседлала

строптивного коня, который может стремительно унести ее вдаль.

Кроме рабочих, мастеровых и торговцев в харчевню стали наведываться стайки вольнодумцев – разгульных и утонченных философов, открыто признающих право на все удовольствия, презрение к женщине и отрицание Бога.

Избежать их нескромных рук было не так-то просто. Вдобавок они оказались привередливы в еде. Но хотя порой их цинизм пугал ее, Анжелика очень рассчитывала на них в деле закрепления за заведением надежной репутации, которая привела бы в харчевню более взыскательную публику.

Случалось, забегали актеры. Не снимая накладных красных носов, они приходили небольшими группами понаблюдать за фокусами обезьянки Пикколо.

– Вот у кого всем нам следует учиться, – говорили они. – Ах, будь эта зверюшка человеком, какой бы из нее получился артист!

С потным лбом, пылающими от жара печи щеками, Анжелика занималась своим делом, не думая ни о чем, кроме настоящего. Ей ничего не стоило рассмеяться, отпустить фривольную шуточку, властно отвести чересчур дерзкую руку. Ей нравилось смешивать соусы, шинковать зелень, украшать кушанья.

Она вспоминала, как в детстве, в Монтелу, охотно помогала в кухне. Но особенно она увлеклась кулинарией в Тулузе, под руководством Жоффрея де Пейрака, чей изысканный стол в Отеле Веселой Науки славился на все королевство.

Анжелика с меланхолическим удовольствием восстанавливала в памяти некоторые рецепты и принципы тонкого кулинарного искусства.

Когда пришла зима, Флоримон серьезно заболел: из носа текло, уши воспалились и стали гноиться.

По двадцать раз на дню Анжелика, улучив момент поспокойнее, бегом взбиралась по лестнице в мансарду, где в одиночестве вело бой со смертью крошечное, горящее в лихорадке тело ее сына.

Всякий раз, приближаясь к его убогому ложу, она содрогалась от страха, и из груди ее вырывался вздох облегчения, когда она видела, что ребенок еще дышит. Она осторожно гладила его выпуклый лобик, на котором блестели бисеринки пота.

«Любовь моя! Моя прелесть! Хоть бы мне оставили моего хрупкого мальчика! Я ничего больше не буду просить от жизни, Господи. Я стану ходить в церковь. Буду заказывать мессы. Только оставьте мне моего мальчика...»

На третий день болезни Флоримона папаша Буржую сварливо приказал Анжелике уложить ребенка на втором этаже, в спальне, где сам он не жил с тех пор, как умерла его жена.

– Разве можно вылечить ребенка в мансарде размером со шкаф, куда к тому же ночью набивается больше шести человек, да в придачу обезьяна? А все твои цыганские повадки, бессердечная нищенка! – ворчал он.

Флоримон поправился, но Анжелика с двумя детьми осталась жить в большой спальне на втором этаже. Мальчишкам, Флипо и Лино, была предоставлена мансарда, а Розина по-прежнему делила постель с Барбой.

– И я бы не хотел, – побагровев от гнева, заключил папаша Буржую, – чтобы ты продолжала позорить меня тем, что на глазах соседей этот прощельга-лакей каждый день перебрасывает дрова ко мне во двор. Хочешь согреться – сходи в дровяной сарай.

Так что Анжелика через лакея дала знать графине де Суассон, что не нуждается больше в ее дарах и благодарит за проявленное милосердие. Когда лакей пришел в последний раз, она дала ему на чай. Тот, по-прежнему недоумевая, покачал головой:

– Да уж, скажу я тебе. Я в жизни чего только ни повидал, но никогда не видел таких женщин, как ты!

– Это еще полбеда, – отвечала Анжелика, – а вот если бы я не была вынуждена видеть тебя...

В последнее время она раздавала полученные от графини де Суассон вещи и еду попрошайкам и нищим. Они толпились неподалеку от «Храброго Петуха», и с каждым днем их становилось все больше и больше. Среди них частенько попадались знакомые лица, зловещие и молчаливые. Анжелика подавала им, словно пытаясь заручиться расположением враждебных сил.

Она безмолвно умоляла этих несчастных дать ей право на свободу. Но с каждым днем они становились все требовательней. Шквал их лохмотьев и костылей двигался на штурм ее убежища.

Даже клиенты «Храброго Петуха» возражали против этого нашествия, говоря, что окрестности харчевни так и кишат вшами, почище, чем церковные паперти. А зловоние и зрелище гноящихся ран нисколько не способствуют аппетиту.

Господин Буржую бушевал, на сей раз непритворно:

– Ты их притягиваешь, как виверра – змей и мокриц! Прекрати подавать им и избавь меня от этого сброда, иначе мне придется с тобой расстаться.

Она возмутилась:

– С чего вы взяли, что ваше заведение страдает от попрошаек больше, чем другие? Разве до вас не доходили слухи о голоде, распространяющемся по всему королевству? Говорят, голодные крестьяне штурмом берут города, а бедных становится все больше. Чего же вы хотите, зима, недород...

Но ей было страшно.

По ночам, в большой тихой спальне, где слышалось лишь мерное дыхание ее сыновей, Анжелика вставала и смотрела в окно, как блестят под луной тяжелые воды Сены.

Дом стоял у песчаного обрыва, заваленного отбросами харчевни: перьями, лапами, потрохами – всем тем, что уже не годилось для готовки. Сюда приходили поживиться собаки и нищие горемыки. Слышно было, как они роются в гнилье. В этот час повсюду разносились свист и выкрики бандитов. Анжелика знала, что в нескольких шагах от харчевни, слева, за мостом Менял, находится набережная Жевр, под гулкими сводами которой скрывается самая прекрасная пещера разбойников столицы. Она помнила это огромное сырое логово, где текли реки крови из расположенных на улице Вьей-Лантерн боен.

Разумеется, теперь она не общалась с окаянным ночным людом. Она была частью тех, кто, услышав доносящийся из темных улочек предсмертный крик, осеняет себя крестом в своих крепко запертых домах.

И это уже было немало. Но не остановит ли ее груз прошлого?

Анжелика подошла к постели, где спали Флоримон и Кантор.

Длинные черные ресницы Флоримона отбрасывали тень на его перламутровые щеки. Волосы темным ореолом окружали голову. У

Кантора волосы были почти такие же густые и непослушные. Но локоны имели золотисто-каштановый оттенок, а у Флоримона были черными как вороново крыло. Анжелика видела, что он пошел в нее. Он был их породы, одновременно утонченный и простой, как все Сансе де Монтелу. Скорее безыскусный, чем воспитанный. Упрямством Кантор походил на Жослена, спокойствием – на Раймона, а любовью к одиночеству – на Гонтрана. Внешне он очень напоминал Мадлон, но без ее чувствительности.

Этот маленький пухлый ребенок, со светлыми и пронизательными глазами, уже представлял собой целый мир, собрание вековых добродетелей и недостатков. При условии, что его оставляли в покое и давали свободу, он не доставлял хлопот. Когда Барба захотела плотно спеленать мальчика, подобно всем младенцам его возраста, после нескольких мгновений изумления спокойный Кантор впал в страшную ярость. И через пару часов оглушенные соседи потребовали его освобождения.

Барба говорила, что Анжелика предпочитает Флоримона и не занимается младшим сыном. Анжелика возражала, что заниматься Кантором нет необходимости. Все поведение ребенка ясно доказывало, что прежде всего он желает покоя, тогда как Флоримон, мальчик чувствительный, любил, чтобы им занимались, чтобы с ним разговаривали, отвечали на его вопросы. Флоримону требовалось много заботы и внимания.

Контакт между Анжеликой и Кантором устанавливался без слов и жестов. Они были одной породы. Она смотрела на него, восхищалась розовым пухлым тельцем и редкой силой этого крохи. Ему не было года, а он с самого рождения и даже еще до рождения – думала Анжелика – боролся за жизнь, упорно сопротивлялся смерти, так часто угрожавшей его хрупкому существованию.

Кантор представлял ее силу, а Флоримон – ее слабость. Двое ее сыновей были двумя полюсами ее души.

* * *

Наступили три страшных месяца. Холод и голод все нарастали. Нищие выглядели угрожающе. Анжелика приняла решение пойти

повидаться с Жаненом. Ей давно следовало бы сделать это. Так ей советовал Баркароль. Но она буквально лишалась чувств, стоило ей представить себя перед домом принца нищих.

И все же ей в очередной раз пришлось обуздать себя, чтобы перейти на новый этап, выиграть новую битву. И однажды морозной и темной ночью она пришла в предместье Сен-Дени.

Ее проводили к принцу нищих. Он восседал на некоем подобии трона в глубине глинобитного дома, в дыму и копоти масляных ламп.

Перед ним на полу стоял медный таз. Анжелика бросила туда увесистый кошелек и показала другой подарок: огромное сочное седло барашка и хлеб. Самые диковинные кушанья того времени.

– Ты, видать, не спешила! – прорычал Жанен. – Я давно поджидаю тебя, Маркиза. Знай, ты затеяла опасную игру.

– Я знаю, что тем, что еще жива, обязана тебе.

Она приблизилась. По обе стороны трона принца нищих собрались жуткие подданные его зловещего королевства: Большой и Малый Евнухи со своими безумными знаками отличия – метлой и вилами с насаженной на них дохлой собакой, Старый Пень с длинной бородой и розгами бывшего надзирателя из коллежа Наварры.

Жанен был одет, как всегда, безукоризненно, а на голове его красовалась великолепная шляпа с двумя рядами красных перьев.

Анжелика обязалась каждый месяц приносить или присылать ему такую же сумму и пообещала, что на его «столе» всего всегда будет вдоволь. Но взамен она хотела, чтобы ей оставили свободу ее новой жизни. И еще она попросила, чтобы нищие получили приказ оставить в покое «ее» харчевню.

По лицу Жанена она догадалась, что наконец поступила как должно и теперь он доволен.

Уходя, она степенно присела в реверансе.

Глава XX

– Дочь моя, будь я проклят, если еще когда-нибудь переступлю порог этой харчевни, где обманывают с изощренностью лучших парижских дворцов!

Услышав столь торжественную клятву, Барба опрометью бросилась в кухню. Клиент жалуется! Он уже не впервые приходил в харчевню «Храбрый Петух», весь в атласе и бантах, и в одиночестве молча садился за стол.

Похожий на фигурный торт, он ел с благоговейным выражением на лице и платил вдвое больше, чем полагалось по счету.

Поэтому его клятва прозвучала как гром среди ясного неба, и к ней следовало прислушаться.

К посетителю незамедлительно вышла Анжелика. Дворянин смерил ее взглядом с головы до ног. Похоже, он был в очень дурном расположении духа. Однако красота, а возможно, и непривычная благовоспитанность молодой хозяйки удивили его.

После минутного колебания он продолжал:

– Дочь моя, должен предупредить вас, что ноги моей больше не будет в вашем заведении, если еще хоть раз меня так облапошат.

Чтобы спросить, что случилось, Анжелика постаралась придать своему голосу самое смиренное звучание.

В ответ посетитель поднялся со скамьи в страшном волнении. Он побагровел, и Анжелика, решив, что он подавился костью, уже хотела похлопать его по спине.

Наконец недовольный гость обрел дар речи:

– По моему виду, красавица, вы могли бы догадаться, что у меня в особняке достаточно челяди, чтобы я не испытывал нужду приходить к вам ужинать. В первый раз я зашел сюда случайно, привлеченный БОЖЕСТВЕННЫМ ароматом, витающим у вашего порога. И не пожалел, потому что, к величайшему моему изумлению, отведал здесь омлет, какого даже я, вы слышите, я, советник Парламента, НЕ СМОГ БЫ ПРИГОТОВИТЬ!

Бросив быстрый взгляд на стол с едва початой бутылкой бургундского, Анжелика убедилась, что не выпивка была причиной

столь странных речей. Она подавила смешок и самым невинным тоном произнесла:

– Сударь, мы всего лишь скромные трактирщики и еще всему учимся. Уверяю вас, я не знала, что советники Парламента столь разборчивы...

Поглощенный своим переживанием, посетитель продолжал жаловаться. Поданный ему сегодня омлет не имеет ничего общего с тем, о котором он сохранил БОЖЕСТВЕННОЕ воспоминание.

– Яйца свежие... – рискнула заметить Анжелика.

Но советник Парламента драматическим жестом прервал ее:

– Да хоть бы и несвежие! Дело не в этом. Я хочу знать, КТО готовил тот омлет. И не следует надеяться, что меня можно заставить съесть этот с таким наслаждением, как тот.

Подумав, Анжелика вспомнила, что сама приготовила тот знаменитый омлет.

– Я очень рада, что он вам понравился, – сказала она, – но, признаюсь, это чистая случайность, что вам его подали без предварительного заказа. Обычно я заранее получаю заказ, чтобы иметь возможность запастись всеми необходимыми ингредиентами.

В поросячьих глазках посетителя блеснуло вождделение. Умоляющим голосом он стал упрашивать Анжелику сообщить ему рецепт, и ей пришлось отстаивать его секрет с тем же кокетством, с каким она отстаивала бы свою добродетель.

Будучи от природы практичной, Анжелика мгновенно оценила клиента и решила, что он из тех, кого не стоит упускать, потому что он может стать неисчерпаемым источником доходов для «Храброго Петуха». Она степенно уперла руки в боки, разыгрывая приветливую, но хитрую трактирщицу. Предположив, что гость, похоже, очень сведущ в кулинарии, она заметила, что он должен знать, что, согласно вековой традиции, искусные повара делятся своими самыми знаменитыми рецептами лишь в обмен на звонкую монету.

Несмотря на свое высокое положение, толстый господин отпустил два-три ругательства, а затем со вздохом признал сделку честной. Договорились, что он заплатит, но при условии, что новый омлет окажется подобен тому, первому. На следующее застолье советник рассчитывал привести в качестве судей наиболее изощренных гурманов из дворца и Парламента.

Анжелика приняла пари и была щедро вознаграждена за любезное участие. Потом в обмен на увесистый кошелек советнику дю Берней был передан записанный рецепт. Тот прочел его вслух таким взволнованным голосом, словно это была любовная записка: «К дюжине взбитых яиц добавить щепотку нарезанных перьев лука, один или два печенных на решетке петушиных гребешка, шесть веточек петрушки, три-четыре веточки черноголовника, два-три листочка огуречной травы, столько же воловика, пять-шесть листочков щавеля, одну-две веточки чабреца, два-три листика нежного латука, немного майорана, иссопа и кресс-салата. Жарить в глубокой сковороде на сильном огне, на смеси растительного и ванвского сливочного масла. Сбрызнуть сливками».

В наступившей после чтения благоговейной тишине советник торжественно сказал Анжелике:

– Мадемуазель, признаю, что сам я, даже за гораздо более значительную сумму, чем та, что я вам только что вручил, ни за что не смог бы решиться открыть подобный секрет, достойный лишь богов. В этом мне хочется видеть ваше желание понравиться нам. В знак признательности обещаю, что мы с друзьями станем завсегдатаями вашего приятного заведения.

Так Анжелика привлекла в харчевню утонченных гурманов.

У нее побывали граф де Бруссен, Бюсси-Рабютен, маркиз де Вилландри.

Для этих господ кулинарные удовольствия превосходили все остальные, включая любовные. Под вывеской «Храброго Петуха» теперь останавливались кареты и портшезы, как и мечтала Анжелика. Приходили также буржуа, литераторы, медики.

У них было обыкновение до хрипоты спорить о медицинских свойствах подаваемых им кушаний.

– Рекомендую вам, господа, жаркое из косули, – говорил сотрапезникам врач Ламбер-Мартен. – Мы полагаем, что подвижность этого животного, легкость и живость очищают его мясо от всего лишнего... А что вы предложите нам после жаркого, красавица?

– Поджаренные олени рожки, – отвечала Анжелика. – Это не только необыкновенно изысканно, но, говорят, позволяет некоторым мужам надежно уберечься от подобных украшений.

В 1663 году Анжелика воспользовалась связанным с Великим постом вынужденным отдыхом, чтобы реализовать три своих сокровенных желания.

Первым делом она переехала. Ей никогда не нравился этот густонаселенный квартал поблизости от Шатле. В прекрасном квартале Марэ она нашла двухэтажный домик из трех комнат, показавшийся ей дворцом.

Ее новое жилище находилось на улице Фран-Буржуа, недалеко от пересечения с улицей Вьей-дю-Тампль. В царствование Генриха IV некий финансист затеял здесь возведение прекрасного особняка из кирпича и строительного камня. Но, разоренный войнами или мошенничеством, был вынужден забросить незавершенное строительство. Законченными оказались лишь ведущие в большой внутренний двор подъездные ворота с двумя небольшими домиками по бокам. Владелица здания, маленькая старушка, жила по одну сторону арки. Другую она по сходной цене сдала Анжелике.

На первом этаже два окна с крепкими решетками освещали коридор, ведущий в крохотную кухоньку и довольно большую спальню, где поселилась Анжелика. Прекрасная спальня наверху была отведена детям, которые устроились там со своей гувернанткой Барбой, оставившей службу у господина Буржю, чтобы поступить в услужение к «госпоже Моран». Такое имя решила взять себе Анжелика. Быть может, в один прекрасный день она сумеет добавить к нему благородную частицу. Таким образом, дети будут носить имя своего отца, де Моран. А потом уж она постарается вернуть им хотя бы титул, если не отцовское наследство.

Она безумно надеялась. Деньги могут все. Разве сейчас она не у себя дома?

Это была всего лишь привратницкая, но въездные ворота производили впечатление.

Хотя предназначенные для них створки из прекрасного дуба никогда не закрывались, композиция была завершена. Две головы ягнят среди гирлянд из цветов и фруктов. Дверь швейцарской выходила под арку.

Барба без сожаления покинула харчевню. Ей не нравилось ремесло кухарки, она любила только возиться с малышами. Вот уже некоторое время она занималась только ими. Чтобы заменить ее, Анжелика наняла двух девушек и поваренка. С Розиной, которая превратилась в приветливую и свеженькую служанку, Флипо в качестве поваренка и Лино, которому чаще всего поручалось развлекать клиентов и торговать вафлями, слоеными пирожками и вафельными трубочками, «Храбрый Петух» обзавелся солидным персоналом.

На улице Фран-Буржуа Барба и дети смогут жить спокойно.

Вечером после переезда Анжелика возбужденно сновала с этажа на этаж. Мебели у нее было немного: по кровати в каждой спальне, детская кроватка, два стола, три стула, плюшевые подушки для сидения. Но в очаге плясал огонь, а в большой комнате пахло блинами. Освящать дом принято именно блинами.

Собачка Пату виляла хвостом, а маленькая служанка Жавотта улыбалась Флоримону, а тот улыбался ей.

Устроившись в собственном доме, Анжелика отправилась в Нейи, чтобы забрать тех, кто помог выжить Флоримону и Кантору. Она подумывала завести сторожевого пса. По ночам уединенный квартал Марэ становился опасным – дома были разделены огромными пустырями и возделанными участками. Анжелика добилась покровительства принца нищих, но в темноте воры легко могли ошибиться адресом. Тут ей и вспомнилась девочка, которой ее сыновья, без сомнения, были обязаны жизнью, и собака, приютившая растерянного Флоримона.

Кормилица не узнала ее, потому что Анжелика надела маску и прибыла в наемном экипаже. В ответ на щедрое предложение добрая женщина расплылась в широкой улыбке и без сожаления отпустила девчонку, которая оказалась ее племянницей, и собаку. Анжелика размышляла, какова будет реакция Флоримона, однако вновь прибывшие, похоже, вызвали у него лишь приятные эмоции.

И только сама Анжелика, глядя на Жавотту и Пату, чувствовала, как при воспоминании о Флоримоне в собачьей будке у нее сжимается сердце, и она снова и снова клялась себе, что ее дети никогда больше не узнают ни голода, ни холода.

В тот вечер она совершала безумства. Накупила детям игрушек. Не тех деревянных мельничек или насаженных на палки конских голов, которые за несколько су можно было приобрести на Новом мосту. А игрушек из Дворцовой галереи, якобы сделанных в Нюрнберге: маленькую деревянную позолоченную карету с четырьмя куколками, трех стеклянных собачек, свисток из слоновой кости, а для Кантора деревянное расписное яйцо, внутри которого находилось еще много других.

С удовольствием глядя на свою маленькую семью, Анжелика говорила Барбе:

– Ты только подумай, Барба, в один прекрасный день двое этих молодых людей поступят в Академию Монпарнаса и мы представим их ко двору.

А Барба, молитвенно сложив руки, отвечала:

– О да, госпожа, я надеюсь!

В этот момент по улице проходил глашатай умерших:

– Слушайте те, кто не спит, помолитесь Богу за усопших.

Анжелика в ярости бросилась к окну и выплеснула ему на голову кувшин воды.

* * *

Вторым желанием Анжелики было сменить вывеску харчевни «Храбрый Петух». Теперь, благодаря своему успеху, заведение превратилось в таверну «Красная Маска».

У молодой женщины были большие амбиции, поскольку, помимо щита из кованого железа, закрепленного на выступающей до середины улицы пике, ей хотелось прямо над дверью поместить расписанную красками вывеску.

Однажды, возвращаясь с рынка, она остановилась под вывеской оружейника. На ней красовался пожилой военный с белой бородой. Он пил вино из шлема, а его копьё сверкало начищенной сталью.

– Да ведь это старик Гильом! – воскликнула Анжелика.

Она бросилась в лавку, и хозяин сказал ей, что шедевр над его дверью создан художником, который откликается на имя Гонтран Сансе и проживает в предместье Сен-Марсель.

С сильно бьющимся сердцем Анжелика побежала по указанному адресу. На четвертом этаже неприметного дома дверь ей открыла молодая женщина, миниатюрная, улыбающаяся и розовощекая.

В мастерской, среди холстов и баночек с красками – кобальтом, коричневой, пепельно-голубой, венгерской зеленой, Анжелика обнаружила стоящего перед мольбертом Гонтрана. Он курил трубку и писал обнаженного ангелочка, моделью для которого служила лежащая на синем бархатном ковре хорошенькая маленькая девочка нескольких месяцев от роду.

Для начала посетительница, которая была в маске, завела разговор о вывеске оружейника. Потом она сняла маску, и брат узнал ее. Ей показалось, что Гонтран искренне обрадовался. Он еще больше стал похож на отца, так же слушал, как барышник, положив руки на колени. Он рассказал, что ему удалось стать мастером гильдии живописцев и что он женился на дочери своего бывшего патрона Ван Оссея.

– Но ведь это мезальянс! – в ужасе воскликнула Анжелика, воспользовавшись тем, что маленькая голландка была в кухне.

– А ты-то сама? Как я понял, ты владелица таверны и поишь людей, стоящих гораздо ниже меня на социальной лестнице.

Помолчав, он продолжал не без лукавства:

– И ты без колебания, без ложного стыда пришла повидаться со мной! Пришла бы ты так же, чтобы сообщить о своем нынешнем положении, к Раймону, только что получившему должность духовника королевы-матери? К фрейлине королевы, нашей сестре Мари-Агнес, ведущей в Лувре разгульную жизнь, как принято в этом роде красавиц, или даже к Альберу, пажу маркиза де Рошана?

Анжелика призналась, что далека от этих членов семьи, и спросила, что случилось с Дени.

– Он служит в армии. Отец ликует. Наконец-то хоть один Сансе находится на королевской службе! Младший, Жан-Мари, в коллеже. Может быть, Раймон добудет ему церковную должность, ведь он в прекрасных отношениях с духовником короля, ведущим протокол назначений. И в нашей семье наконец появится епископ.

– Наша семья тебе не кажется странной? – спросила Анжелика, покачав головой. – Сансе везде – от самой вершины до самого низа социальной лестницы.

– Ортанс со своим мужем-прокурором плавает между двух вод. У них много связей, но они живут скудно. После истории с освобождением от налогов вот уже пять лет государство не платит им ни одного су.

– Ты с ними видишься?

– Да. Так же, как с Раймоном и остальными. Никто особенно не радуется встрече со мной. Хотя каждый не прочь получить свой портрет.

Анжелика ненадолго задумалась.

– А... когда вы встречаетесь... вы обо мне говорите?

– Никогда! – отрезал художник. – Ты для нас слишком тяжкое воспоминание, катастрофа, крушение надежд, разбившее нам сердце, каково бы оно ни было... Ты жена колдуна, сожженного на Гревской площади!

Говоря это, он нежно взял ее руки в свои испачканные краской и ставшие шершавыми от кислоты ладони. И ласково коснулся щекой ее руки со следами мозолей и ожогов от печи. Так иногда он делал в далеком детстве...

Горло Анжелики сдавила судорога, она боялась, что вот-вот расплачется. Но она так давно не плакала! Последние слезы она пролила задолго до смерти Жоффрея. А теперь она разучилась плакать.

Она убрала руку и, глядя вокруг, на прислоненные к стене полотна, почти сухо произнесла:

– Ты делаешь превосходные вещи, Гонтран.

– Да, но знатные сеньоры называют меня на «ты», а буржуа смотрят свысока, потому что эти превосходные вещи я делаю своими руками. Может, они хотят, чтобы я работал ногами? И чем умение владеть шпагой – не работа руками и почему оно достойно меньшего презрения, чем умение владеть кистью?

Он покачал головой, и его лицо осветила улыбка. Женитьба сделала его более веселым и разговорчивым.

– Сестричка, я уверен, однажды нас с тобой призовут ко двору, в Версаль. Королю нужно много художников. Я стану расписывать потолки покоев, писать портреты принцев и принцесс, и король скажет мне: «Вы делаете превосходные вещи, сударь». А тебе он скажет: «Сударыня, вы самая прекрасная дама Версаля».

И они оба рассмеялись.

Часть вторая
Эти дамы из Марэ

Глава XXI

Третьей мечтой Анжелики было ввести в парижском обществе моду на экзотический напиток под названием шоколад. Эта мысль не выходила у нее из головы, несмотря на разочарование, испытанное при первом знакомстве с диковинной смесью.

Давид предъявил ей знаменитый отцовский патент.

Как показалось молодой женщине, документ обладал всеми признаками подлинности и законности. На нем стояла подпись короля Людовика XIV, жалующего господину Шайу монопольное право на производство и продажу шоколада во Франции и подтверждающего, что патент действителен в течение двадцати девяти лет.

«Этот теленок абсолютно не осознает ценности унаследованного им сокровища, – думала Анжелика. – Хорошо бы как-нибудь пустить документ в дело».

Она спросила Давида, случалось ли ему делать шоколад вместе с отцом и какой утварью они пользовались.

Ученик повара был счастлив привлечь внимание своей Дульсинеи и с важным видом охотно объяснил ей, что шоколад был привезен к испанскому двору из Мексики в 1500 году известным мореплавателем Фернандо Кортесом. Из Испании шоколад попал во Фландрию. Потом в начале века к новому напитку пристрастились Флоренция и Италия, затем немецкие князья, а теперь его пьют даже в Польше.

– Мой отец с самого детства вдавливал мне эти истории, – объяснил Давид, несколько смущенный своей эрудицией.

Глаза внимательно смотревшей на него Анжелики заставляли поваренка попеременно то бледнеть, то краснеть. Она строго попросила его продолжить пояснения.

Он поведал ей, что принадлежавшие покойному батюшке сырье и оборудование для производства шоколада по-прежнему хранятся в их родном доме в Тулузе, под присмотром дальних родственников. Производство шоколада, по его словам, представляет собой процесс одновременно простой и затруднительный.

Поначалу отец Давида заказывал бобы в Испании, затем непосредственно с Мартиники, откуда ему посылал их купец по имени

Коста.

Прежде всего зерна следовало подвергнуть ферментации. Ее надо было производить весной, пока не слишком жарко.

После ферментации зерна предстояло подсушить, но не слишком, так чтобы не расколоть во время удаления кожуры. Потом их снова подсушить, чтобы можно было измельчать в ступке, но опять-таки не перестараться, чтобы они не утратили своего аромата.

И наконец, их толкли пестиком. Именно в этой процедуре состоял великий секрет успешного приготовления шоколада. Делать это следовало НА КОЛЕНЯХ, деревянный пестик, покрытый листовым железом, нужно слегка нагреть. Такая утварь на языке ацтеков, или краснокожих жителей Америки, называется «метатль».

– Однажды на Новом мосту я видела краснокожего, – сказала Анжелика. – Быть может, удастся найти его. Шоколад наверняка будет лучше, если толочь его будет он.

– Мой отец не был краснокожим, однако его шоколад пользовался успехом, – не уловив иронии, возразил Шайу. – Так что можно обойтись и без индейца. Для варки нужны большие чугуны. Но прежде надо отделить кожуру, кожицу и проростки. А главное, как можно мельче истолочь. Потом добавить сахар в верной пропорции, а также пряности и другие ингредиенты.

– Итак, – сделала вывод Анжелика, – предположим, что мы можем привезти сюда оборудование твоего отца и бобы. Сможешь ли ты приготовить этот напиток?

Давид был в замешательстве. Но под взглядом Анжелики сказал, что да, и был вознагражден лучезарной улыбкой и дружеским похлопыванием.

* * *

С этого момента Анжелика искала любую возможность узнать все, что об этом напитке уже известно во Франции.

Один старик-аптекарь по имени мэтр Лазар, ее знакомый, у которого она покупала некоторые пряности и редкие травы, сказал ей, что шоколад считается эффективным средством против вздутия селезенки. Это его достоинство совсем недавно выявлено в еще не

опубликованном труде известного врача Рене Моро, который испытал его воздействие на маршале де Граммоне, одном из редких при дворе поклонников шоколада.

Анжелика старательно записала эти сведения и имя врача.

Старый аптекарь смотрел ей вслед, качая головой. Он был озабочен. Старик знал многих женщин, ищущих новые средства для избавления от нежелательного ребенка. Эти размышления внезапно навяли ему зловещее воспоминание. Вскрикнув, старик оставил дистиллятор, в котором перегонял какой-то сок, и выбежал за Анжеликой на улицу. Ему удалось догнать ее, потому что, услышав за собой шлепанье стоптанных туфель старика, Анжелика остановилась.

Отдышавшись, он подозрительно огляделся и шепнул ей на ухо:

– Дочь моя, несмотря на благоприятные сведения, которые я сумел получить об этом напитке, мне кажется, я должен предостеречь вас против нежелательных последствий его употребления. Мне вспомнилась касающаяся его чудовищная информация.

Говорите тише, дочь моя! Подумайте, вы ставите меня в неловкое положение, потому что я почти выдаю профессиональную тайну, что нам, аптекарям, как и врачам, строжайше запрещено! Вы не знаете, что восемнадцатого ноября тысяча шестьсот шестьдесят второго года наша молодая королева родила девочку, которая умерла, не прожив и месяца. Так вот, ребенок оказался черным и волосатым, как бесенок, уродцем. Не знали, куда его и спрятать. Медики пришли к выводу, что это несчастье связано с несметным количеством чашек шоколада, который непрерывно поглощает ее величество. Вот видите, дитя мое! Остерегайтесь этого напитка.

– Я записываю, записываю, сударь, – кивнула Анжелика, которую меньше всего на свете испугала история мэтра Лазара.

Несмотря на довольно обескураживающее начало, она все же верила в шоколад.

Анжелика снова заглянула к карлице королевы и на сей раз смогла попробовать напиток, пока он еще не был обильно наперчен и не загустел от избытка сахара. Она нашла его вкусным. Донья Тересита, гордая тем, что обладает секретом шоколада, заверила ее, что не многие люди, даже среди иностранцев, способны приготовить этот напиток. Однако проныра Баркароль сказал Анжелике, что слышал об

одном молодом буржуа, который ездил в Италию, чтобы изучать кулинарное искусство, и слывет умельцем приготовления шоколада.

Сейчас этот Одиже служит метрдотелем у графа де Суассона и вот-вот получит разрешение на производство шоколада во Франции.

«Как бы не так! – подумала Анжелика. – Исключительным правом на его изготовление владею я».

Она решила поподробней разузнать о метрдотеле Одиже. В любом случае наличие конкурента доказывало, что идея производства шоколада носится в воздухе и следует спешить с ее реализацией, если она не хочет, чтобы ее обошли более проворные или имеющие более мощные связи кондитеры.

Однажды, ближе к вечеру, когда она с помощью Лино расставляла на столах цветы в оловянных горшках, в зале таверны появился богато одетый молодой человек приятной наружности и подошел прямо к Анжелике.

– Меня зовут Одиже, я метрдотель графа де Суассона, – представился незнакомец. – Мне сказали, что вы задумали изготавливать шоколад, но у вас нет патента. А у меня такой патент есть. Вот почему я пришел – чтобы дружески предупредить вас, чтобы вы отказались от этой затеи. Иначе проиграете.

– Признательна за ваше внимание, сударь, – ответила Анжелика. – Но если вы уверены, что победите, не понимаю, зачем вы ко мне пришли. Ведь вы рискуете проиграть, случайно раскрыв мне свои карты и, возможно, продемонстрировав прозрачность ваших планов.

Молодой человек растерянно вздрогнул. Он более внимательно посмотрел на свою собеседницу, и его губы расплылись в улыбке, которую подчеркивали тонкие темные усики.

– Боже, какая же вы хорошенькая!

– Если вы начинаете атаку таким образом, не понимаю, какое сражение вы пришли дать мне? – Анжелика тоже не удержалась от улыбки.

Одиже бросил плащ и шляпу на стол и сел напротив Анжелики. Спустя несколько минут они уже почти стали друзьями.

Одиже было около тридцати. Легкая полнота не портила его хорошей фигуры. Как и все офицеры стола у знатных господ, он носил шпагу и был одет так же хорошо, как его хозяин.

Он рассказал, что его родители – довольно зажиточные провинциальные буржуа. Это позволило ему в молодости получить некоторое образование. Он купил должность офицера стола в армии и после нескольких кампаний без труда прошел испытание на звание мастера кулинарии. Затем, чтобы приумножить свои знания, он провел два года в Италии, где изучал технологию изготовления прохладительных напитков, кондитерских изделий, мороженого и сорбетов, драже, конфет, а также шоколада.

– В тысяча шестьсот шестидесятом году, вернувшись из Италии, я имел счастье понравиться его величеству, и отныне мое будущее обеспечено.

Вот как это было. Как-то в январе я проезжал по сельской местности в окрестностях Жена и заметил в поле какие-то горошины в стручках. У меня появилась идея собрать их и сложить в ларь. А через две недели, оказавшись в Париже, я через господина Бонтана, главного камердинера короля, показал государю свою находку. Да-да, дражайшая, и не стоит смотреть на меня с таким изумлением. Я видел короля, как сейчас вас, и он доброжелательно меня принял. Насколько я помню, его величество сопровождали его брат Филипп Орлеанский, граф де Суассон, маршал де Граммон, маркиз де Вард, граф де Ноай и герцог де Креки. Рассмотрев мои горошины, все вельможи в один голос заявили, что никогда не видели ничего прекраснее. А граф де Суассон даже вылуцил для короля несколько стручков. Выразив свое удовлетворение, наш государь приказал мне отнести мою находку контролеру королевской пищи господину Бодуэну и передать ему, чтобы он использовал горошины в приготовлении нескольких кушаний для королевы-матери, для королевы и для господина кардинала, в то время находившегося в Лувре. А остальное повелел оставить на вечер для его величества и Месье. Заодно он приказал господину Бонтану выдать мне денежное вознаграждение, но я, поблагодарив, отказался. Тогда его величество стал настаивать и сказал, что пожалует мне то, чего я сам пожелаю. Через два года, скопив определенное состояние, я попросил у него разрешение открыть производство прохладительных напитков, в том числе шоколада.

– Так почему же вы не наладили производство? – удивленно спросила Анжелика.

– Всеу свое время, красавица. Подобные начинания требуют времени. Совсем недавно канцлер Сегье, рассмотрев мой королевский патент, пообещал мне зарегистрировать его и скрепить печатью и своей подписью, чтобы я мог немедленно приступить к делу. Итак, милый друг, вы понимаете, что с моим исключительным правом на продажу вам будет нелегко заткнуть меня за пояс, даже если предположить, что у вас есть патент, подобный моему.

Несмотря на симпатию, которую вызывали у Анжелики веселый нрав и чистосердечие гостя, она испытала настоящее разочарование.

Она уже собралась сильным аргументом опровергнуть слова своего собеседника и слегка сбить с него спесь, сообщив, что и у нее, точнее, у юного Шайу есть право на подобную исключительность. Которое к тому же обладает тем преимуществом, что зарегистрировано гораздо раньше.

Но решила до времени не выкладывать своих козырей. Документ мог оказаться недействительным. Следовало прежде проконсультироваться у знатоков и у прево купеческой гильдии.

Она не особенно разбиралась в подобных делах, поэтому, чтобы не сталкиваться лбом со своим конкурентом, решила продолжить шутливую болтовню:

– Как же вы неучтивы, сударь, если противитесь желанию дамы. Я просто умираю, как мне хочется угощать парижан шоколадом!

– Ну что же! – воскликнул весельчак. – Я знаю способ все уладить. Выходите за меня замуж.

Анжелика искренне рассмеялась, а потом спросила, не останется ли он отобедать в таверне.

Молодой человек принял приглашение, и Анжелика с особым тщанием обслужила его. Следовало дать ему понять, что владельцы таверны «Красная Маска» – не первые встречные.

Следя за передвижениями молодой женщины по залу, Одиже пожирал ее глазами. Уходя, он выглядел сильно озабоченным.

Анжелика потирала руки. «Похоже, он начинает осознавать, что пока еще не приступил к производству шоколада! – думала она. – Поэтому мне больше нельзя терять ни минуты».

Вечером Анжелика решила переговорить с господином Буржую:

– Дядюшка, мне бы хотелось спросить вашего мнения по поводу этой истории с шоколадом.

Кабатчик собирался идти в Шатле: сегодня был его черед заступать на дежурство. Посмеиваясь, он только пожал плечами:

– Будто тебе нужно мое мнение, притворщица! Ты все равно сделаешь по-своему!

– Дело серьезное, господин Буржю! Я собираюсь завтра пойти в управление гильдий, чтобы убедиться в законности патента, которым владеет Давид...

– Иди-иди, дочь моя. Какие силы могли бы удержать тебя, если ты все решила?

– Господин Буржю, вы разговариваете со мной так, будто осуждаете мои действия.

Он задул огниво, которым только что зажег фонарь, и нежно потрепал Анжелику по щеке:

– Ты отлично знаешь, что я нерешителен. Всегда боюсь, как бы не стало хуже. Иди своей дорогой, малышка, и не обращай внимания на вздохи старого ворчуна. Ты как солнце в моем доме, и все, что ты делаешь, хорошо.

Растроганная Анжелика смотрела, как он уходит во тьму – маленький круглый человек с фонарем и алебардой. Она не принимала всерьез опасения папаши Буржю и намеревалась восторжествовать над Одиже.

Глава XXII

На следующее утро Анжелика с Давидом отправилась в купеческую гильдию. Их принял потный толстяк с засаленными брыжами из тонкого полотна. Он подтвердил, что патент, имеющийся у молодого Шайу, действителен при условии, если он оплатит за право на новое производство.

Анжелика возразила:

– Но мы недавно заплатили налог на торговлю жареным мясом, на кухню, наконец, на трактир! Почему же надо платить еще и за то, чтобы подавать прохладительный напиток?

– Вы правы, дитя мое, ибо ваши слова заставляют меня задуматься о том, что, вдобавок к членам гильдии бакалейщиков, придется также возместить убытки производителям прохладительных напитков. Если у вас все хорошо сложится, вы получите право оплачивать два дополнительных патента: один – гильдии бакалейщиков, а другой – производителям прохладительных напитков.

Анжелика еле сдерживала ярость:

– Больше ничего?

– О нет, – с сокрушенным видом отвечал толстяк, – разумеется, мы не будем говорить ни о соответствующих королевских налогах, ни об оплате браковщиков и контролеров веса и качества продукта.

– Но как же вы можете проверить продукт, если ничего о нем не знаете?

– Не в этом дело. Будучи ТОВАРОМ, этот продукт должен находиться под контролем всех гильдий, к которым имеет отношение... И приносить им их долю прибыли. Поскольку, как вы говорите, ваш шоколад – напиток пряный, вы должны иметь у себя специалиста от гильдии бакалейщиков, а также от гильдии прохладительных напитков. Вы должны достойно содержать их, предоставить им жилье и оплатить стоимость испытания на звание мастера каждой из этих гильдий. А поскольку непохоже, что вы охотно делитесь своими доходами, сразу предупреждаю, что мы будем пристально следить, чтобы вы придерживались буквы закона.

– Что именно это означает? – спросила Анжелика, принимая самую дерзкую позу – руки в боки.

Ее вид развеселил строгих купцов, и один из них, помоложе, решил, что стоит пояснить:

– Это означает, что, вступая в гильдию, вы тем самым соглашаетесь ТАКЖЕ с тем, что ваш новый продукт будет продаваться у ВСЕХ ваших братьев-бакалейщиков и производителей прохладительных напитков, разумеется, если предположить, что этот диковинный продукт понравится клиентам.

– Ваши слова донельзя ободряющи, господа. Если я правильно поняла, нам предстоит нести все расходы, нанимать новых специалистов с их детворой, расхваливать, набивать шишки, как говорится, а потом или мы разоримся, или разделим прибыль от наших усилий и нашей профессиональной тайны с теми, кто ничего не сделал, чтобы помочь нам?

– Наоборот, которые сделают все, красавица, приняв вас и не препятствуя вашему делу!

– Короче, вы требуете что-то вроде пошлины?

Молодой человек искренне старался успокоить Анжелику:

– Не забывайте, что гильдии серьезно нуждаются в деньгах. Вам, деловой женщине, должно быть известно, что каждая новая война, победа или появление новорожденного в королевской семье или даже у принцев вынуждает нас заново покупать у короля свои с таким трудом приобретенные привилегии. Вдобавок король разоряет нас, по каждому поводу или без повода изобретая то новые налоги, то пошлины, то патенты вроде того, что вы представляете сейчас от имени господина Шайу.

– Господин Шайу – это я, – заметил поваренок. – Или, по крайней мере, мой покойный отец. И уверяю вас, он очень дорого заплатил за свой патент!

– Вот именно, молодой человек, именно потому вы и не соответствуете нашим требованиям. Прежде всего, вы не являетесь и никогда станете бакалейным мастером, и наша гильдия не имеет к вам никакого отношения.

– Но его отец принес свою находку в вашу гильдию... – начала Анжелика.

– Тогда сначала докажите нам это за ваш счет. А потом позаботьтесь о том, чтобы мы получали прибыль от оной находки.

Анжелике казалось, что у нее сейчас расколется голова. Она тяжело вздохнула.

Прощаясь, она сказала, что подумает над тайнами купеческих учреждений, однако убеждена, что в следующий раз эти господа найдут еще один великолепный повод, чтобы помешать ей предпринять что-то новое.

На обратном пути Анжелика упрекала себя в том, что ей не хватило предусмотрительности, чтобы не показывать своего раздражения. Однако она уже поняла, что, даже улыбаясь, ничего не добилась бы от этих людей.

Одиже прав, когда говорит, что, имея разрешение от самого короля, он обойдется без покровительства гильдий, отчего ему будет только лучше.

Но он богат и имеет мощную поддержку, а Анжелика и бедный Давид безоружны перед враждебностью гильдий.

Просить покровительства у короля на этот первый патент, выданный пять лет назад, казалось Анжелике делом столь же деликатным, сколь и затруднительным.

Она принялась искать способ договориться с Одиже. Не лучше ли, вместо того чтобы соперничать, объединить усилия и разделить тяготы? Например, Анжелика со своим патентом и оборудованием для шоколадного производства могла бы взять на себя доставку бобов какао и готовить их для использования, то есть до производства порошка с добавлением сахара, корицы или ванили. А метрдотель превращал бы порошок в напиток и всякого рода сласти.

Во время их первого разговора Анжелика сделала вывод, что молодой человек еще не задумывался всерьез об источниках снабжения своего производства. Он небрежно ответил, что «это не представляет никаких трудностей», что «об этом всегда будет время поразмышлять», что он всегда сможет раздобыть сырье «через друзей».

Но благодаря карлице королевы Анжелика знала, что доставка во Францию нескольких мешков бобов какао для ее величества представляет собой настоящую дипломатическую задачу и требует множества посредников, а также связей при дворах Испании или

Флоренции... Таким способом наладить постоянные поставки бобов какао не представлялось возможным.

Похоже, прежде об этом задумывался лишь покойный отец Давида Шайу.

* * *

Одиже частенько наведывался в таверну «Красная Маска». Как прожорливый сарацин, он усаживался за дальний стол и заметно старался избегать других посетителей. Начав со смелых и игривых разговоров, он внезапно сделался молчаливым, и Анжелика не могла не чувствовать себя уязвленной: этот уже признанный коллега совсем перестал хвалить ее стряпню. Впрочем, теперь он ел как бы нехотя, но по-прежнему не спускал глаз со снующей по залу молодой женщины. Упорный взгляд этого красивого, хорошо одетого и уверенного в себе парня смущал Анжелику. Она с сожалением вспоминала их шутливую болтовню в первый день и не знала, как завести разговор на интересующую ее тему.

Очевидно, Одиже осознал, что избавиться от нее будет сложнее, чем он предполагал. Во всяком случае, он внимательно наблюдал за ней.

Он даже расширил наблюдение, потому что неоднократно во время прогулок, когда вся семья по воскресеньям отправлялась за город, Одиже неожиданно появлялся верхом и, изобразив удивление, охотно присаживался на траву, чтобы разделить трапезу с близкими Анжелики. Как бы случайно в седельной сумке у него оказывался заячий паштет и бутылка шампанского.

Еще его можно было встретить на галеоте, идущем в Шайо по реке, или в рыдване в Сен-Клу, где странно выглядели его банты, перья и наряды из тонкого сукна.

Летом по воскресеньям все дороги на целое лье вокруг Парижа с самого утра были заполнены гуляющими пешком, верхом или в каретах. Все спешили вдохнуть свежего воздуха и порадоваться голубому небу. Кто-то в своих загородных домах, а кто-то – в окрестных деревнях.

Отстояв мессу в маленькой деревенской церквушке, горожане шли вместе с крестьянами танцевать под вязами, пили белые вина с виноградников Со, клареты из Ванва, Исси и Сюрени.

А Грязный Поэт, менее желчный по случаю погожего денька, воспел вечное стремление парижан к бегству из города:

В такой чудесный летний день
Из берегов Париж выходит,
В лугах окрестных деревень
Отдохновение находит!

Папаша Буржю и его семья последовали общему примеру.

– В Шайо! В Шайо! По одному су с каждого! – кричали лодочники.

Судно проплывало мимо Кур-ла-Рен и францисканского монастыря Бонзом. Затем пассажиры сходили на берег и устраивали пикники в Булонском лесу.

Иногда лодки подвозили отдыхающих в Сен-Клу. И тогда все бежали в Версаль посмотреть, как обедает король. Но Анжелика отказывалась от такой прогулки. Она решила, что отправится в Версаль только по приглашению его величества. И поклялась себе в этом. А значит, она никогда не отправится в Версаль. Так что она оставалась на берегу Сены со своими опьяненными чистым воздухом сыновьями.

Приближался вечер.

– В Париж! В Париж! По одному су с каждого! – кричали лодочники.

Давид и сын кабатчика, ухажер Розины, за которого она осенью собиралась замуж, брали детей к себе на плечи. У городских ворот их встречали подвыпившие компании.

На следующий день после увеселительной прогулки Одиже неожиданно прервал молчание и сказал Анжелике:

– Чем больше я за вами наблюдаю, милый друг, тем больше недоумеваю. В вас есть что-то, что вызывает у меня досаду.

– Вы про свой шоколад?

– Нет... впрочем, да... в некотором роде. Поначалу я подумал, что вы созданы для любовных утех и даже для души. А потом заметил, что на самом деле вы очень практичны, даже меркантильны и никогда не теряете головы...

«Очень надеюсь», – подумала Анжелика. Но ограничилась лишь одной из своих обворожительных улыбок.

– Знаете ли, – сказала она, – в жизни бывают периоды, когда вы обязаны делать одно, потом другое. Иногда преобладает любовь, особенно если жизнь легка. В другое время это труд, цель, которой надо достигнуть. Так что не стану скрывать, для меня сейчас самое важное – это заработать денег для своих детей... их отец умер.

– Мне бы не хотелось показаться нескромным, но раз уж вы заговорили о детях... Неужели вы думаете, что, занимаясь коммерцией, столь же изнуряющей, сколь и рискованной, а главное, так плохо сочетающейся с семейной жизнью, вам удастся воспитать их и сделать счастливыми?

– У меня нет выбора, – твердо ответила Анжелика. – Впрочем, я не могу жаловаться на господина Буржую. У него я нашла неожиданную поддержку, на что никак не могла рассчитывать в своем безысходном положении.

Одиже кашлянул, теребя свой кружевной воротник, и нерешительным тоном произнес:

– А если бы я предоставил вам выбор?

– Что вы хотите этим сказать?

Анжелика посмотрела на него и увидела в его карих глазах едва сдерживаемое восхищение. Момент показался ей подходящим, чтобы продолжить переговоры.

– Кстати, вы наконец получили свой патент?

Одиже вздохнул:

– Вот видите, вы заинтересованы и даже этого не скрываете. Ладно уж, скажу все: у меня пока нет печати канцелярии и я не надеюсь получить ее до октября. В жаркое время Сегье пребывает в загородном доме. Но начиная с октября все пойдет очень быстро. Я переговорил о своем деле с графом де Гишем, зятем канцлера Сегье. Поэтому, как вы понимаете, в скором времени у вас не останется никакой надежды стать прекрасной шоколадницей... Разве что...

– Да... разве что... – прервала его Анжелика.

И она без обиняков посвятила его в свои планы. Анжелика призналась Одиже, что у нее есть более ранний, чем у него, патент, при помощи которого она может наделать ему хлопот. Но разве не лучше было бы договориться? Она взяла бы на себя производство исходного продукта, а он бы его использовал для приготовления напитка и сладостей. А чтобы иметь долю от прибыли, она бы работала в его кондитерской и вложила бы свои деньги.

– Где вы рассчитываете открыть кондитерскую? – спросила она.

– В квартале Сент-Оноре, неподалеку от креста Трауар. Но ваши рассуждения не выдерживают никакой критики!

– Отлично выдерживают, и вы это знаете! Квартал Сент-Оноре – отличное место. Рядом Лувр, Пале-Рояль... Там не придется устраивать заведение наподобие таверны или харчевни. Мне представляется нарядный пол из черных и белых плиток, зеркала и позолоченные деревянные панели, а позади кондитерской садик с увитыми зеленью беседками, как в монастыре селестинцев... беседками для влюбленных...

При этих последних словах метрдотель, которого замысел Анжелики вновь вверг в мрачное расположение духа, опять повеселел:

– Вы просто обворожительны, когда позволяете себе подобную непосредственность. Мне нравится ваша живость и ваша страстность, которую вы умело сочетаете с истинной скромностью. Я внимательно наблюдал за вами. Вы легко держитесь, но достойно себя ведете. Это мне импонирует. Однако не стану скрывать, меня шокируют ваш слишком практичный ум и манера беседовать на равных с опытными мужчинами. Женская хрупкость не вяжется с безапелляционным тоном и решительными действиями. Женщинам следует предоставить мужчинам обсуждение вопросов, в которых теряется и путается слабый женский ум.

Анжелика прыснула:

– Так и вижу, как папаша Буржо обсуждает эти вопросы с Давидом!

– Речь не о них.

– Вы разве не поняли, что меня некому защитить?

– Вот именно, вам нужен покровитель.

Анжелика сделала вид, что не слышит:

– Но-но, мэтр Одиже. На самом деле вы ужасный ревнивец, который хочет в одиночестве пить свой шоколад. А поскольку вас сильно смущает то, о чем я вам толкую, вы пытаетесь выпутаться, заведя разговор о женской хрупкости. Поверьте, в войне, которую мы с вами ведем, предложенное мною решение – замечательный выход.

– Я знаю в сто раз лучший!

Под пристальным взглядом молодого человека Анжелика не стала настаивать. Забрав у него тарелку, она протерла стол и спросила, чего бы он хотел на десерт. Но как только она пошла в сторону кухни, Одиже догнал ее.

– Анжелика, душечка, не будьте так жестоки! – воскликнул он. – Согласитесь в воскресенье прогуляться со мной. Я хотел бы серьезно поговорить с вами. Мы могли бы поехать на мельницу Жавеля, попробовали бы матлот из речной рыбы. А потом побродили бы среди лугов. Хотите?

Одиже обнял ее за талию. Она подняла глаза к его свежему лицу, особенно привлеченная ярко очерченными губами под двумя темными завитками усов. Эти губы, должно быть, мягко противостояли поцелую, прежде чем приоткрыться и требовательно прильнуть к плоти, которой до этого лишь едва касались. Волна блаженства наполнила все ее существо. Она не стала сопротивляться ей и слабым голосом согласилась в следующее воскресенье отправиться на мельницу Жавеля.

* * *

Перспектива предстоящей прогулки будоражила Анжелику больше, чем ей бы хотелось. Тщетно пыталась она урезонить себя, но стоило ей вспомнить губы Одиже и его руку на своей талии, как по телу пробегала легкая дрожь. Она уже давно не испытывала подобного ощущения. Подумав, она поняла, что вот уже почти два года, после приключения с капитаном королевской стражи, ни один мужчина не касался ее.

Впрочем, она существовала в атмосфере чувственности, которой довольно сложно было противостоять. Разумеется, она не брала в расчет поцелуи и ласки, от которых приходилось отбиваться

пощечинами. Несколько раз, сталкиваясь во дворе с подвыпившими клиентами, она вынуждена была защищаться от их домогательств или звать на помощь. Все это, да еще опыт с капитаном стражи и грубые объятия Каламбредена оставили у нее в душе горькие воспоминания о насилии, охладившем ее чувства.

Она с удивлением ощущала в себе внезапное мягкое пробуждение чувств, предвидеть которое не могла бы еще два-три дня назад. Воспользуется ли Одиже ее смятением, чтобы вырвать у нее обещание не вмешиваться в его дела?

«Нет, – думала Анжелика. – Наслаждение – это одно, а дела – совсем другое... Один день доброго согласия не может помешать успеху моих планов на будущее».

Чтобы заглушить угрызания совести, которые она заранее испытывала перед неминуемым поражением, она убедила себя, что интересы дела придают этому поражению значение почти необходимого. В конце концов, может, ничего и не произойдет. Одиже всегда вел себя с отменной корректностью.

Стоя перед зеркалом, она провела пальцем по своим удлинненным тонким бровям. Красива ли она по-прежнему? Говорят, да. Но не потемнело ли от печного жара ее от природы матовое лицо?

«Я слегка располнела. Хотя мне идет. Впрочем, таким мужчинам должны нравиться пухленькие».

Анжелика устыдилась своих огрубевших и почерневших от кухонной работы рук и отправилась на Новый мост, чтобы купить у Большого Матье склянку с отбеливающей мазью.

Возвращаясь через Дворец правосудия, она дошла до галереи галантерейщиков и купила воротник из нормандских кружев. Она украсит им вырез своего скромного платья из сукна цвета морской волны. Так она будет похожа на жену какого-нибудь буржуа, а не на прислугу или торговку. И в довершение всего Анжелика приобрела пару перчаток и веер. Настоящее безумство!

Особенное беспокойство доставили ей волосы. Отрастая, они стали более курчавыми и светлыми, но были еще коротки. Анжелика с сожалением вспоминала тяжелую шелковую волну, прежде спадавшую по ее плечам.

Утром знаменательного дня она спрятала волосы под прекрасный платок из темно-синего атласа, прежде принадлежавший госпоже

Буржую. К вырезу лифа Анжелика прикрепилла каменю, а к поясу – расшитый жемчугом кошелек, тоже из наследства бедняжки.

Анжелика поджидала у ворот. День обещал быть погожим. Между крышами виднелось чистое небо.

Когда появилась карета Одиже, Анжелика бросилась к ней с нетерпением вырвавшейся из монастыря пансионерки.

Метрдотель определенно был ослепителен. Он был одет в широкие желтые штаны, подхваченные ярко-оранжевыми бантами. Под его бархатистым замшевым камзолом с узкими оранжевыми галунами виднелась сорочка из тончайшего батиста со множеством складок. Кружева на его штанах, манжетах и шейном платке были тонкими как паутина.

Восхищенная Анжелика дотронулась до них рукой.

– Это ирландские кружева, – пояснил молодой человек, – они стоили мне целого состояния.

Одиже пренебрежительно приподнял скромную накидку своей спутницы:

– Скоро у вас будут такие же прекрасные наряды, моя дорогая. Мне кажется, вы способны с изяществом носить любой туалет. Я представляю вас в шелковом или даже атласном платье.

«И даже из золотой парчи», – подумала Анжелика, стиснув зубы.

Но спустя несколько мгновений, когда карета двинулась вдоль Сены, она повеселела.

Мельница Жавеля возвышалась посреди равнины Гренель, где паслись стада баранов. Ее большие крылья летучей мыши сопровождали своим скрипом поцелуи и клятвы влюбленных парочек. На мельницу Жавеля пробирались тайком. Компании находили приют в превращенной в постоялый двор пристройке, а хозяин был неболтлив.

– Если бы в таком доме, как наш, не умели молчать, – говорил он, – было бы очень жаль! Мы бы весь город взбудоражили!

Мимо проходили нагруженные набитыми мешками ослы. В воздухе витал запах муки и теплого хлеба, пахло рыбным супом и вареными раками.

Анжелика с наслаждением вдыхала свежий воздух. В синем небе проплывали белые облака. Анжелика улыбалась и сравнивала их со

взбитыми яичными белками. Время от времени она поглядывала на губы Одиже и мгновенно ощущала сладкую дрожь.

Попытается ли он поцеловать ее? Занятый составлением обеденного меню с польщенным его визитом хозяином постоянного двора, Одиже казался немного чопорным в своих прекрасных одеждах.

В зале, где царил приятный полумрак, за столами сидели другие парочки. По мере того как пустели кувшины с белым вином, атмосфера становилась более свободной. По воркующему смеху дам можно было догадаться о нескромных жестах кавалеров. Анжелика пила, чтобы расслабиться, щеки ее горели.

Одиже принялся рассказывать о своих путешествиях и работе. Он подробно описывал все, не упуская ни точной даты, ни колеса с лопнувшим ободом.

– Как вы понимаете, милочка, мое состояние зиждется на солидной основе, не зависящей от превратностей судьбы. Мои родители...

– О, давайте выйдем! – взмолилась Анжелика, отложив ложку.

– Но на улице удушающе жарко!

– Там хотя бы дует ветерок. К тому же не видно всех этих целующихся людей, – добавила она вполголоса.

Выйдя на ослепительное солнце, Анжелика вскрикнула. Ей станет дурно, да и цвет лица испортится. Одиже надел на нее свою широкополую шляпу с белыми и желтыми перьями и воскликнул, как в первый день:

– Бог мой, как вы прекрасны, милочка!

Но через пару минут, идя по тропинке вдоль берега Сены, он снова принялся рассказывать о своей карьере. Он поведал Анжелике, что, когда производство шоколада станет на широкую ногу, он займется написанием очень важной книги о работе офицера стола, где пажи и кулинары смогут найти сведения, необходимые для усовершенствования в своем искусстве.

– Читая эту книгу, метрдотель узнает, как правильно накрыть стол и расставить приборы. Эконом узнает из нее о лучших способах складывать белье, а также делать варенья – густые и жидкие, и всякие виды драже, и прочие полезные сласти. Метрдотель почерпнет из моей книги сведения о том, что с наступлением обеденного часа ему следует взять белую салфетку, сложить ее вдоль и перекинуть через согнутую

руку. Замечу, что салфетка есть опознавательный и особенный знак его власти. Таков и я сам. Я могу подавать к столу со шпагой на боку, в плаще и шляпе – но салфетка всегда должна находиться в указанном положении.

Анжелика хихикнула:

– А в каком положении находится салфетка, когда вы занимаетесь любовью? – И сразу извинилась, увидев смятение и изумление молодого человека: – О, простите! Белое вино всегда наводит меня на нелепые мысли. И все же, зачем вы на коленях умоляли меня поехать на мельницу Жавеля? Чтобы рассказывать о салфетках?

– Не насмехайтесь надо мной, Анжелика. Я рассказываю вам о своих планах, о своем будущем. И это связано с тем, что я имел в виду, приглашая вас поехать сегодня со мной вдвоем. Помните, что я сказал, когда впервые увидел вас? Тогда я сказал полушутя: «Выходите за меня!» С тех пор я много думал и понял, что вы именно та женщина, которая...

– О! – воскликнула Анжелика. – Там стога. Пойдемте туда скорей. Там будет не так жарко, как под палящим солнцем.

Она бросилась бежать, придерживая его широкополую шляпу, и, запыхавшись, рухнула в теплое сено. Смирившись со своей неудачей, молодой человек со смехом догнал ее и сел рядом.

– Вот сумасбродка! Вы решительно постоянно озадачиваете меня. Я полагаю, что беседую с опытной деловой женщиной, а вы как мотылек, который порхает с цветка на цветок.

– Один раз не считается. Одиже, будьте любезны, снимите парик. Даже мне жарко от этого густого меха у вас на голове, к тому же я хочу погладить ваши настоящие волосы.

Он слегка отстранился. Однако через какое-то мгновение снял парик и с облегчением запустил пальцы в короткие каштановые волосы.

– Теперь я, – сказала Анжелика и протянула руку.

Он смущенно удержал ее:

– Анжелика!.. Что на вас нашло? Вы превратились в сущего бесенка!.. А ведь я хотел поговорить с вами о серьезных вещах!

От прикосновения его руки к ее запястью молодая женщина ощущала ожог. Теперь, когда он был взволнован, когда склонился над ней, она снова испытала волнение. У Одиже и вправду были красивые

губы, упругая свежая кожа, белые руки. Хорошо бы он стал ее любовником. Она обрела бы крепкие объятия, здоровые, почти супружеские, в которых отдохнула бы от борьбы и труда. А после, спокойно вытянувшись друг подле друга, они говорили бы о будущем шоколаде.

– Слушайте! – прошептала она. – Слушайте мельницу Жавеля. Ее песня протестует. Под ее сенью не говорят о серьезных вещах. Это запрещено... Слушайте, смотрите, какое синее небо. А вы – вы так красивы. А я...

Она осеклась, но смело смотрела на него своими полными света зелеными глазами. Ее приоткрытые, чуть увлажнившиеся губы, жар ее щек, трепет ее груди, которую Одиже видел сквозь кружева, говорили яснее ее слов: «Я хочу вас».

Он рванулся к ней, но тут же поспешно выпрямился, встал и повернулся спиной.

– Нет, – сказал он наконец твердым голосом, – только не вы! Разумеется, мне уже случалось овладевать в стогу сена солдатскими шлюхами или служанками. Но вы – другое дело! Вы женщина, которую я избрал. Вы станете моей в брачную ночь, после благословения святого отца. Этого принципа я буду придерживаться во что бы то ни стало. Я буду уважать ту, которую избрал как свою супругу и мать своих детей. А я избрал вас, Анжелика. Избрал едва ли не в тот миг, когда впервые увидел вас. Сегодня я рассчитывал получить ваше согласие. Но вы расстроили меня своим невероятным поведением. Хотелось бы думать, что это вам несвойственно. Неужели приписываемая вам репутация честной вдовы преувеличена?

Анжелика беспечно покачала головой. Покусывая стебелек цветка, она сквозь ресницы рассматривала молодого человека. Она силилась представить себя законной супругой метрдотеля Одиже. Славная верная жена буржуа, с которой знатные дамы раскланивались бы на Кур-ла-Рен, когда она выезжала бы туда на прогулку в своей обитой оливковым сукном скромной карете с шифром в виньетке, с одетым в коричневую форму кучером и мальчишкой-лакеем...

К старости Одиже обзаведется животиком и багровой физиономией. И когда он в сотый раз начнет рассказывать детям или друзьям историю о горошинках его величества, ей захочется убить его...

– Я говорил о вас с господином Буржю, – продолжал Одиже. – Он не скрыл от меня, что, хотя вы ведете примерный образ жизни и не боитесь работы, вам недостает набожности. Вы посещаете церковь только по воскресеньям, но никогда не ходите к вечерне. А ведь набожность – главная добродетель женщины. Она – костяк ее души, слабой от природы, и залог ее честного поведения.

– Чего вы хотите? Нельзя же быть одновременно набожной и здравомыслящей, верующей и последовательной.

– Что вы такое говорите, бедное дитя? Вы заражены ересью! Католическая религия...

– О, прошу вас, – мгновенно воспламенившись, взмолилась Анжелика, – не говорите мне о религии! Люди развратили все, к чему прикоснулись. Из всего самого святого, что Господь дал людям, они сотворили смесь войн, ханжества и крови. И меня тошнит от этого. По крайней мере, в молодой женщине, которая хочет, чтобы летним днем ее поцеловали, я думаю, Господь видит свое творение, потому что это Он сделал ее такой.

– Анжелика, вы обезумели! Пора вырвать вас из общества распутников, речи которых вы слушаете. На самом деле я полагаю, что вы нуждаетесь не только в покровителе, но и в человеке, который в некотором роде обуздает вас и укажет вам ваше место. Место женщины. В обществе вашего дяди и его кретина-племянника, которые вас обожают, вы решили, что вам все позволено. Вас слишком избаловали. Вас следует вышколить.

– Неужели? – Анжелика зевнула и потянулась.

Этот разговор успокоил ее желание. Она удобно вытянулась в сене, не забыв украдкой слегка приподнять юбки над тонкими щиколотками в шелковых чулках.

– Тем хуже для вас, – сказала она.

Спустя пять минут она уже спала. Одиже с лихорадочно бьющимся сердцем смотрел на ее гибкое беспомощное тело. Он, словно литанию, перечислял все восхитительные его детали: ангельский лоб, своенравный рот, прелестная грудь. Анжелика была среднего роста, но так пропорционально сложена, что казалась высокой. Он впервые видел ее лодыжки. Над ними угадывались красивые ноги.

На его лбу выступил пот. Чтобы избежать искушения, которому он вот-вот готов был поддаться, Одиже решил уйти.

* * *

Анжелике снилось, что она плывет в открытое море на барже с сеном. Чья-то рука ласкает ее, а голос твердит: «Не плачь».

Проснувшись, она увидела, что возле нее никого нет. Но опускающееся за горизонт солнце окутывало ее своим теплом.

«Из-за этого идиота Одиже приходится резвиться с солнцем», – со вздохом подумала она.

«Твои плечи гладки, как слоновая кость. Твои груди можно сравнить разве что с ними самими – так они прекрасны. Они просто созданы, чтобы покоиться в мужских ладонях».

Что случилось с ним, с тем странным черным вороном, мужчиной с баржи с сеном? Он произносил мечтательные слова, а потом вдруг насмешливые. Он долго-долго любил ее. А может, его не было?

Анжелика поднялась, стряхнула с платья былинки и, найдя Одиже на постоялом дворе при мельнице, хмуро попросила отвезти ее домой.

Глава XXIII

Как-то осенним вечером Анжелика гуляла по Новому мосту. Она ходила туда за цветами и воспользовалась случаем, чтобы побродить от прилавка к прилавку.

Она остановилась перед эстрадой Большого Матъе и вздрогнула.

Большой Матъе вырывал зуб у стоящего перед ним на коленях мужчины. Рот пациента был открыт и растянут щипцами лекаря. Но Анжелика узнала светлые и жесткие, как солома, волосы и потертый черный плащ. Это был человек с баржи с сеном.

Молодой женщине пришлось поработать локтями, чтобы пробиться в первый ряд. Было довольно прохладно, но на лбу Большого Матъе выступили крупные капли пота.

– Клянусь своей бородой, как говаривал тот, что напротив, крепко сидит твой зуб! Боже милосердный, как же крепко сидит!

Прервав свое занятие, чтобы вытереть пот, лекарь вынул инструмент изо рта своей жертвы и спросил:

– Ты чувствуешь боль?

Тот повернулся к публике и улыбнулся, отрицательно покачав головой. Сомнений не было. Это он, его бледное лицо, продолговатые губы, гримасы восхищенного дурачины!

– Вы видите, дамы и господа! – возопил Большой Матъе. – Ну не чудо ли? Этот человек не чувствует боли, хотя зубы у него сидят крепко. А благодаря какому чуду он не чувствует боли? Благодаря чудодейственной мази, которую я положил ему на десны перед операцией. В этой маленькой склянке, дамы и господа, содержится средство для забвения от всех бед и болей. С моим волшебным бальзамом вы не будете страдать. Я вырву вам зуб, а вы даже не почувствуете. А теперь, друг мой, продолжим.

Пациент поспешно открыл рот. С проклятиями и громким уханьем шарлатан принялся вновь возиться с неподатливой челюстью.

И наконец, издав победоносный возглас, Большой Матъе воздел над головой клещи с зажатым в них строптивым моляром:

– Ну вот! Испытывали ли вы боль, друг мой?

По-прежнему улыбаясь, пациент поднялся с колен и отрицательно покачал головой.

– Что я могу добавить? Вот человек, пытку которого вы только что видели. А теперь он уходит как ни в чем не бывало. Благодаря чудодейственному бальзаму, которым из всех лекарей пользуюсь лишь я, теперь все будут без колебаний избавляться от своих зловонных желтых гнилушек, позорящих рот честного христианина. Люди будут с улыбкой приходить к зубодеру. Оставьте сомнения, дамы и господа! Приходите! Боли больше нет! БОЛЬ УМЕРЛА!

Пациент тем временем нахлобучил свою островерхую шляпу и спустился с возвышения. Анжелика последовала за ним. Ей хотелось подойти к нему, но она опасалась, что он ее не узнает.

Теперь он шел вдоль набережной Морфондю, на которой высился Дворец правосудия. Сквозь надвигающийся с Сены туман Анжелика видела его странную тощую фигуру. И снова он показался ей нереальным. Он шел очень медленно, останавливался, делал еще несколько шагов.

Неожиданно он исчез. Анжелика вскрикнула. Но быстро сообразила, что человек просто спустился с набережной на три или четыре ступеньки. Не раздумывая, она тоже бросилась к лестнице и почти столкнулась с опершимся о стену незнакомцем. Согнувшись пополам, он глухо стонал.

– Что случилось? Что с вами? – спросила Анжелика. – Вы больны?

– О, я умираю, – отвечал он слабым голосом. – Этот зверь чуть не оторвал мне голову. И наверняка свернул мне челюсть.

Он сплюнул кровь.

– Но вы же говорили, что вам не больно?

– Я ничего не говорил, я не смог бы. К счастью, Большой Матье хорошо заплатил мне за эту комедию.

Он застонал и снова сплюнул.

Анжелике показалось, что он сейчас потеряет сознание.

– Это глупо! Не надо было соглашаться, – сказала она.

– Я уже три дня ничего не ел.

Анжелика обвила рукой тощее тело незнакомца. Он был выше ее, но такой легкий, что ей казалось, что у нее достанет сил нести этот жалкий скелет.

– Идемте, сегодня вы поедите вволю, – пообещала она. – И вам это ничего не будет стоить. Ни одного су. И ни одного зуба...

Вернувшись в таверну, она бросилась в кухню поискать, что могло бы подойти жертве голода и зубодера. Выбрала бульон с прекрасным говяжьим языком, нашпигованным корнишонами.

Анжелика принесла гостю также кувшин красного вина и большую банку горчицы:

– Начните с этого, а там посмотрим.

– О, нежнейший аромат супа! – прошептал незнакомец и выпрямился, словно уже окреп. – Благословенный нектар божества похлебки!

Анжелика вышла, чтобы он мог спокойно насытиться. Сделав распоряжения, проверив, все ли готово к приходу посетителей, она вернулась в буфетную, чтобы приготовить соус. В этой комнате она замирала, когда ей надо было приготовить особенно изысканное кушанье.

Спустя несколько мгновений дверь приоткрылась и в нее просунулась голова гостя.

– Скажи, красотка, не ты ли та малышка-нищенка, которая знает латынь?

– Да, это я... и одновременно не я, – запинаясь, ответила Анжелика, которая пока не поняла, досадно ей или приятно, что он ее узнал. – Но теперь я племянница господина Буржую, хозяина этой таверны.

– Иначе говоря, ты больше не находишься под мрачной властью господина Каламбредена?

– Боже упаси!

Он проскользнул в каморку, подошел к ней своими легкими шагами и, обняв за талию, поцеловал в губы.

– Ну что же, сударь, похоже, вы совершенно оправились! – едва переводя дыхание, проговорила Анжелика.

– Еще бы! Я уже давно ищу тебя по всему Парижу, Маркиза Ангелов!

– Тсс! – опасливо оглянувшись, прошептала она.

– Ничего не бойся. Стражников в зале нет. Я не видел ни одного, хотя знаю их всех, уж поверь. Ну что же, малышка-нищенка, я вижу, ты неплохо устроилась. По барже с сеном не скучаешь? Это надо же,

так вот расстанешься со слабенькой девушкой, похожей на блеклый, покрытый пылью цветок, а потом встречаешь упитанную кумушку с завидным положением... И все-таки это ты. Твои губы по-прежнему прекрасны, но теперь они источают вишневую сладость, а не горечь слез. Иди ко мне...

– Мне некогда, – сказала Анжелика, отталкивая тянущиеся к ее лицу руки.

– Две секунды счастья сохраняют два года жизни. К тому же, знаешь, я все еще голоден.

– Может быть, вы хотите блинов и варенья?

– Нет, я хочу тебя. Мне недостаточно видеть и касаться тебя. Я хочу твоих вишневых губ, твоих персиковых щечек. Ты вся стала такая аппетитная! О чем еще может мечтать изголодавшийся поэт? У тебя нежное тело. Мне хочется укусить тебя. И тебе жарко... Как же это прекрасно! Аромат твоих подмышек вызывает у меня зверский аппетит!

– О, вы невыносимы! – высвобождаясь из его объятий, запротестовала она. – Ваши все более лирические и пошлые признания сводят меня с ума.

– Этого-то мне и надо. Ладно, перестань ломаться.

Решительным движением, доказывающим, что силы вернулись к нему, он прижал Анжелику к себе и, запрокинув ее голову, принялся жадно целовать.

Удар тяжелым кувшином о стол заставил их отпрянуть друг от друга.

– Клянусь святым Иаковом! – прорычал папаша Буржую. – Этот чертов писака, приспешник дьявола, клеветник, в моем доме, у меня в буфетной! Да еще пристаёт к моей дочери! Вон отсюда, или я пинком под зад вышвырну тебя на улицу!

– Пощадите, сударь, пощадите мои штаны! Они так обветшали, что ваша августейшая пята будет причиной непристойного зрелища, которое не подобает видеть дамам.

– Вон отсюда, негодяй, бумагомаратель, надоеда! Своими дырявыми лохмотьями и шляпой ярмарочного фигляра ты позоришь мое заведение.

Но тот, гримасничая, хихикая и прикрывая обеими руками свой находящийся под угрозой зад, уже был возле дверей. Насмешливо

показав папаше Буржую нос, он выскочил на улицу.

Анжелика смущенно сказала:

– Этот тип вошел в буфетную, и я никак не могла избавиться от него.

– Хм, – проворчал владелец харчевни, – однако не видно, чтобы ты была особенно раздосадована. Ладно-ладно, красотка, не спорь! Я же не против: немного ласки время от времени вам, хорошеньким девицам, только на пользу. Но если откровенно, Анжелика, ты меня разочаровываешь... Разве наш дом не посещают приличные люди? Зачем выбирать писателя?

* * *

У фаворитки короля мадемуазель де Лавальер был чересчур большой рот. Она немного прихрамывала. Говорили, будто это придает ей особый шарм и не мешает прелестно танцевать. Но факт оставался фактом: она хромала.

У нее была чересчур маленькая грудь. Ее сравнивали с Дианой, говорили об очаровании андрогинных существ, но факт оставался фактом: грудь у нее была плоская. И кожа сухая. От слез, вызванных неверностью короля, унижениями со стороны придворных и угрызениями совести, у нее ввалились глаза. Она похудела и высохла. И наконец, после второй беременности она страдала каким-то интимным недомоганием, детали которого были известны лишь Людовику XIV.

Однако Грязный Поэт тоже был в курсе. И обо всех потаенных или признанных горестях, и обо всех физических недостатках он сочинил изумительный, но полный столь злого остроумия и таких непристойностей памфлет, что даже не самые целомудренные буржуа избегали показывать его своим женам, и тем приходилось требовать его у служанок.

Пусть хро́мы вы и пусть незрелы,
Пусть нет груди и нет ума.
Каких кровей? Да что за дело!
В передней отдавайтесь смело,

Рожайте наскоро детей,
И станет вашим кавалером
Король Французский без затей.
И Лавальер тому примером.

Так начиналась эта песенка.

Пасквиль можно было найти в каждом доме, от особняка Бирон, где жила Луиза де Лавальер, и Лувра до покоев самой королевы, которая, увидев подобный портрет соперницы, впервые за долгое время расхохоталась, потирая от удовольствия маленькие ручки.

Оскорбленная, умирающая от стыда, мадемуазель де Лавальер бросилась в первую попавшуюся карету и приказала доставить ее в монастырь Шайо, где хотела принять постриг.

Король приказал ей воротиться и явиться ко двору и отправил за ней господина Кольбера.

В этом его поступке была скорее не негодующая нежность, а гневный вызов, брошенный королем народу, осмелившемуся глумиться над своим государем, который уже начинал опасаться, что его любовница не делает ему чести.

Самые опытные сыщики были брошены на поиски Грязного Поэта.

На сей раз никто не сомневался, что его повесят.

* * *

В спальне на улице Фран-Буржуа Анжелика заканчивала ночной туалет. Жавотта только что поклонилась и ушла. Дети спали.

Перед окном кто-то пробежал. Тонкий слой снега приглушал шаги.

Раздался стук в дверь. Анжелика надела пеньюар и отодвинула шторку потайного окошка.

– Кто там? – спросила она.

– Открой скорее, малышка-нищенка, скорее! Здесь собака!

Не раздумывая, Анжелика отодвинула засовы. Перед ней рухнул памфлетист. В то же мгновение из темноты метнулась какая-то белая

масса, прыгнула и вцепилась ему в горло.

– Сорбонна! – воскликнула Анжелика. Она протянула руку и погладила влажную шерсть дога. – Отпусти его, Сорбонна. Lass ihn! Lass ihn! – Она говорила с собакой по-немецки, смутно припомнив, что на этом языке ей давал команды Дегре.

Сорбонна рычала, вцепившись клыками в воротник своей жертвы. Но вскоре она узнала голос Анжелики, завиляла хвостом и согласилась отпустить добычу. Однако продолжала рычать.

Беглец задыхался:

– Я умер!

– Да нет. Входите скорей.

– Собака останется за дверью и укажет полицейскому, где я.

– Да входите же, говорю!

Анжелика втокнула его в дом, а сама, прикрыв за собой дверь, осталась под сводами ворот. Сорбонну она крепко держала за ошейник.

Под фонарем в проеме ворот кружился снег. Наконец Анжелика различила мягкие шаги, те самые, которые всегда сопровождали появление собаки. Шаги полицейского Франсуа Дегре.

Анжелика выступила из темноты:

– Не ищете ли вы свою собаку, мэтр Дегре?

Тот тоже зашел под арку и остановился. Лица его Анжелика не видела.

– Нет, – совершенно спокойно ответил он, – я ищу памфлетиста.

– Тут пробежала Сорбонна. Представьте, когда-то я знала вашу собаку. Я позвала ее и рискнула немного задержать.

– Вне всякого сомнения, ей это понравилось, мадам. В столь прекрасный вечер вы решили подышать воздухом на пороге?

– Я как раз закрывала дверь. Однако мы беседуем в темноте, мэтр Дегре, и я уверена, вы даже не догадываетесь, кто я.

– Я не догадываюсь, сударыня, – я знаю. Мне уже давно известно, кто живет в этом доме. А поскольку мне знакомы все таверны Парижа, я видел вас в «Красной Маске». Вы называете себя госпожой Моран, и у вас двое детей, старшего из которых зовут Флоримон.

– От вас ничего не скроешь. Но если вы знаете, кто я, почему понадобился случай, чтобы мы встретились?

– Я не был уверен, что мой визит доставит вам удовольствие, сударыня. При нашей последней встрече мы расстались отнюдь не друзьями...

Анжелике вспомнилась ночь погони в предместье Сен-Жермен. Во рту у нее пересохло. Едва шевеля губами, она спросила:

– Что вы хотите этим сказать?

– В ту ночь тоже шел снег, как сегодня. И в потайном ходе на улице Тампль было не менее темно, чем у ваших ворот.

Анжелика подавила вздох облегчения:

– Мы не были врагами. Мы были повержены, а это не одно и то же, мэтр Дегре.

– Не надо называть меня мэтром, сударыня, я продал должность адвоката, а заодно меня исключили из университета. Впрочем, я ее продал очень выгодно, так что сумел купить должность капитан-эксперта, в соответствии с коей посвящаю себя деятельности более доходной, хотя и не менее полезной: преследованию злоумышленников и злонамеренных граждан этого города. Так что с вершин слова я упал на дно молчания.

– Вы по-прежнему складно говорите, мэтр Дегре.

– При случае. Когда испытываю удовольствие от определенных упражнений в ораторском искусстве. Именно по этой причине мне поручают заниматься участью личностей, страдающих невоздержанностью письменной или устной речи: поэтов, газетчиков, писак самого разного толка. Как раз нынче вечером я преследую язвительного сочинителя по имени Клод Ле Пти, также называемого Грязным Поэтом. Он будет крайне благодарен вам за ваше вмешательство.

– Почему бы это?

– Потому что нас вы задержали, а он продолжал бежать.

– Простите, что задержала вас.

– Лично я получаю удовольствие, хотя гостиная, в которой вы меня принимаете, не слишком уютна.

– Простите меня. Придется вам прийти еще раз, Дегре.

– Я приду, сударыня.

Он нагнулся к собаке, чтобы взять ее на поводок. Хлопья снега становились все более плотными. Полицейский поднял воротник накидки, сделал шаг и остановился.

– Мне тут кое-что вспомнилось, – сказал он. – Этот Грязный Поэт некогда позволил себе зловещую выходку во время суда над вашим мужем. Погодите-ка...

А красавица-графиня де Пейрак
Исхитрялася и так и сяк,
Чтобы крепок был Бастилии замок
И не мог оттуда выйти муженек...

– О, умоляю вас, молчите! – воскликнула Анжелика, закрыв уши руками. – Никогда не говорите мне об этом. Я больше ничего не помню. Я больше не хочу об этом помнить...

– Так, значит, прошлое для вас мертво, сударыня?

– Да, прошлое мертво!

– Вы приняли наилучшее решение. Впредь я никогда не заговорю с вами об этом. До свидания, сударыня... и спокойной ночи!

Анжелика, стуча зубами от холода, заложила засовы. Стоя на холоде в одном лишь пеньюаре, она продрогла до мозга костей. А к холоду примешивалось волнение от встречи с Дегре и от его откровений.

Войдя в спальню, она заперла дверь. Ее светловолосый гость сидел возле камина, обхватив руками колени. Он был похож на сверчка.

Молодая женщина прислонилась к двери и бесцветным голосом спросила:

– Так это вы Грязный Поэт?

Тот улыбнулся:

– Грязный – безусловно. Поэт? Возможно.

– Это вы сочинили те мерзости про мадемуазель де Лавальер? Почему бы вам не дать людям спокойно любить друг друга? Король и эта девушка сделали все возможное, чтобы сохранить свою любовь в тайне. А тут вы в гнусных выражениях раздуваете скандал! Согласна, поведение короля достойно порицания. Но он молодой человек, пылкий. Его против воли женили на принцессе, не отличающейся ни умом, ни красотой.

Он ухмыльнулся:

– Как же ты защищаешь его, красавица! Видать, наш король завладел и твоим сердцем!

– Нет, но мне страшно, когда марают достойное уважения царственное чувство.

– В мире нет ничего достойного уважения. Как и ничего царственного.

Пройдя через комнату, Анжелика от слабости оперлась о каминную доску. Она чувствовала напряжение. Поэт поднял на нее глаза. В них плясали красные огоньки пламени.

– Так ты не знала, кто я такой? – спросил он.

– Мне никто не сказал. Как бы я могла догадаться? Ваше перо кощунственно и распутно, а вы...

– Продолжай...

– Вы мне показались добрым и веселым.

– Я добр с малышками-нищенками, которые плачут на баржах с сеном, и жесток с особами королевской крови.

Анжелика вздохнула. Она никак не могла согреться. Молодая женщина указала подбородком на дверь:

– Теперь вам надо уйти.

– Уйти? – воскликнул он. – Уйти, когда этот пес Сорбонна поджидает, чтобы вцепиться в мои штаны, а этот чертов полицейский готовит для меня свои цепи?!

– Их там нет.

– Они там, в темноте.

– Клянусь вам, они и не подозревают, что вы здесь.

– Ты уверена? Тебе ли не знать их, красотка. Ты ведь была в банде Каламбредена.

Она жестом приказала ему молчать.

– Вот видишь? Ты сама прислушиваешься к тому, что там, снаружи, под снегом... И ты хочешь, чтобы я ушел!

– Да, уходите!

– Ты меня прогоняешь?

– Я вас прогоняю.

– Но ведь я же не причинил тебе зла?

– Это не так...

Он посмотрел на нее долгим взглядом и протянул руку:

– Тогда нам надо помириться. Иди ко мне.

Анжелика не сдвинулась с места, и он продолжал:

– Нас обоих преследует собака. Что нам останется, если мы будем дуться?

Он по-прежнему протягивал ей руку.

– Твои глаза стали твердыми и холодными, как изумруды. В них больше не играют солнечные отблески, отбрасываемые речкой, шепчущей под склонившимися ветками: «Люби меня, обними меня...»

– Это речка говорит?

– Нет, твои глаза. Когда я тебе не враг. Иди ко мне!

Неожиданно она смягчилась и присела подле него. Он тут же обнял ее за плечи:

– Ты дрожишь. И совсем не похожа теперь на властную хозяйку таверны. Что-то тревожит и пугает тебя. Собака? Полицейский?

– Собака. Полицейский. И вы тоже, господин Грязный Поэт.

– О, роковая парижская троица!

– Вы всё знаете, а известно ли вам, чем я занималась до Каламбредена?

Он изобразил на лице скуку и скривился:

– Нет. После того как мы встретились, я понял только, что ты как-то выпуталась и окрутила своего трактирщика. Но до Каламбредена... Нет, дальше следы теряются...

– Вот и хорошо.

– Что меня бесит, так это что чертов полицейский-то знает о твоём прошлом.

– Хотите помериться с ним силами в сборе сведений?

– Мы частенько делимся ими друг с другом.

– В глубине души вы с ним похожи.

– Немного. Однако между нами огромная разница.

– Какая?

– Я не могу убивать, а вот он может привести меня на дорогу смерти. Если бы нынче вечером ты не открыла мне дверь, его заботами теперь я был бы уже в Шатле. Благодаря дыбе мэтра Обена я и так уже подрос на три сантиметра, а завтра на заре я уже болтался бы на веревке.

– А почему вы говорите, что не можете убить его?

– Я не умею убивать. Мне дурно от вида крови.

Он скорчил гримасу отвращения, она расхохоталась. Рука поэта легла на ее шею.

– Когда ты смеешься, то напоминаешь мне маленькую голубку.

Он, улыбаясь, склонился над ней. Между его нежными насмешливыми губами зияла брешь, пробитая щипцами Большого Матъе. От этого Анжелике хотелось плакать и любить его.

– Ну вот, – прошептал он, – тебе больше не страшно. Все прошло... Только снег падает снаружи, а нам хорошо здесь, в тепле... Не часто мне случается жить под такой прекрасной вывеской!.. Ты там голая, под пеньюаром?.. Да, я чувствую. Не двигайся, милочка моя... Молчи, не говори ничего.

Его рука скользнула по ее плечу, потом ниже. Она вздрогнула, и он рассмеялся:

– А вот и весенние бутончики. Хотя сейчас ведь зима!..

Он поцеловал ее в губы. Потом вытянулся на полу перед огнем и потянул ее к себе.

* * *

Но прислушайся, мой друг,
Слишком поздно стало вдруг:
Продавцы вина кричат,
Шутки в сторону, пора...

Поэт надел свою большую шляпу и дырявый плащ. За пеленой снега вставала заря, и по белой улице ковылял вперевалку, как медведь, закутанный торговец горячительными напитками. Анжелика окликнула его. Подойдя к порогу, он налил им вина и ушел. Они переглянулись и улыбнулись друг другу.

– Куда вы теперь?

– Сообщить Парижу о новом скандале. Нынче ночью господин де Бриенн застал свою жену с любовником.

– Нынче ночью? Откуда вам знать?

– Я знаю все. Прощайте, красавица.

Удержав его за полу плаща, Анжелика шепнула:

– Возвращайтесь.

* * *

Он вернулся. Он приходил по вечерам, тихо стучал в окно. Она бесшумно открывала ему. И в тепле маленькой спальни, подле своего то болтливому, то язвительному, то влюбленному приятеля она забывала тяжкий дневной труд. Он рассказывал ей городские и придворные сплетни. Это забавляло ее, потому что большинство участников скандалов были ей знакомы.

– Я богат страхами всех тех, кто меня боится, – говорил он.

Но деньги его не интересовали. И Анжелика тщетно пыталась хоть немного его приодеть.

После славного ужина, который он поглощал, даже не пытаясь, впрочем, сделать вид, что открывает свой кошелек, он исчезал на неделю. А когда появлялся вновь, исхудалый, голодный и улыбающийся, она тщетно пыталась расспрашивать его.

Почему, уж коли он так ладит со всеми разбойниками Парижа, ему когда-нибудь не попить с ними? Его никогда не видели в Нельской башне. Однако, будучи одним из заметных обитателей Нового моста, он имел там свое место. А используй он известные ему секреты, многие люди запели бы у него соловьем.

– Гораздо забавнее заставить их плакать и скрипеть зубами, – говорил он.

Он принимал помощь лишь от женщин, которых любил. Отдавшись его ласкам, бедная цветочница, проститутка, служанка получали право немного побаловать его. Они приговаривали: «Кушай, малыш» – и с умилением смотрели, как он быстро и жадно ест.

Затем он испарялся. Подобно цветочнице, проститутке или служанке, Анжелика порой испытывала желание удержать его. Лежа в теплой постели рядом с этим человеком, чьи объятия были столь живыми и легкими, она обвивала рукой его шею и притягивала к себе.

Но он уже открывал глаза, видел, что за свинцовыми окнами забрезжил дневной свет, выскакивал из постели и поспешно одевался.

Ему и впрямь не сиделось на месте. Он был одержим довольно редкой, но во все времена дорогостоящей манией – манией свободы.

Глава XXIV

И не всегда он был не прав, убегая вот так. Часто, когда Анжелика перед открытым окном заканчивала свой утренний туалет, за прутьями кованой решетки скользила черная тень.

– Вы имеете привычку довольно рано наносить визиты, господин полицейский.

– Я явился не с визитом, сударыня. Я ищу памфлетиста.

– И вы надеетесь найти его в здешних местах? – беззастенчиво интересовалась Анжелика, набрасывая на плечи накидку, чтобы отправиться в таверну «Красная Маска».

– Как знать, – отвечал он.

Анжелика выходила из дому, и Дегре провожал ее по заснеженным улицам. У них под ногами резвилась Сорбонна. Это напоминало Анжелике время, когда они вот так же бродили с Дегре по Парижу. Однажды он привел ее к баням Сен-Никола. В другой раз перед ними возник бандит Каламбрден.

Теперь они снова встретились. Каждый хранил в тайне от другого события прошлых лет. Анжелике не было стыдно, что Дегре видел, как она прислуживает в таверне. Он с достаточно близкого расстояния следил за крахом ее счастья, чтобы понять, что ей необходимо смиренно трудиться, зарабатывая на жизнь собственными руками. Она знала, что он не презирает ее за это. Она могла запрятать глубоко в душе воспоминания о жизни с Каламбрденем. Прошли годы. Каламбрден не появился. Анжелика по-прежнему надеялась, что ему удалось бежать из Парижа. Быть может, он связался с бандитами с большой дороги? А может, попал в лапы армейских вербовщиков?

В любом случае что-то подсказывало ей, что они больше не увидятся.

Так что она могла ходить по улицам с гордо поднятой головой. Идущий рядом с ней своей мягкой походкой мужчина ни в чем ее не подозревал.

Он тоже переменялся. Теперь он говорил меньше, и его веселость уступила место опасной иронии. За самыми простыми словами

угадывалась скрытая угроза. Но Анжелика была уверена, что Дегре никогда не причинит ей зла.

Теперь он выглядел гораздо лучше: носил хорошие сапоги, часто надевал парик.

Дойдя до таверны, полицейский церемонно прощался с Анжеликой и продолжал свой путь.

Анжелика любовалась висящей над дверью таверны прекрасной яркой вывеской, которую нарисовал ее брат Гонтран. На вывеске была изображена женщина в клетчатой атласной накидке. Из-под красной маски сверкали зеленые глаза. Вокруг нее художник запечатлел улицу Валле-де-Мизер с причудливыми силуэтами домов на фоне звездного неба и красными огнями ее харчевен.

Из дверей постоянного двора вышел первый торговец вином с кувшином в руке:

– Кому доброго винца? Набегайте, дамочки! Бочки лопаются!

Жизнь начиналась в перезвоне колоколов. А вечером Анжелика сложит в кучку заработанные эцю. Пересчитав, она спрячет их в мешочки, которые, в свою очередь, займут место в купленном по ее просьбе господином Буржю сейфе.

Иногда захаживал Одиже, чтобы снова и снова просить руки Анжелики.

Анжелика не забыла своих планов производства шоколада и встречала кондитера с улыбкой:

– Как ваш патент?

– Через несколько дней дело будет сделано!

В конце концов Анжелика сказала ему:

– Вы НИКОГДА не получите своего патента!

– Неужели, госпожа прорицательница? А почему?

– Потому что вы рассчитываете на поддержку де Гиша, зятя господина Сегье. Но вы не знаете, что семья господина де Гиша – это ад и что господин Сегье принял сторону дочери. Тормозя дело о вашем патенте, советник видит лишнюю возможность подразнить своего зятя, и такой возможности он не упустит.

Анжелика знала об этих деталях от Грязного Поэта. Но уязвленный Одиже начинал громко кричать. Регистрация его патента на верном пути. А доказательство в том, что он уже приступил к строительству торгового зала на улице Сент-Оноре. Побывав на

стройке, Анжелика отметила, что метрдотель последовал ее советам: в зале были зеркала и позолоченные деревянные панели.

– Я полагаю, что подобные нововведения привлекут жадных до необычного людей, – пояснял Одиже Анжелике, начисто забыв, что именно ей он обязан этой идеей. – Мы запускаем новый продукт, поэтому необходима новая атмосфера.

– А вы уже озаботились поставками этого продукта?

– Как только я получу патент, все трудности устранятся сами собой.

Глава XXV

Анжелика положила перо на чернильный прибор и с удовлетворением еще раз просмотрела сделанные подсчеты.

Перед уходом из таверны она заметила, что туда вошла шумная компания. Воротники из генуэзских кружев и широкие штаны «трубами» свидетельствовали о богатстве молодых господ. Все были в черных масках, что служило лишним доказательством их высокого положения. Некоторые придворные, чтобы не нарушать требований этикета, при посещении таких заведений предпочитали сохранять инкогнито.

Молодая женщина, как часто уже случалось, предоставила господину Буржю, Давиду и их помощникам хлопоты по обслуживанию этих важных посетителей. Теперь, когда заведение пользовалось хорошей репутацией, а Давид научился хорошо готовить свои особые блюда, Анжелика меньше занималась кухней и сосредоточилась на закупках и финансовых проблемах заведения.

Подходил к концу 1664 год. Хотя и медленно, но положение таверны заметно изменилось; если бы об этом заговорили три года тому назад, то расхохоталась бы вся улица Валле-де-Мизер. Анжелика еще не выкупила дом господина Буржю, как тайно о том мечтала, но фактически стала его полноправной хозяйкой. Торговец жареным мясом оставался владельцем, но теперь она несла все расходы и, соответственно, увеличила долю своей прибыли. Кончилось тем, что меньшую долю получал сам хозяин. Впрочем, он был доволен, что освободился от забот и может жить припеваючи в своем собственном заведении, откладывая понемножку на старость. Анжелика тоже копила. Господин Буржю не желал большего, чем оставаться у нее под крылышком да чтобы его окружала забота. Иногда в разговорах он с такой убежденностью называл ее «дочь моя», что многие посетители «Красной Маски» были уверены в их родстве. Он не сомневался в своей скорой смерти и часто грустил. И тогда рассказывал всем подряд, что составил завещание в пользу Анжелики, но не забыл и своего племянника. Впрочем, Давид не возражал против решений

дяди, принятых по отношению к особе, которая полностью его покорила.

Сам Давид стал довольно красивым парнем. Он знал об этом и не терял надежды сделать своей любовницей женщину, которую обожал.

Анжелика тоже замечала его успехи в любовной науке. Она судила об этом по собственной реакции. Если раньше неловкие попытки подростка вызывали ее раздражение, то теперь доставляли смутное удовольствие. Она продолжала обходиться с ним строго, даже несколько сурово, как с младшим братом, но порой упрекала себя за невольное кокетство в разговорах с ним. Смешки и шуточки, которыми они обменивались, имели иногда оттенок вызывающей провокации, присущей мужчине и женщине, которые испытывают взаимное влечение, и скрывали под невинными словами куда менее невинный призыв.

С легкой насмешкой над самой собой Анжелика стала подумывать, не уступить ли однажды, просто ради развлечения, этой суматошной молодой страсти. К тому же Давид был ей нужен. Он служил одним из столпов, на которых покоился успех ее будущих начинаний. Например, когда она приобретет две-три лавчонки на ярмарке Сен-Жермен, Давид займется их расширением и процветанием. Другой опорой служил Одиже, он отвечал за развитие шоколадной и лимонадной продукции. С ним тоже следовало договориться. Нельзя оттолкнуть и лишит надежды этого серьезного, отчаянно влюбленного воздыхателя. Его все возрастающая сдержанность говорила о глубине чувств. Вряд ли его удалось бы успокоить какими-нибудь любезностями. Давид ради одной ночи, когда она даст ему возможность прикоснуться к своему «божественному телу», останется ее верным рабом. Но Анжелика немного опасалась упорства зрелого мужчины, уже пережившего увлечения первой юности и никогда еще не испытывавшего подлинной страсти. Качества, присущие этому буржуа, от природы спокойному без угодничества, воинственному – по народной традиции, откровенному, смелому и осмотрительному, были столь же естественны, как у других цвет волос. От него не отделаешься пустыми обещаниями.

Анжелика стряхнула песок с бумаги с подсчетами и снисходительно рассмеялась:

– Вот и вертись между тремя поварами, по разным причинам пылающими ко мне нежностью! Надо думать, что этому способствует профессия... От жара плиты их сердца тают, как индюшечий жир.

Вошла Жавотта, чтобы помочь ей раздеться и расчесать волосы.

– Что там за шум у двери? – спросила Анжелика.

– Не знаю. Словно крыса скребется.

Шум усилился, Анжелика пошла в прихожую и поняла, что шум шел не снизу, а от окошечка посередине. Она отодвинула занавеску и слегка вскрикнула от неожиданности, потому что через решетку тотчас просунулась черная ручонка и отчаянно потянулась к ней.

– Это Пикколо! – воскликнула Жавотта.

Анжелика отодвинула засовы, открыла дверь, и обезьянка бросилась к ней на руки.

– Что случилось? Он никогда не приходил сюда один. Можно подумать... Ну да, право слово, он порвал цепочку.

Недоумевающая, она отнесла маленькое животное к себе в комнату и посадила на стол.

– О-ля-ля! – со смехом воскликнула служанка. – И в каком он виде! Одежки-то запачканы красным и прилипли. Он, верно, свалился в вино.

Анжелика продолжала гладить Пикколо и тоже заметила, что пальцы стали липкими и красными. Она их понюхала и побледнела.

– Это не вино, – возразила она, – это кровь!

– Он ранен?

– Сейчас посмотрю.

Она сняла короткие штанишки и вышитый камзолчик, пропитанные кровью. Животное нервно дрожало, хотя ран не было видно.

– Пикколо, что с тобой? – вполголоса спросила Анжелика. – Объясни, дружок, что случилось?

Обезьянка смотрела на нее испуганными, широко раскрытыми глазами. Вдруг она отскочила назад, схватила маленькую коробочку воска для запечатывания писем и начала важно расхаживать, потряхивая перед собой коробочкой.

– Ах, разбойник! – воскликнула Жавотта и расхохоталась. – Он нас перепугал, а теперь передразнивает Лино с его корзиной с

вафлями. Как похоже, мадам! Совсем как Лино, когда он предлагает свои вафли.

Но животное, изображая маленького продавца вафель, обошло стол и опять заволновалось. Обезьянка вертелась, оглядывалась вокруг, отступала назад. Она строила гримасы, выражающие ужас и испуг, и смотрела то направо, то налево. Казалось, животное умоляло незримых людей. Потом оно изобразило борьбу. Выпустило из лапок коробочку и с пронзительным криком упало на спину.

– Да что с ним? Что с ним? – повторяла испуганная Жавотта. – Он заболел! Или сошел с ума!

Анжелика, внимательно наблюдавшая за действиями обезьянки, направилась к гардеробу и достала длинную накидку и маску.

– Я думаю, что с Лино случилось несчастье, – сказала она. – Я должна туда пойти.

– Я пойду с вами, мадам.

– Если хочешь. Тогда ты будешь светить фонарем. Но сначала отнеси обезьянку к Барбе, пусть она ее помоеет, согреет и даст молока.

Предчувствие неотвратимого несчастья охватило Анжелику. Несмотря на успокаивающие слова Жавотты, она ни минуты не сомневалась, что обезьянка наблюдала, а теперь изобразила перед ними страшную сцену. Но действительность превзошла все самые худшие опасения. Едва они подошли к набережной Таннёр, как их едва не опрокинул какой-то человек, несущийся, как выпущенная стрела. Это был насмерть перепуганный Флипо.

Анжелика схватила его за плечи и сильно встряхнула, чтобы он пришел в себя.

– Я бежал за тобой, Маркиза Ангелов, – заикаясь, произнес парнишка. – Они... Они убили Лино!

– Кто «они»?

– Эти... Мужчины, посетители.

– Зачем? Что случилось?

Бедный подмастерье сглотнул слюну и затараторил, словно хорошо выученный урок:

– Лино со своей корзинкой с вафлями был на улице. Он распевал: «Вафли! Вафли! Кому нужен вафельщик?..» Он распевает так каждый вечер. Один из наших посетителей, знаете, один из господ в маске и кружевном воротнике, сказал: «Прелестный голосок. Я почувствовал

желание полакомиться вафлями. Позовите мне торговца». Пришел Лино. Тогда господин говорит: «Клянусь святым Дионисием, мальчуган еще соблазнительней, чем его голосишко». Он посадил Лино на колени и стал его целовать. Другие тоже захотели его поцеловать... Все они были пьяны в доску... Лино уронил корзину, закричал и стал отбиваться ногами. Один из господ вытащил шпагу и проткнул ему живот. Другой тоже воткнул свою шпагу ему в живот. Лино упал, и из его живота полилась кровища.

– И господин Буржю не вмешался?

– Вмешался, но они его оскопили.

– Что? О чем ты говоришь? Кого?

– Хозяина.

– Ты с ума сошел!

– Нет, не я. Это они все с ума посходили, совершенно точно. Когда господин Буржю услышал крики Лино, он вышел из кухни. Он сказал: «Господа! Остановитесь! Господа!» Но они на него набросились. Они хохотали и, отвечивая тумачи, приговаривали: «Толстая бочка! Пузатый бочонок!» Даже я начал хихикать. А потом один сказал: «Я его знаю, это бывший хозяин „Храброго Петуха“!..» А другой сказал: «В тебе ничего не осталось от храброго петуха, я сделаю из тебя каплуна». И он взял большой нож для мяса. Они все на него набросились и отрезали ему...

Парнишка завершил свой рассказ энергичным жестом, который не оставлял сомнения, жертвой какого ужасного увечья стал несчастный торговец жареным мясом.

– Он вопил, как осел! А теперь замолчал. Может, уже умер. Давид тоже пытался их остановить. Его ударили шпагой по голове. И когда мы с Давидом это увидели, и другие поварята тоже, и служанки, и Сюзанна, мы все убежали!

Улица Валле-де-Мизер выглядела необычно. В дни карнавала она всегда многолюдна, харчевни полны народом, все поют и чокаются. Но сейчас в конце ее собралась странная толпа в белых одеждах и в высоких поварских колпаках. Владельцы соседних харчевен и их поварята, вооруженные шпиговальными иглами и вертелами, сбились в кучку перед таверной «Красная Маска».

– Мы не знаем, что делать! – закричал один из них Анжелике. – Эти дьяволы заблокировали дверь скамьями. И у них у всех

пистолеты...

– Нужно сходить за ночным караулом.

– Давид уже сбегал, но...

Хозяин «Ощипанного Каплуна», ближайшей харчевни, тихо пояснил:

– Их слуги задержали караул на улице Трипери. Они заявили, что посетители «Красной Маски» весьма высокопоставленные особы, приближенные короля, и что караул глупо будет выглядеть, вмешавшись в эту историю. Давид добежал и до Шатле, но слуги уже предупредили гвардейцев. В Шатле ему ответили, чтобы он сам разбирался со своими клиентами.

Из таверны «Красная Маска» доносился страшный шум: дикий смех, пьяные песни, крики – настолько чудовищные, что у добропорядочных трактирщиков волосы под колпаком вставали дыбом.

Столы и скамьи, наваленные перед окнами, не позволяли видеть, что происходит внутри, но оттуда раздавался шум битого стекла и посуды, а по временам и сухие щелчки пистолетных выстрелов, мишенью для которых, вероятно, служили изделия из дорогого стекла, украшавшие столы и каминную доску.

Анжелика заметила Давида. Он был белый, как его передник, лоб перевязан тряпкой с пятнами крови.

Давид подошел к ней и, заикаясь, дополнил рассказ об ужасной вакханалии, разыгравшейся в ее отсутствие. В какой-то момент господа стали страшно требовательными. До этого они уже напились в других кабаках. Они начали с того, что вылили на голову одного поваренка полную супницу почти кипящего супа. С огромным трудом удалось выгнать их из кухни, где они пытались овладеть Сюзанной, хоть она и не представляла соблазнительной добычи. Наконец разыгралась драма с Лино, милая мордашка которого пробудила в них мерзкие желания...

– Постой, – сказала Анжелика, схватив подростка за руку. – Нужно пойти посмотреть. Я пройду через двор.

Двадцать рук удержали ее.

– Ты с ума сошла!.. Они проткнут тебя шпагой! Это просто звери!..

– Может быть, еще можно спасти Лино и господина Буржую?..

– Войдем, когда они угомонятся.

– И когда все переломают, разграбят и сожгут! – закричала она.

Вырвавшись из рук, которые ее удерживали, она потянула за собой Давида и вошла во двор. Оттуда они проникли в кухню.

Дверь кухни, ведущая в общий зал, была накрепко заперта Давидом, перед тем как он спасся бегством вместе с другими слугами. Анжелика вздохнула с облегчением. Хоть главные припасы, сложенные здесь, оказались вне досягаемости разбушевавшихся мерзавцев.

С помощью юноши она придвинула стол к стене и влезла на него, чтобы заглянуть в зал через фрамугу, расположенную в середине стены.

Ее взору предстал разгромленный общий зал, заваленный посудой и блюдами, грязными скатертями и битым стеклом. Огорока и копченые зайцы сдернуты с крюков под потолком. Пьяные ходили по засыпанному полу, ударами сапог расчищая дорогу. Теперь непристойные слова их песен, ругательства и проклятия звучали гораздо ближе.

Большинство присутствующих сгрудилось у одного из столов, возле очага. По их поведению и голосам, все более невнятным, нетрудно было догадаться, что скоро они свалятся с ног. В отсветах пламени горляющие глотки и черные маски производили зловещее впечатление. Великолепные костюмы были запятнаны вином и соусами, а возможно, и кровью.

Анжелика старалась разглядеть тела Лино и владельца заведения. Но так как подсвечники были опрокинуты, то бóльшая часть зала тонула в полумраке.

– Кто первым набросился на Лино? – спросила она тихо.

– Вот тот коротышка в углу стола, у которого волны розовых лент на серо-голубом камзоле. Кажется, он положил начало и подтолкнул остальных.

В то же мгновение человек с трудом выпрямился и, подняв бокал дрожащей рукой, воскликнул писклявым голосом:

– Господа, я пью во здравие Астарота и Асмодея, князей тьмы!

– О! Этот голос! – воскликнула Анжелика, отпрянув назад.

Она узнала бы его среди тысячи. Этот голос преследовал ее в самых страшных кошмарах, иногда она просыпалась от этого голоса,

который вещал: «Мадам, вы сейчас умрете!»

Так это был ОН... всегда он. Неужели он избран самим адом, чтобы постоянно служить для Анжелики дьявольским воплощением зловещей судьбы?

– И он нанес Лино первый удар шпагой? – спросила она.

– Возможно. Я не знаю. Но высокий, там, позади, в красных штанах-ренгравах, тоже вонзил в него шпагу.

Этому человеку тоже ни к чему было снимать свою маску, чтобы Анжелика узнала его.

Брат короля и шевалье де Лоррен! Теперь она была уверена, что, несмотря на маски, сможет поименно назвать всех остальных!

Вдруг один из пьяниц начал бросать в огонь стулья и табуреты. Другой схватил бутылку и швырнул ее через весь зал. Бутылка разбилась в очаге. В ней была водка. Вспыхнуло высокое пламя и сразу набросилось на мебель. Адский огонь загудел и устремился в трубу, на плитки пола вывалились потрескивающие головешки.

Анжелика соскочила со стола:

– Они подожгут дом. Надо их остановить!

Но подмастерье лихорадочно обхватил ее:

– Вы не пойдете. Они вас убьют!

Какое-то мгновение между ними шла борьба. Но из-за гнева и страха перед пожаром силы Анжелики удвоились, она сумела высвободиться и оттолкнула Давида.

Анжелика надела свою маску. Она тоже не хотела быть узнанной.

Решительно отодвинув засов, Анжелика с грохотом отворила дверь кухни.

Появление на пороге женщины, одетой в длинную черную накидку и в смешную красную маску, на мгновение ошеломило гуляк.

Песни и крики утихли.

– О! Красная маска!

– Господа, – произнесла Анжелика дрожащим голосом, – неужели вы лишились рассудка? Неужели вы не боитесь гнева короля, когда народная молва донесет до него рассказы о ваших преступлениях?..

Последовало оторопелое молчание, и Анжелика поняла, что произнесла то единственное слово – «король!» – которое могло еще дойти до одурманенных пьяных мозгов и пробудить в них проблеск сознания.

Воспользовавшись преимуществом, Анжелика смело прошла вперед. Она стремилась добраться до очага и выкинуть из него горящую мебель, чтобы уменьшить костер и ослабить пламя в трубе, грозившее пожаром.

И тогда она заметила под столом обезображенное тело господина Буржю. Возле него, казалось, спал малыш Лино с распоротым животом, бледный, как снег, и спокойный, как ангел. Кровь обеих жертв смешивалась со струйками вина из разбитых бутылок.

Вид ужасного зрелища на секунду парализовал Анжелику. И как укротитель, охваченный страхом, на мгновение отводит глаза от хищников, так и она потеряла контроль над пьяной сворой.

Этого оказалось достаточно для нового взрыва.

– Женщина! Женщина!

– Вот ее-то нам и надо!

Грубая рука схватила Анжелику за шею. Кто-то сильно ударил в висок. У нее потемнело в глазах, к горлу подступила тошнота. Она плохо понимала, где находится.

Где-то раздавался безнадежный, нескончаемый женский крик...

Вдруг Анжелика поняла, что кричала она сама.

Она лежала на столе, и черные маски с гоготом склонились над ней.

Руки и ноги удерживались железной хваткой. Юбки были задраны.

– Кто первый? Кто трахнет шлюху?

Она кричала так, как кричат только в кошмаре, в приступе ужаса и отчаяния.

Навалилось тяжелое тело. Чей-то рот прижался к ее губам.

И вдруг наступила полная тишина, столь глубокая, что Анжелике показалось, что она потеряла сознание. Однако это было не так. Просто истязатели вдруг замолкли и замерли. Их испуганные беспокойные взгляды следили за чем-то на полу, чего Анжелика не могла видеть.

Тот, кто за секунду до этого влез на стол и готовился изнасиловать молодую женщину, поспешно отстранился. Почувствовав, что ее никто больше не держит, Анжелика поднялась и быстро опустила свои длинные юбки. Она ничего не понимала. Словно по волшебству, безумцы окаменели.

Анжелика решила медленно соскользнуть на пол. И тогда она увидела собаку Сорбонну, которая повалила коротышку в серо-голубом камзоле и крепко держала его за горло. Сорбонна проникла через кухонную дверь и напала с быстротою молнии.

Один из распутников, запинаясь, с трудом произнес:

– Отзовите свою собаку... Где... где пистолет?

– Не двигаться! – приказала Анжелика. – Если вы шелохнетесь, я прикажу собаке загрызть брата короля!

Ее ноги дрожали, как у загнанной лошади, но голос звучал твердо.

– Не двигайтесь, господа, – повторила она, – иначе вы ВСЕ понесете наказание за эту смерть.

Потом она неторопливо отошла на несколько шагов и посмотрела на Сорбонну. Та держала свою жертву, как научил ее Дегре. Одно только слово – и железные челюсти полностью перегрызут эту дряблую плоть, переломают кости. Из горла герцога Орлеанского вырывались невнятные звуки. Его лицо приобрело лиловый оттенок, он задыхался.

– Warte^[3], – тихонько отдала команду Анжелика.

Сорбонна слегка вильнула хвостом, показывая, что поняла и ожидает дальнейших приказов. Участники оргии неподвижно застыли в тех позах, в каких застигло их появление собаки. Они были слишком пьяны, чтобы до конца понять, что же произошло. И только сознавали, что Месье, брат короля, может пострадать. Это приводило их в ужас.

Анжелика, не сводя с них взгляда, открыла ящик стола, вынула нож и подошла к мужчине в красных ренгравах, стоявшему к ней ближе других.

Она подняла нож, и мужчина отшатнулся.

– Не двигаться! – повторила она повелительно. – Я не собираюсь перерезать вам горло. Просто я хочу знать, кто этот убийца в кружевах?

И быстрым движением она обрезала тесемки маски на лице шевалье де Лоррена. Анжелика только бегло взглянула на его прекрасное лицо, изнуренное ночным дебошем, – лицо, которое она так хорошо запомнила, когда в ту жуткую ночь в Лувре он наклонился над ней. Потом она направилась к другим.

Одуревшие, дошедшие до последней степени опьянения, они не сопротивлялись. Анжелика узнала всех: Бриенн, маркиз д'Олон,

красавец де Гиш, его брат Лувињи и Пегилен де Лозен, который состроил насмешливую гримасу и прошептал:

– Черная маска против красной.

Она узнала также Сен-Тьерри и Фронтенака. Элегантный господин храпел на полу в лужах вина и блевотины. Анжелика скривилась от ненависти и горечи, распознав в нем маркиза де Варда.

Ах! Молодые красавцы короля! Некогда она любовалась их разноцветными перьями, но сейчас перед хозяйкой «Красной Маски» обнажились их гнилые душонки!

Троих она не знала. Однако один из них пробудил какие-то смутные воспоминания, но столь далекие, что она ничего не смогла припомнить.

Высокий, крупный молодой мужчина в прекрасном золотистом парике. Менее пьяный, чем другие, он стоял, опираясь на колонну зала, и старательно шлифовал ногти. Когда Анжелика к нему подошла, он не стал дожидаться, пока она сдернет маску, и сам беззаботно и грациозно ее снял. Очень светлые голубые глаза сохраняли холодное и презрительное выражение. Анжелика смутилась. Спало нервное напряжение, которое до сих пор поддерживало ее, и навалилась страшная усталость.

По ее вискам струился пот, потому что в комнате стояла невыносимая жара.

Анжелика подошла к собаке и взяла ее за ошейник, чтобы та отпустила свою жертву. Она надеялась, что придет Дегре, но он не появлялся, и она все так же находилась одна среди этих опасных призраков. Реальным оставалось только присутствие Сорбонны.

– Вставайте, господа, – сказала она устало. – И убирайтесь вон. Вы здесь натворили достаточно зла.

Покачиваясь, придерживая одной рукой маску, а другой волоча бесчувственные тела маркиза де Варда и брата короля, придворные поспешно уходили. На улице им пришлось отбиваться шпагами от поваров, вооруженных вертелами. Их преследовали возмущенными гневными криками.

Сорбонна нюхала кровь и рычала, оскаливая клыки. Анжелика подошла поближе к безжизненному телу маленького торговца вафлями. Она гладила его холодный чистый лобик:

– Лино! Лино! Мой милый мальчик... Бедный маленький страдалец...

Крики, раздавшиеся с улицы, отвлекли ее от горьких переживаний.

– Горим! Горим!

Пламя в трубе запалило крышу дома. Обгорелые обломки начали падать в очаг, и комнату заволокло дымом.

Анжелика выбежала из зала, унося тело Лино. На улице было светло как днем. Клиенты и хозяйева ближайших харчевен с ужасом смотрели на клубы дыма, вздымавшиеся над старым домом. Снопы искр сыпались на соседние крыши.

Люди побежали к берегу Сены, чтобы организовать живую цепочку из ведер и ушатов. Но пожар занялся сверху, и воду приходилось поднимать на крыши двух соседних домов, потому что лестница «Красной Маски» уже обвалилась.

Анжелика хотела вернуться в зал вместе с Давидом, чтобы вынести тело господина Буржую. Но они задохнулись в дыму и были вынуждены вернуться. Тогда они побежали через двор на кухню и выволокли без разбору все, что попадалось под руку.

Между тем прибыли капуцины. Толпа приветствовала их одобрительными криками. Народ любил этих монахов, в уставе которых значилась обязанность оказывать помощь при пожаре. На деле только они и представляли городских пожарных.

Они привезли лестницы, железные крючья и огромные помпы, чтобы как можно выше и дальше направлять струи воды.

Прибыв на место, они закатали рукава и, не думая о горящих головнях, которые падали им на голову, бросились в соседние дома. Затем они появились на крышах и ударами крюков начали крушить все подряд. Их действия привели к тому, что горящий дом оказался изолирован от других построек, а так как стояло безветрие, то огонь не перекинулся на остальные дома квартала. Все опасались общего пожара, этого страшного бича, от которого два-три раза в столетие выгорал Париж, представлявший собой скопление старых деревянных домов.

Зияющая пустота да горы мусора и головешек остались на том месте, где еще вчера стояла уютная таверна «Красная Маска». Но главное, что пожар был потушен.

Анжелика, вся вымазанная сажей, созерцала руины своих надежд. Возле нее сидела собака Сорбонна.

«Где же Дегре? Ох! Я хотела бы увидеть Дегре, – думала она. – Он подсказал бы, что мне теперь делать».

Она взяла собаку за ошейник:

– Пойдем к твоему хозяину.

Далеко идти не пришлось. В нескольких метрах от них, в тени крытой галереи, она заметила шляпу и широкий плащ полицейского. Он спокойно растирал табак.

– Здравствуйте, – невозмутимо приветствовал он. – Плохая ночь, ничего не скажешь.

– Вы были здесь, в двух шагах! – воскликнула, задыхаясь, Анжелика. – И вы не пришли на помощь?

– А почему я должен был прийти?

– Так, значит, вы не слышали, как я кричала?

– А я не знал, мадам, что это кричали вы.

– Не важно! Ведь кричала женщина.

– Не могу же я бросаться на помощь каждой женщине, которая кричит, – добродушно отвечал Дегре. – Однако поверьте, мадам, если бы я знал, что кричали вы, я бы обязательно явился.

Она недовольно проворчала:

– Сомневаюсь.

Дегре вздохнул:

– Разве ради вас я уже не рисковал однажды своей жизнью и своей карьерой? Так я мог бы рискнуть и вторично. Но увы, мадам! В моей жизни вы превратились, к сожалению, в прискорбную привычку, и я очень опасаясь, как бы, невзирая на врожденную осторожность, мне не сложить на этом голову.

– Меня повалили... Они хотели меня изнасиловать.

Дегре отвел саркастический взгляд:

– Только и всего? Они могли бы сделать кое-что похуже.

Анжелика растерянно потерла лоб:

– И то правда! Мне даже как-то стало легче, когда я поняла, что они добиваются только этого. А потом появилась Сорбонна... Очень вовремя!

– Я всегда доверял самостоятельности этой собаки.

– Так это вы ее послали?

– Ну конечно.

Молодая женщина глубоко вздохнула и вдруг, в порыве слабости и признательности, прижалась щекой к твердому плечу мужчины:

– Спасибо.

– Известно ли вам, – продолжал Дегре тем спокойным тоном, который одновременно и возмущал, и успокаивал ее, – что я только формально отношусь к государственной полиции? Точнее говоря, я королевский полицейский. И я не должен мешать очаровательным развлечениям наших знатных господ. Так вот, дорогая моя, разве вы недостаточно уже прожили на свете, чтобы усвоить, к какому миру принадлежите? Кто же не следует моде? Пьянство – это удовольствие, разнузданный дебош – каприз, оргия на грани преступления – приятное развлечение. Днем – придворные поклоны и красные каблукы, а по ночам – любовь, игорные притоны и попойки в тавернах. Правда, приятный образ жизни? И вы ошибаетесь, мой бедный друг, если полагаете, что эти люди опасны. На самом деле даже самые гнусные их проделки совсем не опасны! Единственный враг, самый страшный враг королевства, – это тот, кто одним своим словом может подорвать их могущество: газетчик, писака, журналист, памфлетист. Я лично выслеживаю памфлетистов.

– Ну что ж, можете отправляться на охоту, – сказала Анжелика, стискивая зубы и выпрямляясь, – потому что я обещаю вам работу.

Ее неожиданно осенила новая мысль.

Она отстранилась и пошла прочь. Но вдруг вернулась:

– Их было тринадцать. Имена троих мне неизвестны. Вы должны мне их раздобыть.

Полицейский снял шляпу и поклонился.

– К вашим услугам, мадам, – произнес он, вновь обретая голос и улыбку адвоката Дегре.

Глава XXVI

Как и в первый раз, Анжелика обнаружила Клода Ле Пти спящим на барже с сеном, возле Арсенала. Она разбудила его и поведала о событиях минувшей ночи. Все ее труды пошли прахом. Распутники в кружевах снова до основания разрушили ее жизнь, точно так же как армия мародеров опустошает страну, по которой идет.

– Ты должен за меня отомстить! – повторяла она с лихорадочным блеском в глазах. – Только ты один можешь это сделать, потому что ты их злейший враг. Так говорит Дегре.

Поэт широко зевал и тер глаза. Его светлые ресницы еще слипались от сна.

– Странная женщина! – произнес он наконец. – Ты начала вдруг мне «тыкать».

Он обнял ее за талию и хотел привлечь. Но она нетерпеливо высвободилась:

– Да послушай же, что я тебе говорю!

– Через пять минут ты обзовешь меня деревенщиной. Ты уже не маленькая нищенка, а важная дама, отдающая приказания. Ладно, к вашим услугам, маркиза. Впрочем, я уже все понял. С кого ты хочешь начать? С Бриенна? Я припоминаю, что он волочился за мадемуазель де Лавальер и мечтал заказать ее портрет в образе Марии Магдалины. С тех пор король с трудом его переносит. Итак, мы сделаем из Бриенна приправу к обеду его величества. – Он обратил свое прекрасное бледное лицо на восток, где вставало солнце. – Да, к обеду можно успеть. Типографские прессы мэтра Жильбера всегда готовы, если надо усилить эхо моего зубовного скрежета против власти. Я тебе уже говорил, что сын мэтра Жильбера был когда-то приговорен, не знаю уж, за какой грешок, к галерам? Вот для нас и прекрасный случай, согласна?

И, вытащив из плаща с широкими рукавами старое гусиное перо, Грязный Поэт начал сочинять.

Занималось утро. Все церковные и монастырские колокола весело вызванивали *Angélus*.

Ближе к полудню, прослушав мессу, король вышел из часовни и пересек приемную, где его ожидали податели прошений. Он обратил внимание, что пол усеян листками белой бумаги, которые торопливо собирал слуга, словно они только что появились. Но немного дальше, спускаясь по лестнице, ведущей в его апартаменты, Людовик XIV вновь отметил тот же беспорядок и выразил свое неудовольствие:

– Что это значит? Здесь бумажки падают с неба, как осенние листья в Кур-ла-Рен? Извольте подать мне одну из них.

Герцог де Креки, страшно покраснев, вмешался:

– Ваше величество, эти измышления не представляют ровно никакого интереса.

– А! Я вижу, что это, – сказал король, протягивая в нетерпении руку. – Опять какие-то измышления этого проклятого Грязного Поэта с Нового моста, который словно угорь ускользает из рук полицейских и теперь уже раскидывает свои мерзости во дворце у меня под ногами. Дайте-ка, прошу вас... Ну конечно это он! Когда увидите гражданского судью и прево города Парижа, передайте им, господа, мои поздравления...

Садясь за обед, состоявший из трех куропаток в изюмном соусе, судочка с рыбой, жаркого в огуречном соусе и блюда пирожков с китовым языком, Людовик XIV положил рядом исписанный листок, свежая типографская краска которого пачкала пальцы. Король любил поесть и уже давно научился контролировать свою чувствительность, поэтому его аппетит не пострадал. Но когда чтение было окончено, тишина, царившая в комнате, где обычно оживленно болтали кавалеры, походила на безмолвие подземелья.

Грубый, резкий язык памфлета, слова которого жалили, как пчелы, уже более десятилетия был воплощением фрондерского духа города.

В этом сочинении рассказывалось о славных делах господина де Бриенна, первого дворянина короля, того самого, который не ограничился попыткой похитить «нимфу с волосами лунного света» у своего благодетельного господина и не довольствовался постоянными скандалами, вызванными ссорами с женой. Нет, прошлой ночью он отправился в таверну на улице Валле-де-Мизер. Там галантный юноша вместе со своими собутыльниками изнасиловали маленького торговца вафлями и шпагами вспороли ему живот. Потом, оскопив, они убили

хозяина, проломили голову его племяннику, изнасиловали служанку и в завершение веселья подожгли заведение, от которого остались одни головешки.

Нам говорят: насилье и разбой
Свершили господа – числом тринадцать.
Вот имя одного, пусть ждет другой,
Хоть имена их вслух назвать боятся.
Последним прозвучит убийцы имя,
Кто честь и знатность грязью запятнал,
Кто смел с головорезами своими
Убить дитя, что вафли продавал^[4].

– Святой Дионисий! – воскликнул король. – Если это правда, то Бриенн заслуживает петли. Кто-нибудь, господа, уже слышал об этом преступлении?

Придворные уверяли, что почти ничего не знают о ночных событиях.

Тогда король, увидев юного пажа, помощника офицера стола, обратился к нему напрямик:

– Вы, дитя мое, должно быть, очень пытливы и любознательны, как все мальчики вашего возраста. Расскажите-ка, о чем болтали сегодня утром на Новом мосту?

Подросток покраснел, но он был из хорошей семьи, а потому ответил без особого смущения:

– Сир, говорят, что все описанное Грязным Поэтом – чистая правда и что все это случилось сегодня ночью в таверне «Красная Маска». Мы с товарищами ходили танцевать фарандолу и, когда возвращались, увидели огонь. Мы побежали на пожар. Но к тому моменту капуцины уже погасили пламя, и квартал уцелел.

– Говорят, что несчастье произошло из-за благородных господ.

– Да, но никто не знает их имен, потому что они были в масках.

– А что вам еще известно? – Король пристально смотрел ребенку в глаза.

Мальчик, уже маленький придворный, не решался рассказать то, что могло бы повредить его будущему. Но, подчиняясь требованию

этого повелительного взгляда, он опустил голову и тихо ответил:

– Сир, я видел тело маленького торговца вафлями с распоротым животом. Какая-то женщина вытащила его из огня и несла на руках. Я видел также племянника хозяина таверны с перевязанной головой.

– А хозяин таверны?

– Его тело не успели вытащить из огня. Люди говорили...

В похвальном стремлении разрядить обстановку паж изобразил полуулыбку:

– Люди говорят, что для него это оказалось прекрасной смертью.

Но лицо короля оставалось каменным, и придворные тотчас прикрыли рот рукой, чтобы скрыть неподобающие улыбки.

– Пусть пошлют за де Бриенном, – распорядился король. – А вы, господин герцог де Креки, сообщите господину д’Обре следующие указания: чтобы все сведения и подробности об этом пожаре были собраны, а рапорт немедленно представлен мне – это с одной стороны, с другой стороны, чтобы каждый обладатель или торговец этим памфлетом был немедленно арестован и препровожден в Шатле. И наконец, любой прохожий, замеченный в том, что он подбирает или читает этот памфлет, должен быть приговорен к суровому штрафу и, возможно, даже заключен в тюрьму. Я также желаю, чтобы были приняты самые энергичные меры и найден хозяин типографии и Клод Ле Пти.

Граф де Бриенн находился дома. Слуги уложили его в постель, и он еще не проспался после ночной попойки.

– Дорогой друг, – обратился к нему маркиз де Жевр, капитан гвардейцев, – я явился к вам для исполнения неприятного долга. Хотя нет еще полной ясности, но мне кажется, что я приехал вас арестовать.

И он показал стихотворение, которое с удовольствием перечитывал по дороге в полной уверенности, что не подвергнется штрафу.

– Я погиб! – заключил де Бриенн, едва ворочая языком. – Правосудие в этом королевстве вершится быстро! Я еще... не освободился от вина, выпитого в этой проклятой таверне, а уже должен за него расплачиваться.

– Господин министр, – обратился к нему Людовик XIV, – по многим причинам мне тягостен разговор с вами. Будем кратки. Вы

признаете, что участвовали минувшей ночью в гнусных преступлениях, описанных в этом памфлете? Да или нет?

– Сир, я там присутствовал, но не совершал всех этих мерзостей. Даже Грязный Поэт признает, что не я убил маленького торговца вафлями.

– Так кто же?

Граф де Бриенн молчал.

– Я рад, что вы не перекладываете всю вину на других. Но вы также во всей полноте несете за это ответственность. Это видно по вашему лицу. Тем хуже для вас, господин граф, что вас узнали. И вы заплатите за всех остальных. Простой народ волнуется... справедливо. Стало быть, должно свершиться правосудие. Быстрое. Я желаю, чтобы уже сегодня вечером на Новом мосту говорили, что господин де Бриенн заключен в Бастилию... И что его сурово покарают. А я лично счастлив, что мне представилась возможность избавиться от человека, которого выносил с трудом. И вам известно почему.

Несчастный де Бриенн вздохнул, вспомнив робкие поцелуи, которые он пытался украсть у нежной Лавальер, еще не зная о склонности своего властелина к этой прекрасной особе.

Он расплачивался одновременно и за невинную интрижку, и за бесстыдную оргию. В Париже стало больше одним дворянином, который яростно проклинал перо поэта. По дороге в Бастилию карету, перевозившую де Бриенна, остановила толпа торговцев Центрального рынка. Они потрясали листочками с памфлетом и разделочными ножами, требуя, чтобы им выдали пленника, дабы совершить над ним то, что он совершил над несчастным поваром Буржю.

Только когда за ним и его спасенным мужским достоинством закрылись тяжелые ворота тюрьмы, де Бриенн вздохнул свободно.

Но на следующий день новый поток белых листочков хлынул на Париж. И – верх наглости! – король нашел эпиграмму под тарелкой с закуской, которую он собирался съесть перед охотой на лань в Булонском лесу.

Охоту отложили, и господин д'Олон, первый ловчий Франции, отправился совсем в другом направлении. То есть, вместо того чтобы ехать в леса Кур-ла-Рен, он отправился в Кур-Сент-Антуан, а оттуда в Бастилию.

Потому что в новом выпуске уточнялось, что именно он удерживал господина Буржую, когда его убивали.

Последним прозвучит убийцы имя,
Кто честь и знатность грязью запятнал,
Кто смел с головорезами своими
Убить дитя, что вафли продавал.

Затем наступил черед де Лозена. Он направлялся в карете в Версаль, чтобы присутствовать при пробуждении короля, когда на улицах начали выкрикивать его имя. Тогда Пегилен приказал развернуть лошадей и отправился напрямик в Бастилию.

– Подготовьте мои апартаменты, – попросил он коменданта крепости.

– Но, господин герцог, у меня нет приказа на ваш счет.

– Не беспокойтесь, вы скоро его получите.

– Где же указ о вашем аресте?

– Вот он, – ответил Пегилен, протягивая господину де Ваннуа листок с напечатанным текстом, только что купленный за десять солей у нищего мальчишки.

Фронтенак намеревался сбежать, но Вард горячо его отговаривал:

– Ваше бегство будет приравнено к признанию. Оно выдаст вас с головой. А продолжая изображать невинного, вы, возможно, и не попадете в этот поток изобличений. Взгляните на меня: разве я выгляжу встревоженным? Я шучу и веселюсь. Никто меня не подозревает, даже сам король поделился со мной, как беспокоит его это дело.

– Вы сразу перестанете смеяться, когда придет ваш черед.

– А я думаю, что он не придет: «Их было тринадцать», – распевают на улицах. Пока названо только три имени, а арестованные продавцы стихов уже открыли под пыткой имя хозяина типографии. Через несколько дней поток новых памфлетов иссякнет и все придет в норму.

– Я не разделяю ваших надежд на кратковременность этих прискорбных событий, – отвечал маркиз де Фронтенак, поднимая воротник дорожного плаща. – Лично я предпочитаю тюрьме ссылку.

Маркиз де Фронтенак уже достиг германской границы, когда открылось его имя, но прошло это почти незамеченным. Потому что накануне обнародовали имя де Варда, и против него обратилось общественное возмущение, ибо в листке содержались такие разоблачения, что сам король пришел в негодование. Грязный Поэт называл этого «светского негодяя» ни много ни мало автором испанского письма, найденного два года тому назад в покоях королевы и имеющего целью – из соображений милосердия! – информировать королеву о неверности ее супруга и о его связи с мадемуазель де Лавальер. Обвинение вновь коснулось сердечной раны государя, потому что он так и не смог найти виновных и не раз обсуждал это с де Вардом и даже спрашивал его совета. И пока король допрашивал капитана швейцарских гвардейцев, призывал мадам де Суассон, свою любовницу и соучастницу, пока Генриетта Английская, также замешанная в истории с испанским письмом, бросалась к его ногам, а де Гиш и младший Месье ругались наедине с шевалье де Лорреном, список преступников из таверны «Красная Маска» продолжал пополняться новыми именами. Лувињи и Сен-Тьерри, заранее смирившиеся и приготовившиеся, узнали одним прекрасным утром, что Париж оповещен о точном количестве их любовниц и об интимных подробностях их любовных отношений. За этим следовал обычный припев:

Кто смел с головорезами своими
Убить дитя, что вафли продавал?

Им повезло: король был поглощен сведениями, открывшимися о де Варде, а потому Лувињи и Сен-Тьерри было предложено только сложить с себя обязанности и удалиться в свои поместья.

Ветер возбуждения гулял по Парижу.

– Чей черед? Чья очередь? – орали по утрам продавцы этих песен. Листочки рвали у них из рук. По улицам и из окон домов называлось «сегодняшнее имя».

У людей высшего общества вошло в привычку обращаться друг к другу с вопросом, произносимым с таинственными интонациями:

– Кто смел убить дитя, что вафли продавал?

После чего следовал взрыв хохота.

Потом пронесся некий слухок, и всякие шуточки прекратились. В Лувре воцарились паника и замешательство. Смолкли насмешки тех, кто, уверенный в своей невинности, весело наблюдал за чередой разоблачений. Сама королева-мать не раз ездила в Пале-Рояль, чтобы морально поддержать своего второго сына. Вокруг дворца, в котором проживал младший Месье, слонялись молчаливые недоброжелательные группы зевак. Еще никто этого не произнес, никто не утверждал, но уже распространился слух, что брат короля тоже участвовал в оргии в «Красной Маске» и что это ОН убил маленького торговца вафлями.

* * *

О первой реакции двора Анжелика узнала от Дегре.

Уже на следующее утро после событий, пока Бриенн, препровожденный в Бастилию, еще только устраивался там, в маленький домик на улице Фран-Буржуа, где укрылась Анжелика, постучал полицейский.

С непроницаемым видом она слушала рассказ о реакции короля и о принятых им решениях.

– Он полагает, что пожертвует одним Бриенном, – пробормотала она сквозь зубы. – Но берегитесь! Это только начало. Первыми назовут менее виновных. А потом будут забирать все выше, пока не разразится скандал, и тогда капли крови Лино запятнают ступени трона.

Она до боли стиснула мертвенно-бледные холодные руки.

– Я только что проводила его на кладбище Святых Мучеников. Все кумушки с Центрального рынка оставили свои лавки и следовали за гробом несчастного малыша, которого судьба только и одарила что милovidностью и привлекательностью. И надо же было случиться, чтобы порочные принцы отняли единственное его достояние – жизнь! Но на похоронах его провожала самая прекрасная процессия.

– А сейчас дамы с рынка сопровождают господина де Бриенна.

– Пусть бы они его повесили, пусть бы подожгли его карету, пусть сожгли бы Пале-Рояль! Пусть бы сожгли все дворцы в округе – Сен-

Жермен и Версаль...

– Ну, вы настоящая поджигательница! А где вы будете танцевать, когда вновь превратитесь в знатную даму?

Она посмотрела на него в упор и покачала головой:

– Никогда, никогда уже я не стану знатной дамой. Я все перепробовала и снова все потеряла. Они сильнее. Вы узнали те имена, о которых я вас просила?

– Вот они! – сказал Дегре, вытаскивая пергаментные свитки. – Секретное расследование, результат которого известен только мне одному: в таверну «Красная Маска» в тот октябрьский вечер вошли: принц Орлеанский, шевалье де Лоррен, герцог де Лозен...

– О! Прошу вас, без титулов! – вздохнула Анжелика.

– Это сильнее меня, – со смехом возразил Дегре. – Вам ведь известно, что я уважаемый государственный чиновник. Итак, мы сказали: вошли господа де Бриенн, де Вард, дю Плесси-Бельер, де Лувињи, де Сен-Тьерри, де Фронтенак, де Кавуа, де Гиш, де Лавальер, д'Олон, де Торм.

– Лавальер? Брат фаворитки?

– Он самый.

– Просто великолепно! – прошептала она. Ее глаза сияли в надежде на возмездие. – Но... Пойдите, здесь четырнадцать, а я их насчитала тринадцать.

– Вначале их было четырнадцать, ибо с ними находился еще и господин де Торм. Этот старичок любит участвовать в молодежных гулянках. Однако, когда он понял намерения Месье по отношению к мальчонке, он удалился со словами: «Добрый вечер, господа, я не хочу следовать за вами по кривой дорожке. Мне нравится моя прямая дорожка, и пойду-ка я баиньки под бочок к маркизе де Ракно». Ведь всем известно, что эта толстуха его любовница.

– Прекрасная история для объяснения подлости!

Дегре с минуту разглядывал искаженное гневом лицо Анжелики, потом улыбнулся:

– Как красит вас злость! Когда я с вами познакомился, вы выглядели скорее трогательно, как возможная жертва травли.

– А вы, когда я с вами познакомилась, выглядели приветливым, веселым, открытым. Теперь я иногда готова вас ненавидеть.

Она метнула на него взгляд своих зеленых глаз и проворчала:

– Чертов недотепа!

Полицейский развеселился:

– Вас послушать, мадам, так можно подумать, что вы посещали школу воров и нищих.

Анжелика пожала плечами, отошла к камину и, чтобы успокоиться, поправила поленья.

– Вы ведь боитесь, да? – продолжал Дегре с протяжными интонациями уроженца парижских предместий. – Вы боитесь за парнишку – Клода Ле Пти? Считаю нужным вас предупредить: он кончит виселицей.

Молодая женщина предпочла промолчать, хотя изнутри рвался крик: «Никогда его не повесят! Нельзя поймать поэта с Нового моста. Он вспорхнет, как птичка, и усядется на башнях собора Нотр-Дам!»

Возбуждение Анжелики достигло предела. Обернувшись к огню, она поворошила угли. С прошлой ночи на лбу у нее остался след небольшого ожога. Почему Дегре все не уходит? Но ей ведь приятно его присутствие. Вероятно, еще по старой привычке.

– Какое имя вы там назвали? – вдруг встрепелась Анжелика. – Дю Плесси-Бельер? Маркиз?

– Теперь вам угодно услышать титулы? Ну что ж! Действительно, это маркиз дю Плесси-Бельер, маршал королевских войск... Знаете, победитель Норжана.

– Филипп, – прошептала Анжелика.

Как она могла его не узнать, когда он снял маску и устремил на нее тот же холодный взгляд своих светло-голубых глаз, каким некогда окинул свою кухню в сереньком платице? Филипп дю Плесси-Бельер! Перед ней возник белый замок Плесси, подобный кувшинке на глади пруда...

– Как странно, Дегре! Этот юноша – мой родственник, мой кузен, живший всего в нескольких лье от нашего замка. Мы вместе играли.

– А теперь, когда любимый кузен захотел поиграть с вами в таверне, вы решили его отвергнуть?

– Похоже. Но ведь их было тринадцать. С уходом маркиза де Торма счет сходится.

– Душа моя, не совершаете ли вы ошибки, рассказывая свои секреты чертову недотепе?

– Все, что я рассказываю, не поможет вам обнаружить типографию Грязного Поэта и не откроет, как памфлеты попадают в Лувр. Да к тому же меня-то вы никогда не предадите!

– Нет, мадам, ВАС я не предаю, но и обманывать не стану. На этот раз ваш поэт угодит на виселицу.

– Еще увидим!

– Увы! Действительно увидим, – откликнулся тот. – До свидания, мадам.

После его ухода она с трудом справилась с охватившей ее дрожью. По улице Фран-Буржуа гулял осенний ветер. На сердце Анжелики тоже бушевала буря. Она никогда еще не испытывала такого глубокого волнения. Ей хорошо были знакомы тоска, страх и страдание. Но сейчас ею владело глубокое отчаяние. Слез не было. И она не искала ни облегчения, ни утешения.

Прибежал Одиже с перекошенным от волнения лицом. Он попытался ее обнять, но Анжелика его оттолкнула.

– Бедняжка моя, это настоящая драма. Но нельзя сдаваться. Не воспринимайте все так трагически. Вы меня пугаете!

– Это катастрофа, ужасная катастрофа! Сгорела таверна «Красная Маска». Как я соберу теперь деньги? Гильдия не склонна меня защищать, скорее наоборот. Мой контракт с господином Буржу потерял силу. Сбережения скоро растают. Я недавно вложила большие деньги в переделку общего зала и сделала солидный заказ на водку и ликеры для винного погреба. В крайнем случае Давид сможет потребовать возмещения через пожарную комиссию. Но всем известно, какие у них скудные средства. И во всяком случае бедный парень лишился наследства, и я не смогу потребовать с него денег, если он хоть что-то от них получит. Рухнуло все, чего я добилась с таким трудом... Что теперь со мной будет?

Одиже прижался щекой к шелковистым волосам Анжелики:

– Ничего не бойтесь, любовь моя. Пока я здесь, ни вы, ни ваши дети не будете нуждаться. Я не богат, но имею достаточно средств, чтобы вас обеспечить. И как только пойдет моя торговля, мы, как и договаривались, будем работать вместе.

Анжелика вырвалась из его объятий.

– Но я не этого хотела! – закричала она. – Я не хочу работать с вами в качестве служанки...

– Не служанки, Анжелика.

– Служанки или супруги, это, по сути, одно и то же. Я хотела вложить в это дело свою долю. Быть с вами на равных...

– Вот, Анжелика, в чем ваше больное место! Я начинаю думать, что Бог решил вас наказать за гордыню. Почему вы постоянно говорите о равноправии женщин? Это почти святотатство. Если вы будете скромно оставаться на месте, самым Господом предназначенном особам вашего пола, вы почувствуете себя куда счастливее. Женщина создана для жизни в семье под защитой супруга, которого она окружает заботой, так же как и своих детей, рожденных в этом союзе.

– Прелестная картина! – насмешливо фыркнула Анжелика. – Меня, представьте себе, никогда не прельщало такое защищенное существование. Я по собственному выбору ввязалась в борьбу, имея на руках всего два су. Ладно, Одиже, уходите! Теперь вы выглядите таким дураком, что меня просто тошнит.

– Анжелика!

– Прошу вас, убирайтесь.

У нее не было сил выносить его дольше. Так же, как не могла больше выносить вида хнычущей Барбы, ошалевшего Давида, перепуганной Жавотты и даже вида детей, которые, инстинктивно чувствуя, что рушится их мирок, капризничали и кричали. Ее все выводило из себя. Чего ради они к ней лезут? Она выпустила руль из рук, и буря завертела ее в своем вихре, а белые листочки с язвительными памфлетами Грязного Поэта кружили, как птицы.

* * *

Отлично сознавая, что придет и его черед, маркиз де Лавальер пошел исповедаться сестре в особняк Бирона, куда Людовик XIV поселил свою фаворитку. Перепуганная Луиза де Лавальер посоветовала младшему брату сдаться на милость короля.

Он так и сделал.

– Наказав вас слишком строго, я не простил бы себе, что заставил проливать слезы прекрасные глаза, которые мне так дороги, – отвечал его величество. – Покиньте Париж, сударь, и отправляйтесь в свой Руссильонский полк. Мы замнем скандал.

Однако все было не так просто. Скандал не хотел затухать. Проводились аресты, виновных заключали в тюрьму, подвергали пыткам, но каждый день, с неотвратимостью рассвета, всплывало новое имя. Вскоре ожидалось и имена маркиза де Лавальера, шеваляе де Лоррена и брата короля! Все типографии подверглись обыску, и за ними велось наблюдение. Большинство продавцов памфлетов с Нового моста уже сидели в темницах Шатле.

Но памфлеты появлялись даже в спальне королевы!

Все посетители Лувра были под контролем, входы охранялись, как в крепости. Все приходящие по утрам – водоносы, молочницы, прислуга и прочие – подвергались личному обыску. У окон и в коридорах стояли часовые. Ни один человек не мог незамеченным войти или выйти из Лувра.

«Человек – нет, а вот полчеловека – возможно», – думал полицейский Дегре, имея в виду карлика королевы Баркароля, сообщника Анжелики.

А ее сообщниками оказывались и нищие на углах улиц, прятавшие связки памфлетов под своими лохмотьями и разбрасывающие их на папертях церквей и монастырей, и бандиты, которые грабили по ночам запоздалых горожан, а «в обмен» оставляли им «в утешение» несколько экземпляров стихов, и цветочницы и хозяева оранжерей с Нового моста, и Большой Матье, распространяющий под видом бесплатных рецептов для любезной клиентуры новые сочинения Клода Ле Пти.

Ее сообщником оказался даже новый принц нищих по прозвищу Деревянный Зад, во владения которого Анжелика переправила в одну из безлунных ночей три ящика с памфлетами, оглашающими пять последних имен. Можно было не сомневаться, что полиция не рискнет сунуться в смрадные логовища предместья Сен-Дени. Не то было время, чтобы начинать осаду квартала, победа над которым требовала настоящего сражения.

Несмотря на неусыпную бдительность полицейских, стражников и сержантов, они не могли быть одновременно повсюду. И под покровом ночи Маркиза Ангелов со своими людьми смогла без труда переправить ящики из Латинского квартала во дворец принца нищих.

Двумя часами позже арестовали печатника и его помощников. Один из продавцов, заключенных в Шатле, в которого палач влил пять

чайников холодной воды, выдал имя этого хозяина типографии. В его заведении нашли доказательства вины, но не нашли никаких следов будущих разоблачений. Кое-кто надеялся, что они еще не напечатаны. Но наступило разочарование: на следующее утро Париж узнал о подлом поведении маркиза де Торма, который, вместо того чтобы защитить маленького торговца вафлями, покинул своих приятелей со словами: «До свидания, господа. Я, как обычно, уйду спать к маркизе де Ракно».

Маркиз де Ракно не подозревал о своем несчастье. Когда это прозвучало на весь город, у него не оставалось другого выхода, кроме как вызвать соперника на дуэль, которая закончилась для маркиза плачевно: он был убит. Утром, когда господин де Торм одевался, прибыл маркиз де Жевр и предъявил ордер на его арест.

Маркиз де Торм, еще не успевший прочесть свежий памфлет, подумал, что его везут в Бастилию за драку на дуэли.

– Осталось только четыре! Только четыре! – распевали мальчишки, водя хороводы.

– Осталось только четыре! Только четыре! – кричали зеваки под окнами королевского дворца.

Охранники кнутом разгоняли толпу, осыпавшую их оскорблениями.

– На этот раз, моя красавица, – сказал Грязный Поэт с вымученной улыбкой, – запахло жареным. Получается, что теперь мне уже не ускользнуть из раскинутых сетей.

– Не говори так! Ты сам сто раз повторял, что тебя никогда не повесят.

– Так говорят, пока верят в свою силу. А потом через малюсенькую трещинку сила вдруг куда-то утекает, и тогда все проявляется с необыкновенной ясностью.

Спасаясь бегством через окно, он поранился осколками стекла.

Анжелика уложила его в постель, перевязала и накормила. Он внимательно следил за ее движениями, а она, не видя больше привычной насмешки в его глазах, забеспокоилась.

– Трещинка – это ты, – неожиданно завершил он. – Не нужно мне было с тобой встречаться... ни влюбляться в тебя. С того момента, как ты перешла со мной на «ты», я понял, что стал твоим рабом.

– Клод, – почувствовав себя оскорбленной, возразила она, – почему ты ищешь со мной ссоры? Я... я просто поняла, что мы очень близки. Но если хочешь, я перестану говорить тебе «ты».

Она села на край кровати и взяла его руку, нежно прижавшись к ней щекой.

– Мой поэт...

Он высвободил руку и закрыл глаза.

– Ах! – вздохнул он. – В этом и есть мое несчастье! Рядом с тобой начинаешь мечтать о семейной жизни. Начинаешь рассуждать как тупой обыватель. Говоришь себе: я хотел бы возвращаться по вечерам в теплый светлый дом, где она ждет меня! Я хотел бы проводить все ночи рядом с ней, отвечающей на мое желание, в нашей общей теплой и мягкой постели. Я хотел бы, выставив пузо обывателя, стоять по вечерам на пороге своего дома и, разговаривая с соседями, называть ее «моя жена». Вот о чем начинаешь думать, узнав тебя. И уже кажется, что лавки в харчевнях слишком жестки для сна, что под бронзовыми конями слишком холодно спать и что сам ты, как бездомный пес, совсем один на белом свете.

– Ты говоришь, как Каламбрэдэн, – задумчиво заметила Анжелика.

– Ему ты тоже причинила немало горя. Потому что ты не что иное, как наваждение, мимолетное, как бабочка, претенциозное, призрачное, неуловимое.

Молодая женщина не отвечала. Ее не задевали споры и обвинения. Перед ней возник образ Жоффрея де Пейрака накануне ареста, а также Каламбрэдэна перед бойней на ярмарке Сен-Жермен. У некоторых людей перед гибелью возникает инстинктивное предчувствие. Кто не отмечал особой грусти солдат, идущих в свое последнее, смертельное сражение?

Но в этот раз она не хотела отдаваться на волю случая, следовало бороться с судьбой.

– Ты уедешь из Парижа, – решила Анжелика. – Твоя задача выполнена, поскольку последние памфлеты уже написаны, напечатаны и хорошо спрятаны.

– Уехать из Парижа? Мне? Да куда я пойду?

– К своей старой кормилице, к той женщине в горах кантона Юра, о которой ты мне рассказывал, которая воспитала тебя. Скоро наступит

зима, дороги занесет снегом, и никому и в голову не придет искать тебя там. Сейчас ты уйдешь от меня, потому что здесь небезопасно, и спрячешься у Жанена. И сегодня же, в полночь, выйдешь через ворота Монмартра – их всегда охраняют плохо. Там тебя будет ждать лошадь, а под седлом ты найдешь деньги и пистолет.

Он встал, намереваясь уйти.

Его покорность терзала сердце Анжелики больше, чем безрассудная смелость. Что это? Усталость, страх или последствия ранения? Он подчинился как во сне. Перед уходом он долго, без улыбки смотрел на нее.

– Теперь, – сказал он, – ты стала очень сильной и можешь обходиться без нас.

Она не поняла, что он хотел сказать. Слова до нее не доходили, а все тело болело так, словно ее избили.

Анжелика не стала смотреть, как под морозящим дождем удаляется худая фигура Грязного Поэта.

Днем она пошла на скотный рынок Сен-Жерменской ярмарки, купила там лошадь, истратив почти половину своих сбережений, а потом зашла на улицу Валь-д'Амур, чтобы «одолжить» пистолет у Красавчика.

Решили, что около полуночи Красавчик, Снегирь и еще четверо отведут лошадь к воротам Монмартра. Клод Ле Пти тоже придет туда в сопровождении нескольких надежных лиц из окружения Жанена. «Лукавые» проводят его через предместья вплоть до деревень.

Когда приготовления были закончены, Анжелика немного успокоилась. Вечером она поднялась в комнату к детям, а потом прошла в каморку на антресолях, где разместился Давид. Паренек метался в горячке, потому что плохо обработанная рана воспалилась.

Позднее, в своей комнате, Анжелика начала отсчитывать часы. Дети и слуги спали. В дверь поскреблась обезьянка Пикколо, вбежала в комнату и устроилась возле очага. Анжелика смотрела в огонь, подперев голову руками. Через два часа... теперь уже через час Клод Ле Пти будет вне опасности. Тогда она вздохнет спокойно, ляжет и постарается уснуть. После пожара в таверне «Красная Маска» она забыла, что такое сон.

Послышалось цоканье копыт по мостовой, потом лошадь остановилась. В дверь постучали. С бьющимся сердцем Анжелика

отодвинула ставень на зарешеченном окошечке.

– Это я, Дегре.

– Вы пришли как друг или как полицейский?

– Откройте. Я все объясню.

Анжелика отодвинула засовы, подумав, что визит полицейского очень некстати, но в глубине души она радовалась его приходу, который избавлял ее от необходимости следить за каждой проходящей минутой, каплей расплавленного свинца падавшей ей на сердце.

– А где же Сорбонна? – спросила она.

– Сегодня я не взял ее с собой.

Анжелика обратила внимание, что под мокрым плащом на Дегре был красный суконный камзол с черными лентами, с кружевным пластроном и манжетами. При шпаге и в сапогах со шпорами, он походил на провинциального дворянина, горделиво гуляющего по столице.

– Я возвращаюсь из театра, – весело объяснил он. – Деликатное поручение одной красотки...

– Вы уже не занимаетесь преследованиями по делу памфлетиста с Нового моста?

– Возможно, начальство почувствовало, что я не отдаюсь этому делу целиком.

– Вы отказались им заниматься?

– Не совсем так. Мне ведь предоставляют свободу действий. Начальству известно, что у меня своя собственная метода.

Стоя перед огнем, он потирал замерзшие руки. Шляпу и черные перчатки с крагами он положил на табурет.

– Почему вы не стали солдатом королевских войск? – спросила Анжелика, любуясь выправкой некогда невзрачного адвоката. – Вы слыли бы красавцем и никому бы не досаждали... Подождите... Я схожу за кувшинчиком белого вина с вафлями.

– Нет, спасибо! Я думаю, что, несмотря на ваше любезное гостеприимство, мне лучше удалиться. Мне нужно еще съездить к воротам Монмартра.

Анжелика вздрогнула и взглянула на часы: половина двенадцатого. Если Дегре поедет сейчас в ту сторону, то вполне возможно, что он столкнется с Грязным Поэтом и его сопровождающими. Случайно ли он решил туда съездить, или этот

чертов проныра что-то заподозрил? Нет, этого нельзя допустить! Она быстро приняла решение.

Дегре надевал плащ.

– Как! Уже? – запротестовала Анжелика. – Как прикажете вас понимать? Вы приезжаете в неурочный час, вытаскиваете меня из постели и хотите сразу уйти!

– Я не вытаскивал вас из постели. Вы еще и не раздевались. Вы мечтали у камина.

– Вот именно... Я скучала. Ну же, садитесь.

– Нет, – возразил он, завязывая шнур ворота. – Чем больше я размышляю, тем отчетливее понимаю, что мне следует поторопиться.

– Ох уж эти мужчины! – запротестовала она капризным тоном, ломая голову, как его задержать.

Анжелика опасалась неизбежной встречи возле ворот Монмартра, если она его теперь отпустит. И не столько из-за поэта, как из-за самого Дегре. У полицейского были шпага и пистолет, но у остальных тоже было оружие. И Сорбонна не сопровождала своего хозяина. Во всяком случае, совершенно ни к чему, чтобы бегство Клода Ле Пти сопровождалось стычкой, во время которой может погибнуть полицейский капитан Шатле. Всеми силами необходимо этого избежать.

Но Дегре уже выходил из комнаты.

«О! Как глупо! – подумала Анжелика. – Если я не могу задержать мужчину хоть на четверть часа, то зачем Господь дал мне возможность появиться на свет?!»

Она последовала за ним в прихожую и, когда Дегре взялся за дверную ручку, сверху положила свою руку. Кажется, его удивил этот ласковый жест. Он немного заколебался.

– Доброй ночи, мадам, – произнес он с улыбкой.

– Для меня ночь не будет доброй, если вы уйдете, – прошептала она. – Ночь такая длинная... когда ты одна.

И она прижалась щекой к его плечу.

«Я веду себя как куртизанка, но тем хуже! – подумала Анжелика. – Несколько поцелуев, чтобы потянуть время. И даже если он потребует большего, так что ж? В конечном счете мы так давно знакомы...»

– Мы так давно знакомы, Дегре, – продолжала она вслух. – Вы никогда не думали, что между нами...

– Это не в вашем стиле – бросаться на мужчин, – с удивлением произнес Дегре. – Что с вами случилось, красавица?

Но его рука отпустила дверную ручку, и он взял ее за плечо. Очень медленно, словно против воли, он поднял вторую руку и обнял ее за талию. Но не привлек к себе. Он держал ее как легкий хрупкий предмет, не зная, что с ним дальше делать. Однако Анжелика почувствовала, что сердце полицейского Дегре забилось сильнее. Право, было бы забавно смутить этого хладнокровного, всегда владеющего собой мужчину!

– Нет, – сказал он наконец. – Нет, мне никогда не приходило в голову, что мы можем спать вместе. Для меня, знаете ли, любовь – это что-то совсем заурядное. В ней, как и во многом другом, я не вижу прелести, и она меня не влечет. Холод, голод, бедность и розги моих хозяев не привили мне изысканных вкусов. Я мужчина из харчевен и борделей. Я требую от девки, чтобы она была отличной самкой, крепкой, удобной вещью, которой можно пользоваться по своему усмотрению. И чтобы все до конца стало ясно, скажу, что вы женщина не в моем вкусе.

Она с улыбкой слушала, склонив голову ему на грудь. Спина ощущала тепло его рук. Вероятно, она не почувствовала того пренебрежения, которое он хотел выказать. Такая женщина, как Анжелика, не могла ошибиться. Слишком многое связывало ее с Дегре. Она тихонько рассмеялась:

– Вы обращаетесь со мной, словно я ценный предмет... Неудобный, как вы говорите. Вы, должно быть, любуетесь богатством моего платья и жилища?

– О! Платье здесь ни при чем. В вас всегда чувствуется то же превосходство, которое излучали ваши глаза в тот далекий день, когда вам представили некоего ничтожного адвоката-простолюдина.

– С тех пор, Дегре, много чего случилось.

– И многое никогда не случится, в том числе не исчезнет высокомерие женщины, чьи предки участвовали вместе с Иоанном Вторым Добрым в битве при Пуатье в тысяча триста пятьдесят шестом году.

– Честное слово, вы знаете все обо всех, господин полицейский!

– Да... Точно так же, как про вашего друга Клода Ле Пти.

Он взял ее за плечи и ласково, но решительно отстранил от себя. Потом посмотрел ей в лицо:

– Ну?.. Значит, он действительно должен оказаться в полночь у ворот Монмартра?

Она вздрогнула, а потом подумала, что опасность уже миновала. Где-то вдалеке башенные часы отбивали последние удары полуночи. В ее взгляде Дегре уловил промелькнувшее торжество.

– Да... Да, уже очень поздно, – прошептал он, задумчиво качая головой. – Столько народу назначили сегодня ночью встречу у ворот Монмартра! И даже сам господин судья, да еще двадцать полицейских из Шатле. Возможно, если бы я оказался там пораньше, я смог бы им посоветовать пойти выслеживать дичь в какое-нибудь другое место... Или смог бы подать знак неосторожной дичи, порекомендовав выбрать другой путь, чтобы вырваться на волю... Но теперь, я думаю... Да, я уверен, что теперь слишком поздно...

* * *

Ранним утром Флипо пошел на рынок Пьер-о-Лэ за молоком для детей. Анжелика только что забылась коротким беспокойным сном, когда вдруг услышала, что он бежит обратно со всех ног. Забыв постучать, с глазами, вылезшими на лоб, он просунул в приоткрытую дверь лохматую голову.

– Маркиза Ангелов, – задыхаясь, произнес он, – я только что видел... на Гревской площади... Грязного Поэта.

– На Гревской площади? – повторила она. – Да он просто сошел с ума! Что он там делал?

– Он высунул язык, – отвечал Флипо. – Его повесили!

Глава XXVII

– Я обещал господину д’Обре, начальнику полиции города Парижа, который, в свою очередь, сам поклялся в этом королю, что три последних имени никогда не будут произнесены. Сегодня утром, несмотря на то что автор этих памфлетов уже повешен, имя графа де Гиша стало достоянием парижан. Его величество прекрасно понял, что казнь главного виновника не остановит народного недовольства, которое обратится на Месье. Со своей стороны, я дал понять его величеству, что мне известен соучастник – или соучастники – подвигов памфлетиста. И повторяю, я пообещал, что три последних имени никогда не прозвучат.

– Они прозвучат!

– Нет!

Анжелика и Дегре опять стояли друг против друга на том же самом месте, где вчера она прижималась лбом к плечу полицейского. Никогда она не перестанет упрекать себя за этот жест. А сегодня их взгляды скрестились, как шпаги.

В доме никого не было, только раненый Давид лежал в горячке в своей комнатухе на антресолях. Уличный шум не доходил сюда. Отголоски народного волнения не долетали до этого аристократического района. Перед кварталом Марэ смолкали крики толпы, волновавшейся на Гревской площади перед виселицей, на которой болталось тело Клода Ле Пти, поэта с Нового моста. Вот уже пятнадцать лет, как он наводнял Париж своими эпиграммами и песнями, и теперь парижане не могли поверить, что он повешен и мертв. Они смотрели на его светлые волосы, которые шевелил ветер, разглядывали старые башмаки, подбитые стершимися гвоздями. Матушка Маржолен рыдала. На углу улицы Ваннери мамаша Юрлюет, заливаясь слезами, распевала под скрипочку папаши Юрлюро известный куплет:

Когда издам я крик
В петле в мой скорбный час,
Я покажу язык

Взамен мольбы за вас.

Люди слушали ее и впадали в исступление. Не зная, что предпринять, они грозили кулаками в сторону Ратуши.

В маленьком домике на улице Фран-Буржуа Анжелика и Дегре вели непримиримую жесткую борьбу. Они говорили почти шепотом, словно опасаясь, что весь город подслушивает их разговор.

– Мне известно, где находятся пачки памфлетов, которые вы собираетесь разбрасывать по городу, – говорил Дегре. – Я могу попросить содействия армии, чтобы напасть на предместье Сен-Дени и перебить всех, кто будет противиться обыску у принца нищих, мессира Жанена. Но есть и другой, более простой способ уладить дело. Вместо того чтобы шипеть, как разъяренная кошка, лучше внимательно послушайте меня, дурочка... Поэт Клод мертв. Так надо. Слишком долго раздавались его дерзкие выпады. Король никогда не допустит, чтобы его обсуждал всякий сброд.

– Король! Король! У вас только он на уме. Когда-то у вас было больше гордости!

– Гордость – это грех молодости, мадам. Прежде чем быть гордым, надо знать, с кем имеешь дело. В силу обстоятельств я столкнулся когда-то с волей короля. И едва не был раздавлен. Все стало ясно: король сильнее меня. И я встал на сторону короля. По моему, мадам, вам, обремененной двумя малолетними детьми, нужно последовать моему примеру.

– Замолчите, вы мне отвратительны!

– Я не собираюсь упоминать о королевском патенте, который вы хотели бы получить для производства экзотического напитка или чего-то там в этом роде... Но не кажется ли вам, что солидная сумма, скажем в пятьдесят тысяч ливров, оказалась бы очень кстати, чтобы начать любую торговлю? Или, не знаю уж, получение каких-нибудь там привилегий, освобождение от уплаты пошлин? У такой женщины, как вы, должны быть большие планы. Король готов удовлетворить любую вашу просьбу в обмен на полное и безоговорочное молчание. Вот наилучшее решение этой драмы для всех заинтересованных лиц. Господин начальник криминальной полиции получит свои поздравления, мне дадут новую должность, его величество вздохнет с

облегчением, а вы, моя дорогая, пустив по волнам свой кораблик, продолжите плавание к высоким целям. Ну же, нечего дрожать, как молодая кобылка под кнутом дрессировщика. Поразмыслите хорошенько. Я вернусь за ответом часа через два...

* * *

На Гревскую площадь только что привезли на телеге мэтра Жильбера и двух его служащих. Для них построили еще три виселицы рядом с виселицей Грязного Поэта. Когда мэтр Обен уже накинул петлю на седую голову печатника, раздался все возрастающий крик:

– Помилование! Король милует!

Мэтр Обен засомневался.

Иногда случалось, что у подножия эшафота королевское помилование вырывало приговоренного из усердных рук палача. Предвидя возможное изменение решения государя, мэтр Обен исполнял свой долг точно, но без излишней поспешности. Сейчас он терпеливо ждал, чтобы ему предъявили грамоту о помиловании, подписанную его величеством. Однако никто не появлялся. Явное недоразумение. Все объяснялось просто: тележка капуцинов, увозившая тела казненных, никак не могла пробиться через плотную толпу, и тогда монах начал кричать:

– Поди! Поди!

И толпа поняла его крик как «Помилование! Помилование!».

Видя, как обернулось дело, мэтр Обен собирался спокойно завершить начатое. Но мэтр Жильбер, до того уже смирившийся со своей участью, теперь не хотел умирать. Он вырвался и страшно закричал:

– Справедливости! Справедливости! Я взываю к королю о справедливости! Меня хотят убить, хотя убийцы маленького торговца вафлями и повара Буржую остаются на свободе. Меня хотят повесить, потому что я послужил рупором правды! Я взываю к королю! Я взываю к Богу!

Эшафот, на котором стояли виселицы, затрепал под напором толпы.

В палача со всех сторон полетели камни и обрушились удары дубинкой. Ему пришлось отступить и укрыться под помостом. Пока бегали за горячей головней, чтобы поджечь эшафот, к месту подоспели конные сержанты прево города и плетками сумели расчистить пространство. Но приговоренные уже скрылись...

Парижане, гордые, что сумели спасти от виселицы троих своих сыновей, почувствовали, что в них пробуждается дух Фронды. Припомнилось, что в 1650 году именно Клод Ле Пти первым пустил стрелы «мазаринады». Пока он был жив, пока жила уверенность, что временами его острый язык пробудит эхо нового недовольства, можно было забыть былое озлобление. Но теперь, когда его не стало, панический страх овладел народом. Людям вдруг показалось, что им заткнули рот кляпом. Все смешалось – голод 1656, 1658, 1662 годов и новые налоги. Как жаль, что итальянец уже мертв! Они сожгли бы его дворец...

– Кто зарезал маленького торговца вафлями? – вопрошали одни.

– Завтра... мы узнаем! Завтра... мы узнаем! – скандировали в ответ другие.

Но назавтра в городе не появились новые белые листочки. Не было их и на следующий день. Возобновилось молчание. Кошмар уходил в прошлое. Парижане так никогда и не узнали, кто же убил маленького торговца вафлями. И тогда город до конца поверил, что Поэт с Нового моста умер.

* * *

Впрочем, он ведь сам сказал об этом Анжелике: «Теперь ты стала очень сильной и можешь обойтись без нас».

В ее голове постоянно звучали эти слова. И долгими ночами, не находя ни минуты забвения, она видела его перед собой. Он смотрел на нее своими светлыми блестящими глазами, похожими на воды Сены, когда в них пляшут отблески солнца.

Она не ходила на Гревскую площадь. Ей было достаточно, что Барба, как на проповедь, сводила туда детей и не упустила ни одной подробности в своем мрачном рассказе об увиденном: ни светлых волос Грязного Поэта, развевающихся перед его распухшим лицом, ни

черных чулок, скрутившихся штопором на тощих лодыжках, ни роговой чернильницы и гусяного пера, оставленных у него на поясе суеверным палачом.

«Я не вынесу такого существования!» – подумала она на третий день, после очередной бессонной ночи.

На тот же вечер Дегре назначил ей встречу у себя дома, на мосту Нотр-Дам. Оттуда он отведет ее к важным особам для заключения тайного договора, завершающего это странное дело, которое позднее назовут «делом маленького торговца вафлями».

Условия Анжелики были приняты. В обмен она передаст три ящика напечатанных, но не обнародованных памфлетов, из которых эти господа полицейские устроят, вероятно, славный костер.

И все пойдет своим чередом. Анжелика снова разбогатеет. Только ей одной будет предоставлено право изготавливать и продавать по всему королевству напитков под названием «шоколад».

«Я больше не могу выносить эту жизнь!» – снова подумала она.

Еще не рассвело, и Анжелика зажгла свечу. В зеркале на туалетном столике отразилось ее бледное, осунувшееся лицо.

«Зеленые глаза, – сказала она про себя. – Цвет, приносящий несчастье. Да, это так. Я приношу несчастье всем, кого люблю... или кто любит меня.

Поэт Клод?.. Повешен. Никола?.. Сгинул. Жоффрей?.. Сожжен заживо».

Анжелика сдавила виски. Она дрожала так, что было трудно дышать. Но ладони оставались холодными.

«Для чего я веду борьбу с этими сильными, обладающими властью мужчинами? Мое ли это дело? Место женщины в домашнем кругу, возле любимого супруга, в теплом спокойном доме, где спит в колыбельке ребенок. Ты помнишь, Жоффрей, тот маленький замок, где родился Флоримон?.. За окнами бушевала горная гроза, а я, прижавшись, сидела у тебя на коленях и с испугом и доверием смотрела на твое необыкновенное лицо, на котором играли отсветы огня... Как ты умел смеяться, обнажая белые зубы! Или же я ложилась на нашу широкую кровать, а ты пел своим глубоким бархатным голосом, который походил на горное эхо. И я засыпала. Ты был для меня всем... Во сне я говорила себе, что мы будем счастливы вечно...»

Спотыкаясь, Анжелика пересекла комнату, упала на колени возле кровати и зарылась лицом в смятые простыни.

– Жоффрей, любовь моя!.. – раздался ее долго сдерживаемый крик. – Вернись, Жоффрей, любовь моя, не покидай меня одну... Вернись!

Но он никогда не вернется, она это знала. Он ушел очень далеко. Где теперь его найти? Нет даже могилы, на которой она могла бы молиться... Ветер развеял над Сеной его пепел.

Перед глазами возникла река, ее плавно бегущие волны и сверкающая гладь под лучами заходящего солнца.

Анжелика встала. Ее лицо было мокро от слез.

Она села к столу, взяла белый лист бумаги и очинила перо.

«Когда, господа, вы прочтете это письмо, меня уже не будет в живых. Я знаю, что преступно покушаться на свою жизнь, но в этом преступлении я полагаюсь на Господа Бога, которому ведомы наши души. Уповаю на Его милосердие. Поручаю двоих детей своих справедливости и доброте короля. В обмен на молчание, от которого зависит честь королевской семьи и которое я свято соблюла, прошу его величество отечески позаботиться об этих маленьких жизнях, начавшихся под знаком таких несчастий. Если король не вернет им имя и наследство их отца, графа де Пейрака, то молю его величество предоставить им хотя бы средства к существованию сейчас и позднее позаботиться об их образовании и деньгах, необходимых для обзаведения...»

Она добавила еще несколько подробностей, касающихся жизни детей, испросив также защиты для юного сироты Шайу. Второе письмо она адресовала Барбе, заклиная ее никогда не оставлять Флоримона и Кантора и отписав ей то небольшое, что имела: платья и драгоценности.

Она вложила и второе письмо в конверт и запечатала его.

Ей стало легче. Она занялась своим туалетом, оделась и провела все утро в комнате детей. Их вид подействовал на нее благотворно. Но ее не терзала мысль, что она навсегда их покинет. Они в ней не нуждались. У них есть Барба, они любят ее, и она отвезет их в Монтелу. Они вырастут под солнцем, на свежем деревенском воздухе, далеко от этого грязного, вонючего Парижа.

Да Флоримон и так уже отвык от матери, которая возвращалась только поздно вечером в его королевство, где он царил среди двух служанок, собаки Пату, игрушек и птиц. Но так как игрушки приносила все-таки Анжелика, то дети бросались ей навстречу, крича и требуя все нового. В этот день Флоримон дергал свое красное платьице из дрогета.

– Матушка, – спросил он, – когда у меня будут короткие штанишки? Вы знаете, я ведь теперь мужчина.

– Мой дорогой, у тебя уже есть шляпа с красивым розовым пером. А многие мальчики твоего возраста довольствуются чепчиком, как Кантор.

– А я хочу штанишки! – закричал Флоримон, бросив на пол игрушечную трубу.

Анжелика ушла. Она не хотела поддаваться гневу и наказывать ребенка.

После обеда, когда дети уснули, Анжелика надела длинную накидку и вышла из дому, взяв с собой запечатанный конверт. Она вручит его Дегре и попросит передать этому тайному собранию. Потом она уйдет от полицейского и пойдет вдоль берега. У нее еще много времени. Она собиралась идти долго и далеко, до самых деревенских полей, и как последние картины сохранить в душе пожелтевшие осенние нивы и золотистую листву, надышаться напоследок запахом мхов, напоминающим Монтелу и детские годы...

Глава XXVIII

Анжелика пришла к Дегре, в его дом на мосту Нотр-Дам. Полицейский любил жить на мостах, тогда как те, кого он преследовал, жили внизу.

Но это уже не был дом-развалюха на Малом мосту, где она побывала много лет назад, когда впервые посетила его. Все изменилось.

Теперь Дегре обзавелся на дорогом мосту Нотр-Дам собственным домом, почти новым, но безвкусным, как у всякого зажиточного горожанина. Фасады украшали кариатиды, поддерживающие цветы и фрукты, а также барельефы с изображением короля – и все раскрашено яркими красками «под настоящее».

В комнате, куда привратник ввел Анжелику, царил тот же мещанский комфорт. Но молодая женщина едва взглянула на просторную кровать под балдахином на витых колонках и на рабочий стол с прибором из позолоченной бронзы.

Ее не интересовал вопрос, откуда у адвоката взялись средства на новую жизнь. Дегре находился для нее одновременно и в прошлом, и в настоящем. У нее сложилось впечатление, что он знает о ней абсолютно все, и это успокаивало. Он человек жесткий и равнодушный, но надежный как скала. Она со спокойной душой передаст ему письмо с выражением своей последней воли, уверенная, что ее дети не будут забыты.

Открытое окно комнаты выходило на Сену. Слышался шум весел. Этот звук напоминал водопад, когда суда проходили под мостом.

Стояла прекрасная погода. Ласковое осеннее солнце играло на тщательно натертых черно-белых плитках пола.

Наконец Анжелика услышала в коридоре звон шпор. Она узнала шаги Дегре.

Он вошел, не выразив удивления ее ранним приходом:

– Приветствую вас, мадам. Сорбонна, собачка моя, останься там, у тебя грязные лапы.

Сегодня он вновь был одет если и не изысканно, то хорошо. Серебряный галун окаймлял ворот его широкого плаща, который он

сбросил на стул. Но она узнала прежнего Дегре по тому естественному жесту, каким он снял шляпу и парик. Затем он отцепил шпагу. Дегре явно пребывал в прекрасном настроении:

– Я от господина д’Обре. Все складывается просто замечательно. Вы, моя дорогая, встретитесь с важными лицами в области коммерции и финансов. Возможно, будет присутствовать сам господин Кольбер.

Анжелика вежливо улыбнулась. Все слова казались ей пустыми и не задевали ее затуманенного сознания. Она не будет иметь чести познакомиться с господином Кольбером. В тот час, когда эти всемогущие лица соберутся в указанном месте, тело Анжелики де Сансе, графини де Пейрак, Маркизы Ангелов, будет плыть по течению мимо берегов Сены, позолоченных осенью. И тогда она будет свободна. И никто не будет над ней властен. И может быть, она соединится с Жоффреем...

Она вздрогнула, потому что Дегре все о чем-то говорил, а она не понимала о чем.

– Что вы говорите?

– Я говорю, что вы пришли на встречу слишком рано.

– Я пришла не на встречу. Я забежала к вам на минутку, потому что меня ждет один очаровательный щеголь, мы идем в галерею дворца, я хочу полюбоваться последними новинками. Возможно, потом я прогуляюсь до Тюильри. Так я без излишней нервозности дождусь назначенного часа встречи. Но у меня с собою конверт, и он мне мешает. Могу ли я оставить его у вас? Я заберу его, когда вернусь.

– К вашим услугам, мадам.

Он взял запечатанный конверт, открыл шкатулку, стоящую на консоли, и положил его туда.

Анжелика обернулась, чтобы взять веер и перчатки. Все как обычно, никаких затруднений. И так же спокойно, не торопясь, она пойдет дальше. Просто в какой-то момент надо свернуть к Сене... И солнце будет отражаться в воде реки точно так же, как на черно-белом полу...

Какой-то скрежет заставил ее обернуться – это Дегре повернул ключ в двери. Потом он невозмутимо положил ключ в карман и с улыбкой подошел к молодой женщине.

– Присядьте еще на несколько минут, – попросил он. – Я уже давно хочу задать вам два-три вопроса, и ваш визит предоставляет

такую возможность.

– Но... Меня ждут!

– Подождут, – все так же улыбаясь, ответил Дегре. – Впрочем, я вас не задержу. Прошу вас, садитесь.

Он указал на стул перед столом, а сам сел по его другую сторону.

Анжелика чувствовала себя такой усталой, что не стала спорить. Уже несколько дней она двигалась как во сне.

Но что-то ее тревожило. Что же? Ах да! Зачем Дегре закрыл дверь на ключ?

– Сведения, которые я хочу от вас получить, касаются одного очень важного дела. Я им сейчас занимаюсь. И от этого зависит жизнь нескольких человек. Слишком долго и ни к чему пересказывать вам суть этого дела. Вполне достаточно, если вы просто ответите на мои вопросы. Так вот...

Он говорил, не глядя на нее, очень медленно и прикрыв глаза ладонью, словно погрузился в далекое прошлое.

– Почти четыре года тому назад, во время ночного вторжения к аптекарю Глазеру из Сен-Жерменского предместья, были задержаны два грабителя из низов. Насколько я помню, в воровской среде у них были клички Отмычка и Трус. Их повесили. Однако перед смертью, во время допроса, вышепоименованный Трус произнес какие-то слова, которые я только недавно обнаружил в Шатле в протоколах допроса. Они проливают свет на мое нынешнее расследование. Это касается увиденного Трусом в доме аптекаря Глазера во время того ночного посещения. К сожалению, выражения этого свидетельства очень неточны. Просто бессвязные слова, заставляющие многое подозревать, но ничего не доказывающие. Так вот, я хотел бы вас попросить внести ясность. Что там находилось, у этого старика Глазера?

Мир вокруг становился все более нереальным. Растворились стены комнаты. Светились только темные зрачки широко раскрытых глаз Дегре, от них исходили странные красные лучи, словно светилась прозрачная пелена.

– И вы задаете этот вопрос мне? – спросила Анжелика.

– Да. Что вы видели в ту ночь у старика Глазера?

– Откуда мне знать? Мне кажется, вы просто сходите с ума.

Дегре вздохнул, и свет погас в его глазах за опущенными веками. Он взял со стола гусиное перо и стал машинально вертеть его в руках.

– В ту ночь к старику Глазеру проникла и женщина. Она сопровождала взломщиков. И не кто-нибудь! В преступных кругах эта женщина носила прозвище Маркиза Ангелов. Вы никогда о ней не слышали? Нет? Эта женщина была подругой знаменитого столичного бандита Каламбредена, которого в шестьдесят первом году схватили на Сен-Жерменской ярмарке и повесили...

– Повесили!.. – повторила Анжелика.

– Нет-нет, – мягко поправил ее Дегре. – Не волнуйтесь, мадам... Его не повесили. По правде сказать, он вырвался, прыгнул в Сену и... утонул. Его тело нашли, оно раздулось, как бурдюк, а во рту два фунта песка. Жаль, конечно, такой красивый мужчина! Так я возвращаюсь к Маркизе Ангелов, достойной подружке этого бедняги, который слыл, как вам небезызвестно, отчаянным налетчиком и убийцей. Приговоренный к галерам, он сбежал... Ну и так далее. А ее царствие было кратким, но громким: она участвовала во многих налетах, вооруженных нападениях на кареты, как, например, на карету дочери самого начальника полиции. На ней несколько убийств, в том числе полицейского из Шатле, которому она весьма умело – уж поверьте мне на слово – вспорола живот...

Анжелика вышла из своего оцепенения. Она почувствовала, что ловушка захлопывается.

Ее взгляд упал на открытое окно, откуда доносился шум реки. Внизу Сена!.. Последний побег! «Я погружусь на самое дно! И покончу с миром людей, с этим омерзительным миром!..»

– Маркиза Ангелов была вместе с Трусом в доме Глазера, – продолжал Дегре, – она видела то же, что видел этот человек. Она...

Одним прыжком Анжелика оказалась у окна. Но там уже находился Дегре – он действовал быстрее. Дегре схватил ее за запястья, оттащил от окна и грубо швырнул на стул.

– Ну нет! – прорычал он. – Со мной такие игры не пройдут! А ну-ка, говори! – Над ней склонилось его свирепое лицо. – Да пошевеливайся, если не хочешь, чтобы я тебе помог. Что ты видела у старика Глазера?

Анжелика пристально посмотрела на него. Ее раздирали два противоречивых чувства – страх и гнев.

– Я вам запрещаю мне «тыкать».

– Я всегда «тыкаю» девкам, которых допрашиваю.

– Мне кажется, вы совсем рехнулись?

– Отвечай! Что ты видела у Глазера?

– Я позову на помощь.

– Ори сколько хочешь. В доме живут полицейские, и им запрещено входить ко мне, даже если кричат, что убивают.

Пот заструился по вискам Анжелики. «Нельзя, нельзя потеть, – подумала она. – Никола говорил, что это плохой признак. Это значит, что ты заглотнул наживку...»

– Ты будешь говорить? – повторил Дегре и, чтобы взбодрить, залепил ей пощечину. – Что ты видела у Глазера?

– Мне нечего вам сказать. Вы скотина! Дайте уйти.

Дегре подошел поближе, взял ее за локти и очень осторожно, словно тяжелобольную, заставил встать.

– Не хочешь говорить, золотко? – спросил он неожиданно ласково. – Это нехорошо. Тебе, верно, хочется, чтобы я рассердился?..

Он крепко держал ее. Его руки скользнули вдоль рук молодой женщины и завели ей локти за спину. И вдруг ее пронзила невыносимая боль, она громко вскрикнула. Казалось, железными клещами вырывают руки. Хватка полицейского не позволяла сделать ни одного движения, казалось, будто в ребра вонзается нож. Но главную боль причиняли его пальцы, его растопыренные пальцы, легкое нажатие которых делало пытку еще невыносимей.

– Ну же, говори! Что там было у Глазера?

Анжелика обливалась потом. Пульсирующая боль пронизывала затылок, лопатки, доходила до поясницы.

– А ведь я не спрашиваю ничего необыкновенного. Просто маленькое уточнение в деле, которое не касается ни тебя, ни твоих дружков-нищих... Говори, красавица, я слушаю. Все еще молчишь?

Он сделал неуловимое движение, и нежные пальцы Анжелики хрустнули. Она вскрикнула.

– Понимаешь, твой дружок Трус говорил в Шатле о белом порошке... Ты его видела? – опять заговорил Дегре совершенно спокойно.

– Да.

– Что это было?

– Яд... Мышьяк.

– А! Ты даже поняла, что это мышьяк? – засмеялся он и тут же ее отпустил.

Дегре погрузился в размышления. Казалось, его мысли очень далеко. Измученная болью, Анжелика приходила в себя.

Через минуту он снова толкнул ее на стул и, придвинув табурет, уселся напротив:

– Теперь ты стала умницей, и я больше не сделаю тебе больно.

Пока она рассматривала свои бескровные и омертвелые ладони, он зажал между колен дрожащие колени Анжелики.

– Ну давай рассказывай свою маленькую историю.

Он немного склонил голову набок и не смотрел на нее, превратившись в сурового исповедника зловещих тайн. Она заговорила бесцветным голосом:

– У Глазера была комната с ретортами... Лаборатория.

– Естественно... Всем известно, что это аптекарь.

– Белый порошок лежал в бронзовой миске на прилавке. Я узнала его по чесночному запаху. Трус хотел попробовать, но я не дала, сказав, что это яд.

– Что ты еще заметила?

– Возле миски лежал пакет из толстой бумаги, запечатанный красной печатью.

– На пакете было что-то написано?

– Да. Для господина Сент-Круа.

– Прекрасно. А еще?

– Трус опрокинул реторту, и она разбилась. Шум разбудил хозяина. Мы побежали, но в прихожей услышали, что он спускается по лестнице. Он крикнул: «Нанет! (или какое-то другое похожее имя). Вы забыли закрыть кошек». И еще он спросил: «Это вы, Сент-Круа? Вы пришли за снабдьем?»

– Прекрасно! Прекрасно!

– Потом...

– Что было потом, мне все равно! – отмахнулся полицейский. – Все, что мне нужно, я уже знаю...

Потом... Перед Анжеликой вновь возникла темная улица, по которой неслась собака Сорбонна. Молодая женщина бежала как сумасшедшая. Прошлое не хотело умирать. Мрачное, мерзкое, оно возрождалось, перечеркивая четыре года упорного и честного труда.

Анжелика попробовала сглотнуть, но горло словно одеревенело. Наконец ей удалось произнести:

– Дегре... Когда вы об этом узнали?..

– ...Что ты Маркиза Ангелов? – спросил он, бросив насмешливый взгляд. – Черт возьми, да с той самой ночи. Ты думаешь, что в моих привычках отпускать девку, когда я ее уже застукал, да еще возвращать ей нож?

Значит, он узнал ее! Ему известны все этапы ее падения.

– Я должна объяснить, – поспешно сказала она. – Каламбреден – сын крестьянина из нашей деревни... Он товарищ моих детских игр. Мы говорили на одном наречии.

– Да мне ни к чему история твоей жизни! – сурово оборвал он.

– Нет, выслушайте! – жалобно закричала Анжелика, вцепившись в него. – Нужно, чтобы я рассказала... Нужно, чтобы вы меня поняли. Он товарищ детства, затем стал в замке лакеем. А потом исчез. И нашел меня, когда я приехала в Париж... Понимаете, он всегда желал меня... А меня тогда все бросили... И вы тоже. Вы тоже тогда меня оставили... в снегу. И он меня взял и подчинил себе... Дегре, это правда, я пошла за ним, но я не совершала всех этих преступлений, которые вы мне приписываете. Это не я убила полицейского Мартена, клянусь вам... Я убила только один раз. Да, это правда, я убила принца нищих. Но ради спасения собственной жизни и чтобы спасти своего ребенка от уготованной ему страшной участи...

– Так это ты убила принца нищих, этого Ролена Коротышку, на всех наводившего ужас? – удивленно и весело вздернул брови Дегре.

– Да.

– О-ля-ля! – рассмеялся он негромко. – Что за номер, Маркиза Ангелов! Ты, сама? Большим ножиком? И раз-з!

Анжелика побледнела. Чудовище снова было здесь, в двух шагах, оно навалилось на нее, и из его перерезанного горла хлестала кровь. Ей показалось, что ее сейчас вырвет.

– Ну, не строй из себя неженку! Да ты совсем закоченела. Давай-ка я тебя согрею.

Он посадил ее на колени, крепко прижал к себе и страстно укусил в губы.

Она вскрикнула от боли и вырвалась из его объятий.

И вдруг к ней вернулось хладнокровие.

– Господин Дегре, – сказала она, собрав остатки достоинства, – я буду вам признательна, если вы уже сейчас примете решение на мой счет. Арестуете вы меня или отпустите?

– В данный момент ни то ни другое, – отвечал он беззаботно. – После нашего короткого разговора нельзя вот так сразу расстаться. Ты думала, что полицейский – это грубая скотина. А на самом деле при случае я могу быть очень нежным.

Дегре встал перед ней. Он улыбался, но в глазах вновь появился красноватый отблеск. И раньше чем она успела сделать хоть одно движение, он обнял ее.

– Иди сюда, моя милая зверюшка, – шептал он, склонившись к ее лицу.

– Я не хочу, чтобы вы говорили со мной в таком тоне! – закричала Анжелика. И вдруг разразилась рыданиями.

Они нахлынули неожиданно. Ураган слез, неистовство рыданий, разрывающих сердце, мешающих дышать.

Дегре перенес ее на кровать, усадил и какое-то время спокойно и очень внимательно за ней наблюдал. Потом, когда рыдания стали стихать, он принялся ее раздевать. Анжелика чувствовала на шее прикосновение его пальцев, с ловкостью камеристки вынимавших булавки из ее корсажа. Ослабев от слез, она уже не могла сопротивляться.

– Какой вы злой, Дегре! – всхлипывала она.

– Нет, милочка, я не злой.

– Я-то думала, что вы мне друг... Я думала, что... О боже мой! Как я несчастна!

– Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! Ну что за мысли! – снисходительно сказал Дегре ворчливым тоном.

Он проворно снял с нее тяжелые юбки, расстегнул подвязки, скатал шелковые чулки, снял обувь.

Когда на ней осталась только сорочка, он отошел, и Анжелика услышала, что он тоже раздевается, насвистывая и разбрасывая во все стороны сапоги, камзол и поясной ремень. Затем одним прыжком он оказался на кровати и задернул полог.

В полутьме теплого алькова мощное тело Дегре казалось красноватым и бархатисто-черным. В нем разгорался пыл.

– Ну-ну, девочка! Что это за вздохи умирающей барышни? Кончай плакать! Давай повеселимся! Поди-ка сюда!

Он сорвал с нее сорочку, одновременно наградив таким звонким шлепком по попе, что от унижения Анжелика яростно вскочила и острыми зубками вцепилась ему в плечо.

– Ну и сучка! – расхохотался он. – За это полагается трепка!

Анжелика отбивалась. Началась борьба. Она осыпала его самыми грубыми ругательствами. В ход пошел весь словарный запас Польки, но Дегре хохотал как сумасшедший. Взрывы смеха, блеск белых зубов; острый запах табака, смешанный с запахом мужского пота, глубоко волновал Анжелику. Она была убеждена, что ненавидит Дегре, что желает его смерти. Она кричала, что зарежет его ножом. А он хохотал еще громче. Наконец он сумел подмять ее под себя и потянулся к ее губам.

– Поцелуй же меня, – повторял он. – Поцелуй полицейского... Не будешь слушаться, я так тебя отшлепаю, что три дня не сядешь... Поцелуй... Еще горячее! Я знаю, что ты прекрасно умеешь целоваться...

Она уже не могла устоять перед этими требовательными губами, которые безжалостно впивались в нее после каждого отказа. Она уступила.

Она уступила и через несколько минут слилась с телом победителя, ослепленная страстью. Их борьба приобрела иной смысл, это уже было извечное противоборство богов с лесными нимфами в лесах Олимпа. Любовный пыл Дегре, изобретательного и неистощимого, передался Анжелике как лихорадка. Молодая женщина говорила себе, что Дегре обращается с ней без всякого уважения, что так с ней никто никогда не обращался, даже Никола, даже капитан. Но, запрокинув голову, она хохотала, как шаловливая девушка. Теперь ей стало жарко. Ее тело, сотрясаемое дрожью, расцветало.

Наконец мужчина властно привлек ее к себе. И в ту же секунду перед ней возникло другое лицо: сомкнутые веки, страстная серьезность, ни капли цинизма. Вся ирония улетучилась под напором одного-единственного чувства. Через минуту она почувствовала, что принадлежит ему. И он снова смеялся, довольным утробным смехом. Ей это не понравилось. Сейчас ей хотелось нежности. Новый

любовник при первых объятиях всегда пробуждал в ней чувство удивления и страха, может быть, даже отвращения.

Возбуждение спало. Ее охватила свинцовая усталость.

Она вяло позволила овладеть собой, но он будто не обращал на это внимания. Ей даже показалось, что он воспользовался ею, как сделал бы это с любой другой девкой.

И тогда она разразилась жалобами.

– Оставь, оставь меня... – крутила она головой.

Но он неистовствовал, словно хотел изнурить ее.

Все погрузилось во мрак. Нервное напряжение, в котором Анжелика жила последние несколько дней, сменилось непосильной усталостью. Она изнемогала, у нее не было больше ни сил, ни слез, ни желания любить...

* * *

Проснувшись, Анжелика увидела, что лежит на смятой постели, раскинув руки и ноги, как морская звезда, в той самой позе, как сморил ее сон. Полог был раздвинут. Розовое пятно солнечного света плясало на плитках пола. Сена плескалась вокруг опор моста Нотр-Дам. Но к этому шуму примешивались другие, более близкие звуки: тихое настойчивое поскрипывание.

Она повернулась и увидела Дегре. Он что-то писал за столом.

На нем был парик и крахмальный пластрон, и выглядел он спокойным, целиком поглощенным работой. Анжелика смотрела на него и ничего не могла понять. Мысли в голове путались. Она чувствовала налитое свинцом тело, но голова оставалась легкой. Осознав непристойность своей позы, она сдвинула ноги.

В этот момент Дегре поднял голову. Увидев, что она проснулась, он положил перо на чернильный прибор и подошел к кровати.

– Как вы себя чувствуете? Хорошо поспали? – совершенно естественно и очень вежливо спросил он.

Анжелика смотрела на него с удивлением. Она не была уверена, что это он. Где же она видела его страшным, грубым, распутным? Наверное, во сне?

– Поспала? – невнятно переспросила она. – Вы полагаете, что я спала? И как долго?

– Черт возьми, да я уже три часа наблюдаю это очаровательное зрелище!

– Три часа! – повторила Анжелика, вскакивая и натягивая на себя одеяло. – Это ужасно! А встреча с господином Кольбером?

– У вас есть еще час, чтобы подготовиться.

Он направился в соседнюю комнату:

– Здесь у меня прекрасная ванная комната, и в ней есть все для дамского туалета: румяна, мушки, духи и тому подобное.

Он вернулся с шелковым халатом, который бросил на кровать.

– Надевайте его, моя красавица, да поспешите.

Слегка оглушенная, с таким чувством, будто двигается в вате, Анжелика приняла ванну и оделась. Ее одежда, аккуратно сложенная, лежала на сундуке. Перед зеркалом расположились многочисленные принадлежности туалета, неожиданные для гардеробной холостяка: баночки свинцовых белил и румяна, черная краска для век, целый набор флаконов с духами.

Понемногу Анжелика начала вспоминать. Но с трудом, потому что мысли никак не хотели возвращаться. Возникло ощущение звонкой пощечины, почти лишившей ее чувств. О, это было ужасно! Он обращался с ней без всякого уважения, как с простой девкой! И ему известно, что она Маркиза Ангелов! Что с ней теперь будет?

Из комнаты все так же доносился скрип гусяного пера. Но вот Дегре встал из-за стола.

– Вам трудно без помощи? – спросил он. – Могу ли я послужить камеристкой?

И, не ожидая ответа, он вошел в гардеробную и начал ловко завязывать шнурки ее юбки.

Молодая женщина терялась в догадках.

При воспоминании о его ласках Анжелику сковало смущение. Но совершенно очевидно, что мысли Дегре были заняты чем-то другим. Она решила бы, что грезит, если бы зеркало не отражало ее собственное лицо, утомленное сладострастием, глаза с тяжелыми от любовных утех веками, распухшие от поцелуев губы. Какой стыд! Даже неискушенные люди заметят следы страстных забав, в которые увлек ее Дегре.

Она машинально приложила два пальца к распухшим губам, которые все еще пылали.

И поймала в зеркале взгляд Дегре. Он слегка улыбнулся.

– Да, довольно заметно, – сказал он, – но это не имеет значения. Эти важные люди, с которыми вы встретитесь, будут еще больше вами очарованы... И даже слегка позавидуют.

Не отвечая, она уложила волосы и приклеила на скулу мушку.

Полицейский надел перевязь и взялся за шляпу. Несмотря на некоторую мрачность и внешнюю суровость, он выглядел очень элегантно.

– Вы поднимаетесь по служебной лестнице, господин Дегре, – заметила Анжелика, подлаживаясь под его непринужденный тон. – Вы носите теперь шпагу, а ваше жилище, клянусь, выглядит очень уютным.

– Ко мне часто приходят. Общество, знаете ли, развивается в странном направлении. Разве моя вина, что те следы преступлений, которые я обнаруживаю, ведут все выше и выше? Сорбонна стареет, когда она умрет, я не стану заводить новую собаку, потому что теперь самых злостных убийц нужно искать не в трущобах. В наши дни они обитают в других местах.

Он ненадолго задумался.

– Например, в гостиных... – закончил он мысль, покачивая головой. – Вы готовы, мадам?

Анжелика взяла веер и утвердительно кивнула.

– Должен ли я вернуть вам конверт?

– Какой конверт?

– Тот, что вы мне поручили, придя сюда.

Молодая женщина нахмурилась. Потом вдруг вспомнила и слегка покраснела. Ведь речь шла о конверте с завещанием, она вручила его Дегре, намереваясь покончить с собой.

Покончить с собой? Что за глупость! И почему это она хотела умереть? Совсем неподходящий момент! Наоборот, сейчас, впервые за долгие годы, она вплотную подошла к завершению своих усилий, в данный момент даже для короля имеет значение ее решение!..

– Да-да! – ответила она поспешно. – Верните его мне.

Дегре открыл шкатулку и вынул запечатанный конверт. Но когда Анжелика протянула руку, он его удержал. Она вопросительно подняла

брови. В глазах Дегре опять горел красноватый отблеск, который, как таинственный луч, проникал в самую глубину души собеседника.

– Вы хотели умереть, верно?

Анжелика растерялась, как ребенок, застигнутый за дурным поступком. Опустив голову, она кивнула.

– А теперь?

– Теперь?.. Право, не знаю. Во всяком случае, я, конечно, воспользуюсь растерянностью этих людей. Это редчайшая возможность, и я убеждена, что, наладив продажу шоколада, восстановлю свое состояние.

– Вот и прекрасно!

Он взял у нее конверт и, подойдя к камину, бросил его в огонь. Дегре подождал, пока не сгорит последний клочок бумаги, и, улыбающийся и невозмутимый, вернулся к молодой женщине.

– Дегре, – прошептала она, – как вы догадались?..

– О моя дорогая! – рассмеялся он. – Вы полагаете, что я так бестолков, что во мне не вызовет подозрений женщина с блуждающим взглядом, без пудры и румян, но уверяющая, что идет на встречу с мужчиной, чтобы покрасоваться в галерее Дворца?.. К тому же... Я вас отлично знаю, – продолжал он после минутного раздумья, – и тотчас понял, что происходит что-то очень серьезное, а потому требовались быстрые и решительные действия. Принимая во внимание мои дружеские намерения, надеюсь, вы простите, мадам, проявленную мною грубость?

– Пока не знаю, – ответила Анжелика с некоторой обидой. – Я подумаю.

Но Дегре уже смеялся, окинув ее ласковым взглядом. Это было унижительно, но в тот же миг она поняла, что на всем белом свете нет у нее лучшего друга.

– И не беспокойтесь о последствиях тех сведений, которые вы мне... так охотно сообщили, – добавил он. – Они для меня ценны, но это был только предлог. Я их сохраню. Однако я уже позабыл, кто мне их предоставил. И последний совет, мадам, если вы позволите скромному полицейскому его высказать. Всегда смотрите вперед, никогда не оглядывайтесь на прошлое. Очень опасно ворошить пепел. Пепел, развеянный по ветру. Потому что всякий раз, как вы будете об

этом думать, вам захочется умереть. А я не всегда смогу оказаться рядом, чтобы пробудить вас к жизни...

* * *

На Анжелику надели маску, да еще из предосторожности завязали глаза, и в карете с опущенными шторами привезли в небольшой домик в предместье Вожирар. Повязку с глаз сняли только в гостиной, освещенной несколькими канделябрами. Там находились четверо или пятеро чопорных мужчин в париках, которые не выказали большой радости от встречи с ней.

Не будь здесь Дегре, Анжелика испугалась бы, что попала в ловушку, из которой не выбраться живой.

Но намерения Кольбера, буржуа с холодным и строгим лицом, были честными. Никто лучше этого опытного человека, не одобрявшего дебоши придворных и их манеру сорить деньгами, не смог бы понять обоснованность просьбы Анжелики, направленной королю. С этим согласился и государь, хотя, по правде сказать, с некоторой неохотой из-за скандала, вызванного памфлетами Грязного Поэта.

Анжелика быстро поняла, что если и будет обсуждение, то чисто формальное. Ее личная позиция была неуязвима.

Когда двумя часами позже Анжелика покидала высокое собрание, она увозила обещание, что сумма в 50 000 ливров на восстановление таверны «Красная Маска» будет предоставлена из королевской казны; что патент на производство шоколада, выданный когда-то отцу юного Шайу, будет подтвержден; что Анжелику поименуют в этом патенте и что специально подчеркнут ее независимость от какой бы то ни было гильдии.

Кроме того, ей предоставили всевозможные льготы на получение сырья. И наконец, в качестве возмещения она испросила для себя право стать владелицей акций недавно созданной Ост-Индской компании.

Последнее условие крайне удивило ее собеседников. Но господа финансисты поняли, что молодая женщина прекрасно разбирается в делах. Она объяснила, что для ее предприятия необходимы

колониальные товары, а потому Ост-Индская компания может только приветствовать клиентку, заинтересованную как в процветании вышеназванной компании, так и в поддержке самых богатых людей королевства.

Господин Кольбер ворчливо признал, что требования этой молодой особы хотя и значительные, но деловые и обоснованные. В результате согласие было получено. В обмен подручные господина д'Обре, начальника полиции, отправятся в лачугу, стоящую в чистом поле, и найдут там бесхозный ящик, полный пасквилей, в которых жирным шрифтом напечатаны имена маркиза де Лавальера, шеваляе де Лоррена и Месье, брата короля.

По дороге в Париж, в той же карете с закрытыми окнами, Анжелика пыталась сдержать свою радость. Неприлично чувствовать себя счастливой, особенно если вспомнить, ценой каких жертв была достигнута эта победа. Но в конечном счете, если все пойдет по задуманному плану, то не нужно удивляться, что в один прекрасный день она станет богатейшей дамой Парижа. А с деньгами она уж сумеет подняться в обществе. Она поедет в Версаль, будет представлена королю, вернет свое положение и воспитает сыновей как маленьких вельмож.

На обратном пути ей не завязали глаза, потому что стояла непроглядная ночь. Анжелика была в карете одна, но, погруженная в свои мечты и расчеты, она даже не заметила, как доехала до города. Вокруг слышалось только цоканье копыт небольшого конного эскорта.

Вдруг карета остановилась, и снаружи приподняли занавеску над окном. При свете фонаря она разглядела лицо Дегре, наклонившегося к дверце кареты. Он был верхом.

– Здесь я расстаюсь с вами, мадам. Карета довезет вас до дому. Через два дня, надеюсь, мы вновь встретимся, и я передам вам все причитающееся. Вы довольны?

– Конечно. О Дегре, это замечательно! Если мне удастся запустить в продажу шоколад, я уверена, что восстановлю свое состояние.

– У вас все получится. Да здравствует шоколад! – заключил Дегре. Он снял шляпу и, склонившись, поцеловал ей руку, продлив поцелуй, быть может, несколько дольше, чем того требовала вежливость.

– Прощайте, Маркиза Ангелов!

– Прощайте, недотепа! – улыбнулась она.

Глава XXIX

Колбасник с Гревской площади отдыхал, сидя перед своей лавкой. Стоял один из первых весенних деньков. Небо без облачка. На виселице ни одного повешенного, и даже нет приготовлений к новой казни. На острове, по другую сторону Сены, на лучезарном небе вырисовывались квадратные башни собора Нотр-Дам, вокруг которых вились голуби и вороны.

Воздух столь чист, что даже в лавке слышен равномерный шум колеса мельницы господина Юга, расположенной ниже по течению.

В это утро площадь оставалась пустынной. Сразу видно, что скоро пост. Люди ходят медленнее, со скорбными лицами, словно это катастрофа – раз в году принести жертву нашему Господу. Конечно, мэтру Люка, колбаснику, придется закрыть свою лавку. Он понесет убытки, и его супруга будет шипеть, как разъяренная кошка. Но покаяние есть покаяние! Что ты за христианин, если хочешь понести покаяние без страдания? В глубине души мэтр Люка благодарил Святую Церковь за установление поста, который позволял ему уподобить свои желудочные колики страданиям Христа на кресте.

Тем временем на площади появилась богатая карета и остановилась невдалеке от колбасной лавки. Из нее вышла женщина, очень красивая, причесанная по новой моде дам из квартала Марэ: наверху короткие стриженные волосы в тугих кудряшках, а спереди два длинных локона, игриво вьющиеся вдоль шеи и красиво располагающиеся на груди. Мэтр Люка и в этом усматривал знак всеобщего сумасшествия: женщины добровольно состригали волосы – красоту, которой наделил их Господь Бог. Подумать страшно, что хозяйка мэтра Люка или хотя бы их дочь Жанин срезали бы волосы в подражание знатым дамам!

Даже во время ужасного голода 1658 года, когда в семье не было денег, мэтр Люка не разрешил жене продать волосы этим проклятым цирюльникам, всегда готовым угодить вельможам. Вот это и есть мода: женщины состригают свои волосы, чтобы украсить ими головы мужчин!

Приехавшая дама рассматривала вывески, – казалось, она что-то искала. Когда она подошла к колбасной «Сент-Антуан», мэтр Люка узнал ее. Однажды ему указали на эту даму в квартале рынка, где она владела двумя торговыми складами. Несмотря на манеры, богатство и красоту нарядов, она не благородного происхождения. Это одна из самых богатых коммерсанток Парижа, некая мадам Моран. Она сделала состояние, потому что ей в голову пришла гениальная мысль – ввести в моду шоколад. Мадам Моран держала не только кондитерскую «Испанская Карлица» на Фобур-Сент-Оноре, она владела еще несколькими знаменитыми ресторанами и тавернами, а также контролировала более скромные, но процветающие предприятия, такие как «общественные кареты за пять солей», и несколько лавочек на ярмарке Сен-Жермен. Кроме того, ей принадлежала монополия на торговлю заморскими птицами на набережной Дубильщиков. Четверо коммерсантов, подхвативших эти начинания, платили ей за патент.

Говорили, что она вдова, что начала с малого, но так умело вела дела, что самые важные финансисты, вплоть до господина Кольбера, любили обсуждать с ней коммерческие проблемы.

Все это вспомнилось мэтру Люка, и, когда дама приблизилась, он поспешно снял колпак и поклонился настолько низко, насколько позволял его кругленький животик.

– Здесь ли живет мэтр Люка, хозяин колбасной лавки «Сент-Антуан»? – спросила дама.

– Он самый, к вашим услугам, мадам. Если вы потрудитесь войти в мою скромную лавочку...

Он вошел первым, уже предвкушая солидный заказ.

– Здесь у меня сервелаты, колбасы, они красивые на взгляд, но на вкус еще лучше. А вот свежепосоленная свининка, даже от кусочка величиной с наперсток суп, да и любое блюдо становятся такими ароматными! Есть у меня и сырокопченая ветчина...

– Да, мэтр Люка, я вижу... Я вижу, что все ваши продукты прекрасного качества, – мягко прервала его Анжелика, – и пришлю к вам посыльного сделать заказ. Но сегодня я пришла с другой целью... Так вот. У меня перед вами должок, мэтр Люка. И уже давно, а я все еще его не оплатила.

– Должок? – с удивлением повторил колбасник.

Он внимательно осмотрел собеседницу и покачал головой, уверенный, что никогда даже словом не перемолвился с этой красавицей.

Анжелика улыбнулась:

– Да, я должна вам за оплату визитов лекаря и аптекаря, которых вы позвали к бедной девушке, без сил свалившейся возле дверей вашей лавки... Пять лет тому назад.

– Я уж и не помню, кто это был, – отвечал он добродушно. – Мне, знаете ли, не раз приходилось помогать людям, которые падали у моих дверей. Если учесть, что делается на Гревской площади, так мне следовало стать монахом-госпитальером, а не открывать колбасную лавку. Эта площадь не место для людей, ищущих спокойной жизни. Но зато здесь не заскучаешь. Расскажите-ка подробнее, что там случилось, может, я и вспомню.

– Однажды зимним утром здесь пылал костер, – начала Анжелика дрожащим голосом. – Сжигали колдуна. Я хотела посмотреть на казнь, потому и пришла, но напрасно: я была беременна и уже на сносях. А вы позвали лекаря.

– Да-да! Припоминаю, – пробормотал он.

Жизнерадостная улыбка исчезла с его лица. Он с крайним удивлением посмотрел на Анжелику, и в его взгляде смешались жалость и страх.

– Так это вы, – сказал он тихо. – Несчастливая женщина!

Анжелика почувствовала, как краска заливает лицо. Она знала, что это посещение вызовет мучительные воспоминания, и поклялась никогда не оглядываться на минувшее. Она упорно убеждала себя, что мадам Моран, обладающая солидным состоянием и почти безупречной репутацией, не имеет никакого отношения к ее прошлому.

Но реакция этого достойного человека всколыхнула ее чувства, и она опять увидела себя жалкой, с блуждающим взглядом и отяжелевшей фигурой, затерянной в толпе, где ее толкали со всех сторон.

Анжелика поднялась, расправила шелковую голубую юбку и пышные кружевные манжеты вокруг запястий, украшенных браслетами.

– Все верно, – сказала она с вымученной улыбкой. – В те времена, мэтр Люка, я была нищенкой, а вы проявили к ней сострадание. Но,

как видите, судьба оказалась ко мне милостивой, и сегодня я могу вас отблагодарить.

С этими словами она вынула из сумки у пояса заранее приготовленный тяжелый кожаный кошелек и положила его на прилавок.

Колбасник, казалось, его не заметил. Он внимательно и недоверчиво продолжал разглядывать посетительницу.

– Элиза, поди-ка сюда! – через плечо окликнул он жену.

Женщина подошла и остановилась, шурша своими бесчисленными юбками из шелковистого феррандина, обшитыми бархатной каймой. Она слышала весь разговор.

– Что и говорить, вы изменились! – начала она. – Но я по одним только глазам сразу бы вас признала. Мы с супругом часто упрекали себя, что дали вам тогда уйти, в вашем-то состоянии, и нам всегда хотелось снова с вами повстречаться.

– Тем более что...

– ...мы потом подумали, что следовало бы вам рассказать...

– ...о том, что случилось до того.

– ...На тот случай, если вы родственница...

Они говорили с опаской, переглядываясь, и подхватывая слова друг друга, как в литании.

– Чья родственница? – удивленно спросила Анжелика.

– Да боже ты мой! Родственница колдуна.

Молодая женщина покачала головой, пытаясь изобразить безразличие:

– Нет-нет, я не родственница.

– Да, так бывает. Некоторые женщины приходят на казнь и падают в обморок возле наших дверей! Но раз вы не родственница...

– А что бы вы мне рассказали, будь я родственницей?

– Ну как же! То, что случилось в лавочке хозяина «Синего Винограда», нашего соседа, когда двуколка остановилась и колдуна внесли в кабачок, чтобы он выпил стаканчик, перед тем как взойдет на костер.

– И что же случилось?

Мужчина с женщиной переглянулись.

– Да, знаете, первому встречному такое не рассказывают... – сказал мэтр Люка. – Ну, я хочу сказать, людям, которых это не

касается. Да и интересно-то это только его родственникам... Ну а вы ведь его не знаете...

Анжелика переводила взгляд с одного на другого. На их красных лицах отражались только доброжелательность и наивная услужливость.

– Да нет, я его знала, – прошептала она сдавленным голосом. – Это... мой муж!

Колбасник покачал головой:

– Мы догадывались. Тогда слушайте.

– Постой-ка... – остановила его жена.

Она подошла к двери, плотно ее заперла и закрыла оба деревянных ставня перед прилавком с продуктами, выложенными для привлечения прохожих.

В полутьме, пропитанной запахом колбас, соленого сала и ветчины, сердце Анжелики отчаянно забилося в ожидании непонятных разоблачений. Ее приход к колбаснику не имел тайных целей. Она часто упрекала себя, что не отплатила добрым людям за оказанную тогда помощь. Но все откладывала исполнение этого решения. И что такого могли теперь они рассказать, чего бы она сама не знала? Что палач не разжег костер?.. Что тело Жоффрея де Пейрака не сгорело, что пепел не развеяли по ветру?..

– Этот мэтр Жильбер, кабатчик, все нам рассказал, – начал колбасник. – Он однажды хватил через край и выложил то, что его мучило. Потом он заставил нас поклясться ничего никому не рассказывать, ведь за такие истории могут и горло перерезать. Так вот, он говорил, что накануне казни к нему явились мужчины в масках и предложили целый мешок денег. Чего они хотели взамен? Чтобы мэтр Жильбер отдал в их распоряжение кабачок на все следующее утро. Ясно, что в утро казни такая лавочка на Гревской площади делает неплохие сборы. Но содержимое мешка троекратно превосходило любую выручку. Тогда он сказал: «Ну ладно, черт с вами, располагайтесь как у себя дома!» И на следующий день, когда молодцы в масках вернулись, Жильбер закрыл ставни и удалился в спальню со всей семьей и прислугой. Но по временам, ради развлечения, он подглядывал в дырочку в перегородке, чтобы знать, чем занимаются приятели в масках. А они ничего не делали. Они сидели вокруг стола и ждали. Кое-кто снял маску, но Жильбер их не

узнал. Надо вам сказать, что он догадывался, почему к нему обратились. Под лавкой очень большой подвал, еще с римских времен, а дальше идет полуразрушенное подземелье, выходящее на берег Сены. Между нами говоря, Жильбер иногда пользовался подземельем, чтобы разместить там несколько бочек и не платить с них налога этим господам из Ратуши. Поэтому он несколько не удивился, когда увидел, что приятели открыли вход в подвал. В этот момент толпа начала кричать, потому что двуколка с приговоренным въезжала на площадь с улицы Кутлери. Все прилипли к окнам, кроме моего Жильбера, который неотрывно наблюдал через дырочку в перегородке, потому что очень интересовался событиями, происходящими в его кабачке. И он увидел, что из подвала выходят еще какие-то люди. Они несли длинный сверток в мешке... Он не видел, что именно лежит в мешке, но подумал: «Черт возьми, да это похоже на покойника!» А снаружи кричали все громче. Двуколка была как раз перед вывеской «Синий Виноград», когда возникла какая-то толкотня и давка, мешавшая проезду. Мэтр Обен орал во все горло, а его помощники хлестали кнутом направо и налево. Но ничего не помогало. В ожидании, пока путь немного не расчистится, мэтр Обен решил зайти в «Синий Виноград», чтобы клиент подкрепился рюмкой водки. Он часто так поступает. Заодно выпивает и сам с помощниками. Надо признать, что ремесло палача требует некоторой поддержки, верно? Когда дверь открылась, Жильбер ясно разглядел осужденного, которого несли. На нем была белая рубаха, запятнанная кровью, а длинные черные волосы свисали до земли... Простите, мадам, я причиняю вам боль. Элиза, принеси-ка графинчик и рюмки.

– Нет, продолжайте, прошу вас! – задыхаясь, попросила Анжелика.

– Да дело в том... что, по правде говоря, и рассказывать-то почти больше нечего. Сам Жильбер так говорил. Он ничего не видел. Лавчонка-то темная. Он услышал, что мэтр Обен кричит, потому что никто не вышел его обслужить. Полицейские снаружи охраняли дверь. Приговоренного положили на стол.

– А что делали люди в масках?

– Они сидели или стояли, кто их знает? Было ведь темно. Жильбер говорил: «Я ничего не видел». Но он не мог запретить себе думать – это было сильнее его, – что тот сверток, который другие люди сразу

унесли, был не тот же самый, который они принесли, и что... в тот день на Гревской площади сожгли покойника, принесенного из подвала!

Анжелика провела рукой по лбу. Эта история показалась ей невероятной, и она не могла понять, зачем ей это рассказывают. До нее плохо доходил тайный смысл изложенного. Но понемногу через затуманенное сознание пробился свет. ВОЗМОЖНО, ЖОФФРЕЙ НЕ УМЕР!

Но могло ли такое случиться? Она ведь видела бесформенную черную фигуру, привязанную к столбу. И потом она осталась одна, на поругание любому встречному... Ни одного лучика света в окружавшей ночи, ни одного слова, записки, дружеского приветия... Жоффрей жив! Пришлось ждать пять долгих лет, чтобы услышать намек на это чудо... от колбасника, который, по его же собственному признанию, ничего не видел, а просто повторял слова какого-то пьянчужки... Безумие!

Жоффрей жив!.. И она могла бы увидеть его, коснуться... Увидеть его таинственное, завораживающее лицо, неповторимое, изуродованное и такое прекрасное лицо! Где он? Почему до сих пор не появился? Ах! Если до сих пор не появился, значит он мертв! Да, мертв! И нет никакой надежды...

– Успокойтесь, – сказал колбасник. – Не дрожите же так, это ведь только предположение. Ну-ка, выпейте вина.

Крепкое вино помогло Анжелике овладеть собой. Она два-три раза глубоко вздохнула и обрела ясность мысли. Но ее покинули силы, как после непродолжительной, но тяжелой болезни.

– Все, что вы мне рассказали, действительно очень странно, – сказала она грустно, качая головой. – И как это понимать? Если бы произошла подмена, мэтр Обен ее бы заметил, когда надевал на приговоренного черный колпак, прежде чем привязать его к столбу на костре. Тогда надо допустить, что мэтру Обену хорошо заплатили за соучастие и что...

Она вздрогнула.

– Если бы вы хоть раз видели палача вблизи, как его видела я, вы бы поняли, что допустить такое невозможно.

Супруги беспомощно развели руками:

– Мы больше ничего не знаем, милая дамочка! Мы просто считали, что вам это интересно. Мы часто думали: «Почему бедная крошка не приходит снова? Может быть, эта история дала бы ей маленькую надежду!»

– Пять лет! – прошептала Анжелика. – И ничего, за все это время! Если бы у него были преданные друзья – но кто они? – способные вырвать его из рук палача, друзья достаточно богатые, чтобы заплатить огромные деньги, которые склонили бы мэтра Обена к подмене, то почему с тех пор они не подали мне ни одного знака? Нет, все это просто безумие!

Анжелика встала. Ноги ее дрожали. Она с беспокойством взглянула на своих собеседников:

– Почему вы все это мне рассказали? Вы хотите на меня донести?

– Нет, конечно! За кого вы нас принимаете, душенька?

– Так почему же? Вам нужно еще денег?

– У вас с головой не все в порядке! – вставая, ответил колбасник с неожиданным достоинством. – Просто я люблю помогать ближнему. И чем больше я думал об этой истории, тем больше убеждался, что в ней что-то есть и что надо бы вам ее рассказать.

Он набожно обратил глаза к статуе Святой Девы.

– Я часто просил Мадонну, чтобы Она подвигла меня на истинно милосердные поступки, на такое милосердие, от которого есть польза и добро, а не на те, которые восхваляют только тебя и унижают их принимающего.

– Если вы добрый христианин, вы должны были бы радоваться смерти колдуна.

– Меня ничья смерть не радует, – прошептал колбасник, голубые глаза которого, утонувшие в жирных щеках, светились ясным светом. – Любой человек перед лицом смерти просто гибнущая душа. Ни один осужденный не побывал на этой площади, чтобы я не помолился Мадонне о его спасении, чтобы у него достало времени искупить грехи или честно жить, соизмерив свое ничтожество с бездной вечности. А происходит иногда и такое: гонец от короля с помилованием или... вот как случилось недавно: вспыхнул бунт и трое осужденных смогли сбежать. Да, когда видишь такое, то только радуешься...

Хозяйка Люка отворила дверь. Солнечные лучи ворвались в лавчонку и озарили доброе лицо колбасника. Анжелика, жизненный опыт которой сделал ее очень наблюдательной, не заметила в нем и следа притворства.

– Почему вы так добры? – спросила она с удивлением. – Люди вашего цеха обычно суровы. Они никогда не оказывают услуг без надежды на вознаграждение.

– А почему бы мне не быть добрым? – возразил колбасник с улыбкой. – Я не хочу лишиться рая из-за каких-нибудь плутней или жестокостей, которые сделают меня в этой временной жизни чуть богаче или значительнее других, мне подобных.

* * *

Анжелика отослала свою карету и до Королевской площади^[5] решила пройтись пешком.

Она чувствовала слабость, но ей требовалось привести мысли в порядок.

Анжелика шла по недавно построенной набережной Сены вдоль ограды монастыря селестинцев.

Решетки беседок прекрасного монастырского сада уже покрывались нежной зеленью листьев и усиками виноградных лоз. В саду разрешалось гулять всем желающим. Ворота закрывали только в сезон сбора винограда, который мог соблазнить посетителей, но после уборки урожая сад вновь открывался.

Анжелика вошла в ограду и села в беседке. Она часто приходила сюда с подругами и поклонниками, читавшими ей стихи, или по воскресеньям, как достойная мать семейства, с Флоримоном и Кантором.

В это утро в саду было еще малоллюдно. Несколько братьев, в коричневых сутанах, в грубых холщовых передниках, перекапывали грядки или прививали лозы. Из монастыря доносились гул молитв, пение псалмов и постоянный звон колокола.

Из этого смешения голосов, песнопений, горящих свечей, ладана, из этого постоянного исполнения обрядов, строгого следования ритуалам и догмам на протяжении веков иногда появляются цветы

истинной Божественной святости, примером которой мог служить господин Венсан или колбасник с Гревской площади.

Святости повседневной, добродушно-наивной, которая служит искуплением бесчисленных подлых поступков и религиозной нетерпимости.

«И во имя этих необыкновенных людей можно и прощать», – подумала Анжелика.

Глава XXX

Сидя в беседке, Анжелика мысленно вернулась к истории, рассказанной колбасником. Ее размышления вертелись вокруг доброго человека, мэтра Люка, надеясь обрести либо подтверждение, либо новые сомнения.

Смысл рассказа менялся в зависимости от того, как она представляла себе колбасника. То она видела во всем этом плод мистического воображения, то интриги, имеющие целью вытянуть у нее побольше денег, то просто рассказы болтуна, желающего показать, что он знает больше других.

Какое значение нужно придавать через столько лет поступкам каких-то шутников в масках в день казни? Если допустить, что в хмельной голове такого пьяницы, как хозяин «Синего Винограда», не смешались два события воедино, кто же мог помочь бежать Жоффрею де Пейраку?

Анжелика лучше всех знала, в каком беспомощном положении находились они с мужем, после того как оказались в опале.

В те времена Андижос был в бегах. Правда, позднее они узнали, что он поднял против короля весь Лангедок. Началась глухая борьба, состоящая из вооруженных столкновений и партизанских нападений, отказа от уплаты налогов и стычек с королевскими войсками. В конечном счете в прошлом году королю пришлось лично отправиться в Лангедок, чтобы положить конец этой опасной напряженности, и Андижос был схвачен. Все это Анжелика узнала из пересудов придворных, вкушающих шоколад в «Испанской Карлице».

Если эти события и можно было рассматривать как месть за Жоффрея де Пейрака, то они никак не могли его спасти.

А мэтр Обен? Даже мысль о его соучастии не укладывается в голове. Это безупречный королевский служащий; как говорят, он отвергал целые состояния, которые ему предлагали.

И почему за пять лет до Анжелики не дошло даже малейшего отголоска существования такого заговора?

Шли часы, и логически безупречные рассуждения мадам Моран камня на камне не оставили от безумных надежд глупенькой

Анжелики. Увы! Теперь она уже не юная романтическая девушка. Жизнь потрудилась доказать, что она безнадежно одинока. Что ее муж сгорел на костре или погиб позднее в неизвестном месте. Она никогда больше его не увидит!

Анжелика уже по привычке стиснула руки, чтобы успокоиться. Иногда на лице ее появлялось мягкое отстраненное выражение, говорящее о покорности судьбе. Но это выражение мало кто подмечал, потому что ради интересов дела ей приходилось выглядеть веселой и приветливой и даже многословной. Она охотно входила в эту роль, потому что была жизнерадостной от природы.

Впрочем, эти мысли отвлекали. Ей некогда думать. В течение минувшего года она не колеблясь бросалась в самые смелые авантюры, что вызывало стенания Одиже, но все начинания, или почти все, удались.

И теперь Анжелика разбогатела. Она обзавелась каретой и жила на Королевской площади. В кондитерской уже не она разливала ароматный напиток по изысканным чашечкам, а целый штат негритят с бантами, которых она привезла из Сета и всему обучила.

Сама же Анжелика занималась только счетами и квитанциями. И вела размеренную жизнь зажиточной горожанки.

Анжелика встала и продолжила свой путь вдоль набережной Селестинцев. Чтобы отвлечься от признаний мэтра Люка, она припомнила свою новую жизнь, начавшуюся после того вечера, когда, в глубокой тайне, она предстала перед господином Кольбером.

Сначала была кондитерская, в короткое время превратившаяся в модное заведение Парижа. На вывеске значилось: «Испанская Карлица». Кондитерскую как-то посетила сама королева и пришла в восторг, что теперь не только она одна пьет шоколад. Ее величество сопровождали карлица и карлик, достойный Баркароль.

С тех пор кондитерская процветала. Анжелика понимала, что сотрудничество с таким влюбленным мужчиной, как верный Одиже, давало серьезные преимущества. Мягкий по натуре, он не мог решительно ей возражать, а кроме того, твердо веря, что в один прекрасный день она все же станет его женой, он предоставлял ей полную свободу действий.

Строго следуя условиям их контракта, Анжелика все же старалась сделать более доходной его долю. Так, она сама оплатила все расходы

по организации других кондитерских, открытых в окрестностях Парижа: в Сен-Жермен, в Фонтенбло, в Версале, а также в Лионе и Нанте.

Анжелика обладала безошибочным чутьем в выборе управляющих новыми заведениями. Предлагая завидные условия, она оговаривала в контракте, что первые полгода предприятие должно непрерывно развиваться, иначе управляющий будет уволен. И тот, опасаясь такой угрозы, разворачивал бурную деятельность и убеждал провинциалов, что им совершенно необходимо пить шоколад.

В противоположность многим коммерсантам и финансистам той эпохи Анжелика не делала накоплений: у нее деньги работали.

Свободный капитал она вкладывала в другие мелкие предприятия, как, например, в парижские «общественные кареты», которые отправлялись от особняка Сен-Фиакр, подбирали по пути мелкий люд – лакеев, пажей, торговцев и гризеток, солдат на костылях и спешащих клерков – и всего за пять солей развозили их по домам.

Кроме того, она вошла в долю со своим бывшим тулузским парикмахером Франсуа Бине.

* * *

Сидя однажды перед зеркалом, Анжелика снова и снова приходила в отчаяние, вспоминая свои длинные волосы, безжалостно откромсанные в Шатле стражниками.

Новые волосы росли красивыми, даже более золотистыми и вьющимися, чем прежние, но они оставались безнадежно короткими. Теперь Анжелика вновь стала дамой и уже не могла прятать волосы под чепцом. Это доставляло определенное неудобство. Требовались накладки. Но найдет ли она этот цвет темного золота, чтобы он подходил к ее волосам?

«Я их продам господину Бине с улицы Сент-Оноре», – вспомнила она слова солдата, отрезавшего ей волосы. Не тот ли это Бине из Тулузы? И даже если это так, то трудно рассчитывать, что волосы Анжелики все еще остаются в лавке цирюльника. Но ей так хотелось повидать знакомца из тех счастливых времен. И она отправилась на улицу Сент-Оноре.

Действительно, ее встретил все тот же Франсуа Бине – скромный, услужливый, разговорчивый. С ним она чувствовала себя спокойно. Он болтал обо всем, но ни разу не намекнул на прошлое.

Франсуа Бине женился на Мартине, женщине, прекрасно причесывавшей дам, и вдвоем они обзавелись солидной клиентурой.

Анжелика могла появиться перед бывшим брадобреем мужа тоже без ложного стыда.

Мадам Моран, шоколадница, слыла в Париже известной личностью. И тем не менее, причесывая, Бине вполголоса продолжал называть ее «мадам графиня», и Анжелика никак не могла понять, доставляет ей это удовольствие или вызывает желание плакать.

Вместе с женой Бине создал для Анжелики смелую прическу. Он подстриг ее еще короче, открыв прелестные ушки, а из срезанных волос создал два или три накладных локона, которые изящно спускались вдоль шеи на плечи, создавая обманчивое представление длины.

На следующий день, когда Анжелика прогуливалась с Одиже по аллее Май, к ним подошли две дамы и справились, кто так красиво ее причесал.

Она направила их к Бине, и у нее возникла мысль о сотрудничестве с парикмахером и его женой. Она будет направлять к ним знатных дам из числа своих клиенток, получая процент от дохода цирюльника. Кроме того, она одолжила им денег для отправки в провинцию подмастерьев, которые должны были скупать волосы у деревенских девушек, потому что в Париже трудно было найти волосы для изготовления париков.

И наконец, Анжелика заключила самую серьезную сделку. Она купила «корабельную долю» у одного купца по имени Жан Кастева из города Онфлёр, с которым уже имела дела по поставке какао-бобов.

Мэтр Кастева чем только не занимался – начиная от фрахта рыболовецких судов для промысла на отмелях Новой Земли до торговли треской в Париже, от крупных закупок соли на побережье Пуату и Бретани до снаряжения кораблей, доставляющих колониальные товары из Америки. Кроме того, он снаряжал гоночные лодки.

Дела его шли хорошо. Он ссужал деньги под большие проценты и на короткий срок матросам своих собственных экипажей. Он

перестраховывал под четыре процента те сомнительные долговые обязательства, которые иностранцы считали ненадежными, но которые сам он полагал добросовестными. При посредничестве монахов церкви Святой Троицы из монастыря в Лизьё он выкупал и обменивал попавших в рабство христиан на мавров, захваченных его судами. Эта сторона деятельности мэтра Кастева прославила его как благодетеля человечества, что не мешало ему требовать «авансы» у семей пленников и принимать от них весомые выражения признательности.

Обычно предприятия купца Кастева процветали, но он не раз шел на крупный риск и не так давно вдруг оказался на грани банкротства. Один его корабль захватили берберы, другой сгинул в результате бунта экипажа, а повышение налога на соль привело к порче большого запаса трески.

Анжелика воспользовалась ситуацией и притворилась, будто бросается на помощь бедному купцу, изворотливость, смелость в делах и ловкость которого она давно оценила.

Прежде всего она ссудила его деньгами. Кроме того, воспользовавшись своими связями, поспособствовала его назначению королевским прокурором города Онфлёр. Потом она добилась должности королевского прокурора и для его брата в Адмиралтействе той же округи. Благодаря этим двум королевским должностям Жан Кастева оказался почти неуязвим для алчности фискальных чиновников.

Сверх того, будучи акционером Ост-Индской компании, Анжелика получила от Кольбера разрешение для судов Кастева на заход на остров Мартиника с уплатой незначительной пошлины местным королевским чиновникам.

Это освобождение от налогов явилось первым желанным результатом ее усилий, своего рода неосознанным реваншем над сборщиком налогов, мысль о котором неотступно преследовала ее в детстве. Возможно, она вспоминала также первые уроки коммерции, преподанные ей Молином.

Одним из принципов мадам Моран, а возможно, и секретом ее успеха служило ее собственное присловье, которое она никому не открывала: «Доход приносит любая коммерция... не обложенная налогом!»

В обмен на предоставленный заем и услуги Анжелика получила от Кастева две корабельные доли на его судах. И наконец, она стала единственным в Париже вкладчиком компании Ста Акционеров. Компания поставляла колониальные товары – какао-бобы, черепаховые панцири, слоновую кость, экзотических птиц и ценные породы дерева.

Древесина отправлялась на новые королевские мебельные мануфактуры, которые недавно основал господин Кольбер, а обезьян и птиц Анжелика продавала парижанкам...

Все это приносило немалый доход.

Погрузившись в свои расчеты, Анжелика не заметила, как свернула с набережной и пошла по улице Ботрейи. Толчая на улице вернула ее к действительности. Она пожалела, что отослала карету. При ее нынешнем положении ей не пристало пробираться между разносчиками воды и служанками, делающими покупки. Теперь она уже не носила коротких юбок простолюдинок и с сожалением видела, что ее тяжелые длинные юбки испачканы грязью.

Ликующая толпа прижала ее к стене дома. Анжелика громко возмущалась, но какой-то толстый горожанин, который почти раздавил ее, повернулся и крикнул:

– Терпение, красавица! Это проезжает сам принц.

Действительно, раскрылись ворота и выехала карета, запряженная шестеркой. За ее окнами Анжелика успела рассмотреть мрачное лицо принца Конде.

– Да здравствует господин принц! – раздались крики.

Конде угрюмо приподнял руку в кружевной манжете. Для народа он все так же оставался победителем сражения при Рокруа. К сожалению, Пиренейский мир вынудил его к вовсе не желанной отставке.

Когда принц Конде проехал, движение по улице возобновилось. Анжелика заглянула во двор особняка, откуда выехал принц. Прекрасная квартира на Королевской площади уже перестала ее устраивать. Теперь она мечтала приобрести особняк с воротами, с двором, куда въезжают кареты, с конюшнями, пристройками для прислуги и красивым садом с апельсиновыми деревьями и цветущими партерами позади дома.

Особняк, который она увидела в то утро, был сравнительно новой постройкой. Его светлый строгий фасад, с очень высокими окнами, с балконами с коваными решетками, кровлей, крытой шифером, и с округлыми слуховыми окнами, воплощал моду последних лет.

Ворота медленно закрывались. Не понимая почему, Анжелика не спешила уходить. Она заметила, что скульптурный гербовый щит над дверью как будто разбит. Но такие разрушения могли причинить не время или непогода, а только преднамеренные действия.

– Кому принадлежит этот особняк? – спросила Анжелика у цветочницы в лавке неподалеку.

– Да... господину принцу, – отвечала та, гордо выпрямляясь.

– А почему же господин принц уничтожил герб над входом? Так жаль, ведь остальные украшения очень красивые!

– Ну, это совсем другая история, – помрачнев, отвечала женщина. – Это герб того, кто построил особняк. Проклятый дворянин. Он занимался колдовством и общался с дьяволом. Потом его приговорили к сожжению.

Анжелика замерла. Она почувствовала, что кровь отливает от лица. Вот почему у нее возникло ощущение, что она уже видела эту дверь из светлого дуба, на которой играли лучи солнца.

Именно сюда пришла она, впервые приехав в Париж. И на этой двери увидела печати Королевского суда.

– Говорят, что этот человек был очень богат, – продолжала женщина. – Король роздал его богатства. Принц получил больше всех, и в том числе этот особняк. Но прежде, чем въехать, он велел сбить герб и окропить весь дом святой водой. Сами понимаете... Он хотел спать спокойно!

Анжелика поблагодарила цветочницу и пошла прочь.

Но когда она пересекала улицу Фобур-Сент-Антуан, в ее голове уже роились планы, каким образом она может быть представлена принцу Конде.

* * *

Анжелика поселилась на Королевской площади через несколько месяцев после открытия кондитерской. Деньги уже текли рекой.

Переезжая с улицы Фран-Буржуа в центр аристократического квартала, она поднялась по социальной лестнице еще на одну ступеньку.

На Королевской площади дворяне сражались на дуэли, а красавицы вели беседы о философии, астрономии и обсуждали стихи.

Помимо запаха шоколада, постоянно ее сопровождавшего, Анжелика начала ощущать этот дух замкнутого круга избранных. У нее словно открылись глаза, и она возродилась к жизни.

Площадь, окруженная розовыми домами с высокими шиферными крышами и тенистыми аркадами, под которыми размещались лавки со всякими модными пустячками, была мирной гаванью и давала отдых от трудов.

Здесь жили сдержанно и утонченно. Здесь даже скандалы напоминали театральные представления.

Анжелике начинали нравиться беседы, этот инструмент культуры, который уже на протяжении полувека изменял французское общество. К сожалению, она боялась показаться неловкой. Ее мысли витали так далеко от тем эпиграмм, мадригалов или сонетов!

Кроме того, из-за ее простонародного, как считали окружающие, происхождения великосветские салоны оставались для нее недоступны. Приходилось запастись терпением. Она одевалась богато, но без оглядки на дворцовые моды.

Когда ее мальчики гуляли на площади под деревьями, люди оборачивались посмотреть на этих милых и хорошо одетых детей. Флоримон и даже Кантор носили теперь настоящие мужские костюмчики из шелка, тафты и бархата с большими кружевными воротниками, полосатые чулки, туфли с розетками на каблуках. Их чудесные завитые волосы покрывали шляпы с перьями, а у Флоримона была маленькая шпага, которая приводила его в восторг. Несмотря на внешнюю хрупкость и ранимость, он грезил о войне и затевал поединки с обезьянкой Пикколо или с миролюбивым Кантором. Его брат в свои четыре года едва начал говорить. Анжелика могла бы подумать, что он отстает в развитии, если бы не умный взгляд его зеленых глаз. Просто он не был разговорчив, так как не видел в этом необходимости, поскольку Флоримон понимал его и так, а слуги предугадывали его малейшее желание.

В доме на Королевской площади Анжелика держала кухарку и второго лакея. Если прибавить Флипо, повышенного до младшего лакея, и кучера, то мадам Моран вполне соответствовала окружению. Барба и Жавотта носили кружевные чепцы, золотые крестики и индийские шали.

Но Анжелика отлично сознавала, что в глазах окружающих она все же выглядела парвеню. Ей хотелось подняться выше, а салоны Марэ позволяли честолюбивым дамам «перейти» из разряда простолюдинок в аристократки, потому что здесь дам из буржуазии и светских дам могла объединять только тонкость ума.

Анжелика начала с того, что завоевала расположение старой барышни, занимавшей квартиру этажом ниже. Та помнила прекрасные времена жеманниц и литературно-философские споры о женской природе и качествах женственности. Она встречалась с маркизой де Рамбуйе, посещала мадемуазель де Скюдери и изъяснялась утонченно и непонятно.

Филонида де Паражон утверждала, что существует семь способов выразить почтение женщине, и разделяла вздохи на пять видов. Она презирала мужчин и ненавидела Мольера. Любовь представлялась ей «адскими оковами».

Однако она не всегда была столь непримиримой. Ходили слухи, что в молодости, не довольствуясь пресной страной Нежности, она не брезговала и королевством Кокетство и частенько посещала его столицу Наслаждение.

– Любовь страшно истрепала мое сердце, – признавалась она, закатывая глаза.

– Если бы только сердце! – ворчал Одиже, который косо смотрел на дружбу Анжелики с этой престарелой жеманницей. – Вы становитесь педанткой. У нас есть пословица, что женщина достаточно образованна, если может отличить сорочку мужа от его камзола.

Анжелика смеялась, обезоруживая его шаловливой гримаской.

Затем она стала сопровождать мадемуазель де Паражон на лекции в «Пале Пресьё», куда та записала ее за три пистоля.

Там встречался цвет благовоспитанных людей, то есть множество дам из зажиточной среды, священнослужители, молодые ученые, провинциалы. Проспект общества звучал очень соблазнительно:

«Мы обязуемся, всего за три пистоля, устраивать в течение трех месяцев, начиная с первого дня января и до середины поста, всевозможные и разнообразные развлечения:

– По понедельникам и субботам – балы и комедии с бесплатной раздачей лимонов и апельсинов из Португалии.

– По вторникам – концерты певцов, а также исполнителей на лютне и других инструментах.

– По средам – уроки философии.

– По четвергам – чтение газет и новых пьес с последующим обсуждением.

– По пятницам – любопытные доклады с последующим их обсуждением».

Для дам, предпочитавших вернуться домой пораньше, существовала особая оговорка:

«Для особ, обеспокоенных сохранностью своих денег, драгоценностей и гелуэзских кружев, предоставляется надежное сопровождение. Возможно, мы договоримся с парижскими жуликами, чтобы они обеспечивали нам безопасное возвращение, в результате чего сможем спокойно перемещаться по городу, а эти господа докажут, что они достаточно добрые христиане и умеют держать данное ими обещание».

Помимо проявления такой заботливости, «Пале Пресьё» публиковал список докладчиков самого высокого уровня: «Роберваль, профессор математики Королевского коллежа, прочтет лекцию о комете, которая волновала парижан в 1665 году.

Пройдет обсуждение причин разливов Нила, любви по влечению, а также происхождения света и проблем пустоты и веса воздуха».

Анжелика заметила, что во время научных лекций она мучилась, как черт перед заутреней.

Услышав некоторые термины, она вздрагивала, потому что ей казалось, что она слышит страстный голос Жоффрея де Пейрака и видит его пылающие глаза.

– У меня слишком слабые мозги, – как-то пожаловалась она мадемуазель де Паражон. – Меня пугают все эти серьезные вещи. Я хочу ходить в «Пале Пресьё» только на балы и музыкальные вечера.

– Ваш дух слишком привязан к материи, – огорчилась старая барышня. – Как вы сможете блистать в салоне, если не будете знать

того, о чем здесь рассказывают? Вас не интересует ни философия, ни механика, ни астрономия, и вы даже не умеете слагать стихи. Что тогда остается?.. Благочестие. Но вы хоть читали святого Павла и святого Августина? Вот истинные ратники в выражении суверенной воли Господней. Я одолжу вам эти книги.

Но Анжелика отказалась от святого Павла и святого Августина и даже от книги мадемуазель де Гурней «О равенстве обоих полов», в которой она нашла бы серьезные аргументы против высказываний Одиже. И наоборот, втайне от всех она горячо увлеклась «Трактатом о жеманстве и красивой внешности» мадемуазель де Кентен и «Искусством нравиться при дворе» мадемуазель де Круасси.

Глава XXXI

На следующий день после посещения Гревской площади Анжелика попросила мадемуазель де Паражон сопровождать ее на прогулке в саду Тюильри.

Мадемуазель де Паражон, ее постоянная спутница, знала всех и называла подруге их имена. Так Анжелика узнавала новые лица, появившиеся при дворе. Кроме того, старая барышня служила прекрасным фоном, на котором ярче выделялись ее собственные достоинства. Впрочем, происходило это совершенно неосознанно, ибо бедная Филонида, набеленная до самых глаз, с зачерненными веками, что придавало ей сходство со старой совой, полагала себя столь же неотразимой, как в те времена, когда она вызывала печальные вздохи своих бесчисленных возлюбленных.

Она учила Анжелику правилам хорошего тона на прогулках в саду Тюильри, с большим увлечением изображая приличествующие случаю жесты, что вызывало смех у нахальных прохожих.

– В Тюильри, – говорила она, – надо беззаботно прохаживаться по главной аллее. Надо постоянно что-то говорить, ничего не сказав, чтобы выглядеть остроумной. Надо смеяться без повода, чтобы казаться веселой... Постоянно держать осанку, чтобы выставлять напоказ грудь... Пошире раскрывать глаза, чтобы они казались больше, покусывать губы, чтобы они казались ярче... С одним разговаривать движением головы и в то же время с другим – при помощи веера... И наконец, расслабьтесь, моя дорогая! Шутите, жестикулируйте, кокетничайте, но при этом сохраняйте томный вид!..

Такие уроки оказались очень полезными, и Анжелика имела куда больший успех, чем ее спутница.

Сад Тюильри представлял собой, по словам мадемуазель де Паражон, «ристалище, где строят глазки». В Тюильри проводили время в ожидании часа прогулки на Кур-ла-Рен и там же оказывались вечером, по завершении этой прогулки, которую совершали то в карете, то пешком.

Бокажи сада привлекали поэтов и влюбленных. Здесь аббаты готовили свои проповеди, а адвокаты – судебные прения. Здесь

прогуливались все великосветские особы, а иногда бывал и сам король или королева. И здесь же часто гулял его высочество дофин со своей гувернанткой.

В тот день Анжелика увлекла свою спутницу в сторону Большого партера, где обычно собирались знатные вельможи. По вечерам туда частенько приходил и принц Конде.

Но в этот раз принца там не оказалось, что очень расстроило Анжелику. Она даже рассердилась и топнула ножкой.

– Хотелось бы мне знать, почему вы так стремитесь увидеть его высочество? – удивилась Филонида.

– Я обязательно должна его видеть.

– Вы хотите вручить ему ходатайство?.. Ну так не лейте слезы, моя дорогая, вот он.

Действительно, только что появившийся принц Конде шел по главной аллее в окружении приближенных.

И Анжелика поняла, что для ее встречи с принцем нет никаких оснований. Не могла же она просто заявить ему: «Ваша светлость, верните принадлежащий мне особняк на улице Ботрейи, незаконно полученный вами из рук короля!»

Или сказать: «Ваше высочество, я жена графа де Пейрака, герб которого вы разбили, а из особняка изгоняли злых духов...»

Какой-то детский безумный порыв увлек ее в Тюильри для встречи с принцем. Она ведь всего лишь разбогатевшая шоколадница. Никто не может ее представить этому вельможе, да и что она ему скажет?.. Рассердившись, она осыпала себя бурными упреками: «Сумасбродка! Если ты всегда будешь действовать так импульсивно, что будет с твоими торговыми делами?»

– Пойдемте, – обратилась она к своей спутнице.

И Анжелика резко отвернулась от блистательной шумной группы, проходившей мимо нее.

Несмотря на прекрасный вечер и лазурное весеннее небо, все остальное время прогулки Анжелика продолжала дуться. Филонида спросила, собирается ли она на Кур-ла-Рен. «Нет», – последовал ответ. Ее карета слишком жалкая.

– Мадам! – окликнул Анжелику какой-то щеголь. – Мы с другом поспорили на ваш счет. Один из нас побился об заклад, что вы жена прокурора, а другой – что барышня и жеманница. Рассудите нас.

Это могло бы ее рассмешить. Но сейчас она пребывала в мрачном настроении, а кроме того, она ненавидела таких щеголей, покрашенных, как куклы, с длинным ногтем на мизинце.

– Всегда бейтесь об заклад, что вы глупец, и никогда не проиграете, – парировала Анжелика.

И прошла мимо сконфузившихся друзей.

– Ваша реплика остроумна, но от нее за три лье несет кумушкой, – возмутилась Филонида де Паражон. – Вам никогда не блистать в салоне, если...

– О! Филонида! – вдруг воскликнула Анжелика, внезапно остановившись. – Взгляните... Вон там!

– Что такое?

– Там! – тихо, почти шепотом повторила Анжелика.

В нескольких шагах от нее на фоне зеленого боскета стоял молодой человек, небрежно опершись на цоколь мраморной статуи. Его необыкновенная красота подчеркивалась изысканностью наряда. Бархатный костюм цвета зеленого миндаля, расшитый золотыми птицами и цветами, был немного экстравагантен, но красив, как наряд самой весны. Белая шляпа, украшенная зелеными перьями, покрывала пышный светлый парик. В обрамлении золотистых кудрей его слегка припудренное бело-розовое лицо оттенялось светлыми усиками, вытянутыми в ниточку. Большие прозрачно-голубые глаза в тени листвы отливали зеленоватым цветом.

Лицо дворянина хранило безразличие, а глаза не мигали. Может быть, он мечтал? Или задумался?.. Его синие зрачки казались незрячими, как у слепого. В их неподвижной беспредметной пристальности чудилась змеиная холодность.

Незнакомец, кажется, не осознавал, какой интерес он пробудил.

– Ну вот! Анжелика, – колко заметила мадемуазель де Паражон, – честное слово, теперь вы совсем потеряли голову! Верх буржуазности – так смотреть на мужчину!

– Как... как его зовут?

– Да это маркиз дю Плесси-Бельер! Что здесь удивительного? Он, вероятно, поджидает своего дружка. Вы ведь не выносите щеголей, и я просто не понимаю, что вас заставило застыть как соляной столб.

– Простите, – пробормотала Анжелика, собираясь с мыслями.

В долю секунды она превратилась в восхищенную и испуганную маленькую девочку. Филипп! Гордый старший кузен. О! Монтелу и зал, пропахший супом. Неразрывное сплетение страдания и радости!

Они прошли мимо него. Он, казалось, их заметил, слегка шевельнулся и, сняв шляпу, поклонился с самым скучающим видом.

– Это ведь дворянин из окружения короля, верно? – спросила Анжелика, когда они немного отошли.

– Да. Он воевал вместе с принцем во время войны с испанцами. Теперь ему прочат назначение главным ловчим Франции. Он так красив и так любит войну, что король прозвал его Марсом. Но о нем рассказывают ужасные вещи.

– Ужасные вещи?.. Что же именно?..

Мадемуазель де Паражон снисходительно усмехнулась:

– Вот вас уже и задело, что чернят этого красавца. Впрочем, все женщины одинаковы. Они за ним бегают и млеют от его золотистых кудрей, цветущего вида и прекрасных манер. И не успокаиваются, пока не попадут к нему в постель. И тогда они поют совсем другие песни. Да-да, со мной делились Арманда де Сирсе и мадемуазель де Жакари... Красавец Филипп кажется учтивым и воспитанным. Он рассеян, как старый ученый. Это умиляет двор. Но говорят, что в любви он до крайности груб: простой мужлан проявляет больше уважения к своей жене, чем он к своим любовницам. Все, кто прошел через его постель, возненавидели этого человека...

Анжелика слушала вполуха. Ее преследовал образ Филиппа, опирающегося на мраморную статую, почти столь же нереальный, как видение. Когда-то он вывел ее за руку на танец. Это случилось в Плесси, в белом замке, окруженном бесконечным ньельским лесом.

– У него, похоже, изощренное представление, как мучить своих любовниц, – продолжала Филонида. – За какой-то пустяк он так жестоко избил мадам де Сирсе, что она целую неделю не могла шелохнуться, что крайне огорчило ее мужа. А на войне, после победы, он ведет себя просто возмутительно. Его отрядов боятся больше, чем отрядов знаменитого Хуана де Верта. За женщинами гоняются даже в церквах и без разбору причиняют им зло. В Норжане он приказал привести дочерей почетных жителей, оглушил их, поскольку они сопротивлялись, и после целой ночи оргий с офицерами передал их солдатам. Многие из девушек умерли или сошли с ума. Если бы не

заступничество принца, Филипп дю Плесси впал бы, конечно, в немилость.

– Вы старая завистница, Филонида! – воскликнула Анжелика, охваченная внезапным раздражением. – Этот юноша не бесноватый, он просто не может быть таким бесноватым, как вы его описываете. Вы пересказываете сплетни ради собственного удовольствия.

Мадемуазель де Паражон остановилась, задыхаясь от возмущения:

– Я?! Сплетни?! Однако вам отлично известно, как я это ненавижу – всякие пересуды и досужие домыслы. Я и сплетни!.. Да я так далека от всего вульгарного! И если я вам об этом говорю, то только потому, что это ПРАВДА!

– Ну ладно, если это правда, то это не совсем его вина, – сделала вывод Анжелика. – Он таков, потому что женщины делают ему больно из-за его красоты.

– Как... Откуда вы это знаете? Вы с ним знакомы?

– Н-нет.

– Ну так вы сумасшедшая! – воскликнула мадемуазель де Паражон, покраснев от гнева. – Я никогда не думала, что вы способны потерять голову из-за такого хлыща. Прощайте...

Быстрым шагом она направилась к выходу. Анжелике не оставалось ничего другого, как последовать за ней, потому что она по-настоящему любила мадемуазель де Паражон и не хотела с ней ссориться.

* * *

Если бы в этот день Анжелика и престарелая жеманница не поссорились из-за Филиппа дю Плесси-Бельер в саду Тюильри, они не ушли бы так рано. И если бы они не ушли так рано из сада, то не стали бы жертвой грубого пари, которое незадолго до этого заключили лакеи, собравшиеся перед входом. Не состоялась бы дуэль между господином де Лозеном и господином де Монтеспаном из-за прекрасных зеленых глаз мадам Моран. И долго еще пришлось бы Анжелике дожидаться доступа в высший свет. Но все это лишь служит доказательством, что и от острого языка и вспыльчивого характера бывает иногда польза.

При входе висело объявление, запрещающее «лакеям и всякому сброду» входить в сад. Поэтому перед воротами всегда собиралась шумная толпа. Слуги, лакеи и кучера, коротали часы ожидания за игрой в карты или в кегли, за перебранками и выпивкой в кабаке, расположенном на углу. В этот вечер лакеи герцога де Лозена заключили пари. Они поставят выпивку тому, кто посмеет задрать юбку первой же даме, выходящей из сада Тюильри.

И так случилось, что этой дамой оказалась Анжелика, которая только что догнала Филониду и пыталась ее успокоить.

Не успела она обернуться, как громадный детина, от которого разило вином, непристойно схватил ее и задрал юбки. Почти тотчас ее рука отвесила наглецу пощечину. Мадемуазель де Паражон закричала пронзительно, как попугай.

Дворянин, который садился в карету и видел всю сцену, сделал знак своим слугам, и те, довольные представившейся возможностью, бросились на слуг де Лозена.

И началась неистовая потасовка, тотчас собравшая толпу зевак. Победа осталась за ливреями дворянина. Он громко зааплодировал.

Потом подошел к Анжелике и поклонился.

– Спасибо, сударь, за ваше вмешательство, – отвечала она.

Анжелика пылала от гнева и унижения, но, главное, она испугалась, потому что была готова сама проучить пьяницу, словно находилась в харчевне «Красная Маска», сопроводив урок крепкими словечками из словаря Польки. И тогда все ее старания стать светской дамой пошли бы прахом. Уже на следующий день все дамы, жительницы Марэ, обсуждали бы это происшествие.

Побледнев от волнения при этой мысли, молодая женщина все же не преминула изобразить обморок, как того требовали неписанные правила.

– Ах, сударь... Какая наглость! Какой ужас! Подвергнуться оскорблению от таких негодяев!

– Успокойтесь, мадам, – отвечал он, поспешив поддержать ее за талию сильной рукой.

Он был красив, с живыми глазами, его произношение не могло обмануть. Несомненно, еще один гасконец!

– Луи-Анри де Пардаян де Гондрен, шевалье де Пардаян и прочих мест, маркиз де Монтеспан, – представился он.

Анжелика знала это имя. Он принадлежал к старинному роду из Гиени. Она улыбнулась своей самой соблазнительной улыбкой, и маркиз, явно очарованный этой встречей, стал настаивать, где и когда он сможет узнать о ее здоровье. Она не хотела себя называть, а потому ответила:

– Приходите в Тюильри завтра в это же время. Надеюсь, что обстоятельства будут более располагающими и мы сможем приятно побеседовать.

– Где мне вас ждать?

– Возле «Эха».

Это звучало многообещающе. «Эхо» служило местом галантных встреч. Маркиз в восхищении поцеловал протянутую ему ручку:

– У вас портшез? Или я могу вас проводить?

– Моя карета неподалеку, – заверила его Анжелика, потому что не хотела выставлять напоказ свой слишком скромный экипаж.

– Тогда до завтра, таинственная красавица.

Он быстро поцеловал ее в щеку и, подпрыгнув, повернулся и подошел к своей карете.

– Вы не проявили достаточно стыдливости... – начала мадемуазель де Паражон.

Но в этот момент у выхода появился герцог де Лозен. Увидев, в каком состоянии находятся его лакеи – один выплевывал зубы, у другого хлестала из носа кровь, разорванная одежда у всех в пыли, – он громко раскричался. Ему объяснили, что все это натворила прислуга того высокого вельможи.

– Следует отлупить палкой этих мерзавцев и их хозяина. Этот тип недостоин удара шпаги! – воскликнул он.

Маркиз де Монтеспан еще не успел сесть в свою карету. Услышав такие слова, он соскочил с подножки, подбежал со спины к Лозену, схватил его за руку, развернул и, нахлобучив шляпу на глаза, обозвал грубияном и наглецом.

В следующую секунду блеснули шпаги, и оба гасконца уже сражались под заинтересованными взглядами зевак.

– Помилуйте, господа! – кричала мадемуазель де Паражон. – Дуэли запрещены! Вы уже вечером окажетесь в Бастилии!

Но эти вполне обоснованные пророчества совсем не заботили обоих маркизов, и они яростно бились, окруженные толпой, которая

оказывала пассивное сопротивление отделению швейцарских гвардейцев, пытавшихся пробиться к дуэлянтам.

И в этот момент маркиз де Монтеспан ранил де Лозена в бедро. Пегилен покачнулся и выпустил шпагу.

– Ну-ка быстро, мой дорогой! – закричал маркиз, поддерживая своего противника. – Надо избежать Бастилии! Помогите мне, дамы!

В ту минуту, когда швейцарские гвардейцы, раздавая зуботычины и удары алебардами, подобрались к карете, она уже тронулась.

Пока экипаж с грохотом катился по улице Сент-Оноре, Анжелика, прижимавшая свой шарф к ране Пегилена, поняла, что, кроме них и маркиза де Монтеспана, в карете находится мадемуазель де Паражон и даже лакей – виновник инцидента. Его бросили в ноги, на пол кареты.

– Тебя выставят к позорному столбу и приговорят к галерам, – заявил ему Пегилен, ударив каблуком в живот. – И я не заплачу ни ливра, чтобы тебя откупить!.. Богом клянусь, дорогой Пардаян, вашими стараниями моему хирургу в ближайшее время не нужно будет пускать мне кровь.

– Надо бы о вас позаботиться, – отвечал маркиз. – Поедем ко мне. Думаю, что жена с подругами сегодня дома.

Супругой де Монтеспана оказалась красавица Атенаис де Мортемар, старинная подруга Анжелики по пансиону Ортанс, вместе с которой она присутствовала при триумфальном приезде короля.

Мадемуазель де Мортемар – в пансионе ее звали мадемуазель де Тонне-Шарант – вышла замуж в 1662 году. С тех пор она стала еще прекрасней. Розовая кожа и голубые глаза, золотистые волосы, свободолюбивый нрав сделали ее одной из самых заметных придворных дам. К сожалению, семья ее мужа, как и ее собственная, обе очень древнего происхождения, разорились. Вся в долгах, преследуемая кредиторами, бедная Атенаис не имела возможности придать необходимый блеск своей красоте, и ей даже приходилось пропускать иногда придворные праздники из-за отсутствия нового туалета.

В жилище, куда прибыли дуэлянты вместе с Анжеликой и Филонидой де Паражон, бедность на грани нищеты соседствовала с элегантной, роскошной обстановкой.

Пышные туалеты валялись на пыльных креслах. В каминах не было огня, хотя стояла довольно прохладная погода. Атенаис, в халате

из тафты, как мегера, препиралась с приказчиком ювелира, который требовал задаток за заказ золотого с эмалью колье. Молодая женщина собиралась на следующей неделе обновить его на празднике в Версале.

Господин де Монтеспан тотчас взял ситуацию в свои руки и пинком прогнал приказчика. Атенаис возражала: она хотела получить свое колье. Спор между супругами продолжался, а тем временем бедный Лозен заливал пол своей кровью.

Наконец мадам де Монтеспан обратила на него внимание и позвала свою подругу Франсуазу д'Обинье, которая пришла к ней помочь навести хоть какой-то порядок в доме, потому что накануне ушли все служанки.

Вдова поэта Скаррона не заставила себя ждать. Она ничуть не изменилась, носила все такое же бедное платье, а в больших черных глазах и складке рта сохранялась все та же сдержанность. Анжелике показалось, что она только вчера покинула Тампль.

«Через минуту я увижу и сестрицу Ортанс!» – подумала она.

Анжелика помогла Франсуазе перенести на диван герцога де Лозена, который к этому времени уже лишился чувств.

– Я схожу на кухню за водой, – сказала вдова Скаррона. – Пожалуйста... мадам, поддерживайте повязку на ране...

По едва заметной заминке Анжелика поняла, что мадам Скаррон тоже ее узнала. Но это не имело значения. Франсуаза принадлежала к тем людям, которые вынуждены жить замкнуто. Во всяком случае, Анжелика и так собиралась со дня на день предстать перед своим прошлым.

В соседней комнате супруги Монтеспан продолжали браниться:

– Но как же вы ее не узнали?.. Это же мадам Моран! Теперь вы деретесь на дуэлях из-за шоколадниц?

– Но она прелестна... И не забывайте, что у нее репутация одной из самых богатых женщин Парижа. Если это действительно она, я несколько не сожалею о своем поступке.

– Вы мне отвратительны!

– Дорогая, так вы хотите или нет новое колье?

«Ладно, – подумала Анжелика, – теперь я знаю, как должна выразить благодарность этим знатным господам. Роскошный подарок, а может, и полновесный кошелек, но, конечно, с самыми скромными выражениями и особой деликатностью».

Герцог де Лозен приоткрыл глаза. Он воззрился на Анжелику туманным взором.

– Я брежу, – прошептал он. – Неужели это вы, моя милочка?

– Да, это я, – отвечала она с улыбкой.

– Черт побери, Анжелика, уж и не чаял вновь вас увидеть! Я часто думал, что с вами стало.

– Вы думали, но признайтесь, что не старались это узнать.

– Чистая правда, моя красавица. Но я придворный. Все придворные немного подлецы по отношению к тем, кто попадает в немилость.

Он рассматривал туалет и драгоценности молодой женщины.

– Похоже, что у вас все в порядке, – заключил он.

– Да, так случилось. Теперь меня зовут мадам Моран.

– Клянусь святым Севереном, я о вас слышал! Вы продаете шоколад, верно?

– Это я так развлекаюсь. Кто-то занимается астрономией или философией, а я продаю шоколад. А вы, Пегилен? У вас все такая же беззаботная жизнь? Король все так же дарит вас дружбой?

Пегилен помрачнел:

– Ах, дорогая моя! Расположение ко мне короля очень зыбко. Ему кажется, что я вместе с де Вардом замешан в истории с испанским письмом, знаете, то письмо, которое подбросили королеве, чтобы предупредить ее о неверности ее августейшего супруга и о его связи с Лавальер?.. И мне никак не удастся развеять эти подозрения, и его величество иногда бывает очень строг со мной!.. К счастью, Великая Мадемуазель влюбилась в меня.

– Мадемуазель де Монпансье?

– Да, – прошептал Пегилен, закатывая глаза. – Мне даже кажется, что она пожелает выйти за меня замуж.

– О Пегилен! – рассмеявшись, воскликнула Анжелика. – Вы уморительны и неисправимы. Вы ничуть не изменились!

– И вы тоже ничуть не изменились. Вы прекрасны, как воскресшая из мертвых.

– Пегилен, да что вы знаете о красоте воскресших из мертвых?

– То, что нам говорит Церковь. Черт подери! Сонм блаженных!.. Подойдите, сердечко мое, я вас поцелую.

Он обхватил ее лицо руками и привлек к себе.

– Богом клянусь! – воскликнул Монтеспан, входя в комнату. – Мало того, чертов Пегилен, что я распорол тебе бедро, чтобы помешать бегать, так ты еще перебежал мне дорогу в моем собственном доме! Надо было отправить тебя в Бастилию!

Глава XXXII

После этой встречи Анжелика часто виделась с герцогом де Лозеном и маркизом де Монтеспаном в саду Тюильри и на променаде Кур-ла-Рен. Они представили ее своим друзьям. И понемногу стали возникать лица из прошлого. Однажды, когда Анжелика каталась с Пегиленом, ее экипаж поравнялся с каретой Великой Мадемуазель, которая ее узнала. Не было сделано никаких намеков. Осмотрительность или безразличие? У каждого были личные дела и поважнее!

Какое-то время Атенаис де Монтеспан продолжала дуться на Анжелику, а потом вдруг вспылала к ней дружбой и начала приглашать к себе. Она уже заметила, что эта шоколадница говорит мало, но подает прекрасные реплики.

В доме семейства Монтеспан Анжелика часто виделась с мадам Скаррон, которая ввела ее в салон Нинон де Ланкло.

Салон знаменитой куртизанки считался не рассадником греха, а прекрасной школой хорошего вкуса.

«У нее, – писал шевалье де Мере, – никогда не ведутся разговоры о религии или правительстве, но во всех беседах много ума, приправленного тонким остроумием; обсуждаются прошлые и современные события, новые любовные приключения, но никогда не допускаются непристойности. Веселость, живость и остроумие хозяйки дома позволяют гостям приятно проводить время».

Дружба, связавшая мадемуазель де Ланкло и Анжелику, не привлекала внимание. Не много сохранилось писем, подтверждающих эту душевную привязанность, ибо ни та ни другая не выставляли напоказ глубокие чувства, возникшие между ними с первой встречи. Обе принадлежали к типу женщин, привлекающих мужчин – в значительной степени неосознанно – естественным очарованием, в котором сочетаются красота тела, сердца и ума. Они могли бы стать врагами, но так случилось, что обе обрели ту женскую дружбу, которая длится всю жизнь.

Анжелика, вынужденная вести ожесточенную борьбу за выживание, смогла оценить в Нинон откровенность, мужество и

простоту, столь редкие у представительниц слабого пола. Эти качества делали из куртизанки «честного человека». А Нинон, со своей стороны, тотчас поняла, что она необходима Анжелике, чтобы подняться по социальной лестнице. И Нинон наилучшим образом сыграла свою роль, руководя новой подругой, давая ей советы, знакомя со всеми посетителями своего салона.

– В моей дружбе к вам выражается то лучшее, что во мне есть, – сказала она однажды Анжелике, чтобы у той не оставалось никаких сомнений. – Моя дружба полна преданности, нежности и кротости, которых нет в любви. Я дарю вам ее от всего сердца, и только от вас зависит, чтобы она сохранилась до конца наших дней.

Нинон лучше других ценила прелесть чувственной жизни, и ей нравилось приобщать к ней натуры чуткие и восприимчивые. Она подталкивала подругу выбрать знатного любовника. Но Анжелика отказывалась. Ее материальное положение было прочным, и она полагала, что любовные связи не обеспечивают подлинного уважения. Общество Святых Даров, тайная и всевластная организация, бдела повсюду, вплоть до ступеней трона. Благочестивцы встречались повсеместно. И в той игре, которую она вела, Анжелика искала у них поддержки, пользуясь своей безупречной репутацией, но вместе с тем она сохраняла связи и с вольнодумцами, разделяя их веселость и любовь к праздникам.

– Ну так выберите любовника для удовольствия, – вновь подавала совет Нинон. – Не пытайтесь меня убедить, что вас не влечет любовь.

Анжелика отговаривалась, что ей некогда об этом думать. Ее саму удивляло безразличие своего тела. Казалось, что из-за постоянной работы и нагромождения бесконечных проектов из ее головы начисто исчезла самая естественная потребность. Когда по вечерам, полумертвая от усталости, она падала на постель, закончив день игрой в прятки с сыновьями, у нее оставалось лишь одно желание – быстрее уснуть, чтобы набраться сил для забот завтрашнего дня.

Она никогда не скучала, а для праздной женщины любовь часто служит средством развлечения. Пылкие речи ее поклонников, их беглые ласки, «супружеские сцены» Одиже, порой заканчивавшиеся поцелуями, с трудом вырванными метрдотелем, представляли для нее

всего лишь полезные или бесполезные игры, в зависимости от тех преимуществ, которые они приносили.

Нинон, выслушав ее признания, заявила, что подобные рассуждения граничат с болезнью. Чтобы излечиться, ей нужно на некоторое время отойти от работы и вкусить радостей праздной жизни: прогулки, маскарады, театры, ужины в узком кругу и игра в карты в любое время.

У Нинон Анжелика встречала весь Париж. Принц Конде приходил туда каждую неделю на партию в ома. Не раз она встречала и Филиппа дю Плесси. Как-то ему представили Анжелику. Молодой красавец бросил на нее взгляд, презрительную тяжесть которого она уже ощутила раньше, и, задумавшись на секунду, небрежно произнес:

– А, так это вы мадам Шоколад.

У Анжелики вскипела кровь. Она присела в глубоком реверансе.

– К вашим услугам, кузен, – ответила она.

Молодой человек нахмурился:

– Ваш кузен? Мне кажется, мадам, что вы слишком смело...

– Разве вы меня не узнали? – спросила она, пристально глядя на него своими зелеными глазами, сверкающими от гнева. – Я ваша кузина Анжелика де Сансе из Монтелу. Мы когда-то встречались в Плесси. Как поживает ваш отец, любезный маркиз? И ваша матушка? – Еще какое-то время она продолжала говорить в том же духе, подтверждая свое происхождение, а потом отошла от него, кусая губы от сознания собственной глупости.

Несколько дней Анжелика провела в страхе, что будет раскрыто ее подлинное имя. Снова встретившись с дю Плесси, она стала умолять его никому не повторять ее слов.

Филипп дю Плесси словно упал с облаков на землю. Он заявил, что ее признания ему абсолютно безразличны, да к тому же он вовсе и не стремится обнародовать, что является родственником дамы, опустившейся до продажи шоколада.

Анжелика отошла от него в ярости, поклявшись впредь не обращать на него внимания. Она знала, что отец Филиппа уже умер, а мать, после безумств юности, впала в набожность и удалилась в монастырь Валь-де-Грас. Молодой человек бездумно проматывал свое состояние. Король любил его за красоту и отвагу, но его репутация

была скандальной и даже вызывающей опасения. Анжелика упрекала себя, что слишком часто о нем думает.

Но неожиданное признание в любви и удивительная партия в ока полностью перевернули ее существование и на несколько месяцев изменили направление мыслей.

Анжелика испытывала гордость, что мадемуазель де Монпансье внесла ее в списки лиц, которым разрешено посещать Люксембургский сад. Однажды ей открыла калитку жена швейцарца, потому что ее муж куда-то ушел. Анжелика пошла по прекрасным аллеям, обсаженным ивами и кустами магнолий. Через какое-то время она обратила внимание, что сад, обычно весьма оживленный, сегодня почти пуст. Она заметила только двух ливрейных лакеев, которые со всех ног пробежали мимо и углубились в густые заросли. И больше никого. Испытывая любопытство и смутное беспокойство, Анжелика продолжала свою одинокую прогулку.

Когда она проходила мимо маленького грота в стиле рокайль, ей показалось, что она слышит слабый шум, и, обернувшись, увидела человека, забившегося в кусты. «Это какой-нибудь воришка, – подумала она, – прихвостень принца нищих, выжидающий удобного случая. Было бы забавно поймать его и заговорить на его языке, чтобы посмотреть, какая у него будет рожа».

Она уже заранее улыбалась. Ведь не каждый же день воришка, поджидающий возможности срезать кошелек, оказывается перед знатной дамой, говорящей на чистом наречии обитателей Нельской башни и Фобур-Сен-Дени! «А потом я дам ему свой кошелек, чтобы бедняга оправился от такого потрясения!» – подумала она, в восторге от шутки без свидетелей.

Но когда она подкралась, то увидела, что человек богато одет, хотя и вымазан грязью. Он стоял на коленях в странной позе, наклонившись вперед и опираясь на локти. Вдруг, словно прислушиваясь, он нервно обернулся, и Анжелика узнала герцога Энгиенского, сына принца Конде. Она уже встречала его в местах модных прогулок, в Тюильри и на Кур-ла-Рен. Во всех отношениях прекрасный юноша, но его упрекали в несоблюдении этикета и считали, что он ни в чем не знает меры.

Анжелика отметила, что молодой человек крайне бледен и выглядит растерянным и испуганным.

«Что он там делает? И почему прячется? Чего он боится?» – подумала она, охваченная непонятным беспокойством.

После минутного колебания она бесшумно отошла и вернулась на одну из больших аллей сада. Тут она встретила швейцарца, который страшно перепугался, увидев ее:

– О! Мадам, что вы здесь делаете? Уходите быстрее!

– Но почему же? Тебе отлично известно, что я включена в список мадемуазель де Монпансье. И твоя жена беспрепятственно пропустила меня.

Сторож огляделся с тоской во взоре. Анжелика всегда была с ним очень щедра.

– Пусть мадам меня простит, – прошептал он, подойдя поближе, – но моя жена не знает той тайны, которую я вам открою: сегодня сад закрыт для посетителей, потому что с самого утра здесь идет охота на господина герцога Энгиенского, который воображает себя кроликом.

И так как молодая женщина удивленно открыла глаза, он постучал себя пальцем по виску:

– Да, время от времени это находит на бедного парня. Похоже, что это болезнь. Когда он считает себя куропаткой или кроликом, то боится, что его убьют, и тогда он убегает и прячется. Мы уже несколько часов его ищем.

– Он там, в зарослях, возле маленького грота. Я его видела.

– Боже правый! Нужно предупредить господина принца. Ах! Вот и он.

К ним приближался портшез. Принц Конде высунул в окошко голову.

– Что вы здесь делаете, мадам? – спросил он сердито.

– Ваша светлость, – поспешил вмешаться швейцарец, – мадам только что видела господина герцога возле маленького грота.

– А, прекрасно! Откройте же дверцу, негодяи! Помогите мне выйти, черт побери! И не шумите, вы его испугаете. Ты вот, беги за первым камердинером, а ты собирай всех, кого найдешь, и расставь их на выходах...

Через несколько минут в кустах послышалась возня, потом топот ног. Появился герцог Энгиенский, убегающий во всю прыть. Но двое

слуг, бежавших по пятам, сумели его поймать и удержать. Молодого человека окружили плотным кольцом.

– Вас никто не убьет, ваша светлость, – ласково заговорил первый камердинер, который его воспитал. – И вас не посадят в клетку... Вас отпустят, и вы снова сможете бегать по полям.

Герцог Энгиенский был страшно бледен. Он молчал, но во взгляде читалась тоска загнанного животного. Подошел его отец. Молодой человек, все так же молча, начал отчаянно вырываться.

– Уведите его, – произнес принц Конде. – И позовите его медика и хирурга. Пусть пустят кровь, дадут слабительное и, главное, пусть привяжут. У меня нет никакого желания опять начинать игру в прятки сегодня вечером. Я отколочу палкой того, кто даст ему вновь убежать.

Группа удалилась. Принц вернулся к Анжелике, которая, глубоко потрясенная, наблюдала печальную сцену. Она побледнела почти так же, как несчастный больной.

Конде остановился и мрачно на нее уставился.

– Ну что ж! – сказал он. – Вот вы его и видели. Прекрасный отпрыск Конде и Монморанси!.. Его прадед страдал маниями, а его бабка была сумасшедшей. Мне пришлось жениться на его матери. В то время она уже начала по одному вырывать пинцетом волосы. Я знал, что будет с моим потомком, но все же вынужден был жениться. Так приказал король Людовик Тринадцатый. И вот каков мой сын! Иногда он воображает себя собакой и изо всех сил старается не лаять перед королем. Или же думает, что он летучая мышь, и боится натолкнуться на лепнину потолка своих покоев. А иногда ему кажется, что он превращается в растение, и тогда требуется, чтобы слуги его поливали... Правда, ужасно смешно? Как, вы не смеетесь?

– Ваша светлость... Неужели вы можете думать, что мне смешно?.. Вы просто меня не знаете...

Он остановил ее с неожиданной улыбкой, озарившей его хмурое лицо:

– Да нет же, мадам Моран! Я хорошо вас знаю. Я встречался с вами у Нинон и в других местах. Вы веселы, как юная девушка, прекрасны, как куртизанка, и у вас отзывчивое материнское сердце. И, кроме того, я подозреваю, что вы одна из умнейших женщин королевства. Но вы неставляете свой ум напоказ, потому что

достаточно проницательны и знаете, что мужчины опасаются умных женщин.

Анжелика тоже улыбнулась, удивленная этим неожиданным признанием:

– Вы мне льстите, сударь... И мне любопытно узнать, кто вам сообщил такие сведения обо мне...

– Мне не нужно получать от кого-то сведения, – отвечал он по-военному резко и угрюмо. – Я за вами наблюдал. Разве вы не заметили, что я часто на вас поглядывал? Мне кажется, вы меня немного боитесь. А вы ведь не из робких...

Анжелика подняла взор на победителя в битвах при Лансе и Рокруа. Она не первый раз так на него смотрела. Но конечно, принцу не могли прийти в голову воспоминания о маленькой серой уточке, которая с ним спорила и которой он тогда ответил: «Я предвижу, что, когда вы станете взрослой женщиной, мужчины будут вешаться из-за вас!»

Она всегда думала, что хранит в душе глубокую обиду на принца Конде, и ей пришлось бороться с чувством симпатии и взаимопонимания, зарождавшегося между ними. Разве на протяжении ряда лет он не вел за ними слежку, за ее мужем и за ней самой, через своего слугу Клемана Тоннеля? Разве он не унаследовал богатства Жоффрея де Пейрака? Уже давно Анжелика раздумывала, как бы поточнее узнать, какую роль сыграл принц Конде в их драме. Станным образом этому способствовал случай.

– Вы молчите, – сказал принц. – Так это правда, что я вас пугаю?

– Нет! Но, ваша светлость, я чувствую себя недостойной беседовать с вами. Ваша слава...

– Пф-ф! Моя слава... Вы слишком молоды, чтобы знать некоторые вещи. Мое оружие ржавеет в бездействии, и, если его величество не решится преподать урок этим олухам – голландцам или англичанам, я рискую умереть в своей постели. А что касается беседы, то Нинон сто раз повторяла, что слова – это не ядра, которые посылают в живот противника. И она утверждает, что я еще не до конца усвоил урок. Ха! Ха! Ха!

Он разразился громким хохотом и непринужденно взял ее за руку:

– Пойдемте. Моя карета ждет снаружи, а я вынужден при ходьбе опираться на дружескую руку. Вот что мне дала моя слава: болезни,

приобретенные в траншеях, полных воды, и в некоторые дни они заставляют меня, как старика, подволакивать ногу. Не угодно ли составить мне компанию? Только ваше присутствие кажется мне допустимым после такого тяжелого дня. Вы знаете мой особняк на улице Ботрейи?

– Нет, ваша светлость, – отвечала Анжелика с сильно бьющимся сердцем.

– Говорят, что это одно из самых красивых зданий папаши Мансара. Мне же он не нравится, но дамы приходят в восторг от красоты этого жилища. Поедем, вы посмотрите.

Хотя Анжелика и не признавалась себе, но ей льстило ехать в карете принца крови, которую радостно приветствовали зеваки.

Ее удивило искреннее внимание спутника. Ходили слухи, что с того момента, как его подруга Марта де Вижан удалилась в монастырь кармелиток, расположенный в предместье Сен-Жак, принц Конде никогда не оказывал дамам принятых знаков внимания. Он требовал от них только плотских удовольствий и на протяжении многих лет предпочитал лишь короткие связи с женщинами довольно низкого происхождения. В гостиных его грубость в отношении прекрасного пола препятствовала самым лучшим намерениям. Но сейчас принц явно прилагал усилия, чтобы понравиться.

Карета въехала во двор особняка Ботрейи.

Анжелика поднялась по мраморным ступеням. Каждая мелочь этого пропорционального и светлого дома говорила ей о Жоффрее де Пейраке. Это он заказал кованые решетки балконов и перил с мягкими линиями виноградных акантов, деревянные позолоченные фризы, окаймляющие гладкие мраморные панно и зеркала, статуи и бюсты, каменных зверей и птиц – заботливых гениев счастливого семейного очага, расставленных по всему дому.

– Вы молчите? – с удивлением заметил принц Конде, когда они миновали два первых этажа парадных апартаментов. – Обычно мои посетительницы щебечут, как попугайчики. Вам не нравится эта архитектура? Но говорят, что вы отлично разбираетесь во всем, что касается обустройства дома.

Они находились в маленькой гостиной, обитой синим атласом с золотой вышивкой. Кованая решетка изящного рисунка отделяла их от

длинной галереи, выходящей в сад.

На фронте расположенного в глубине комнаты камина, по бокам которого расположились два скульптурных льва, виднелась свежая трещина. Анжелика подняла руку и коснулась ее.

– Почему разбили это украшение? – спросила она. – И я заметила, что это не первое повреждение. Смотрите, даже на окнах гостиной в некоторых местах стерт рисунок.

Принц помрачнел:

– Я велел уничтожить монограммы бывшего владельца особняка. Наступит день, и я приведу все в порядок. Правда, не знаю когда!.. Я предпочитаю тратить деньги на свой загородный дом в Шантийи.

Анжелика продолжала гладить изуродованный герб:

– А почему вы не оставили все как есть, вместо того чтобы так увечить?

– Мне неприятен вид герба этого человека. Он был проклят!

– Проклят? – эхом откликнулась она.

– Да. Дворянин, делавший золото по наущению дьявола. Его сожгли. И король подарил мне его особняк. Но я так и не понял, не хотел ли его величество навлечь тем самым на меня несчастье.

Анжелика медленно подошла к окну и выглянула наружу:

– А вы, сударь, его знали?

– Кого? Этого проклятого дворянина? На мое счастье, нет!

– Мне кажется, я припоминаю это дело, – сказала она внешне очень спокойно, однако внутри пугаясь своей смелости. – Кажется, это был тулузец, господин де Пейрак?

– Да, это так, – равнодушно подтвердил принц.

Анжелика провела языком по пересохшим губам.

– А разве тогда не шла молва, что его осудили в основном потому, что он знал что-то очень нехорошее про господина Фуке, который обладал в то время необыкновенной властью?

– Может быть. Фуке долгое время считался некоронованным королем Франции. Для этого у него имелось достаточно денег. Он многим доставил большие неприятности. Например, мне. Ха! Ха! Ха!.. Ба! Теперь-то все быльем поросло.

Анжелика взглянула на него через плечо. Принц Конде опустил в кресло и водил кончиком трости по орнаменту ковра. Если у него вырвался горький смешок при воспоминаниях о неприятностях,

причиненных Фуке, то он никак не отреагировал на намек, касающийся Жоффрея де Пейрака. У молодой женщины появилась уверенность, что это не он шпионил за ней долгие годы, подослав лакея Клемана Тоннеля. Кто знает? Возможно, Фуке еще раньше приставил этого Клемана Тоннеля шпионить за принцем Конде. Заговоры той поры включали и более сложные интриги, и у дворян были все основания как можно скорее выбросить из памяти минувшие события.

И к чему господину принцу вспоминать теперь, что когда-то он хотел отравить Мазарини и продался Фуке? Он достаточно потрудился, чтобы вернуть расположение все еще недоверчивого юного короля, а сегодня он старается разговорить эту красивую молодую женщину, тайная грусть которой, скрытая под веселым смехом, привлекала его гораздо сильнее, чем он думал.

– Во время процесса над де Пейраком я находился во Фландрии, – вновь заговорил он. – И не очень интересовался этим делом. Меня это никак не касалось! Я получил особняк и, признаюсь, почти не обрадовался. Кажется, колдун здесь никогда не жил. И тем не менее я чувствую печаль и угрозу, исходящие от этих стен. Как будто это декорации для спектакля, так никогда и не сыгранного... Эти изящные предметы ждут хозяина, а не меня. Я оставил конюха из прежней прислуги графа де Пейрака. Он утверждает, что иногда видит по ночам его призрак... Вполне возможно. Здесь ощущаешь чье-то присутствие, которое тебя отторгает и гонит. Поэтому я бываю тут как можно реже. И у вас создается такое же неприятное впечатление?

– Нет, наоборот, – прошептала Анжелика.

Она разглядывала обстановку. «Здесь я у себя, – думала она. – Я и мои дети и есть те хозяева, которых ждут эти стены».

– Так вам нравится особняк?

– Да, очень. Он прекрасен. О, как я хотела бы здесь жить! – воскликнула она, с неожиданным жаром прижимая руки к груди.

– Если бы вы захотели, то могли бы здесь жить, – отвечал принц.

Она живо повернулась к нему. Он смотрел на нее властным, требовательным взглядом, о котором в возвышенных выражениях скажет однажды господин Боссюэ: «Этот принц... у которого в глазах светилась победа...»

– Жить здесь? – повторила Анжелика. – А в каком качестве, ваша светлость?

Он опять улыбнулся, резко поднялся и подошел к ней:

– Ну вот! Мне сорок четыре года, я уже не молод, но еще и не стар. Иногда меня мучат боли в коленях, это верно, но в остальном я вполне крепок. Я говорю с вами напрямик. Одним словом, я считаю, что могу быть вполне приличным любовником. Надеюсь, что вас не оскорбляет мое предложение. Я не знаю, откуда вы, но что-то мне подсказывает, что вы многое знаете и что вы не злодейка. Я никогда не юлю с женщинами. Я считаю пустой тратой времени бесконечно манерничать, чтобы потом задать один простой вопрос: «Угодно вам или нет?» Подождите, пока не отвечайте. Я хочу изложить преимущества, которые смогу вам предоставить. Вы получите пенсион... Да, мне известно, что вы очень богаты. Ну что ж! Послушайте, Я ПОДАРИЮ ВАМ ОСОБНЯК БОТРЕЙИ, раз он вам по душе. Я позабочусь о ваших сыновьях и буду руководить их воспитанием. Мне также известно, что вы вдова и дорожите своей репутацией добропорядочной женщины. Я согласен, что это большая ценность, но... примите во внимание, что вас просит расстаться с этой репутацией не какой-нибудь негодяй. И поскольку вы говорили о моей славе, позвольте заметить, что...

Он колебался, смущенный и застенчивый.

– ...что это не бесчестье – быть любовницей Великого Конде. Так уж устроен мир. Вы будете повсюду представлены... Отчего же, мадам, эта скептическая и даже немного пренебрежительная улыбка?

– Оттого, – улыбаясь, ответила Анжелика, – что мне вспомнился один припев, который мамаша Юрлюлет распевает на всех углах:

Послушайте меня, друзья, хочу я вам сказать,
Что королевским сыновьям не стоит доверять.
Мы им не ровня, мы – народ. А принцы – это знать.
А потому, а потому нам лучше их не знать ^[6].

– Чума на эту нахалку! – с притворным гневом воскликнул принц.
Он обнял ее за талию и привлек к себе.

– Поэтому-то, душа моя, я вас и полюбил, – сказал он сдержанно. – Потому что я заметил, что, будучи женщиной, вы обладаете дивной смелостью воина. В подходящий момент вы нападаете, используя слабость противника с ловкостью Макиавелли, и наносите страшный удар. И вы нелегко отступаете. Вот я держу вас в объятиях!.. Вы свежая и крепкая! У вас гибкое, сильное тело!.. Ах! Как бы я хотел, чтобы вы увидели во мне не принца, а того, кто я есть на самом деле, то есть бедного и несчастного человека. Вы так не похожи на бессердечных кокеток!

Он прижался щекой к волосам Анжелики.

– В ваших светлых волосах есть седая прядь, она волнует меня. Похоже, что за вашей молодостью и веселостью кроется много горестных переживаний. Или я ошибаюсь?

– Нет, сударь, не ошибаетесь, – покорно ответила Анжелика.

Она подумала, что, если бы еще сегодня утром кто-нибудь сказал, что вечером ее будет обнимать принц Конде и что она безвольно будет прижиматься к его августейшему плечу, она ответила бы, что жизнь – это не сумасшедший дом. Но ее существование никогда не было ровным и спокойным, и она уже начала привыкать к сюрпризам судьбы.

– За всю свою жизнь, с самой юности, – продолжал принц, – я любил только одну женщину. Я не всегда был ей верен, но любил только ее. Она была красива и нежна, она была спутницей моей души. Но ее утомили бесконечные интриги и заговоры, которыми пытались нас разлучить. И что мне осталось, после того как она постриглась в монахини? У меня в жизни было только две страсти: она и война. Моя возлюбленная удалилась в монастырь, а этот болван Мазарини подписал мир с Пиренеями. Теперь я просто парадный манекен, прислуживающий молодому королю в надежде получить – одному Богу известно когда – какое-нибудь военное губернаторство, а возможно, и пост командующего, если его вдруг осенит счастливая мысль потребовать у фламандцев приданое королевы. Об этом поговаривают... Но оставим эту тему, я не хочу вас утомлять. Вы раздули во мне пламя, которое я считал угасшим. Смерть сердца страшнее всего... Я хотел бы удержать вас возле себя...

Пока он говорил, Анжелика мягко высвободилась из его объятий и немного отступила:

– Ваша светлость...

– Неужели вы хотите сказать «да»? – спросил он с волнением. – О! Умоляю вас... Что вам мешает? Вы кого-то любите? Не говорите мне, что испытываете чувства к этой низкой душонке, к этому Одиже, который следует за вами по пятам, как преданная собачонка.

– Одиже мой деловой компаньон.

– И вместе с тем, – проворчал принц с неожиданной досадой, – вас видели вчера в Комедии с этим метрдотелем графа де Суассона. Это верх вульгарности!

– Ваша светлость, – отвечала Анжелика, – знайте, что я никогда не отказываюсь от друзей, пока они для меня полезны. А мне еще нужен метрдотель Одиже.

Принц прикусил губу:

– Боже правый! Вы становитесь опасны, когда говорите так.

– Вот видите, я не только внушаю доверие, – слабо улыбнулась она.

– Не важно! Я хочу вас такой, какая вы есть.

Принц не мог постичь сложности той дилеммы, которую ставил перед ней. Что бы она ответила, если бы он сделал это предложение в другом месте? Она и сама не знала.

Но здесь, в этом особняке, в который Анжелика попала впервые, ее окружали призраки. Возле принца Конде, возникшего из прошлого, в вышедших из моды ренгравах, появилась яркая и четкая фигура Филиппа, в атласе светлых тонов, а позади них – эта тень в маске, одетая в черный с серебром бархат, с пылающим рубином на пальце, проклятый дворянин, ее единственный повелитель и единственная любовь.

И среди всех этих персонажей, освобожденных жизнью или смертью, она одна оставалась пленницей прошлой драмы.

– Что с вами? – спросил принц. – Почему у вас на глазах слезы? Чем я вас обидел? Живите здесь, раз вам нравится этот особняк. Но позвольте вас любить. Я буду сдержанным...

Она медленно покачала головой:

– Нет, ваша светлость. ЭТО НЕВОЗМОЖНО.

Глава XXXIII

При новой встрече принц Конде не выказал и тени злопамятства. Он был высокомерен при дворе и на поле битвы, но не в любви.

– Но хотя бы не отказывайтесь составить мне партию в ока, – сказал он. – Я рассчитываю на вас по понедельникам у Нинон.

Она улыбнулась, радуясь возможности продемонстрировать свою дружбу. Покровительством принца не пренебрегают. Каждый раз, вспоминая особняк Ботрейи, Анжелика кусала локти. Вместе с тем она не испытывала сожалений, что отказалась от сделки. Просто особняк Ботрейи принадлежит Ей. Возмутительно, что ее исключили, что она не может открыто предъявить свои права!

Ее все больше угнетала вынужденная роль богатой коммерсантки. Однажды, услышав, что Нинон произносит имя де Сансе, она живо откликнулась:

– Так вы знакомы с кем-то из моей семьи?

– Вашей семьи? – удивилась куртизанка.

Анжелика вовремя спохватилась:

– Мне показалось, что вы назвали Рансе. Это мои дальние родственники... Так о ком же вы говорили?

– Об одной приятельнице, которая скоро придет. Она такая задорная, и мне нравится ее слушать, хотя многие ее опасаются. Это мадам Фалло де Сансе.

– Фалло де Сансе, – повторила Анжелика, резко выпрямляясь и широко раскрывая глаза. – Она придет... сюда? – спросила она.

– Ну да. Меня забавляют ее насмешки... Правда, иногда она бывает чрезмерно злой. Но языки, с которых капает желчь, совершенно необходимы для оживления разговора. Благодушный, кроткий мир быстро становится пресным.

– Признаюсь, мне понравился бы такой мир.

– Похоже, вы ненавидите мадам Фалло де Сансе?

– Мало сказать.

– Она будет здесь с минуты на минуту.

– Я спущу с нее шкуру!

– Нет, душа моя... У меня так не поступают.

– Нинон, вы ничего не знаете... а потому вам не понять...

– Дорогая моя, если бы все, кто здесь встречается, тотчас начинали ссоры, я ежедневно наблюдала бы три-четыре убийства... Поэтому и вы будете умницей. Вам это очень трудно?

– Да, очень трудно, – побледнев, подтвердила Анжелика. – Я попытаюсь уйти до ее прихода.

– А почему не попытаться остаться? Можно совладать с любыми страстями, душа моя, даже с самым оправданным чувством ненависти. Только безумствам нет никакого оправдания, а гнев как раз из их числа. Хотите совет? Отстранитесь от вашего гнева, как от раскаленной печи. Если вы обожжетесь, то вам будет хуже, а не лучше. Посидите вот здесь, успокойтесь и постарайтесь не вспоминать о причинах своей ненависти.

– Мне будет трудно разговаривать со своей сестрой.

– С вашей сестрой?

– О! Нинон, я сама не знаю, что говорю, – прошептала Анжелика. – Это испытание выше моих сил!

– Анжелика, нет испытаний выше ваших сил, – смеясь, возразила Нинон. – Чем лучше я вас узнаю, тем больше убеждаюсь, что вы можете вынести все... даже это. Смотрите, вот и мадам Фалло. Побудьте немного в этом уголке и возьмите себя в руки.

Она оставила Анжелику и пошла навстречу вновь прибывшим дамам.

Анжелика села на бархатную банкетку. Как во сне она расслышала среди приветствий резкий голос своей сестры. Тот же голос, что когда-то кричал: «Пошла прочь! Убирайся!»

Анжелика отстранилась от воспоминаний, как советовала Нинон, и постаралась забыть этот крик.

Через некоторое время она осмелилась поднять голову и оглядела гостиную. Анжелика увидела Ортанс, в прекрасном платье из темно-красной тафты. Она еще больше похудела и подурнела, насколько это было возможно, но была хорошо покрашена и причесана. В ответ на ее слова, произнесенные резким голосом, раздался смех. Похоже, она была в ударе.

Нинон взяла ее за руку и подвела к Анжелике:

– Дорогая Ортанс, вы давно хотели познакомиться с мадам Моран. Я приготовила вам этот сюрприз. Вот она.

У Анжелики не осталось возможности избежать встречи. Совсем близко от себя она увидела сладкую приветливую улыбочку на ненавистном лице Ортанс.

– Здравствуй, Ортанс, – произнесла она совершенно спокойно.

Нинон с минуту наблюдала за ними, потом отошла.

Мадам Фалло де Сансе вздрогнула. Ее булавочные глазки расширились, лицо пожелтело.

– Анжелика! – выдохнула она.

– Да, это я. Садись, дорогая Ортанс... Что это ты так удивляешься? Ты и вправду думала, что я умерла?

– Вот именно! – оживившись, резко отвечала Ортанс.

Она, как кинжал, сжимала веер. Лоб нахмурен, рот скривился. Анжелика видела прежнюю сестру.

«Как же она безобразна! Как отвратительна!» – подумала она с прежним детским ликованием.

– И позволь уверить тебя, – резко продолжала Ортанс, – что, по мнению всей семьи, лучшее, что ты могла бы сделать, – это умереть.

– На этот счет у меня иное мнение.

– И очень жаль. Как мы теперь будем выглядеть? Только сейчас начали затихать отголоски этого ужасного дела. Мы с таким трудом заставили свет позабыть, что ты принадлежишь к нашей семье, и вот ты вновь возникаешь, чтобы вредить нам!

– Ортанс, если это тебя пугает, то успокойся, – грустно ответила Анжелика. – Графиня де Пейрак никогда не возродится. Отныне я известна под именем мадам Моран.

Но это не успокоило жену прокурора.

– Так, значит, это ты мадам Моран? Оригиналка, ведущая скандальную жизнь. Женщина, занимающаяся коммерцией, как мужчина или как какая-нибудь вдова булочника. Ты, значит, будешь оригинальничать, чтобы нас бесчестить! Подумать только, что в Париже лишь одна женщина продает шоколад, и это моя собственная сестра!..

Анжелика пожала плечами. Стенания Ортанс ее не трогали.

– Ортанс, – попросила она, меняя тему разговора, – расскажи мне о детях.

Мадам Фалло вдруг замолчала и озадаченно посмотрела на сестру.

– Ну да, о моих детях, – повторила Анжелика – О моих сыновьях, которых я у тебя оставила, когда меня отовсюду выгнали.

Она увидела, что Ортанс вся подобралась, вновь готовая к бою.

– Самое время справиться о детях! Ты вспомнила о них, потому что увидела меня! – прошипела она. – Вот оно, нежное материнское сердце...

– У меня были трудности.

– Прежде чем покупать те драгоценности, что на тебе, мне кажется, ты могла бы побеспокоиться об их судьбе.

– Я была уверена, что у тебя они в полной безопасности. Расскажи о них. Как они поживают?

– Я... я их давно не видела, – через силу отвечала Ортанс.

– Так они не у тебя? Ты отдала их кормилице?

– А что было делать? – воскликнула мадам Фалло в новом приступе ярости. – Могла ли я оставить их у себя, когда у нас не было денег даже на домашнюю кормилицу для моих собственных детей?

– Ну а теперь? Они уже выросли. Что с ними?

Ортанс озиралась с затравленным видом. Вдруг лицо ее изменилось, уголки рта жалобно опустились. У Анжелики появилось странное впечатление, что ее сестра сейчас разрыдается.

– Анжелика, – задыхаясь, продолжала она, – не знаю, как тебе сказать... Твои дети... Ужасно... Твоих детей украла цыганка!

Она отвернулась. Ее губы дрожали. Наступило долгое молчание.

– Как ты это узнала? – спросила наконец Анжелика.

– От кормилицы... когда я поехала в Нейи. Но было уже слишком поздно предупредить конную полицейскую стражу... Прошло уже полгода, как детей похитили...

– То есть ты более полугода не ездила к кормилице и не платила ей?

– Платить?.. А чем? Нам едва хватало на еду. После скандального суда над твоим мужем Гастон потерял почти всю клиентуру. Мы вынуждены были переехать. А в том году еще пришлось вновь выкупать королевские должности. Но как только я смогла, то сразу поехала в Нейи. Кормилица мне все рассказала... Однажды пришла какая-то цыганка в лохмотьях и потребовала детей, утверждая, что она их мать. А когда кормилица хотела позвать соседей, та ранила ее

огромным ножом... И я вынуждена была оплатить ее расходы на аптекаря по лечению этой раны...

Ортанс всхлипнула и поискала платочек в сумочке, висящей на поясе.

Анжелика растерянно смотрела на нее. Слезы, от которых покраснели глаза Ортанс, поразили ее еще больше, чем признание, что сестра приезжала к кормилице.

Жена прокурора спохватилась, что ее поведение необычно.

– Так на тебя это не произвело никакого впечатления? – прошипела она. – Я тебе сообщаю, что твои дети пропали, а ты, как деревянная, нисколько не переживаешь?.. Ах! Как же мы с Гастоном глупы, что годы напролет терзались, думая о малютке Флоримоне, скитающемся... с цыганами по дорогам!

Ее голос дрогнул при последних словах.

– Успокойся, Ортанс, – прошептала Анжелика. – С детьми не случилось ничего плохого. Та... та женщина, приходившая за детьми... это была я.

– Ты!

В испуганных глазах Ортанс промелькнул образ женщины в лохмотьях с острым ножом в руках.

– Кормилица наврала: я не была оборванкой и не угрожала ей ножом. Мне просто пришлось наорать на нее, потому что дети выглядели ужасно. Если бы я их не забрала, ты все равно бы их не увидела, потому что они бы умерли. В следующий раз выбирай кормилицу более осмотрительно...

– Вот именно! С тобой всегда приходится думать о СЛЕДУЮЩЕМ РАЗЕ, – вне себя отвечала Ортанс, поднимаясь. – Ты поразительно беззаботна, заносчива и... Прощай!

Она ушла, опрокинув в порыве ярости табурет.

Оставшись одна, Анжелика долго сидела, сложив руки на коленях и предаваясь раздумьям. Она говорила себе, что иногда люди оказываются лучше, чем это казалось.

Ортанс под влиянием низкого страха выкинула на улицу свою сестру, но испытывала угрызения совести, думая о малютке Флоримоне, ставшем цыганом.

Жизнерадостный южанин Андижос, в обычное время способный только играть в карты и постоянно озабоченный красотой своих

манжет, вдруг начинает войну против короля и четыре года остается во главе войск взбунтовавшейся провинции.

Принц Конде сначала спасает королевство, потом организует заговор убийц, предает, а вслед за тем идет на унижения, чтобы заслужить расположение короля, и в результате оказывается обычным человеком, вся жизнь которого подчинена одной нежной и страстной любви.

Завтра Анжелика пошлет Флоримона и Кантора к Фалло де Сансе с подарками для их кузенов и тетки.

– Вы здесь? – спросила Нинон, приподнимая драпировку. – Я видела, что мадам Фалло ушла. Кажется, она невредима, хотя и в мрачном настроении. А мне помнится, что вы собирались спустить с нее шкуру?

– Поразмыслив, – отвечала Анжелика с обворожительной улыбкой, – я решила, что отомщу еще страшнее, если оставлю ее шкуру на ней.

* * *

Этот день следовало бы отметить белым камешком. В тот вечер между мадам Моран и принцем Конде состоялась та знаменитая партия в ока, которая вошла в светскую хронику, скандализировала людей набожных, привела в восторг вольнодумцев и позабавила весь Париж.

Обычно игра начиналась в тот час, когда приносят свечи. Она могла продолжаться, в зависимости от денежных возможностей игроков, часа три или четыре. Затем следовал легкий ужин, и все возвращались по домам.

При начале партии в ока количество партнеров не ограничивалось.

И в тот вечер игру начали человек пятнадцать. Ставки были велики, и вскоре за столом оставалась половина игроков. Развитие партии замедлилось.

Вдруг Анжелика, которая была рассеянна, потому что упорно думала об Органс, с удивлением заметила, что жестко сражается с принцем, маркизом де Тианжем и президентом Джемерсоном и уже

некоторое время «ведет» в счете. Обожавший ее молодой герцог Ричмонд записывал ее ходы, и, взглянув в записи, она поняла, что находится в большом выигрыше.

– Мадам, сегодня вечером вам везет, – с кривой улыбкой заметил маркиз де Тианж. – Вот уже целый час вы держите ставку и не собираетесь от нее отказываться.

– Я никогда не видел, чтобы игрок так долго держал ставку! – взволнованно воскликнул юный герцог. – Мадам, не забудьте, что, если вы проиграете, вам придется уплатить каждому из этих господ ту сумму, которую вы сейчас выиграли. Еще не поздно остановиться. У вас есть такое право.

Господин Джемерсон начал возмущаться, что зрители не смеют вмешиваться и что, если это продолжится, он потребует очистить гостиную. Его успокоили, напомнив, что он не во дворце, а у мадемуазель де Ланкло. Все ждали решения Анжелики.

– Я продолжаю, – сказала она.

И сдала карты. Президент вздохнул. Он уже много проиграл и теперь надеялся, что ему повезет и во втором круге он сторицей возместит свою неосмотрительность. Никто еще не видел, чтобы так долго держали ставку, как эта дама. Если мадам Моран продолжит, она, к радости всех остальных, неизбежно проиграет. Это очень похоже на женщин, они не умеют вовремя остановиться! К счастью, у нее нет мужа, перед которым необходимо отчитываться, иначе бедняге пришлось бы уже сейчас вызывать интенданта и выяснять, какой наличностью он располагает.

Вскоре после этого президент Джемерсон был вынужден прекратить игру и смущенно отказаться от партии.

Анжелика продолжала вести. Ее окружили присутствующие, и даже те, кто уже готовился уйти, столпились возле стола, вытянув шею.

В продолжение нескольких туров сохранялось равенство. В этом случае Анжелика выигрывала предложенную ставку, но никто из игроков не исключался. Потом господин де Тианж проиграл и покинул стол, утирая вспотевший лоб. Вечер был не из легких! Что скажет его жена, узнав, что им придется выплатить шоколаднице сумму в два годовых дохода? Если она выиграет, конечно! В противном случае она будет принуждена заплатить принцу Конде вдвое больше, чем она

выиграла сейчас. Голова кружится от таких мыслей! Эта женщина сумасшедшая! Она сама себя разоряет. Ни один игрок, даже самый азартный, не посмел бы продолжать игру на этой стадии.

– Остановитесь, любовь моя! – умоляюще шептал на ухо Анжелике юный герцог. – Вам больше не выиграть!

Анжелика положила руку на колоду карт. Твердый гладкий брусочек жег ладонь.

Она пристально посмотрела на принца Конде. Исход партии зависел теперь только от СУДЬБЫ.

Итак, перед ней явилась сама СУДЬБА. У нее была внешность принца Конде – его пылающие глаза, орлиный нос, белые хищные зубы, обнаженные в улыбке. И это уже не колоду карт держала в руках Анжелика, а маленький ларчик, в котором поблескивал флакон с ядом.

Ее окутали потемки и тишина.

А потом от слов Анжелики тишина разлетелась на мелкие осколки, как стекло:

– Я продолжаю.

Сейчас у них еще сохранялось равенство. Вилларсо открыл окно. Он окликал прохожих, приглашая их подняться и посмотреть на самую необыкновенную партию, какой никто еще не видывал с той поры, когда в Лувре его предок в игре с королем Генрихом IV поставил на кон свою жену и полк.

Все столпились в гостиной. Даже лакеи встали на стулья, чтобы издали следить за борьбой. Свечи дымили, с них никто не снимал нагара.

Стояла удушающая жара.

– Я продолжаю, – повторила Анжелика.

– Равенство.

– Еще три тура при «равенстве» – и наступит «выбор ставки».

– Наивысший момент в ока... Такое случается раз в десять лет!

– Раз в двадцать лет, мой дорогой.

– Раз при жизни одного поколения.

– Вы помните, как финансист Тортемер попросил титул у Монморанси?

– А тот попросил целый флот у Тортемера.

– И Тортемер проиграл...

– Мадам, вы продолжаете?

– Я продолжаю.

Столпившиеся зрители едва не перевернули стол и почти задавили обоих игроков.

– Черт подери! – выругался принц, нащупывая свою трость. – Клянусь, что взгрею всех, если вы не дадите нам спокойно дышать. Отойдите! Какого черта!..

Пот струился по вискам Анжелики. И причиной тому была только жара. Она несколько не волновалась. Она не думала ни о своих сыновьях, ни о всех затраченных усилиях, которые она одним махом могла сейчас перечеркнуть.

На самом деле все ей казалось вполне логичным. Слишком долго, как трудолюбивый крот, готовилась она к борьбе с СУДЬБОЙ. И вот она встретилась с ней лицом к лицу, на ее собственной территории, в момент ее безумия. Анжелика схватит ее за горло, поразит кинжалом. Она тоже охвачена безумием, она опасна и не сознает, что делает, как сама СУДЬБА. Сейчас они на равных!

– Равенство.

По комнате пролетел шепот, потом раздались крики:

– Выбор ставки! Выбор ставки!

Анжелика подождала, пока все немного не успокоятся, а потом голоском прилежной ученицы справилась, в чем именно состоит этот наивысший момент в игре в ока.

Все заговорили разом. Затем шевалье де Мере сел возле игроков и дрожащим голосом объяснил правила.

В продолжение этой последней партии партнеры начинают с нуля. Предыдущие долги и выигрыши не считаются. Но зато каждый выставляет свою ставку, то есть не то, что он предлагает, а то, что он хочет получить. И это должно быть что-то очень значительное. Привели примеры из прошлого: так, в предыдущем веке финансист Тортемер потребовал от Монморанси дворянский титул, и напомнили также, что дед Вилларсо согласился, что если проиграет, то уступит противнику жену и полк.

– А могу ли я сейчас выйти из игры?

– Это ваше неотъемлемое право, мадам.

Она сидела, неподвижная и задумчивая. Слышно было, как пролетает муха. Уже несколько часов Анжелике везло. Неужели удача

покинет ее в этот решающий момент?

Вдруг она словно пробудилась, во взгляде появился почти дикий блеск. Но она улыбалась:

– Я продолжаю.

Шевалье де Мере с трудом прочистил горло и сказал:

– На этапе игры «выбор ставки» полагается произнести ритуальную фразу: «Партия принимается. Если я выиграю, то требую...»

Анжелика послушно кивнула и все так же с улыбкой повторила:

– Партия принимается. Если я выиграю, то требую ваш особняк Ботрейи.

Мадам Ламуаньон испустила возглас, а ее супруг поспешно закрыл ей рот рукой.

Все взоры обратились к принцу. Его взгляд пылал гневом. Но он оставался безупречно честным игроком.

Он тоже улыбнулся и поднял гордую голову:

– Партия принимается, мадам. Если я выиграю, то вы станете моей любовницей.

Теперь все взгляды обратились к Анжелике. Она все так же улыбалась. На приоткрытых губах играли отблески света. Влажная золотистая кожа блестела, как гладкий лепесток цветка под утренней росой. Усталость окрасила синевой ее веки, придавая странное выражение чувственности и доверчивости.

Все мужчины вздрогнули. Повисла тяжелая, напряженная тишина.

Шевалье де Мере вполголоса произнес:

– Вы можете еще изменить свой выбор, мадам. Если вы откажетесь – «партия отменяется», и вы возвратитесь к предыдущему этапу игры. Если принимаете – «партия подтверждается».

Рука Анжелики потянулась к картам.

– Партия подтверждается, ваша светлость.

У нее на руках оказались только валеты, дамы и младшие карты – самая плохая взятка за всю игру. Однако после нескольких обменов она сумела составить не слишком ценную комбинацию. У нее оставалось две возможности: сразу открыть карты, понадеявшись, что игра принца Конде сильнее, чем ее, или же случай поможет ей составить лучшую комбинацию. В этом случае принц, возможно

имеющий довольно плохой подбор карт, мог спохватиться и открыть раньше ее комбинацию из короля и туза.

Она минуту раздумывала, а потом открыла карты.

Никакой шум и даже пушечный выстрел не смогли бы так подействовать на присутствующих.

Принц, не отводя глаз от своих карт, не двигался.

Но вот он встал, бросил карты на стол и низко поклонился:

– Особняк Ботрейи ваш, мадам.

Глава XXXIV

Анжелика не могла поверить своим глазам. Это было невероятно, абсурдно, но волею судьбы она вернула особняк Ботрейи!

Держа за руки сыновей, она бродила по роскошным комнатам, и у нее не доставало мужества сказать им: «Все это принадлежало вашему отцу».

Она только повторяла без конца:

– Это все ваше, ваше...

Рассматривать волшебные подробности внутреннего убранства она себе не позволила и оставила за спиной смеющихся богинь, веселый узор из листьев и детских головок, кованые чугунные перила, деревянные стенные панели, выполненные в современном вкусе и заменившие некогда модные тяжелые гобелены.

В полумраке лестниц и коридоров вспыхивала золотом лепнина в виде шаров и цветочных гирлянд, и в это непрерывное сверкание то и дело врывалась ярким бликом рука статуи, держащей светильник.

Принц Конде не любил этот особняк и так и не привел его в порядок. Кое-какую мебель он просто увез отсюда. Все оставшееся он с вельможным великодушием оставил Анжелике.

Он был хороший игрок и устранился, передав оговоренную ставку в руки той, что его обыграла. Быть может, полное безразличие молодой женщины к его особе ранило его гораздо больше, чем он сам себе в том признавался. Ей был нужен только особняк на улице Ботрейи, и он не без мрачной меланхолии спрашивал себя: «Неужели то дружеское чувство, что порой читалось в глазах его милой победительницы, тоже было всего лишь расчетливым маневром?»

Кроме того, принц опасался, как бы отзвуки этой сенсационной партии не дошли до ушей ее величества. Она не одобряла эксцентричных выходов. И принц решил ретироваться в Шантийи.

Анжелика осуществила наконец страстную мечту и с удовольствием бросилась обустраивать и украшать свой особняк. Ее привлекало все новое.

Были приглашены краснодеревщики, золотых и серебряных дел мастера и обивщики мебели. Она велела мэтру Булю изготовить

мебель из плотных сортов древесины и отделать ее слоновой костью, черепаховым панцирем и позолотой. Резную кровать, стулья и стены в ее спальне обтянули бело-зеленым шелком с большими золотисто-розовыми цветами. Стол, маленький столик и стулья в будуаре украсили красивой голубой эмалью. Пол в обеих комнатах, выложенный из ценных пород дерева в стиле маркетри, так благоухал, что его запахом пропитывалась одежда всех, кто на него ступал.

Для росписи плафона в большой гостиной Анжелика пригласила Гонтрана.

Она накупила кучу всякой всячины: китайских безделушек, картин, постельного белья, золотых и хрустальных ваз.

Шкафчик-кабинет черного дерева, усыпанный розовыми и красными рубинами, гранатами и аметистами, считался раритетом итальянской школы и был, пожалуй, единственной вещью, оставшейся от старой мебелировки. Он служил хозяйке конторкой.

В лихорадке покупок Анжелика приобрела для Флоримона маленького белого иноходца и велела обнести загородками апельсиновые деревья, чтобы мальчик мог свободно скакать по саду, где захочет. А в распоряжении Кантора были два огромных, суровых на вид, но ласковых боксера, и он впрягал их в свою маленькую золоченую карету.

Сама же Анжелика поддавалась веяниям моды и купила себе маленькую комнатную собачку, с длинной шелковистой шерстью, произведя тем самым настоящий фурор. Собачку она назвала Хризантемой. Флоримон и Кантор откровенно презирали это маленькое мохнатое существо: они предпочитали собак больших и свирепых.

Наконец для завершения новоселья решено было устроить бал и праздничный ужин, призванные закрепить новое положение мадам Моран. Она уже была не просто шоколадницей из пригорода Сент-Оноре, а стала одной из знатных дам квартала Марэ.

Размышляя о праздничном ужине, она вспомнила об Одиже. Метрдотель мог бы дать ей дельный совет. Но они виделись месяца три назад. В последнее время Анжелика запустила дела, но теперь, по счастью, два ее корабля благополучно возвратились из Вест-Индии, и можно было тратить деньги не считая. Она собиралась вдвое повысить жалованье Одиже.

Ей было известно, что герцог, а потому и граф Суассон поехали с королем в Руссильон, и она подумала, что Одиже тоже входил в состав свиты.

Получалось, что ее компаньон, всегда такой обязательный и предупредительный, уехал из Парижа, не попрощавшись с ней? Удивительно.

На всякий случай она отправила ему записку, где спрашивала, нет ли новостей, и выражала желание его увидеть.

Он появился на другой день, с мрачным и постным лицом.

– Ну как вам мой дворец? – весело спросила Анжелика, встречая его. – Это самый красивый особняк в Париже, не так ли?

– По правде говоря, я об этом не думал, – замогильным голосом ответил Одиже.

Анжелика скорчила гримаску:

– Вы все еще сердитесь? И даже не порадуетесь моей удаче?

– Удачи бывают разные, – чопорно заметил метрдотель. – Я преклоняюсь перед той, что всегда добивалась успеха трудами и умом. Но говорят, что свой дворец вы выиграли в карты.

– Это верно.

– И еще говорят, что в случае проигрыша вы обещали принцу Конде стать его любовницей?

– И это верно.

– Ну и что бы вы сделали, если бы проиграли?

– Я стала бы его любовницей, Одиже! Вы прекрасно знаете, что для меня долг чести – это святое.

Круглое лицо метрдотеля побагровело, и он глубоко вздохнул. Анжелика поспешила прибавить:

– Но я же не проиграла! И теперь этот прекрасный дом – мой! Разве это не стоило риска и, скажем... кокетства?

– Посеете кокетство – пожнете обманутую женушку или рогоносца, – мрачно изрек Одиже.

– Глупо рассуждаете, друг мой. Взгляните в лицо реальности. Я не проиграла, и вы не обзавелись рогами... хотя бы из того здравого соображения, что мы с вами не женаты. Что-то вы редко об этом вспоминаете.

– Как я могу забыть, Анжелика? Я только этого и жажду, уже весь извелся.

И он протянул к ней руки.

– Анжелика, давайте поженимся, умоляю вас, поженимся, пока не поздно.

– Пока не поздно? – удивленно переспросила она.

Сбежав по лестнице навстречу Одиже, Анжелика так и осталась стоять на нижней ступеньке.

Ее маленькая, вся в кольцах рука изящно опиралась на перила из резного камня. Домашнее платье из черного бархата оживляло янтарную смуглость кожи, шею украшало жемчужное ожерелье. В гриве золотистых вьющихся волос, как серебряные розы, как волнующие, нездешние украшения, смотрелись седые завитки.

В большом полупустом доме хрупкая фигурка вдовы выглядела очень одинокой, но ее зеленые глаза сразу отметали любую попытку проявить к их хозяйке милосердие или жалость. Они медленно обвели взглядом роскошное убранство вестибюля, мозаичный пол, высокие окна, выходящие во двор, потолок с кессонами и цифровым орнаментом, который никому так и не удалось уничтожить.

– Пока не поздно? – тихо, словно про себя, произнесла она. – Да нет, не думаю!

Для Одиже эти слова были как пощечина. Он вдруг почувствовал, какая пропасть отделяет его от Анжелики. Бедняга никак не мог взять в толк, в результате какой неумолимой метаморфозы скромная служанка из «Красной Маски» вдруг превратилась в высокомерную даму. Он ничего за этим не видел, кроме честолюбивых амбиций.

Метрдотель в своей наивной простоте был начисто лишен интуиции и не сумел разглядеть, что здесь за спиной одинокой молодой женщины угадывалась другая фигура, трагический образ ее любимого мужа Жоффрея де Пейрака, графа Тулузского, которого сожгли на Гревской площади как колдуна. Даже мертвый, он оставался бесспорным хозяином особняка.

Хорошо зная повадки аристократов, их изощренную глупость и спесь и не раз став жертвой их острых зубов, он был уверен, что бедная девочка расшибется о непреодолимый барьер и настанет день, когда она придет к нему, трепещущая, жалкая, но наконец поумневшая. Но все вышло наоборот: это она за ним послала, это она пожелала его видеть, потому что поняла, что во всех сумасбродных выходках ей

нужен его дружеский совет и никто, кроме него, такого совета дать не сможет.

– Вы написали, – с надеждой спросил он, – что хотите меня видеть?

– О да, Одиже! – воскликнула она, довольная, что можно сменить тему разговора. – Представьте себе, я задумала званый ужин и хотела бы, чтобы вы взяли на себя сервировку стола и руководство лакеями.

Он снова покраснел. Поняв свой промах, она осеклась:

– Разве не само собой разумеется, что я обратилась к вам? Вы самый замечательный метрдотель из всех, кого я знаю, и никто лучше вас не умеет складывать салфетки самым неожиданным и забавным образом...

Одиже то краснел, то бледнел. Ему одновременно хотелось и ругнуть Анжелику крепким словом, и ударить ее, и молча уйти, и покорно повиноваться, и прострелить себе мозги... С горечью подумал он, что только женщины могут сделать из мужчины такое посмешище, и решил, что ему лучше уйти.

– Сожалею, но на меня не рассчитывайте, – хрипло выдавил он и, отвесив низкий поклон, удалился.

Пришлось обходиться без Одиже. Впрочем, праздник, который мадам Моран устроила в своем особняке Ботрейи, удался на славу.

На него не погнушались явиться даже титулованные особы. Мадам Моран танцевала с Филиппом дю Плесси-Бельером, который был ослепителен в светло-голубом с сиреневым отливом костюме. На Анжелике было ярко-синее бархатное платье, обшитое золотым сутажом, и наряды партнеров чрезвычайно друг с другом гармонировали. Они были самой великолепной парой вечера. Анжелика удивилась, заметив, как ледяное лицо Филиппа осветилось улыбкой, когда он, высоко держа руку партнерши, вел ее через весь зал в бранле.

– Сегодня вы больше не баронесса Унылое Платье, – сказал он.

Она ревниво сохранила в памяти эти слова как внезапно обретенную редкую драгоценность. Тайна ее происхождения делала их сообщниками. Он помнил бедную серую уточку, чья рука дрожала в руке красавца-кузена.

«Ну и дуреха же я была!» – подумала она, склонив голову и задумчиво улыбаясь далекой юности.

Едва Анжелика закончила обустройство дома, как на нее нахлынула тоска. Одиночество в по-королевски обставленных покоях ее угнетало. Особняк Ботрейи слишком много значил для нее. В особняке никто никогда не жил, но у нее было такое чувство, что он полон воспоминаний и состарился от долгой муки.

«Это воспоминания о том, что должно было быть», – размышляла Анжелика теплыми весенними вечерами, проводя долгие часы у окна или возле огня. Она забросила все привычные дела, ее словно мучила какая-то болезнь, которую она не могла распознать. Ее тело – тело молодой женщины – было одиноко, а сердце и душа ощущали чье-то незримое присутствие. Случалось, что она внезапно вскакивала с места и с канделябром в руке спускалась к входу, ожидая сама не зная чего...

Кто-то вошел?.. Нет, все было тихо. Дети спали в своей спальне под присмотром преданных служанок. Она возвратила им отцовский дом.

Анжелика укладывалась в великолепную постель и не могла согреться. Она прикасалась к своему молодому, упругому телу и грустно поглаживала нежную кожу. Ни один из живущих мужчин не сможет уже утолить ее желаний. Она всю жизнь будет одинока!

Та часть квартала Марэ, где находился особняк Ботрейи, изобиловала множеством средневековых руин, поскольку здесь некогда высился дворец Сен-Поль, при Карле VI и Карле VII служивший любимой резиденцией французских королей. Дворец предназначался для монархов и принцев, и вокруг него располагались жилые постройки, галереями соединявшиеся с дворами и садами. Там размещались птичники, конюшни и площадки для игр и турниров. Знатные вассалы строили свои дома в непосредственной близости к королю. Островерхие крыши и башенки их добротных особняков, точно таких как в Сансе или в Реймсе, вклинивались в рельефы новых зданий. Сплошь и рядом уцелевшие средневековые постройки, как языки пламени, взметали в небо свои покосившиеся силуэты, контрастируя с прекрасными фасадами зданий, которые проектировали Мансар и Перро.

В глубине сада у Анжелики все еще действовал старинный колодец, зубцами и ажурной резьбой напоминающий изделие какого-нибудь ювелира. Его окружали три круглые ступени, и если по ним подняться, то можно было присесть на край колодца и помечтать в свое удовольствие под кованым железным козырьком, поглаживая пальцами фигурки саламандр на замшелом камне.

Однажды теплым лунным вечером, когда Анжелика прогуливалась по саду, она увидела, как высокий седой старик черпает из колодца воду. Она узнала слугу, который приносил дрова и смотрел за свечами. Когда она въехала в особняк Ботрейи, старик уже там был. Это о нем принц Конде сказал, что он служил еще прежнему владельцу.

Анжелика редко заговаривала со стариком. Остальная прислуга называла его «дедушкой». Она поинтересовалась, как его зовут.

– Паскалу Аранжан, госпожа, к вашим услугам.

– По имени сразу можно догадаться, откуда ты родом. Ты ведь гасконец или беарнец?

– Я из Байонны, госпожа, словом, баск.

Она задумчиво провела языком по губам, размышляя, продолжать ли разговор.

Старик вытащил бадью из колодца, и вода брызнула на край, сверкнув в лунном свете.

– А это правда, что тот, кто построил этот особняк, был родом из Лангедока?

– Если точнее, он был родом из Тулузы.

– А как его звали?

Ей хотелось услышать имя, чтобы с горечью и нежностью узнать, что оно все еще живо в памяти старика, который, может статься, был приближен к хозяину и, наверное, его любил. Но старик быстро перекрестился и принялся испуганно оглядываться:

– Тише! Его имя нельзя произносить. Он проклят!

У Анжелики сердце облилось кровью.

– Так это правда? – спросила она, все еще продолжая играть роль. – Говорят, его сожгли как колдуна...

– Говорят...

Старик вдруг очень пристально на нее посмотрел. Его выцветшие глаза глядели вопросительно, словно он колебался, довериться ей или

нет. И тут морщины на его лице внезапно сложились в злобную усмешку.

– Говорить-то говорят, но это неправда.

– Почему?

– На Гревской площади вместо него сожгли другого, мертвеца. На этот раз сердце у Анжелики застучало в груди, как барабан.

– Откуда ты знаешь?

– А я его видел.

– Кого?

– Его... Проклятого графа.

– Видел? Где?

– Здесь... Однажды ночью... в галерее, там, внизу... сам видел.

Анжелика вздохнула и устало закрыла глаза. Что за безумие искать надежду в бреднях старого слуги, которому почудился призрак! Дегре был прав, когда говорил, что о НЕМ нельзя не только говорить, но и думать.

Но старика Паскалу уже понесло.

– Это было в ночь после сожжения. Я спал во дворе, возле конюшни, и был один, потому что привратник тогда ушел. А я остался. А куда прикажете мне идти? Я услышал шум на галерее и узнал его шаги.

Его беззубый рот искривился в беззвучном смехе.

– Да как не узнать его походку?.. Шаги Великого Лангедокского Хромого! Я засветил фонарь и вошел в галерею. Шаги раздавались впереди меня, но я никого не видел, потому что там галерея поворачивала. Но когда я зашел за поворот, я его увидел! Он стоял, прислонившись к двери в часовню, и обернулся ко мне...

По телу Анжелики пробежала дрожь.

– Ты его узнал?

– Я его узнал, как собака узнает хозяина, но лица его я не видел. На нем была маска... Маска из черненой стали... И тут он вдруг ушел в стену, и больше я его не видел.

– Уходи, – простонала она, – ты меня напугал до смерти...

Старик удивленно на нее посмотрел, вытер нос рукавом, поднял бадью и послушно ушел.

Анжелика добралась до спальни в неопишуемой панике. Так вот отчего в этих стенах ее охватывает то радость, то боль. Здесь бродит призрак Жоффрея де Пейрака. Жоффрей де Пейрак – призрак! Какая печальная участь для того, кто был сама жизнь, кто любил жизнь во всех ее проявлениях и чье тело было создано для наслаждений!

Она закрыла лицо руками и почувствовала, что сейчас расплачется.

Вдруг в ночной тишине кто-то запел нежным, небесным голосом, как поют ангелы над долинами в рождественский вечер.

Поначалу Анжелика подумала, что ей почудилось. Но чем ближе она подходила к коридору, тем явственнее слышался детский голос. Взяв подсвечник, она пошла по направлению к спальне сыновей. Тихонько приподняв дверную занавеску, она застыла, зачарованная представшей перед ней картиной.

Ночник из позолоченного серебра мягко освещал альков, где спали мальчики. Стоя на огромной постели, Кантор, в белой ночной рубашке, сложив пухлые ручки на животе и подняв к небу глаза, распевал, как ангел в раю. Голос его был необыкновенно чистым, а по-детски произнесенные слова звучали особенно трогательно:

В день Роздества
Родился Исюс.
Он родился в хлеву
На солёме,
Он родился в дальнем углу
На сене.

Флоримон, откинувшись на подушку, слушал его с явным удовольствием.

Тихий шорох вернул Анжелику к действительности. Рядом с ней стояла Барба и вытирала выступившие на глазах слезы умиления.

– Мадам не знала, что наше сокровище так прекрасно поет? – прошептала она. – Я хотела сделать мадам сюрприз. Но наш певец такой застенчивый. Он хочет петь только для Флоримона.

И в сердце Анжелики боль снова сменилась радостью.

Кантор унаследовал душу трубадура. Он запел. Жоффрей де Пейрак не умер, он продолжает жить в сыновьях. Один очень на него похож, другой поет, как он...

И она тут же решила отдать Кантора на обучение придворному капельмейстеру господину Люлли.

Глава XXXV

Анжелика обосновалась в том прекрасном квартале Парижа, где сосредоточился цвет высшего общества. Здесь строили множество светлых домов с чуть наклонными фасадами. Дворы и сады частных особняков образовывали посреди теснящих друг друга зданий островки зелени, где ароматы апельсиновых деревьев мешались с крепким запахом конюшен.

У мадам Моран было две кареты, шестерка лошадей, два конюха и четыре лакея. Прислугу составляли два камердинера, повар, секретарь, множество служанок и бесчисленное число горничных и поварят.

Чтобы окончательно утвердиться в статусе знатной дамы Марэ, ей следовало бы являться в церковь в сопровождении как минимум трех лакеев: один нес бы подушку, другой – шлейф, а третий – вышитую сумочку с молитвенником.

Но Анжелика редко ходила в церковь, точнее, совсем не ходила. И это ее очень расстраивало, поскольку наносило вред ее репутации. Но обителище Бога для нее было местом всегдашних мучений. Ей вспоминалось, как в детстве она совершила преступление... А потом перед глазами вставал костер на Гревской площади и распятие в поднятой руке монаха Беше...

Ее начинало физически тошнить, и она выбегала на паперть, в толпу нищих, сидящих на ступенях.

Она вынуждена была отказаться посещать службу вместе с подругами, и в обществе не переставали этому удивляться. В те времена, когда соблазнами считались либо плотский грех, либо ересь, но уж никак не вера в Бога, ее целомудренная жизнь и полное отсутствие религиозности всех потрясали.

Мадам Скаррон не раз пыталась втайне наставить Анжелику на путь истинный. Ей казалось, что та подпала под влияние прелестницы Нинон, которая, начитавшись греческих философов, обрела такую вольность в мыслях, что начала просто скандально себя вести.

Анжелика часто встречалась со вдовой Скаррон и на строгих приемах во дворце д'Омон, и на более свободных и оживленных собраниях у мадам де Монтеспан. Франсуаза обычно предлагала

проводить ее, и они шли пешком, выбравшись из тесной кареты и не обращая внимания на то, что ходить по улицам в их кругу считалось проявлением дурного вкуса. Что их объединяло? Нищенское прошлое, то, что обе они тайком пользовались услугами мамыши Кордэ? Анжелика и опасалась мадам Скаррон, и любила ее по одной и той же причине: та поразительно умела слушать. Ее мелодичный голос, ненавязчивое внимание и неподдельный интерес вселяли в самое неподатливое сердце желание раскрыться. Анжелика всякий раз трепетала, чтобы, не дай бог, не сказать лишнего. А мадам Скаррон вспоминала, что родилась она в тюрьме и в двенадцать лет в Ла-Рошели выпрашивала тарелку супа у иезуитов. А потом, живя у своей тетки де Навей, где с ней обращались как со служанкой, она путешествовала верхом на одном из мулов, везущих носилки с кузиной.

Тая друг от дружки свои старые беды, они тем не менее чувствовали, что нелегкие судьбы сблизили их, и встречались всегда с удовольствием.

Другой подругой, жившей по соседству, которую Анжелика охотно посещала, была очаровательная маркиза де Севинье.

Она, как и мадам Скаррон, была до сих пор верна любви к давно умершему мужу, с той только разницей, что у Франсуазы эта страсть переросла в неумные тайные амбиции, а мадам де Севинье, по ее собственным словам, «наполнила свое сердце дружескими чувствами». Провести с ней несколько часов, а потом получать ее живые и умные письма было истинным наслаждением.

Анжелика приезжала к ней, чтобы послушать разговоры о Версале, где маркиза время от времени бывала по экстренному вызову короля, который очень ценил ее компанию. Она увлеченно, с жаром, рассказывала о тамошних увеселениях: о турнирах, балетах, комедиях, фейерверках, прогулках. Заметив, какими печальными становятся глаза Анжелики, она всегда восклицала:

– Не надо так расстраиваться, дорогая! Версаль – это царство неразберихи, и там вечно такая толкотня, что во время праздников придворные приходят в бешенство, потому что король не обращает на них внимания. Однажды получилось так, что господа де Гиз и д'Эльбеф не смогли найти себе пристанища на ночь и им пришлось заночевать в конюшне.

Однако Анжелика была убеждена, что господа де Гиз и д'Эльбеф предпочли бы еще раз заночевать в конюшне, только бы их не отлучали от версальских празднеств. И она не ошибалась.

Королевский замок, куда стекался весь свет и где она не желала появляться до тех пор, пока не сможет войти туда во всем блеске, приобрел в глазах Анжелики волшебное сияние миража. Этот несравненный мираж стал единственным средоточием всех ее помыслов. Попасть в Версаль! Но найдется ли при дворе «короля-солнце» место для шоколадницы, пусть даже и очень богатой?

Она убеждала себя, что когда-нибудь да найдется. Ведь она уже столько сумела добиться!

Людовик XIV тратил сумасшедшие суммы на украшение Версаля.

– Он заботится о красоте своего дома не меньше, чем о красоте собственной физиономии, – сказала как-то мадам де Севинье.

Когда умерла от рака королева-мать, король, потеряв сознание у ее изголовья, уехал затем в Версаль и пробыл там три дня, блуждая среди липовых аллей, подстриженных шарами самшитовых кустов и мраморных богов и богинь. Версаль был ему как бальзам на рану. Он обливался слезами, нежно призывая ту, что сделала его королем, и видел перед собой ее образ. Она являлась ему в черном платье, которое оживляли либо яркое фигаро, либо кружева и великолепная нитка жемчуга, спускавшаяся до колен, с бриллиантовым крестом... У него перед глазами стояли прелестные маленькие руки... Он подолгу задерживался в покоях, где принимал ее, которые были украшены так, как любила Анна Австрийская: пышными, как кусты, букетами жасмина и китайскими безделушками из золотой и серебряной филигрании. В Версале, по крайней мере, он не доводил мать до слез.

Примерно в то же время потеряла мать мадам де Монтеспан, и ее траур вкупе с трауром придворным ненадолго задержал дома шальную пуатевинку. Она теперь чаще бывала у Анжелики, спасаясь от кредиторов и домашней скуки, и в ее всегдашнем веселье сквозила нотка затаенного страдания. Она рассказывала о своем детстве. Отец ее был прожигателем жизни, а мать – ханжой. Супруги совсем не виделись, потому что одна с утра до вечера пропадала в церкви, а другой кутил ночи напролет. Совершенно непонятно, как они умудрились родить нескольких детей. Атенаис говорила и о дворе, но с

недомолвками и плохо скрытым раздражением: королева – дура набитая, а Лавальер – жалкая кривляка. Когда король наконец решится ее бросить? В его свите полно дам, которые готовы занять ее место... Говорят, мадам дю Рур и мадам де Суассон ездили к Вуазенше, чтобы отравить Лавальер.

В Париже ходило много разговоров о ядах, и не было ничего удивительного в том, что три престарелые дамы в Марэ велели во время еды приносить им «креданс» – маленькую шкатулку, битком набитую жабым камнем или рогом единорога, – и еще золотую или серебряную солонку с толчеными змеиными языками. Все это при случае должно было пригодиться в качестве противоядия.

Новое поколение все эти ухищрения презирало. Однако много людей погибало самым таинственным образом, и врачи обнаруживали, что их внутренности сожжены каким-то разъедающим составом. По словам полицейского Дегре, создавалось впечатление, что «кто-то вместе с бульоном преподнес им пулю из пистолета».

Еще одной соседкой Анжелики была маркиза де Бренвилье. Она жила в двух шагах, на улице Карла Пятого. С этой дамой в квартале Марэ Анжелика столкнулась по чистой случайности. Много лет назад она вместе с бандой Каламбредена напала на маркизу возле Нельских ворот.

Мадам де Бренвилье ее не узнала, – по крайней мере, Анжелика на это надеялась. Явившись к маркизе с визитом, она чувствовала себя крайне неловко, и у нее перед глазами маячил золотой браслет, лежавший в шкатулке возле кинжала Родогона Цыгана.

Мадам Моран пришла к сестре лейтенанта полиции месье Обре с просьбой. Старший месье Обре недавно скончался, но все дела принял его сын, и Анжелика надеялась на помощь мадам де Бренвилье: та могла замолвить словечко своему брату. Речь шла об освобождении одного бедняги, арестованного за попрошайничество, которого мадам Моран знала когда-то и теперь хотела принять к себе в услужение.

Бродяга был не кто иной, как Легконогий.

Однажды Анжелика проезжала в карете по улице Пилори и узнала вытянутое лицо и печальные глаза Легконового, привязанного к позорному столбу.

Она была потрясена: нелегкое ремесло скорохода-посыльного сделало простодушного парня инвалидом, и он дошел до того, что стал

просить милостыню. Но даже в Нельской башне Анжелика никогда не видела, чтобы он воровал. Как только он начал нищенствовать, Каламбретен счел, что будет справедливо его кормить и давать ему ночлег, не спрашивая ничего взамен.

Анжелика велела остановить карету и соскочила на землю. Не заботясь о том, что на них начали глазеть прохожие, она спросила арестанта:

– Легконогий, дружок, ты как тут оказался?

– О! Это ты, Маркиза Ангелов! – ответил бедняга. – А я знаю, как я тут оказался? Меня схватил сержант, а потом они потащили меня к себе на колокольню. А вот за что – это уже другой вопрос.

– Подожди немного, я тебя вызволю.

Чтобы не тратить время попусту, Анжелика напрямик направилась к месье д'Обре и добилась, чтобы дознание прошло как можно быстрее. Приказ об освобождении подписали на следующий день. Мадам де Бренвилье пригласила Анжелику на ближайший из своих вечеров. Там собралось множество очаровательных людей, и среди прочих шевалье де Сент-Круа. Все прекрасно знали, что означенный шевалье был официальным любовником хозяйки...

Легконогий получил красивую ливрею и был назначен камердинером при Флоримоне и Канторе. Он особенно и делать ничего не умел, но был очень добрым и мягким человеком и рассказывал детям множество интересных историй. А большего от него и не требовалось.

Он был не первым обитателем Нельской башни, кого Анжелика принимала в особняке Ботрейи. Были и другие: неисправимые попрошайки, калеки и бродяги быстро нашли дорогу к дому Анжелики, где три раза в неделю они получали горячий суп, хлеб и одежду. На этот раз она не просила, чтобы Жанен избавил ее от этих бродяг. Помощь бедным входила в обязанности каждой знатной дамы, и она имела право принять их всех.

Хотя фамильярность Одиже ей докучала, заставляя вспоминать об униженном положении служанки, бедняки всегда оставались для нее «братишками». И она не боялась говорить с ними на арго и не понижала голоса, чтобы слуги не услышали. Бродяги, услышав такую речь, заливались громким хохотом. Как она хорошо знала этот хохот...

Разве сможет она забыть Нельскую башню, запах булькающего в котелке рагу, маленьких старушек, глодающих кости дохлых крыс, которых притащил Крысолов, чудовищный танец папаши Юрлюро и мамыши Юрлюрет, пение скрипочки, громкий смех, крики, хрипы?..

Она открыла свои двери для всех. И ледяными зимними утрами, когда нечистое дыхание бродяг облачками плыло по воздуху, она наблюдала, как они, словно дикие звери, сходились к ней.

«Бедный люд ужасен», – говорил господин Венсан.

Да, они были ужасны. Но Анжелика знала, насколько невзгоды и озлобленность калечат и тела и души. Она и сама была вовлечена в этот гнусный водоворот.

И в ней эхом отозвался добрый старческий голос, который призывал всех к милосердию, – голос господина Венсана: «Бедняки, которые не знают, что им делать и куда идти, которые бродят в одиночестве и в нищете и множатся день ото дня, – вот мое бремя и моя боль!»

И она, стоя на коленях на каменном полу, мыла им ноги, накладывала повязки на язвы. Только они да еще двое ее детей могли вновь оживить источник любви в ее окаменевшем сердце.

Вскоре после случая с Легконогим у нее объявился Сухарь. Старик ничуть не изменился. Как всегда, он был увешан раковинами и четками и строил из себя пилигрима. И вот что услышала Анжелика, пока перевязывала ему застарелую язву, опоясывающую ногу:

– Сестренка, я пришел тебя предупредить: если тебе дорога твоя шкура, прекратила бы ты свои штучки.

– Что ты такое говоришь, Сухарь? Что я еще натворила?

– Ты – ничего. А вот другая...

– Что за другая?

– Да твоя подружка, что уже восемь дней кряду трется возле тебя. Я нынче видел, как она от тебя выходила.

Анжелика вспомнила, что сегодня ей нанесла визит мадам де Бренвилье.

– Такая маленькая, в амарантовом манто?

– Не знаю, амарантовое у нее манто или нет, зато эту даму знаю достаточно, чтобы сказать: опасайся ее, как дьявола.

– Что ты, Сухарь, это же мадам де Бренвилье, сестра лейтенанта полиции.

– Может быть. Но я тебе говорю: бойся ее.

– Да откуда ты ее знаешь?

– Это длинная история. Однажды, когда было холодно, я заснул на паперти церкви Святой Оппортуны. А очнулся уже в Отель-Дьё. Одеяло, матрас, занавески и на голове – колпак. Никогда еще у меня не было такого жара. Ну и потом отказали ноги... И я остался в больнице... Там было хорошо! И эта дама приходила нас навещать. Приносила варенье, окорок... Добрая была дама. Вот только те больные, кто все это ел, дохли как мухи. А я глядел в оба... Похоже, я один догадался. И вот однажды она явилась и говорит мне таким елевым голоском: «Вот сладости для вас, бедняжка». А я ей в ответ: «Нет, мне пока неохота отправляться к Господу, помирать то есть не хочу!» Она на меня так зыркнула! Прямо адским пламенем обдала! Вот почему говорю тебе: остерегись, Маркиза Ангелов, не надо к ней ходить.

– Да что ты себе навывдумывал, Сухарь?

– Навывдумывал... навывдумывал... Я верю в то, что вижу. А еще я знаком с одним слугой по прозвищу Шоссе. Он в услужении у месье Сент-Круа, ухажера этой Бренвилье. Так вот, он мне рассказывал занятные вещи...

Анжелика задумалась. Имя Сент-Круа она слышала в связи с походом к старику Глазеру, когда нашла мышьяк. И разве Дегре не говорил ей: «В наше время преступников надо искать не на улицах, а в других местах... Может быть, в салонах?»

Она вздрогнула. Ничего себе спокойный квартал Марэ! Сколько же еще драм таится за воротами, над которыми красуются каменные фамильные гербы! Воистину нет покоя в этом мире...

– Ладно, Сухарь, я больше не пойду к этой даме. Спасибо, что предупредил.

И она принесла ему вина и ветчины.

– Не очень-то тяжела твоя котомка, Сухарь.

Старик посмотрел на заснеженную улицу, которая была его единственным домом, и подмигнул:

Ох уж эти мне бедные люди,
Вечно с ними случается что-то,
Вечно бегают от кого-то,

А счастье их в том, что будет...

Почти сразу за ними к Анжелике явился длинноносый полицейский. За последние годы она редко встречала Дегре и при встрече всегда смущалась. Он вел себя с ней очень вежливо, но она ни на минуту не забывала о той brutальной и чувственной сцене, которую он ей устроил когда-то. В его присутствии она чувствовала себя униженной, а потому немного его побаивалась.

Поскольку он известил о своем визите, Анжелика, поморщившись, хмуро спустилась вниз. Она проводила Дегре в кабинет, где обычно принимала писемоводителей и поставщиков.

– У вас не особенно довольный вид, мадам, – заметил он весело. – Это потому, что я пришел? А я хотел поздравить вас с восхитительным домом, в котором вы так отлично устроились. Одному Богу известно, как он вам достался...

– Богу, может быть, и неизвестно, – ответила Анжелика, – зато вам известно прекрасно. Перестаньте притворяться, господин полицейский, и говорите без обиняков, чему я обязана вашим визитом.

– Вы, как всегда, честны в делах, как я погляжу. Хорошо! Перейдем к делу. Вы соседствуете и, я полагаю, дружите с некой мадам де Бренвилье. Не могли бы вы меня при случае ей представить?

– Зачем это вам? Вы же полицейский и вправе явиться в дом к ее брату без всяких посредников.

– Мне бы именно в таком качестве и не хотелось ей представляться. Я бы мог быть, к примеру, молодым человеком из вашего окружения, которого пленили ее прекрасные глаза, и теперь он сгорает от желания за ней поухаживать.

– Но зачем? – повторила Анжелика, в безотчетной тревоге стиснув руки. – Почему вы просите об этом меня?

– У вас, моя милая, уже достаточный опыт в некоторых делах, и вы могли бы быть мне полезны.

– Я не хочу быть вам полезной! – выкрикнула она. – И не хочу вводить вас в салоны, где вы будете обдѣлывать свои грязные делишки. Я не желаю ходить к этой даме... И не желаю иметь ничего общего со всеми вами... со всей этой жутью. Пусть меня оставят в покое!

Она дрожала всем телом.

Дегре посмотрел на нее с удивлением:

– Что с вами? Честное слово, у вас нервы не в порядке. Я видел вас в страхе, видел в отчаянии, но никогда вы не боялись по пустякам, без видимых причин. Но сейчас, как я вижу... Здесь вам спокойно, здесь вы в безопасности.

– Нет, я здесь не в безопасности, потому что вы сюда являетесь и всегда будете являться! Вы спекулируете на моем прошлом, чтобы меня уличить... непонятно в чем. Я ничего не знаю, ничего не желаю знать, ничего не желаю ни видеть, ни слышать!.. Неужели вы не понимаете, что однажды я уже все потеряла из-за чужих интриг?.. У меня еще впереди длинный путь, и если я дрожу, то это оттого, что вы все объединились, чтобы опять все у меня отнять... Оставьте меня, забудьте обо мне. О Дегре, я вас умоляю!

Он слушал задумавшись, и ей показалось, что в его карих глазах промелькнуло какое-то необычное выражение. Такие глаза бывают у побитой собаки. Он поднял руку, словно хотел погладить ее по щеке, но так и не отважился.

– Вы правы, – вздохнул он. – Вам причинили слишком много зла. Живите спокойно. Никто вас не тронет, милая.

И он ушел. Больше Анжелика его не видела.

Она почувствовала явное облегчение, хотя на душе и осталась неосознанная боль.

Ей не хотелось думать о прошлом, которое она уже начала сдирать с себя, как грязную одежду.

Пусть Бренвилье перетравит хоть все свое семейство – Анжелике было все равно. Она не станет вмешиваться в это дело и помогать полицейскому разоблачить отравительницу.

У нее была другая цель. Она хотела быть принятой в Версале.

Самыми трудными оказались последние шаги на этом подъеме. Она выдохлась. И чувствовала: чтобы достичь цели, ей придется выдержать последний бой, самый тяжелый и жестокий...

Очень важное очко она выиграла, когда случай свел ее с братом, иезуитом Раймоном де Сансе.

Глава XXXVI

Однажды вечером, когда уже совсем стемнело и Анжелика собиралась посыпать песком письмо к своей подруге Нинон де Ланкло, ей доложили, что ее спрашивает какой-то монах. На пороге стоял аббат, который сказал, что ее срочно хочет видеть брат Раймон де Сансе.

– Прямо сейчас?

– Тотчас же, мадам!

Анжелика поднялась к себе, чтобы надеть плащ и маску. Странное время выбрал иезуит, чтобы увидеться с сестрой, да к тому же еще вдовой колдуна, сожженного на Гревской площади!

Аббат сказал, что идти недалеко. Пройдя буквально несколько шагов, они оказались перед старинным средневековым особняком, прилежавшим к коллегиальной церкви иезуитов. В вестибюле провожатый Анжелики растворился, как черный призрак. Она поднялась по лестнице, глядя наверх, где угадывался силуэт высокого человека с канделябром в руке.

– Это вы, сестра?

– Я, Раймон.

– Проходите, прошу вас.

Она пошла за ним следом, ни о чем не спрашивая. Между ними сразу возникла связь, всегда объединявшая семейство Сансе де Монтелу. Он провел Анжелику в маленькую келью, слабо освещенную ночником. В глубине алькова она с трудом различила бледное личико с закрытыми глазами – то ли женское, то ли детское.

– Она очень больна. Может быть, умирает.

– Кто это?

– Мари-Агнес, наша сестра.

Он помолчал, потом сказал:

– Она укрылась пока у меня. Я дал ей отдохнуть, однако, учитывая природу ее болезни, мне понадобились женский опыт и женский совет. И я подумал о тебе.

– Правильно сделал. Что с ней?

– Она потеряла много крови. Думаю, неудачный аборт.

Анжелика осмотрела сестру. Движения ее были по-матерински точными и спорыми, она наверняка знала толк в лечении. Кровотечение было несильным, но продолжительным.

– Надо как можно скорее остановить кровь, иначе она умрет.

– Я подумал о том, чтобы позвать врача, но...

– Врача!.. Он пустит ей кровь, и это погубит ее окончательно.

– К несчастью, я не могу привести сюда повитуху: они все ужасно любопытны и охочи до сплетен. Наш устав хоть и свободен, но достаточно строг. Меня никто не осудит, если я буду втайне ухаживать за больной сестрой, но мне следует избегать огласки и сплетен. И для меня затруднительно лечить ее здесь, ведь это здание принадлежит семинарии... Ты должна меня понять...

– Как только ей окажут помощь, я перевезу ее к себе. А пока надо срочно послать за Большим Матье.

Четверть часа спустя Флипо мчался к Новому мосту, свистя на ходу, чтобы нищие его узнавали. Анжелика уже обращалась к Большому Матье, когда Флоримона зацепило каретой, и знала, что у знахаря есть чудодейственное средство, чтобы останавливать кровь. А еще он умел, когда его вызывали, укутываться в плащ, неотличимый по цвету от стенки, и держать язык за зубами.

Большой Матье явился быстро и осмотрел больную проворно и энергично, как и подобало опытному практику. При этом он, по обыкновению, ворчал:

– Ах, юная дама, отчего же вы не пользуетесь электуариями целомудрия, которые Большой Матье продает у Нового моста? Они готовятся из камфары, лакрицы, виноградных косточек и цветов водяной лилии. Достаточно принять утром и вечером два-три драже и запить их стаканом молочной сыворотки, предварительно окунув туда кусочек раскаленного железа, чтобы обуздать излишний жар Венеры, за который приходится так дорого платить...

Но бедняжка Мари-Агнес не могла услышать эти запоздалые рекомендации. Щеки ее ввалились, под глазами залегли лиловые тени, и лицо в обрамлении густых черных волос казалось безжизненной восковой маской.

Прошло немного времени, и Анжелика с облегчением увидела, что кровотечение прекратилось и щеки сестры чуть-чуть порозовели.

Большой Матье ушел, оставив Анжелике целебный настой из трав, который больная должна была пить каждый час, «чтобы восстановить потерянную кровь».

Он посоветовал несколько часов не трогать Мари-Агнес и никуда не перевозить.

Когда он уехал, Анжелика присела к небольшому столу. Стоявшее на нем распятие отбрасывало на стену огромную тень. Вскоре вошел Раймон и уселся по другую сторону стола.

– Я думаю, на рассвете мы сможем перевезти ее ко мне, но пока надо подождать: пусть она хоть немного наберется сил, – сказала Анжелика.

– Подождем, – отозвался Раймон.

Он задумчиво склонил голову в молитве. Лицо его казалось Анжелике не таким худым, как прежде, черные волосы падали на белый воротничок сутаны, а тонзура казалась шире из-за наметившейся лысины. Но в общем он мало переменялся.

– А как ты узнал, что я живу в особняке Ботрейи и что теперь меня зовут мадам Моран?

Иезуит сделал широкий жест ухоженной белой рукой:

– Навести справки о тебе было нетрудно. Я восхищаюсь тобой, Анжелика. Та кошмарная история, жертвой которой ты стала, теперь в прошлом.

– Ну не совсем, – ответила она с горечью. – Я все еще не могу показаться в свете. И все аристократы, гораздо менее родовитые, чем я, смотрят на меня как на выскочку-шоколадницу. Королевский двор и Версаль мне пока заказаны.

Раймон пристально посмотрел на нее. Ему были известны все способы преодоления светских трудностей.

– А почему бы тебе не выйти замуж за аристократа? В поклонниках у тебя недостатка нет, и твоя красота и богатство наверняка привлекают мужчин. И ты обрела бы тогда новый титул...

Анжелика сразу подумала о Филиппе и покраснела при этой мысли. Маркиза дю Плесси-Бельер?.. Это было бы чудесно...

– Раймон, как же я раньше об этом не подумала?

– Ты еще не привыкла к мысли, что ты вдова и абсолютно свободна, – жестко отозвался он. – Теперь тебе доступны все средства

честно добиться высокого ранга. В твоём положении есть много преимуществ, и я готов тебе всячески помогать.

– Спасибо, Раймон. Это было бы чудесно... – мечтательно повторила она. – Я слишком далеко зашла, ты всего не знаешь. Из всей нашей семьи только я одна пала так низко, да и нельзя сказать, чтобы судьбы каждого из нас сложились так уж блестяще. И отчего это нам так не везет?

– Благодарю тебя за это «мы», – сказал Раймон, кротко улыбнувшись.

– О! Ведь стать иезуитом – тоже невелико везение. Помнишь, отец от этого был не в восторге. Он хотел бы видеть тебя хозяином богатого и солидного церковного прихода. Жослен сгинул где-то в Америке. У Дени, единственного в семье, кто стал военным, репутация сорвиголовы и заядлого игрока, что еще того хуже. Гонтран? О нем и говорить нечего. Он утратил связь с нашим кругом, поддавшись страсти малевать, как простой ремесленник. Альбер служит пажом у маршала де Рошана и состоит у него в любовниках, а может, иногда отдает дань и жирным прелестям маршальши. А Мари-Агнес...

Она замолчала, прислушалась к еле уловимому дыханию, доносившемуся из алькова, и продолжала тише:

– Надо сказать, она еще в детстве была очень возбудима и кувыркалась на соломе со всеми местными мальчишками. А теперь и при дворе, наверное, всех перепробовала. Как ты думаешь, чей это был ребенок?

– Думаю, она и сама не знает! – резко сказал иезуит. – Но должен тебя предупредить: еще неизвестно, что тут было – аборт или тайные роды. Я дрожу при мысли о том, что она оставила малыша в руках этой Катрин Монвуазен.

– Она что, ходила к Вауазенше?

– Полагаю, ходила. Она все время бормотала это имя.

– Да кто к ней сейчас не ходит! – заметила Анжелика, пожав плечами. – Недавно у нее, переодевшись савояром, был герцог Вандомский, чтобы получить в откровении сведения о сокровище, которое спрятал месье де Тюренн. А брат короля вызывал ее в Сен-Клу, чтобы она ему показала дьявола. Не знаю, получилось у нее или нет, но заплатил он, как если бы видел. У этой прорицательницы, аферистки и торговки ядами большой талант...

Раймон слушал ее без улыбки, потом закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Анжелика, сестренка, я в ужасе! – медленно проговорил он. – Наш век – свидетель таких ужасных нравов, таких жестоких преступлений, от которых содрогнутся грядущие времена. Только в этом году сотни женщин признавались у меня в исповедальне, что избавились от детей. И это еще только начало. Бытовое распутство влечет за собой падение нравов и адюльтеры. Около половины исповедующихся утверждают, что либо кого-то отравили, либо устранили тех, кто им мешал, с помощью демонических практик. Неужели мы все еще варвары? Неужели еретики, расшатывая барьеры веры, открыли нам нашу глубинную природу? Несоответствие между законами и манерами ужасает. И во всем этом хаосе Церковь должна найти дорогу...

Анжелика с удивлением слушала иезуита:

– Зачем ты все это мне рассказываешь, Раймон? Может, я из тех женщин, что...

Священник пристально на нее взглянул и покачал головой:

– Ты – как алмаз, камень благородный, твердый и неодолимый, простой и прозрачный. Я не знаю, сколько ошибок ты совершила за годы своего исчезновения, но абсолютно убежден, что если и совершила, то потому, что иначе поступить не могла. Ты, моя сестричка, как бедный люд, который, в отличие от богачей и грандов, грешит, сам того не ведая...

Эти неожиданные слова вселили в сердце Анжелики бесхитростную благодать, они прозвучали для нее как зов милосердия, как прощение, пришедшее с небес.

Ночь была тиха. По келье плыл запах ладана, и тень от распятия, стоявшего между ними и постелью больной сестры, впервые за долгие годы показалась Анжелике нестрашной и вселяющей доверие.

Повинуясь внезапному порыву, она вдруг опустилась на колени на каменные плиты пола:

– Раймон, хочешь я тебе исповедуюсь?..

Глава XXXVII

Мари-Агнес довольно быстро выздоравливала в особняке Ботрейи, хотя вид у нее все еще был болезненный и невеселый. Когда-то ее звонкий смех околдовал королевский двор, а теперь она, казалось, совсем разучилась смеяться. Живость ее характера проявлялась только в одном – в требовательных капризах. Поначалу больная не выказывала никакой признательности или благодарности по отношению к сестре. Однако, как только она немного окрепла, Анжелика при первой же возможности отвесила ей солидную оплеуху. И с этого дня Мари-Агнес поняла, что сестра, пожалуй, единственная из женщин, кого она никогда не сможет послушаться. Каким наслаждением было для нее зимними вечерами устроиться возле ног Анжелики у очага и засидеться допоздна, играя на мандолине или вышивая! Обе любили посплетничать об общих знакомых, а поскольку язычки у них были острые, а характер живой, то они, бывало, хохотали во все горло.

Окончательно выздоровев, Мари-Агнес не собиралась покидать «свою подругу мадам Моран». Никто не догадывался, что они сестры, и это их ужасно забавляло. Королева справлялась о здоровье своей фрейлины, и та просила передать ее величеству, что чувствует себя хорошо, но хочет уйти в монастырь. Эта причуда была серьезнее, чем казалось на первый взгляд. Мари-Агнес упорно отказывалась видеться с кем бы то ни было, не отрывалась от Посланий святого Павла и ходила с Анжеликой в церковь.

Анжелика была очень рада, что нашла в себе мужество исповедаться Раймону. Теперь она без ложного стыда могла появляться перед алтарем Господа и в полной мере исполнять роль знатной дамы из квартала Марэ. Ей нравились атмосфера долгих богослужений, запах ладана, страстный голос проповедника и звуки органа.

Теперь она уделяла время молитве и размышлениям о душе, и это успокаивало ее.

Слух об их обращении к вере привел к тому, что особняк Ботрейи атаковали протестующие молодые люди – воздыхатели Анжелики и

бывшие любовники Мари-Агнес: «Что это нам рассказывают? Вы приняли покаяние? Собираетесь в монастырь?»

Мари-Агнес встречала все вопросы с презрительной маской сфинкса на лице. Но чаще всего она либо предпочитала вообще не показываться, либо демонстративно утыкалась в молитвенник. Что же до Анжелики, то она решительно отвергала все домыслы на свой счет. Сейчас было не до того. Да тут еще мадам Скаррон привела ее к своему духовнику, честнейшему аббату Годену! Когда тот заговорил о власнице, Анжелика заартачилась. Она как раз строила планы выйти замуж за Филиппа, и ей не хватало только испортить свою атласную кожу и привлекательные округлости тела власницей и прочими атрибутами покаяния!

Она готова была пустить в ход все средства обольщения, чтобы сломить равнодушие этого странного белокурого юноши, который, казалось, окаменел и покрылся коркой льда под своим ярким атласным камзолом.

Между тем он часто появлялся в особняке Ботрейи, но был всегда презрительно-небрежен и немногословен.

Анжелика не задавалась вопросами о душе или уме Филиппа. Его высокомерная красота вызывала в ней далекий отзвук того чувства унижения, смешанного с благоговением, которое маленькая девочка испытывала перед элегантным кузенком. К тому же, когда она об этом думала, неприятное воспоминание почему-то окрашивалось в сладострастные тона. Она вспоминала белые руки Филиппа на своих бедрах и царапины, оставшиеся от его перстней... И теперь, когда он был холоден и держался на расстоянии, она порой сожалела о той встрече и о том, что тогда убежала от него.

Филипп, конечно, не догадывался, что она и есть та женщина, которую он чуть не изнасиловал в ту ночь.

Стоило красивым глазам маркиза задержаться на ней, как Анжелику охватывало отчаяние: он, казалось, вовсе не замечал ее красоты. Он никогда не говорил ей комплиментов, даже самых банальных, никогда не был любезен с ней, а дети, вместо того чтобы плениться импозантным видом гостя, его боялись.

– Слушай, мне не нравится, как ты смотришь на красавца Плесси, – сказала как-то вечером старшей сестре Мари-Агнес. –

Анжелика, ты одна из самых здравомыслящих женщин, кого я знаю. И не говори мне, что ты позволишь себя обольстить этому...

Она старалась подыскать нужное слово, но не нашла и заменила его гримасой отвращения.

– А в чем ты можешь его упрекнуть? – удивилась Анжелика.

– В чем могу упрекнуть? Да в том, что при всей своей красоте и соблазнительности он совершенно не умеет обнять женщину. Ну согласишься, это ведь очень важно – как мужчина тебя обнимает.

– Мари-Агнес, что-то уж очень фривольную тему выбрала для разговора молодая особа, которая собирается в монастырь!

– Вот именно! Надо пользоваться случаем, пока я еще не там. Так вот. Свое первое суждение о мужчине я выношу по тому, как он меня обнимает. Его руки решительны и нежны, из них невозможно выскользнуть, но в то же время ты чувствуешь себя свободной. Ах, какое наслаждение в этот миг быть женственной и хрупкой!

Ее глаза на худеньком личике загорелись кошачьей жестокостью, а потом подернулись мечтательной поволокой. Анжелика невольно улыбнулась, – наверное, эта маска сладострастия предназначалась только для мужчин. Но тут брови Мари снова нахмурились.

– Надо сказать, мало кто из мужчин обладает этим даром. Но они, по крайней мере, стараются. Что до Филиппа, то он знает только один метод обращаться с женщинами: повалить и овладеть силой. Наверное, он обучался любить на полях сражений. Даже Нинон и та не выдержала. Наверняка он всю свою нежность приберегает для любовников!.. А женщины его ненавидят ровно настолько, насколько он их разочаровывает.

Наклонившись к очагу, где жарились каштаны, Анжелика злилась: слова сестры ее задели.

Она твердо намеревалась выйти замуж за Филиппа дю Плесси. Это стало бы лучшим решением всех ее проблем, смогло бы все уладить и поставить точку на длинном пути к успеху и восстановлению в правах. Но она все еще строила иллюзии насчет того, кого избрала вторым мужем, и насчет своих собственных чувств. Ей хотелось видеть в нем человека, «достойного любви», чтобы действительно его полюбить.

И на другой день она помчалась к Нинон и, поддавшись порыву, первая спросила:

– Что вы думаете о Филиппе дю Плесси?

Куртизанка задумалась, уперев в щеку палец.

– Я полагаю, что если знаешь его хорошо, то понимаешь, что он вовсе не так хорош, как казался поначалу. Но если узнать его поближе, то поймешь, что он гораздо лучше, чем казался.

– Я вас не понимаю, Нинон.

– Я хочу сказать, что он не обладает теми качествами, какие сулит его красота, и даже не стремится понравиться. Но зато, если взглянуть глубже, он вызывает уважение, поскольку представляет собой образец исчезнувшей расы: это аристократ до мозга костей. Не дай бог нарушить этикет! Малейшее пятнышко на шелковом нижнем белье приводит его в ужас. А вот смерти он не боится. И умирать он будет в одиночестве, как волк, и ни у кого не попросит помощи. Он принадлежит только королю и самому себе.

– Вот уж не знала за ним такого величия!

– А вы не видите и его ничтожности, дорогая! Мелочность аристократа – явление наследственное. Титул веками вышибал из него остатки человечности. Отчего это все думают, что благородство и мелочность не могут уживаться в одном существе? Аристократ всегда и благороден, и ничтожен.

– А что он думает о женщинах?

– Филипп?.. Дорогая, когда вы об этом узнаете, обязательно зайдите ко мне и расскажите.

– Кажется, он обращается с ними на редкость жестоко?

– Говорят...

– Нинон, но не хотите же вы сказать, что не спали с ним?

– Увы, дорогая, именно это я и хотела сказать. Надо признать, что все мои таланты перед ним оказались бессильны.

– Нинон, вы меня пугаете!

– Сказать по правде, он пытался меня соблазнить, этот Адонис с тяжелым взглядом. Он делал смутные намеки на любовное томление, но я никогда не против неопытной горячности, и мне даже нравится направлять ее в нужное русло. И я устроила так, что он оказался в моей постели.

– Ну и что?

– А ничего. У меня, наверное, было бы больше шансов со снеговиком. Он заявил, что я его не возбуждаю, потому что он питает

ко мне дружеские чувства. Наверное, чтобы быть в форме, ему нужны ненависть и насилие.

– Но тогда он сумасшедший!

– Может быть... Впрочем, нет, он просто оказался не в своем времени. Ему надо было родиться лет на пятьдесят раньше. Что до меня, то он мне симпатичен, потому что напоминает меня в молодости.

– Вас в молодости, Нинон? – вскричала Анжелика, вглядываясь в нежную, без единой морщинки, кожу куртизанки. – Да вы моложе меня!

– Нет, душенька. Когда хотят кого-нибудь утешить, иногда говорят: «Тело стареет, зато душа остается молодой». А у меня наоборот: тело остается молодым – и спасибо за это богам! – зато душа стареет. Во времена моей молодости кончилось правление прежнего короля и началось правление теперешнего. Люди тогда были другими. Все дрались друг с другом: гугеноты, шведы, поднятые на мятеж Гастоном Орлеанским. Молодежь знала толк в сражениях, а не в любовных делах. Под кружевными воротниками скрывались дикари... А Филипп... Знаете, кого он мне напоминает? Сэнк-Марса, красавца-дворянина, фаворита Людовика Тринадцатого. Бедняга Сэнк-Марс! Он был влюблен в Марион Делорм. Но король приревновал, и кардинал Ришелье без всякого труда устроил так, что его прекрасная белокурая голова скатилась с эшафота. В те времена было полно таких трагических судеб!

– Нинон, не рассуждайте как старушка! Вам это не к лицу.

– Иногда бывает полезно, хотя бы для того, чтобы повернуть на вас, Анжелика. Я боюсь, что вы впали в заблуждение. Анжелика, милая, ведь вы знаете, что такое настоящая любовь! Неужели вы хотите сказать, что влюблены в Филиппа? Он так далек от вас и разочарует вас сильнее, чем любую другую женщину.

Анжелика покраснела, и уголки ее губ задрожали, как у обиженного ребенка.

– Почему вы решили, что я знаю, что такое настоящая любовь?

– Это видно по вашим глазам. Женщины, что носят в глазах такой печальный и волшебный свет, – большая редкость. Я хорошо знаю. Но для вас с этим все кончено. По какой причине? Какая разница! Может, вы узнали, что он женат, может, он вам изменил, может, умер...

– Он умер, Нинон!

– Так даже лучше. Значит, вашу рану нечем растревлять. Но...

Анжелика гордо выпрямилась:

– Нинон, пожалуйста, не говорите больше ничего. Я хочу выйти за Филиппа замуж. Мне это нужно. Вы не сможете понять зачем. Я его не люблю, это правда, но меня к нему тянет, меня всегда к нему тянуло. И я всегда думала, что настанет день – и он будет мне принадлежать. Не говорите мне больше ничего...

Собрав такие неутешительные сведения по части чувств, Анжелика снова обнаружила у себя в салоне загадочного Филиппа. Он регулярно появлялся, но интрига так и не сдвигалась с места.

Анжелика уже начала думать, что он приходит ради Мари-Агнес, однако сестра уехала в монастырь кармелиток в предместье Сен-Жак, чтобы подготовиться к Пасхе, а Филипп все так же продолжал заходить. Однажды ей стало известно, что он хвастался, будто пил в ее доме лучший в Париже росоли. Может быть, он приходил только затем, чтобы попробовать этот ликер с тонким вкусом, который она собственноручно готовила, настаивая на водке с сахаром укроп, анис, кориандр и ромашку?

Анжелика гордилась своими хозяйственными талантами и вовсе не считала такие приманки зазорными. Но сама мысль ее ранила. Выходит, Филиппа не привлекали ни ее красота, ни умение вести беседу?

С наступлением первых весенних дней она почувствовала, что ее надежды тают. К тому же суровый пост отнимал последние силы. Но она слишком увлеклась мыслью о замужестве, чтобы так просто от нее отказаться. Став маркизой дю Плесси, она будет представлена ко двору, вернет себе родные земли, семью и воцарится в белом замке, о котором мечтала с детства.

Раздираемая надеждой и разочарованием, она вся извелась и вдруг решила, что ей просто необходимо получить совет от Ла Вуазен на предмет своего будущего. И случай ей совершенно неожиданно представился в лице мадам Скаррон, которая заехала к ней как-то вечером.

– Анжелика, я к вам приехала потому, что мне очень нужно, чтобы вы меня сопровождали. Эта сумасшедшая Атенаис вбила в свою

дурную голову, что надо отправиться к колдунье Катрин Монвуазен и о чем-то там ее спросить. Я полагаю, двух набожных женщин будет достаточно, чтобы молитвой оградить эту неблагоприятную от порчи, которая может на нее обрушиться.

– Вы абсолютно правы, Франсуаза, – поспешила ответить Анжелика.

И вот Атенаис де Монтеспан, в окружении добровольных ангелов-хранителей, трепеща и нисколько не волнуясь, шагнула в логово колдуньи. Вауазенша разбогатела, и теперь у нее был солидный красивый дом в предместье Тампль, а не та жалкая лачуга, куда карлик Баркароль тайком водил посетителей. Нынче к ней ходили почти открыто.

Обычно она принимала клиентов, сидя на некоем подобии трона, задрапированного накидкой с вышитыми на ней золотыми пчелами. Но в этот день Катрин Монвуазен, которую посещения знатных особ не отвадили от дурных привычек, была пьяна в стельку.

Уже оказавшись на пороге зала, куда их провели, все три дамы поняли, что им не удастся вытянуть из предсказательницы ни слова.

Она долго разглядывала их мутными глазами, потом сползла со своего наместа, шатаясь, ринулась напрямиком к напуганной Франсуазе Скаррон и схватила ее руку.

– Ага, вы! – взревела она. – Вы! У вас необычная судьба. Я вижу Море, Ночь, а потом Солнце. Ночь – это нищета, ну, известно, что такое! Нет ничего чернее нищеты! Как ночь! А Солнце – это король! Вот, моя душенька, король вас полюбит и женится на вас.

– Но вы ошибаетесь! – в гневе вскричала Атенаис. – Это я пришла вас спросить, полюбит ли меня король. Вы все перепутали!

– Ничего мы не перепутали, моя м... малышка, – запротестовала колдунья, еле ворочая языком. – Я не настолько пьяна, чтобы не различить двух разных судеб. У каждого своя судьба, верно? Дайте вашу руку. У вас тоже будет Солнце. И еще вы получите Шанс. Да, и вас тоже король полюбит, но жениться, к примеру, не женится.

– Чума на эту пьянчугу! – прошипела Атенаис, выдергивая руку.

Но Вауазенша была намерена выдать каждой по полной программе. Она схватила руку Анжелики, закатила глаза и затрясла головой:

– Какая необыкновенная судьба! Ночь, а потом Огонь! Огонь царит над всем.

– Я хотела бы узнать, выйду ли я замуж за маркиза?

– Не знаю, за маркиза или нет, но я вижу две свадьбы. Вот, две короткие линии. И шестеро детей...

– О боже!

– И еще... связи!.. Одна, две, три, четыре, пять...

– Ну, это дело нетрудное... – запротестовала Анжелика, пытаюсь высвободить руку.

– Да погодите же!.. Самое удивительное – это Огонь! Он горит всю вашу жизнь... и будет гореть до самого конца. И он так силен, что затмевает Солнце. Король вас полюбит, но вы его не полюбите, и причиной будет этот Огонь...

В карете, когда они возвращались, Атенаис все никак не могла успокоиться:

– Да она не стоит и одного су из тех денег, что ей заплатили! Я никогда не слышала такого нагромождения нелепостей! Король вас полюбит!.. Король вас полюбит!.. Она всем говорит одно и то же!

Эту новость в дом принесла мадемуазель де Паражон. Анжелика ее не ждала, и ей понадобилось некоторое время, чтобы отделить истину от жеманной болтовни старушки. Та явилась, по своему обыкновению, к ужину, вынырнув из ночной темноты, как взъерошенная сова. На голове, словно перья, торчали ленточки и банты, цепкие глаза настороженно озирались по сторонам. Анжелика радушно предложила ей отведать вафель у камина. Филонида долго распространялась по поводу их общей соседки мадам де Гофре, которая «почувствовала контрудар дозволенной любви», иными словами, после десяти месяцев брака родила здорового мальчишку. Потом она переключилась на несчастья своих «бедных страдальцев». Анжелика решила, что речь пойдет о престарелых родителях, а оказалось, что «бедные страдальцы» – это ноги мадемуазель Паражон. И страдали они от мозолей. Наконец, окончательно запутав хозяйку длинными бессмысленными рассуждениями, Филонида услышала, как дождь барабанит в окно, и изрекла:

– На нас обрушилась третья стихия.

Потом она, видимо, решила, что самое время приступить к главной новости:

– Вы слышали, что мадам Ламуаньон выдает дочь замуж?

– Желая ей удачи! Малышка не блещет красотой, но у семьи достаточно денег, чтобы ее отлично пристроить.

– Дорогая, вы, как всегда, все абсолютно правильно понимаете. Конечно, что же еще, кроме приданого, может привлечь в этой чернушке такого красавца, как Филипп дю Плесси?

– Филипп?

– А разве вы ничего об этом не слышали? – спросила Филонида, и ее цепкие глаза сощурились.

Анжелика взяла себя в руки и пожала плечами:

– Может, и слышала... Просто не придавала этому значения. Филипп дю Плесси не сможет унизиться до женитьбы на дочери мэра. Должность у мэра высокая, это верно, но по происхождению он не дворянин.

Старая дева ухмыльнулась:

– Один из крестьян моего домена часто говорит: «Деньги могут упасть только на землю, но, чтобы их поднять, надо нагнуться». Всем известно, что младший дю Плесси вечно в долгах. Он по-крупному играет в Версале, а на экипировку для последней военной кампании потратил целое состояние. За ним шел обоз из десяти мулов, нагруженных золотой посудой и еще не знаю чем. А шелковый тент его палатки так роскошно вышит, что испанцы из своих траншей его засекли как прекрасную мишень. Однако надо признать, что этот бесчувственный чаровник отчаянно красив...

Анжелика не перебивала ее. Первое удивление сменилось растерянностью. Ей оставалось одолеть последний барьер, чтобы оказаться в лучах «короля-солнце»: выйти замуж за Филиппа. И вот все рухнуло... Впрочем, она всегда знала, что это будет очень трудно и у нее не хватит сил. Она слишком устала... Она ведь всего-навсего шоколадница и не сможет долго продержаться в среде аристократов, где ее никогда не будут считать своей. Ее принимают, но не признают... Версаль!.. Версаль!.. Блеск двора, сияние «короля-солнце»! Филипп! Прекрасный и недостижимый бог Марс!.. Ей снова суждено опуститься до уровня Одиже. И ее дети никогда не станут аристократами...

Целиком уйдя в свои мысли, она не замечала, как идет время. Огонь в камине потух, свеча стала чадить.

Анжелика услышала, как Филонида ядовито бросила в адрес Флипо, стоявшего на страже у двери:

– Ненужный человек, освободите место для блуждающего огня.

Флипо застыл с разинутым ртом, и Анжелике пришлось перевести усталым голосом:

– Лакей, сними нагар со свечи.

Филонида де Паражон поднялась с места с довольным видом:

– Дорогая, да вы меня не слушаете. Оставляю вас наедине с вашими мечтами...

Глава XXXVIII

Всю ночь Анжелика не могла сомкнуть глаз. Утром она отправилась к мессе, а когда вышла из церкви, на душе у нее стало спокойно. Но решение так и не пришло, и потому, когда после полудня настало время отправиться в Тюильри, она села в карету, понятия не имея, что будет делать дальше.

Однако оделась с особой тщательностью.

Теребя пальцами шелковые оборки, она вдруг принялась себя ругать. И зачем только было надевать сегодня это новое платье с корсажем и манто^[7] и с тремя юбками – одна цвета конского каштана, другая осенних листьев, а третья первой зелени? Верхнюю юбку покрывал вышитый тонкой золотой нитью и жемчугом узор, похожий на сверкающие оленье рога, и таким же узором были украшены зеленые кружева на вороте и манжетах. Анжелика специально заказывала их в ателье в Алансоне по эскизу мадам де Муан, придворной мастерицы по декору. Это платье, роскошное и в то же время строгое, она приберегала для вечеров, где собирались аристократки, к примеру у мадам д'Альбре. Там не приветствовалась легкомысленная светская болтовня. Анжелика знала, что это платье прекрасно сочетается с цветом ее глаз и вообще очень ей идет, хотя она и слегка постарела.

Но зачем ей понадобилось надевать его сегодня на прогулку? Ей что, хотелось произвести впечатление на безжалостного Филиппа или внушить ему доверие строгостью своего наряда? Она принялась нервно обмахиваться веером, чтобы согнать со щек вспыхнувший румянец.

Хризантема наморщила маленький мокрый нос и удивленно взглянула на хозяйку.

– Наверное, я сделала глупость, Хризантема, – грустно сказала Анжелика. – Но отступать уже поздно. Нет, правда, поздно отступать.

И к большому удивлению собачки, она закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья, словно лишившись последних сил.

Однако на подъезде к Тюильри Анжелика сразу приободрилась. Глаза ее сверкнули, она взяла богато украшенное зеркальце, висевшее на поясе, и проверила свой макияж. Подтемненные веки, подкрашенные красным губы. Большого она себе не позволяла. Накладывать белила на лицо она не стала, поскольку решила, что живой румянец идет ей гораздо больше, чем модная бледность. Зубы ее, тщательно натертые пылью цветов дрока и прополосканные горячим вином, влажно поблескивали.

Она улыбнулась своему отражению.

С Хризантемой под мышкой, придерживая рукой мантию, Анжелика миновала ограду Тюильри. В голове промелькнула мысль, что, если Филиппа там не окажется, она прекратит борьбу. Но Филипп был там. Она увидела его возле Большого цветника рядом с принцем Конде, который, по обыкновению, разглагольствовал на своем излюбленном месте, где он не упускал возможности покрасоваться перед зеваками. Анжелика дерзко направилась прямо к ним. Она вдруг поняла, что раз уж судьба нынче привела Филиппа в Тюильри, то осуществить намеченный план просто необходимо.

Вечер выдался тихий и прохладный. Только что прошел дождик, и песок потемнел от влаги, а листья на деревьях блестели как лакированные.

Анжелика с очаровательной улыбкой двинулась к обоим мужчинам, на ходу отметив для себя, насколько ее наряд не гармонирует с костюмом Филиппа. Обычно он носил платье приглушенных тонов, а сегодня на нем был ярко-голубой костюм со множеством шитых золотом петлиц. В том, что касалось моды, он всегда был в авангарде и теперь красовался в камзоле нового силуэта, с расклешенными, как у юбки, полами, под которыми сзади угадывалась шпага.

Манжеты были великолепны, а вот привычных рюшей на панталонах здорово поубавилось, и панталоны плотно облегли колени. Те, кто все еще носил широкие штаны с подвязками, краснели при виде маркиза. Ярко-алые чулки с золотой каймой перекликались с красными каблуками кожаных туфель с бриллиантовыми пряжками. Под мышкой маркиз держал касторовую шляпу такой тонкой выделки, что она казалась сделанной из старинного полированного серебра.

Шляпу обрамлял голубой плюмаж, и Филипп то и дело с неудовольствием поглядывал на этот шедевр, намокший от весеннего дождика.

В белокуром парике, спадавшем на плечи, Филипп дю Плесси-Бельер был похож на диковинную райскую птицу.

Анжелика искала глазами малышку Ламуаньон, но ее незадачливой соперницы нигде не было видно. Вздохнув с облегчением, она быстро подошла к принцу Конде, который, завидев ее, по обыкновению, рассыпался в уверениях вечной преданности и неразделенной любви.

– Итак, моя чаровница! – выдохнул он, прижав свой длинный нос ко лбу Анжелики. – Моя жестокая, не окажете ли вы честь разделить со мной прогулку в моей карете?

Анжелика коротко вскрикнула, бросила намеренно смущенный взгляд в сторону Филиппа и прошептала:

– Простите, ваше высочество, но я уже приглашена на прогулку маркизом дю Плесси.

– Чума на этих юных петушков в шляпах с плюмажами! – проворчал принц. – Эй, маркиз, вы надолго собрались держать возле себя одну из красивейших женщин столицы?

– Боже меня упаси, монсеньор! – отозвался юноша, сделав вид, что не слышал ни слова и не понимает, о какой даме идет речь.

– Вот и прекрасно! Можете ее увозить, она в вашем распоряжении. Однако, на будущее, извольте спускаться с облаков хотя бы для того, чтобы удостовериться, что вы не один в целом мире и что на самую ослепительную улыбку Парижа есть и другие претенденты.

– Непременно возьму себе на заметку, монсеньор, – отчеканил придворный, разметая перед собой песок лазурным плюмажем.

Сделав глубокий реверанс всей компании, Анжелика положила свою маленькую ручку на руку Филиппа и увлекла его за собой. Бедняга Филипп! Почему его так боятся? Наоборот, он безоружен в своей высокомерной рассеянности, и его так легко обмануть.

Когда пара проходила мимо скамейки, на которой расположились господа Расин, Буало и Лафонтен, последний бросил им вслед:

– Фазан с фазанихой!

Анжелика поняла намек. Цвета их костюмов наводили на мысль о двух птицах – неброской коричневой самочке и пестром, сияющем

побрякушками самце. Прикрывшись веером, она скорчила поэту гримасу, а тот задорно ей подмигнул. Она мечтательно повторила про себя: «Фазан с фазанихой?.. Дай-то бог!»

Она опустила глаза и с бьющимся сердцем наблюдала, как красные каблуки Филиппа уверенно и величаво впечатывались в мокрый песок аллеи. Ни один аристократ не умел так твердо ставить стопу, да и ни у кого не было таких крепких, стройных ног с высоким подъемом. «Даже у короля...» – подумала Анжелика. Однако, чтобы судить об этом, ей надо увидеть короля поближе, а для этого надо попасть в Версаль. И ОНА БУДЕТ В ВЕРСАЛЕ! Вот так же, держа свою руку на руке Филиппа, она поднимется по королевской галерее. Горящие глаза придворных будут пристально изучать каждую деталь ее роскошного туалета. Она остановится в нескольких шагах от короля... «Мадам маркиза дю Плесси-Бельер...»

Пальцы ее чуть стиснули руку Филиппа, и он вдруг сказал с угрюмым недоумением:

– Не понимаю, зачем принц навязал мне ваше общество.

– Наверное, хотел сделать вам приятное. Вы же знаете, он любит вас много больше герцога. Вы – дитя боевого духа.

Ласково посмотрев на маркиза, Анжелика добавила:

– Мое присутствие вам так досаждаёт? Может быть, вы ждете кого-то еще?

– Нет! Я вообще не рассчитывал сегодня появляться здесь.

Она не осмелилась спросить почему. Может, никакой причины и не было. С Филиппом так случалось часто. Его поступки не имели никакой серьезной подоплеки, и все равно никто не решался переспрашивать. В длинной дворцовой аллее гуляющих пока было мало. Под тенистыми сводами больших деревьев пахло свежестью и грибами.

Забираясь в карету Филиппа, Анжелика заметила, что с подножки почти до земли свешивается серебряная бахрома. Интересно, откуда у него средства на этот новый изыск? Она полагала, что после карнавальных безумств он в долгу как в шелку. Или это щедрый подарок Ламуаньона будущему зятю?

Никогда еще молчание Филиппа ее так не тяготило.

Анжелика сделала вид, что ее очень забавляют проделки Хризантемы и чрезвычайно интересуют проезжающие мимо кареты.

Она несколько раз открывала рот, но неприступный вид Филиппа отбивал всякую охоту заговорить. Уставив глаза в одну точку, он медленно жевал какую-то пастилку – не то мускусную, не то укропную. Анжелика сказала себе, что, когда они поженятся, она отучит его от этой привычки. Человек, наделенный такой утонченной красотой, не должен выглядеть как жвачное животное.

Между тем снаружи становилось все темнее, они въезжали в густой лес. Кучер осведомился у лакея, ехать ли им прямо через Булонский лес или поворачивать.

– Поезжайте прямо, – приказала Анжелика, не дожидаясь распоряжения Филиппа.

Поскольку молчание уже все равно было нарушено, она с живостью продолжила:

– А вы слышали, какой вздор болтают, Филипп? Будто бы вы собираетесь жениться на дочке Ламуаньона?

Он слегка склонил свою красивую голову:

– Этот вздор – суцкая правда, дорогая.

– Но...

Анжелика набрала воздуха в грудь и выпалила:

– Но это невозможно! Неужели вы, законодатель моды, хотите меня убедить, что находите хоть каплю шарма в этой сушеной треске?

– А меня ее шарм не интересует.

– Тогда что же вас в ней привлекает?

– Ее приданое...

Мадемуазель Паражон сказала правду. Анжелика сдержала вздох облегчения. Если дело только в деньгах, то все еще можно уладить. Она постаралась, чтобы в голосе прозвучало огорчение:

– О! Филипп, не думала, что вы такой материалист.

– Материалист? – повторил он с недоумением.

– Я хочу сказать: настолько привязаны к земным делам.

– А к чему же, по-вашему, я должен быть привязан? Отец не предназначал меня к монашеской жизни.

– Не обязательно быть священником, чтобы считать, что брак связывает людей только деньгами.

– Чем же еще?

– Ну... Любовью.

– О, если уж вас это так заботит, дорогая, то я намерен с этой воблой сушеной наплодить кучу детей.

– Нет! – в бешенстве крикнула Анжелика.

– Она их получит за свои деньги.

– Нет! – повторила Анжелика, топнув ногой.

Филипп обернулся к ней, и на его лице отразилось глубочайшее изумление.

– Вы не хотите, чтобы я делал детей собственной жене?

– Речь не об этом, Филипп. Я не хочу, чтобы она стала вашей женой, и все тут.

– А почему бы ей и не стать моей женой?

У Анжелики вырвался тяжелый вздох:

– О Филипп, вы же бываете в салоне у Нинон, и я не могу понять, неужели вы не усвоили элементарных правил беседы? Этими вашими «почему» и удивленными гримасами вы доводите собеседников до того, что они начинают себя чувствовать круглыми дураками.

– А может, они и есть дураки, – отозвался Филипп, слегка улыбнувшись.

При виде этой улыбки Анжелику, которую так и подмывало его как следует стукнуть, вдруг охватила нежность. Он улыбался... Почему он так редко улыбается? И ей показалось, что только она одна сможет его понять и заставить улыбаться.

«Дурак», – говорили о нем одни. «Настоящая скотина», – говорили другие. А Нинон де Ланкло сказала: «Если знаешь его хорошо, то понимаешь, что он вовсе не так хорош, как казался поначалу. Но если узнать его поближе, то поймешь, что он гораздо лучше, чем казался. Это аристократ до мозга костей... Он принадлежит только королю и самому себе».

«И мне... мне он тоже принадлежит», – подумала Анжелика.

В ней начало закипать бешенство. Чем же его пронять и вывести из состояния полного безразличия? Запахом пороха? Ну ладно же! Хочет войны – будет ему война. Нервно оттолкнув Хризантему, которая покусывала кисточки на манто, она постаралась совладать с раздражением и весело заметила:

– Если дело только в том, чтобы поправить ваши дела, то почему бы вам не жениться на мне? У меня много денег, и я не рискую стать

заложницей неурожаев. Я веду солидные дела, которые приносят хороший доход.

– Жениться на вас? – переспросил Филипп.

Удивление его было неподдельным. Он разразился резким, неприятным смехом.

– Мне?! Жениться на шоколаднице?! – произнес он с несказанным презрением.

Анжелика вспыхнула. Филипп обладал редкостным даром сделать так, чтобы у нее внутри все перевернулось от стыда и гнева. Сверкнув глазами, она отчеканила:

– Разве вам сказано, что я хочу соединить свою кровь простолюдинки с вашей королевской? Не забывайте, что я зовусь Анжеликой де Сансе де Монтелу. Моя кровь так же чиста, как и ваша, кузен, а мой род древнее, поскольку ведет свое начало от первых Капетингов. Вы же по мужской линии можете похвастать только одним из бастардов Генриха Второго.

Не моргнув глазом Филипп взгляделся в ее лицо, и в его равнодушных глазах загорелась слабая искра интереса.

– Ба! Когда-то давно вы уже говорили мне что-то подобное. Припоминаю. Это было в Монтелу, в вашем развалившемся замке. Маленькая нечесаная уродина в лохмотьях поджидала меня у подножия лестницы, чтобы объявить, что ее род древнее моего. Это и вправду было забавно.

Анжелика снова увидела себя в холодном коридоре Монтелу. Она стояла внизу, подняв глаза на Филиппа, и глядела, как он спускается с лестницы. Руки у нее были ледяные, голова пылала, а живот свело спазмом боли. Ее детское тело, в котором совершалось таинство перехода в пору юности, затрепетало при появлении прекрасного светловолосого юноши. Она потеряла сознание.

Когда она очнулась у себя в спальне на кровати, мать объяснила ей, что она больше не ребенок и в ее теле совершилось нечто очень важное.

Долгие годы ее потом смущало и тревожило то, что Филипп оказался причастным к этому первому проявлению женского естества. Он прав – это было забавно, даже смешно, но и не лишено нежности.

Она робко на него взглянула и заставила себя улыбнуться. Как и в тот вечер, она почувствовала, что вот-вот задрожит. Тихим, почти

умоляющим голосом она прошептала:

– Филипп, женитесь на мне. У вас будет столько денег, сколько пожелаете. Во мне течет благородная кровь. О моих коммерческих занятиях быстро позабудут. Да и в наше время никто уже не считает для себя зазорным заниматься коммерцией. Господин Кольбер сказал мне...

Она запнулась.

Филипп ее не слушал. Может, думал о чем-то... а может, ни о чем. Если бы он сейчас спросил ее: «А почему вы хотите выйти за меня замуж?» – она бы ответила: «Потому что я люблю вас!» Ей вдруг показалось, что она испытывает к нему то же наивное, ностальгическое чувство, что и в детстве. Но он ни о чем не спросил. Ее охватило отчаяние, и она снова заговорила:

– Поймите меня... Я хочу обрести свое окружение, свое имя... благородное имя... Быть представленной ко двору... в Версале...

А вот этого ей говорить не следовало. Она тут же пожалела о своих словах и понадеялась, что он их не услышал. Но он пробормотал, едва заметно улыбнувшись:

– Можно подумать, что брак – не коммерческое предприятие!

И уже громко, таким тоном, с каким отстраняют руку с протянутой бонбоньеркой, сказал:

– Нет, дорогая, право, не стоит...

Анжелика поняла, что его решение бесповоротно. Она проиграла.

Прошло какое-то время, и Филипп сделал ей замечание: она не ответила на приветствие мадам де Монтеспан.

Анжелика поняла, что карета повернула к Кур-ла-Рен, где движение оживилось, и принялась машинально отвечать на приветствия знакомых. Ей казалось, что солнце померкло, а на улице запахло пеплом. Филипп сидел так близко, а она была перед ним абсолютно безоружна. Неужели больше ничего нельзя сделать?.. Все ее пылкие доводы никак его не затрагивали, словно его окружал гладкий ледяной панцирь. Невозможно женить на себе мужчину, если он тебя не любит и не желает, а свою выгоду может с таким же успехом обеспечить и другим способом. У Анжелики осталось последнее оружие – страх. Но какой страх может заставить этого Марса склонить голову?

– Вон мадам де Монтеспан, – сказал Филипп, – со своей сестрой-аббатисой и мадам де Тианж. Вот уж поистине лучезарные создания.

– А я думала, мадам де Монтеспан в Руссильоне. Она умоляла мужа взять ее с собой, чтобы здесь ее не замучили кредиторы.

– Ну, судя по убранству ее кареты, кредиторы сжалились. Вы заметили, какой бархат? Но почему черный? Какой-то зловещий цвет.

– Семейство Монтеспан в трауре по случаю кончины матери.

– У них нестрогий траур. Вчера мадам де Монтеспан танцевала в Версале. Это был первый бал во дворце после смерти королевы-матери. Король пригласил мадам де Монтеспан.

Анжелике пришлось сделать над собой усилие, чтобы спросить, означает ли это, что отставка мадемуазель де Лавальер не за горами. Она не выносила светской болтовни, и ей было абсолютно безразлично, обзаведется ли господин де Монтеспан рогами и станет ли ее удачливая приятельница любовницей короля.

– С вами раскланялся принц, – снова раздался голос Филиппа.

Из окна своей кареты принц Конде приветствовал ее, повертев в воздухе тростью. Она в ответ помахала веером.

– Похоже, вы единственная из дам, кого монсеньор еще удостоивает этой любезности, – отметил маркиз с легкой усмешкой, и было непонятно, издевается он или восхищается. – После смерти сердечной подруги мадемуазель де Вижан он поклялся, что отныне ему ничего не нужно от женщин, кроме плотских утех. Он сам мне рассказал по секрету. Интересно, что же ему было нужно раньше?

И он деликатно зевнул.

– Принцу вообще нужно только одно: получить пост командующего. С тех пор как стало известно, что идеи военной кампании носятся в воздухе, он не пропускает ни одной партии с королем и все проигрыши оплачивает золотом.

– Какой героизм! – усмехнулась Анжелика, которую скучающий, жеманный тон Филиппа начал выводить из себя. – Интересно, до каких пределов способен дойти этот блестящий царедворец, чтобы добиться королевских милостей?.. Подумать только, а ведь было время, когда он пытался отравить короля и его брата!

– Что вы такое говорите, мадам! – возмущенно запротестовал Филипп. – То, что принц участвовал в мятеже против Мазарини, он и сам не отрицает. Ненависть заставила его зайти в этом деле дальше,

чем он хотел. Но мысль посягнуть на жизнь короля никогда не пришла бы ему в голову. Воистину женщины склонны к необдуманным предположениям!

– Не стройте из себя святую невинность, Филипп. Вы не хуже меня знаете, что это правда, потому что заговор плели в вашем же замке.

Воцарилось молчание, и Анжелика поняла, что попала в цель.

– Вы с ума сошли! – сказал Филипп не своим голосом.

Анжелика быстро повернулась к нему. Неужели она нашла дорогу к его страхам? К его единственному страху?

Он сильно побледнел, глаза стали внимательными и настороженными. Она понизила голос:

– Я там была. Я все видела и слышала. И принца Конде, и монаха Экзили, и герцогиню де Бофор, и вашего отца, и еще нескольких персон, ныне здравствующих и до сих пор состоящих при дворе в Версале. Я слышала, как все они продались Фуке.

– Неправда!

Чуть прикрыв глаза, она продекламировала:

– «Я, Людовик Второй, принц Конде, заверяю мессира Фуке, что отныне буду принадлежать только ему и никому более, обязуюсь предоставлять в его распоряжение все мои замки, фортификации и прочее, всякий раз как...»

– Замолчите! – в ужасе крикнул Филипп.

– «Писано в замке дю Плесси-Бельер двадцатого сентября тысяча шестьсот сорок девятого года».

Анжелика с торжеством заметила, как он все больше бледнеет.

– Дурочка, – заговорил он, презрительно пожав плечами. – Зачем ворошить эти старые истории? Что миновало, то миновало. Да король в это и не поверит.

– Король никогда не держал в руках документов, касающихся этого дела. И не знает, до каких пределов распространяется предательство вельмож.

Она замолчала, чтобы раскланяться с мадам д'Альбре, и продолжила сладким голосом:

– С тех пор как мессир Фуке был осужден, не прошло и пяти лет.

– Ну и что дальше? К чему вы клоните?

– А вот к чему: вряд ли король, даже спустя долгое время, сможет с радостью взглянуть на список имен тех, кто был замешан в деле Фуке.

– Он не увидит этого списка. Документы давно уничтожены.

– Не все.

Филипп придвинулся к ней. Она была бы рада, если бы за этим последовал любовный поцелуй, но момент был явно не для нежностей. Он так сильно сдавил ее руку, что у него побелели костяшки пальцев. Анжелика кусала себе губы от боли, но все-таки удовольствие было сильнее. Она предпочла бы тысячи раз видеть его таким, как сейчас, неистовым и грубым, вместо того чтобы любоваться безразличной физиономией человека, как в скорлупу заключенного в собственное презрение.

Под легким слоем румян, которыми он пользовался, лицо маркиза было мертвенно-бледным. Он еще сильнее стиснул руку Анжелики.

В лицо Анжелики пахнуло ненавистью и мускусной пастилкой.

– А ларец с ядом, – прошипел он, – взяли, конечно, вы!

– Я.

– Ах, дрянь! Я всегда был уверен, что вы что-то знаете. Но отец этому не верил. Исчезновение ларца мучило его до самой смерти. Так это были вы? И ларец сейчас у вас?

– Он всегда был у меня.

Филипп принялся ругаться сквозь зубы. Красивые, свежие губы, с которых сыплются проклятия, были восхитительны.

– Пустите меня, мне больно, – сказала Анжелика.

Он медленно разжал пальцы, и глаза его сверкнули.

– Я знаю, вы хотели бы сделать мне еще больнее. Так больно, чтобы я замолчала навеки. Но вы ничего не добьетесь, Филипп. В тот самый день, как я умру, мое завещание будет доставлено королю, и он обнаружит там все разоблачения и точное указание, где находится тайник с документами.

Морщась от боли, Анжелика отлепила от запястья золотую цепочку, которую сильные пальцы Филиппа буквально впечатали в кожу.

– Ну и скотина же вы, Филипп, – небрежно-веселым тоном сказала она.

Теперь она была спокойна. Она отодвинула шторку и выглянула в окно.

Солнце уже заходило, и последние лучи проникали сквозь ветви деревьев. Карета снова повернула к Булонскому лесу. Совсем скоро начнет темнеть.

Анжелика почувствовала, как ее пронизывает вечерняя сырость. Поежившись, она повернулась к Филиппу.

Он был бледен и неподвижен, как статуя. Только на светлых усах дрожали капельки пота.

– Я люблю принца, – сказал он, – и мой отец был честным человеком. Думаю, этого допускать не надо... Сколько вы хотите в обмен на документы? Если нужно, я залезу в долги.

– Деньги мне не нужны.

– Тогда чего вы хотите?

– Я только что сказала вам, Филипп. Я хочу, чтобы вы на мне женились.

– Никогда! – крикнул он и отодвинулся.

Неужели она настолько ему противна? Ведь их отношения явно выходили за рамки пустой светской болтовни. Разве он не искал ее общества? И Нинон это не раз замечала.

Оба сидели молча. И только когда экипаж остановился возле ворот особняка Ботрейи, Анжелика осознала, что она в Париже. Уже совсем стемнело, и лица Филиппа она не видела. Ладно, тем лучше.

У нее хватило мужества ядовито спросить:

– Так что, маркиз, что вы надумали?

Он вздрогнул, словно очнувшись от дурного сна:

– Решено, мадам, я на вас женюсь! Будьте добры явиться завтра вечером в мой особняк на Фобур-Сент-Антуан, чтобы обсудить условия контракта с моим интендантом.

Анжелика не протянула ему руку для поцелуя, прекрасно понимая, что он ее оттолкнет.

Она отказалась от завтрака, который принес камердинер, и, вопреки своей привычке, не поднялась наверх к детям, а напрямик направилась в кабинет, к китайскому секретеру.

– Не надо, – отстранила она Жавотту, которая пришла, чтобы помочь ей одеться.

Оставшись одна, она задула все свечи, потому что боялась отразиться в зеркале.

Анжелика долго стояла неподвижно, опираясь на подоконник. Из сада доносился запах цветов.

Может быть, черный призрак принца нищих все еще ходит за ней по пятам?

Она ни за что не повернется и не посмотрит в зеркало. «Ты оставил меня одну! Что я еще могла сделать?» – вот что крикнет она призраку своей любви. Скоро она станет маркизой дю Плесси-Бельер, но где же радость триумфа? Вместо этого – опустошение и глубокая душевная рана.

«То, что ты сделала, гнусно и отвратительно!..»

Слезы бежали по щекам, лоб упирался в витраж, на котором рука какого-то осквернителя уничтожила герб графа де Пейрака. Тихо всхлипывая, она поклялась себе, что эти слезы бессилия будут последними, что она прольет в жизни.

Глава XXXIX

Когда назавтра вечером мадам Моран явилась в особняк на улице Фобур-Сент-Антуан, к ней вернулась горделивая осанка. Она решила, что не стоит запоздалыми угрызениями совести портить победу, которая далась ей с таким трудом. «Вино налито, значит его следует выпить», как говаривал мэтр Буржю.

С высоко поднятой головой Анжелика вошла в просторную приемную, которую освещало только пламя очага. В комнате никого не было. Она сбросила накидку, сняла маску и протянула руки к огню. Застывшие пальцы не желали согреваться, а сердце колотилось, хотя ей и удалось отогнать все опасения.

Несколько мгновений спустя портьера сдвинулась, и пожилой, скромно одетый во все черное человек подошел к Анжелике и почтительно поклонился. Ей и в голову прийти не могло, что интендантом в доме семейства дю Плесси-Бельер служит не кто иной, как господин Молин. Узнав ее, тот испустил крик радости и сжал ей руки.

– Господин Молин!.. Неужели это вы? О!.. О, как я рада видеть вас снова.

– Вы оказываете мне честь, мадам, – ответил Молин и еще раз поклонился. – Пожалуйста, располагайтесь в этом кресле.

Сам он уселся за маленький круглый столик возле очага. На столике были разложены таблички для письма, стояла чернильница и баночка с песком.

Пока он очинял перо, Анжелика, все еще удивленная неожиданной встречей, его разглядывала. Он постарел, но лицо осталось по-прежнему решительным, а взгляд – быстрым и испытующим. Только волосы под шапочкой из черного сукна совсем побелели. Анжелика невольно представила себе крепкую фигуру отца, не раз приходившего к интенданту-гугеноту посидеть у камина и обсудить будущее своего выводка.

– Есть ли у вас какие-нибудь новости об отце, господин Молин?

Интендант сдул со стола стружки от гусяного пера.

– Господин барон в добром здравии, мадам.

– А мулы?

– В этом сезоне все было замечательно. Думаю, коммерция приносит господину барону удовлетворение.

Рядом с Молином Анжелика снова почувствовала себя маленькой девочкой с честным и непримиримым характером. Это Молин устроил ее свадьбу с графом де Пейраком. А теперь снова появился, на этот раз в связи с Филиппом. Он терпеливо, как паук, плел свою сеть и почему-то опять оказался в самой гуще событий ее жизни. Встреча с Молином придала ей уверенности. Разве это не знак того, что прошлое и будущее соединились? Родная земля, силы, которые она всегда черпала в своем крае, но в то же время и все детские беды, и стремление бедняги-барона устроить свое потомство, и смутившее всех великодушие интенданта Молина...

– А помните, – задумчиво спросила она, – вы были тогда на моей свадьбе в Монтелу? Мне очень хотелось, чтобы вы приехали. И я была необыкновенно счастлива благодаря вам...

Старик бросил на нее быстрый взгляд из-под черепаховых очков:

– Мы здесь для того, чтобы пускаться в волнующие воспоминания о вашем первом браке, или для того, чтобы обсудить условия второго?

– А вы жестоки, Молин.

– Вы тоже, мадам, судя по тому, к каким методам вы прибегнули, чтобы заставить моего молодого патрона на вас жениться.

Анжелика глубоко вздохнула, но глаз не отвела. Она почувствовала, что времена уже не те и она уже не та робкая бедная девочка, что со страхом смотрела на всемогущего интенданта Молина, в чьих руках находилась судьба ее семьи.

Теперь она деловая женщина, которую не посчитал зазорным поддержать господин Кольбер и чья проницательность поставила в тупик банкира Пенотье.

– Молин, когда-то вы сказали мне: «Если хочешь добиться цели, надо согласиться с тем, что придется заплатить частичкой себя». Так и теперь; я полагаю, что в этом деле потеряла вещь очень ценную: уважение к себе. Тем хуже для меня! Зато у меня есть цель.

Сурово сжатые губы старика тронула еле заметная улыбка.

– Если моя скромная помощь способна вернуть вам хоть часть спокойствия, то я готов, мадам.

Теперь пришла очередь Анжелики улыбнуться. Они с Молином всегда друг друга понимали. И эта уверенность придала ей мужества в обсуждении брачного контракта.

– Мадам, – начал Молин, – нам надлежит соблюсти точность. Господин маркиз дал мне понять, что переговоры очень серьезны. Исходя из этого, я ознакомлю вас с несколькими условиями, которые вы обязаны принять и в том расписаться. Вы в свою очередь ознакомите меня с вашими условиями. Затем я составлю контракт и прочитаю его в присутствии обеих сторон. Прежде всего, мадам, вы обязуетесь на распятии поклясться в том, что знаете, где находится тайник с ларцом, дабы господин маркиз был уверен в дальнейшем обладании им. Только после этой клятвы все наши документы смогут войти в силу.

– Я готова поклясться, – сказала Анжелика, протянув руку.

– Через несколько минут здесь будет господин дю Плесси со своим духовником. В ожидании их предлагаю прояснить ситуацию. Будучи уверен, что мадам Моран владеет тайной, в высшей степени для него важной, маркиз дю Плесси-Бельер согласился взять в жены мадам Моран, урожденную Анжелику де Сансе де Монтелу, в обмен на следующие преимущества. Как только брак состоится, то есть сразу же за церковным благословением, вы обязуетесь отдать ларец в присутствии двух свидетелей – священника, венчавшего вас, и меня, вашего покорного слуги. Со своей стороны, маркиз дю Плесси-Бельер требует для себя права распоряжаться по своему усмотрению всем вашим имуществом.

– О! Простите!.. – живо возразила Анжелика. – Господин маркиз будет иметь в своем распоряжении столько денег, сколько пожелает, и я готова назначить ему ежегодную ренту. Но я остаюсь единственной владелицей и управляющей своим имуществом. Я возражаю против того, чтобы он любым образом участвовал в моих делах, поскольку много лет работала не для того, чтобы оказаться в нищете, даже и с высоким титулом. Я знаю, насколько расточительны аристократы!

Не моргнув глазом Молин зачеркнул несколько строчек и переписал наново. Затем он попросил Анжелику по возможности детально описать все ее предприятия. И она с гордостью все выложила интенданту, счастливая оттого, что может на равных разговаривать со старым лисом и назвать весьма влиятельных людей, которые могут

подтвердить ее слова. Такие предосторожности не смущали ее больше, поскольку, поднаторев в финансовых и коммерческих дебатах, она усвоила, что любое слово чего-то стоит только в том случае, если касается вещей измеримых или подкреплено фактами, которые можно проверить. Когда же она заговорила об Ост-Индской компании и о том, чего ей удалось достичь, в глазах Молина вспыхнуло восхищение.

– Признайте, господин Молин, что я действительно поправила свои дела, – заключила Анжелика.

Он кивнул:

– Да, вы не уронили себя в чужих глазах. Признаю, что во всех ваших комбинациях нет ничего противоправного. Видимо, все зависит от того, сколько вы смогли вложить в самом начале.

Анжелика коротко и горько рассмеялась:

– На старте? У меня не было НИЧЕГО, Молин. Бедность, в которой мы жили в Монтелу, не идет ни в какое сравнение с тем, что мне пришлось испытать после смерти графа де Пейрака.

Едва было произнесено это имя, как оба надолго замолчали. Огонь догорал, и Анжелика взяла полено из короба, стоявшего возле очага, и бросила его на тлеющие головешки.

– Я должен кое-что сообщить вам о серебряном руднике, – сказал Молин тем же любезным тоном. – Он в последние годы очень поддерживал вашу семью, и теперь вы и ваши дети также обладаете правом пользования.

– Разве рудник не опечатали и не передали другим владельцам, как все имущество графа де Пейрака?

– Алчность королевских инспекторов его миновала. Тогда он был вашим приданым, и теперь ситуация с вашим правом собственности весьма двусмысленна...

– Как и все дела, за которые вы беретесь, мэтр Молин, – со смехом отозвалась Анжелика. – У вас просто редкостный дар служить сразу нескольким хозяевам.

– Это не так! – с чопорным видом запротестовал интендант. – У меня не множество хозяев, а множество разных дел.

– Я уловила нюанс, мэтр Молин. Вернемся к делам дю Плесси-Бельера-сына. Обязательство, касающееся ларца, подписано. Я готова обсудить размер ренты, который устроит господина маркиза. В обмен на это я предлагаю брак и прошу признать маркиза обладателем

титулов и земель, которыми обладал мой муж. Я настаиваю на том, чтобы быть представленной его родне и признанной его законной супругой. Двое моих детей также должны иметь право на прием и защиту в доме их отчима. И в заключение: я хотела бы иметь сведения о его имуществе и землях.

– Хм... Здесь, мадам, вы рискуете обнаружить весьма скудные запасы. Не скрою, мой молодой патрон сильно задолжал. Кроме этого парижского особняка, он является владельцем двух замков – одного в Турени и одного в Пуату. Замок в Турени перешел к нему от матери. Однако земли обоих замков заложены.

– Вы так плохо вели дела своего патрона, мэтр Молин?

– Увы, мадам! Даже сам господин Кольбер, который по пятнадцать часов в сутки трудится над тем, чтобы выправить финансы королевства, ничего не может поделать с расточительством короля. Его величество сводит на нет все расчеты министра. И господин маркиз проматывает свое состояние, которое и так заметно уменьшилось из-за склонности его батюшки к роскоши как в военных кампаниях, так и в придворных забавах. Король жаловал ему выгодные должности, и он вполне мог бы получать изрядную прибыль, но он их сразу продавал, чтобы расплатиться с карточным долгом или купить новый экипаж. С моей точки зрения, мадам, дела дю Плесси-Бельера находятся в весьма плачевном состоянии. Я ими занимаюсь, скорее, по старой привычке. Позвольте, я запишу ваши предложения.

В наступившей тишине слышался только скрип пера и потрескивание дров в очаге.

«Если я выйду замуж, – думала Анжелика, – то Молин станет моим управляющим. Вот интересно! Я никогда даже представить такого не могла. Конечно, он попытается запустить свои длинные руки в мои дела. Надо будет поостеречься. Но, с другой стороны, это даже хорошо: он очень неплохой советчик».

– Могу ли я предложить вам еще один пункт договора? – спросил Молин, подняв голову.

– К моей выгоде или к выгоде вашего патрона?

– К вашей.

– Но вы, насколько я знаю, представляете интересы маркиза дю Плесси?

Ничего не ответив, старик улыбнулся и снял очки. Откинувшись на спинку кресла, он бросил на Анжелику живой и пронизательный взгляд, как десять лет назад, когда он сказал ей: «Я думаю, что понимаю вас, Анжелика, и буду говорить с вами иначе, чем с вашим отцом».

– Я полагаю, – сказал он, – что для вас выйти замуж за моего патрона – большое благо. Это невероятно, но вы здесь, и господин маркиз обязан на вас жениться. Сказать по правде, я понятия не имею, какие обстоятельства побудили вас вступить в этот союз. Дело не в этом. Дело в том, чтобы брак оказался удачным и для моего патрона, и для вас, и для меня. Ведь благополучие слуг зависит от благополучия хозяев.

– Я с вами абсолютно согласна, Молин. Что же это за пункт договора?

– Вы должны настаивать на осуществлении брака, то есть на том, чтобы маркиз исполнил супружеский долг.

– На осуществлении брака? – повторила Анжелика и сделала большие глаза, как воспитанница, едва вышедшая из стен монастыря.

– Господи, мадам, я надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь?

– Понимаю, – пробормотала Анжелика, совладав с собой. – Но вы меня удивили. Совершенно очевидно, что, выходя замуж за господина дю Плесси...

– Ничего не очевидно, мадам. Ясно, что маркиз женится на вас не по любви. Я бы даже сказал, что он женится по принуждению. Думаю, что не удивлю вас, если скажу, что вы внушаете ему чувства, которые мало похожи на любовь, скорее на гнев и бешеную злобу.

– Несомненно, – прошептала Анжелика, стараясь как можно непринужденнее пожать плечами.

Но боль охватила ее, и она крикнула:

– Ну и что с того? Что с того, что он меня не любит? Все, что я прошу, – его имя и титулы. Остальное меня не волнует. Он волен мне изменять и спать с любыми фрейлинами или горничными, если ему захочется. Я за ним бегать не стану!

– Вы ошибаетесь, мадам. Я думаю, вы плохо знаете человека, с которым собираетесь сочетаться браком. Сейчас ваша позиция сильна, потому что вы считаете его слабым. Но в дальнейшем вы должны взять над ним верх любыми средствами. Иначе...

– Иначе?

– Иначе вы будете **ОЧЕНЬ НЕСЧАСТНЫ**.

Лицо Анжелики стало жестким, и она произнесла, стиснув зубы:

– Я уже была очень несчастна, Молин. И не намерена все начинать сначала.

– Именно поэтому я предлагаю вам средство защиты. Послушайте, Анжелика, я уже достаточно стар и имею право говорить с вами прямо. После свадьбы у вас не будет никакой власти над Филиппом дю Плесси. Деньги, ларец – ему достанется все. Доводы сердца для него просто не существуют. Вам надо постараться взять его чувственностью.

– Эта власть весьма опасна, Молин. И очень уязвима.

– Но это власть. И от вас зависит сделать ее неуязвимой.

Анжелика была выбита из колеи. Ей и в голову не пришло обижаться на странные советы, услышанные из уст сурового гугенота. Таков уж был Молин: мудрый, хитрый, он никогда не принимал в расчет принципов, зато малейшие движения человеческой природы, продиктованные материальным интересом, чувствовал безошибочно. Похоже, Молин был в очередной раз прав. Анжелика вдруг вспомнила, какой страх порой нагонял на нее Филипп своим безразличным, ледяным спокойствием и какой беспомощной она тогда себя чувствовала. В глубине души она рассчитывала приручить его именно в брачную ночь. Когда женщина держит мужчину в объятиях, она становится могущественной. Всегда наступает миг, когда механизм защиты мужчины уступает упоению наслаждением. Опытная женщина должна умело этим воспользоваться. Пройдет время, и мужчина помимо воли снова припадет к источнику наслаждения. Анжелика знала, что, когда прекрасное тело Филиппа соединится с ее телом, а его свежие, упругие губы окажутся на ее губах, она тут же превратится в самую пылкую и искусную из любовниц. И в безымянной любовной борьбе они обретут единство, о котором Филипп, скорее всего, постарается забыть. Но это единство привяжет их друг к другу сильнее, чем любые страстные признания.

Ее затуманенный взгляд снова остановился на Молине. Должно быть, он по лицу Анжелики проследил ее мысли, потому что, иронически ухмыльнувшись, произнес:

– Я также думаю, что вы достаточно хороши собой, чтобы вступить в игру. Но может так случиться... что она сложится не так, как вы задумали. И это вовсе не означает, что вы выиграете первую партию.

– Что вы хотите этим сказать?

– Мой патрон не любит женщин. Он их, разумеется, знает, но они для него все равно что горький, тошнотворный плод.

– Но ему приписывают множество приключений. А его знаменитые оргии в ходе заграничных военных кампаний, в Норвегии...

– У него привычки и замашки солдафона, вынесенные из военных походов. Он берет женщин, словно пожар устраивает или насаживает кого-нибудь на острие меча... чтобы сделать больно.

– Молин, вы говорите страшные вещи!

– Я не стремлюсь вас напугать, просто хочу предупредить. Вы из благородного семейства, но выросли в здоровой сельской обстановке. И вы абсолютно не знаете, какое воспитание обычно получает юноша, чьи родители – богатые светские люди. С самого детства он игрушка – сначала слуг и лакеев, потом суверенов, у которых служит пажом. В итальянских традициях, в которых он воспитывался...

– О! Замолчите... Какая гадость! – прошептала Анжелика, в замешательстве глядя на огонь.

Молин не стал возражать и снова надел очки:

– Так прибавлять этот пункт или нет?

– Прибавляйте что хотите, Молин, я...

Она осеклась, услышав, что дверь открылась. На пороге, как привидение, возник силуэт, который постепенно выступал из полумрака кабинета и становился четче: это был Филипп, в атласном камзоле. Светлые волосы, белый камзол с золотым шитьем... Казалось, он собрался на бал. Анжелику он приветствовал надменным кивком.

– Далеко ли вы продвинулись в переговорах, Молин?

– Мадам Моран просит только подписаться под предложенными условиями.

– Можете ли вы поклясться на распятии, что **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** знаете, где находится ларец?

– Могу, – ответила Анжелика.

– В таком случае подойдите, господин Гаретт...

Капеллан, чья тощая темная фигура была совсем не видна за спиной хозяина, вышел на свет. В руках он держал распятие, на котором Анжелика поклялась, что знает, где спрятан ларец, и обязуется отдать его господину дю Плесси после свадебной церемонии. Затем Молин огласил размер ренты, которую Анжелика должна назначить впоследствии своему супругу. Цифра оказалась весьма солидной, поскольку должна была соответствовать ежегодным расходам молодого маркиза, которые Молин по привычке записывал. Анжелика слегка поморщилась, но не моргнула глазом: если ее дела будут идти хорошо, ей не составит труда выплачивать эту сумму. С другой стороны, став маркизой дю Плесси, она постарается сделать так, чтобы оба домена Филиппа максимально процветали.

Маркиз не высказал никаких возражений. Лицо его было нарочито скучающим.

– Хорошо, Молин, – протянул он, подавив зевок, – постарайтесь уладить эту скверную историю, и как можно скорее.

Интендант кашлянул и смущенно потер руки:

– Есть еще один пункт, господин маркиз, который присутствующая здесь мадам Моран попросила меня включить в контракт. Вот этот пункт: финансовые условия будут соблюдены лишь в том случае, если вы будете выполнять свои супружеские обязанности.

Филипп застыл на несколько мгновений, словно пытаясь осмыслить услышанное, потом лицо его вспыхнуло.

– О!.. В самом деле! – сказал он. – О! Право же!..

Он действительно лишился слов, и у Анжелики снова возникло смешанное чувство жалости и нежности, которое она порой испытывала к Филиппу.

– Ну это уж слишком! – выдохнул он наконец. – Бесстыдство, помноженное на цинизм!

Он весь побелел от ярости.

– А не скажете ли мне, Молин, как доказать всему миру, что я оказал честь ложу этой... персоны? Что я лишил девственности потаскуху, у которой двое детей и которая перебивалась в постелях всех мушкетеров и финансистов королевства?.. Мне что, прикажете предстать перед трибуналом, как этот идиот Ланжей^[8], которого

вынудили в присутствии десяти человек доказывать свое мужское достоинство? А мадам Моран обзавелась свидетелями для этой церемонии?

Молин успокаивающе поднял руку:

– Не вижу причин, господин маркиз, по которым этот пункт привел вас в такое состояние. Он в действительности весьма – могу я позволить себе так выразиться? – выгоден как для вас, так и для вашей будущей супруги. Подумайте сами: если, поддавшись настроению или вполне понятному раздражению или злобе, вы начнете пренебрегать своими супружескими обязанностями, мадам Моран будет вправе через несколько месяцев аннулировать брак и вовлечь вас в дорогостоящий и смешной судебный процесс. Я принадлежу к реформатской религии, но мне известно, что невыполнение супружеских обязанностей является одной из немногих причин развода, которые признает Католическая церковь. Это так, господин капеллан?

– Совершенно верно, господин Молин, брак в христианской Католической церкви имеет одну цель: произведение на свет потомства.

– Ну вот! – мягко произнес интендант, и только Анжелика, которая его хорошо знала, уловила в его голосе иронию. – Что же до доказательств вашей доброй воли, то, полагаю, лучшим доказательством будет наследник, которого подарит вам супруга.

Филипп повернулся к Анжелике, которая слушала перепалку с безучастным видом. Но, почувствовав на себе его взгляд, она тоже подняла глаза. Ее прекрасное лицо в этот момент стало таким суровым и жестким, что по телу Филиппа пробежала дрожь. И это отнюдь не была дрожь наслаждения.

– Ладно, договорились, – медленно сказал Филипп, и губы его сложились в жестокую усмешку. – Будет исполнено, Молин, будет исполнено...

Глава XL

– Вы меня заставили сыграть такую отвратительную роль, какая мне и в голову прийти не могла, – сказала Анжелика Молину.

– Когда выбираешь одиозную роль, мадам, не надо вдаваться в детали. Важно просто отстаивать свои позиции.

Одетый в темное, сутулый, он шел следом за Анжеликой, провожая ее до кареты. Черная ермолка, худые руки, которые он то и дело потирал, – Молин был тенью, явившейся из прошлого.

«Я опять среди своих», – подумала Анжелика, и ее охватило ощущение полноты жизни, исцелившее все раны от унижения и от презрения Филиппа.

Она обрела свой мир, у нее появилась почва под ногами. На пороге интендант остановился и принялся внимательно изучать звездное небо над головой. Карета мадам Моран тем временем свернула во двор и остановилась перед крыльцом.

– Я все спрашиваю себя, – продолжил интендант, нахмурившись, – как мог погибнуть такой человек...

– Какой человек, Молин?

– Граф де Пейрак.

Анжелика вся съежилась. В последнее время к отчаянию, которое она всегда испытывала при мысли о Жоффрее, присоединились смутные угрызения совести. Ее глаза тоже поднялись к ночному небу.

– Вы думаете, что... он не одобрил бы... свадьбу с Филиппом?

Старик сделал вид, что не расслышал.

– Как мог погибнуть такой человек, вот что уму непостижимо! – повторил он, покачав головой. – Может, король все-таки вовремя понял...

Анжелика порывисто схватила его за руку:

– Молин... Вы что-то знаете?

– Я слышал разговоры о том, что король его помиловал... в последнюю минуту.

– Увы! Я своими глазами видела, как он горел на костре.

– Ладно, предоставим мертвым хоронить своих мертвецов, – сказал Молин с широким жестом пастыря, который ему очень шел и,

наверное, помогал обманывать паству. – И да будет жизнь!

В карете, которая везла ее домой, Анжелика стиснула руки, унизанные кольцами. «Жоффрей, где ты? Почему отблеск костра, потухшего пять лет назад, все еще жив во мне? Если ты блуждаешь по этой земле, вернись ко мне!»

Она замолчала, сама испугавшись слов, которые шептала. Отсветы фонарей, расставленных на улице по приказу господина де Ла Рейни, ложились на ее платье. Как ей хотелось, чтобы наконец рассеялась тьма, где она брела ощупью...

Ей стало страшно. Она боялась Филиппа, но еще больше боялась Жоффрея, живого или мертвого!

В особняке Ботрейи ей навстречу выбежали Флоримон и Кантор. Оба были одеты в розовые атласные камзольчики с кружевными воротниками, у обоих сбоку болтались маленькие шпаги, а на головах красовались фетровые шляпы с розовым плюмажем.

Мальчики обнимали за шею крупного рыжего боксера ростом почти с Кантора.

Анжелика застыла перед красотой своих обожаемых малышей, сердце ее отчаянно колотилось. Как важно они выступали, исполненные достоинства! Как старались не помять парадные камзолы!

Они возникли между Филиппом и призраком Жоффрея, и вся их сила заключалась в этой детской хрупкости. «И да будет жизнь!» – сказал старый интендант-гугенот. Жизнь – это они, это ради них она должна идти дальше, неспешно, по возможности не спотыкаясь.

Глава XLІ

О муках совести, терзавших Анжелику в последнее время и не дававших ей спать, не догадывались ни близкие, ни друзья. Никогда еще она не выглядела такой красивой и уверенной в себе. Она спокойно, с естественной и снисходительной улыбкой, встречала всеобщее любопытство в салонах, где со скоростью порохового заряда распространилась новость о ее замужестве и о ее аристократическом происхождении.

Мадам Моран! Шоколадница! Из рода Сансе?.. Этот род канул в безвестность тому уже несколько веков, но корнями уходил в славные ветви Монморанси и даже Гизов. К тому же его последние отпрыски предпринимают попытки восстановить былой блеск. Разве Анна Австрийская на смертном одре не призвала к себе иезуита с горящими глазами, падре Раймона де Сансе, у которого все знатные придворные дамы желают получить наставления? И мадам Моран, чья странная жизнь и стремительный взлет стали, как бы ее ни защищали, поводом для скандала, разве не приходилась родной сестрой этому утонченному, мягкому и такому знаменитому священнику? В этом многие сомневались. Но на приеме у мадам д'Альбре, которая постаралась, чтобы они встретились, было замечено, что иезуит поцеловал будущую маркизу дю Плесси-Бельер, открыто говорил ей «ты» и весь вечер они общались по-родственному.

На следующее утро после встречи с Молином Анжелика отправилась к Раймону. Она знала, что в его лице найдет надежного союзника, который, сделав вид, что он тут ни при чем, быстро и незаметно поможет ей снова войти в светское общество. И его старания не замедлили проявиться.

Не прошло и недели, как был сломлен барьер надменности, который знатные дамы квартала Марэ возвели между собой и Анжеликой, подозревая ее в недостаточно высоком происхождении. С Раймоном заводили разговор о его сестре, прелестной Мари-Агнес де Сансе, уже два сезона подряд кружившей головы двору. Ведь ее уход от мира – явление временное, правда? В любом случае двор желал,

чтобы его почтила своим присутствием еще одна де Сансе, чья красота не шла ни в какое сравнение с красотой сестры и чей ум уже расхваливали во всех салонах.

Ее братья Дени и Альбер (Альбер служил пажом у мадам де Рошан) явились к ней повидаться и после искренних излияний попросили денег.

Брата-художника никто не вспомнил: этот сумасшедший, хоть и был старшим в семье, уже давно уехал в Америку. Точно так же не вспомнили ни о первом браке Анжелики, ни о причинах, толкнувших ее, представительницу старинного рода, заниматься торговлей шоколадом. Придворные и их легкомысленные дамы прекрасно умели забывать о том, о чем им было выгодно забывать в доверительных перешептываниях.

Все прежние фаворитки, за исключением одной, мадам де Гиш, боясь опалы, быстро сообразили, что надо соблюдать тактичность. Граф де Вард находился в тюрьме по «делу маленького торговца вафлями», которое повлекло за собой «дело об испанском письме».

Доброта Великой Мадемуазель, племянницы короля, побуждала ее к молчанию, несмотря на всю любовь к сплетням. Она заключила Анжелику в объятия и сказала: «Будьте счастливы, очень счастливы, моя дорогая!» – уронив при этом слезу.

Мадам де Монтеспан помнила одну весьма любопытную деталь биографии Анжелики де Сансе, но, занятая своими интригами, не особенно в это вникала. Она радовалась, что Анжелика скоро будет представлена ко двору. Вечно насупленная и плаксивая королева и унылая Луиза де Лавальер? Нет, двор явно нуждался в оживлении. А король, обычно серьезный и слегка чопорный, радовался, как подросток, которому наконец разрешили то, что долго запрещали. Жизнерадостный характер Анжелики будет чудодейственно способствовать расцвету блистательной искрометности мадам де Монтеспан. Разве эти веселые прелестницы, объединившись, не оживят своими остроумными пикировками любой вечер, разве не этого жаждут сейчас во всех салонах?

Атенаис де Монтеспан поспешила надавать своей подруге кучу советов относительно туалетов и украшений, которые необходимы, чтобы быть представленной в Версале.

Что же до мадам Скаррон, то ее опыту вполне можно было довериться. Мудрая вдова слишком усердно заботилась о настоящем, прошлом и будущем тех людей, которые могли быть ей полезны, а потому не рискнула бы допустить ни малейшей оплошности.

Так, со всеобщего молчаливого согласия, недавнее прошлое Анжелики кануло в Лету. Однажды вечером, в очередной раз взглянув на кинжал Родогона Цыгана, она вдруг поняла, что все это было страшным сном и не надо о нем больше вспоминать. Теперь жизнь Анжелики де Сансе, благородной аристократки из Пуату, которой в женихи уже давно был предназначен Филипп дю Плесси-Бельер, пойдет по заранее начертанному пути.

Глава XLII

Однако забвение этого периода жизни Анжелики коснулось не всех. Однажды утром, когда она сидела за туалетным столиком, ей доложили о метрдотеле графа де Суассона, некоем Одиже.

Она уже было собралась надеть платье и спуститься, но так и осталась сидеть перед трельяжем: знатная дама имеет право принимать посетителей в пеньюаре.

Когда Одиже вошел, она даже не повернулась к нему и продолжала мягкими движениями пышной пуховки пудрить шею и грудь. Однако она прекрасно видела посетителя в большом овальном зеркале, стоявшем перед ней. Одиже, в скромной одежде простого буржуа, подошел к ней с тем суровым видом, который был ей так знаком. Обычно вслед за этим у них начинались «семейные разборки».

– Входите, Одиже, – сердечно пригласила она, – и садитесь рядом со мной, вот сюда, на табурет. Мы с вами давно не виделись, да в этом и не было надобности. Наши дела прекрасно идут под присмотром славного Маршандо!

– Я сожалею, что так долго не был у вас, – произнес молодой человек, еле сдерживая волнение, – поскольку вы воспользовались моим отсутствием, чтобы наделать глупостей. Говорят, вы собираетесь замуж за маркиза дю Плесси-Бельера, это правда?

– Самая что ни на есть, мой друг, – небрежно ответила Анжелика, смахивая мягкой кисточкой излишек пудры с лебединой шеи. – Маркиз мой кузен, и я всегда была в него немножко влюблена.

– Так, значит, вам наконец удалось осуществить амбициозный проект, порождение ваших куриных мозгов! Я уже давно понял, что ничего важнее для вас не существует. Любой ценой, во что бы то ни стало, вы желали сделать выгодную партию с особой дворянского происхождения...

– Я сама дворянка, Одиже, и была ею всегда, даже когда служила у господина Буржую. Вы же в курсе всех последних сплетен и не могли не услышать, что на самом деле я зовусь Анжелика де Сансе де Монтелу.

Лицо метрдотеля исказилось, и он побагровел.

«Наверное, ему следует пустить кровь», – подумала Анжелика.

– Я все понял. Теперь мне ясно, почему вы были так высокомерны, почему отказались стать моей женой!.. Вы меня стыдились!

Он задохнулся от гнева, и ему пришлось ослабить воротничок. Переведя дух, он продолжил:

– Я не знаю, по каким причинам вы пали так низко. Я познакомился с вами, когда вы были бедной служанкой и прятались от собственной семьи. Но я слишком хорошо знаю свет, чтобы не понять, что вы стали жертвой каких-то гнусных и преступных интриг, как всегда происходит при дворе. И теперь вы хотите вернуться в свет!.. Нет, я не могу поверить. Вот почему я все еще разговариваю с вами подружески, хотя, наверное, теперь это вас шокирует... Нет, Анжелика, вы не могли исчезнуть с такой жестокостью, разве что умереть. Что за мелкое тщеславие: во что бы то ни стало принадлежать к этому грубому, ханжескому, глупому свету! Меня всегда восхищали в вас ясность ума и здравый смысл. Как же вы можете не замечать всех пороков того класса, к которому себя причисляете?.. Для того чтобы расцвести на свободе, вам нужна здоровая атмосфера, вам нужна братская поддержка простых людей, и вы ее нашли у нас. Смотрите, я ведь не стыжусь стать на одну ступень с господином Буржую! Как же вы можете все это отбросить с такой легкостью?.. Вы останетесь одна среди интриганов! Их ничтожество и низость извратят все, что так ценно в вас, – чувство реальности и искренность, и вы станете такой же, как они...

Анжелика с раздражением положила серебряную кисточку на край туалетного столика. У них с Одиже было предостаточно таких «семейных сцен». Неужели на пороге Версаля она снова должна выслушивать проповеди какого-то недотепы? Она бросила взгляд на его полное, гладкое лицо, с честными глазами и красивыми губами, и сказала себе: «Быть таким симпатичным и таким дураком – для мужчины просто беда!» Потом решительно вздохнула и встала:

– Мой милый друг...

– Я больше не друг вам, боже сохрани! – сказал Одиже, тоже поднимаясь с места. – Мадам маркиза подписала отставку метрдотелю... – Из багрового он сделался мертвенно-бледным. Лицо его исказилось, голос растерянно дрожал. – Иллюзии! – взревел он. – Я

всегда строил на ваш счет какие-то иллюзии. И ведь собирался... Вы – моя жена!.. Идиот несчастный! Вот уж верно, вы полностью принадлежите своему миру. Да вы просто потаскуха! Бери кто хочет!

В два прыжка Одиже оказался возле Анжелики, схватил ее в охапку и швырнул на диван. Задыхаясь, одной рукой он с неожиданной яростью сжал ей запястья, плотно притиснув их к груди, а другой принялся сдирать с нее пеньюар и тонкую сорочку, пытаясь совсем ее раздеть.

Сначала Анжелика хотела отбиваться, но потом она вдруг застыла не двигаясь и предоставила Одиже полную свободу действий. Тот ожидал сопротивления и приготовился его отразить, но теперь до него постепенно дошло, что бороться не с кем и что выглядит он довольно смешно. В замешательстве он тоже замер и разжал объятия.

Диким, растерянно блуждающим взглядом всматривался он в заброшенное лицо Анжелики, которое казалось мертвым.

– Почему вы не сопротивляетесь? – прошептал он.

Ее зеленые глаза пристально, не мигая, смотрели на него. Никогда лицо Одиже не было так близко от ее лица. Она медленно погрузила взгляд в его глаза, где вспыхивали и гасли безумие, отчаяние и страсть.

– Вы были очень дельным компаньоном, Одиже, – прошептала она. – Я это признаю. Если вы меня хотите – возьмите меня. Я не откажу вам. Вы же знаете: я никогда не отказываюсь, когда приходит время расплатиться с долгами.

Он молча смотрел на нее. Смысл ее слов доходил до его сознания очень медленно. Совсем рядом с ним было нежное, упругое тело, он изнемогал, вдыхая странный и в то же время такой знакомый аромат. Анжелика лежала спокойно. Надо отдать ей должное: она сдалась безоговорочно. Но именно это и оскорбляло. Она предлагала себя как бездушную вещь.

И он это понял. Всхлипнув, он встал и, шатаясь, отступил на несколько шагов. Глаза его были прикованы к Анжелике.

Она не пошевелилась, так и лежала, даже не пытаясь поправить на груди разорванное кружево. Теперь он мог наконец разглядеть длинные, стройные ноги, о которых столько мечтал, и маленькие ступни, выглядевшие на бархатной подушке как безделушки из розовой слоновой кости. Одиже глубоко вздохнул.

– Конечно, я буду об этом сожалеть всю жизнь, – сказал он глухо, – но, по крайней мере, не буду себя презирать. Прощайте, мадам! Вашей подачи мне не надо.

Он попятился к выходу и исчез за портьерой.

Анжелика несколько мгновений лежала не двигаясь, потом оценила ущерб, нанесенный ее туалету. Воротничок из малинских кружев был безвозвратно испорчен.

– Чума на этих мужчин! – раздраженно буркнула она.

Она вспомнила, как ей хотелось во время прогулки на мельницу Жавеля, чтобы Одиже стал ее любовником. Но тогда Одиже был богаче ее, а воротничок у нее на платье стоил не более трех ливров.

Тихонько вздохнув, она снова под села к туалетному столику. «Нинон де Ланкло права, – сказала она себе. – Главное недоразумение любви заключается в том, что часы желания не всегда звонят в одно и то же время».

Назавтра служанка из «Испанской Карлицы» принесла ей короткую записку от Одиже, в которой он просил вечером заехать в контору и вместе с ним просмотреть счета. Она сочла, что повод шит белыми нитками. После бессонной ночи, проведенной в мучениях, бедняга наверняка решил послать к черту свое достоинство и великодушие и воспользоваться шансом, который она ему предоставила. Анжелика и не думала отступить. Вчера она уже сказала ему, что решила поступить по справедливости. Она и правда была очень многим обязана Одиже.

Без особого энтузиазма, однако решив в одном-единственном объятии выразить всю свою признательность, Анжелика отправилась на свидание с метрдотелем. Она нашла его в маленьком кабинете, примыкающем к дегустационному залу. Он был одет в дорожный костюм и охотничьи сапоги, держался очень спокойно и даже весело и ни словом не упомянул о вчерашнем.

– Прошу прощения, мадам, что потревожил вас, но перед отъездом я счел необходимым вместе с вами проверить все счета кондитерской, хотя Маршандо как управляющий и внушает доверие.

– Вы уезжаете?

– Да, я еду подписать договор в Бургундию, во Франш-Конте, где, как говорят, нынче весной его величество завоевал несколько городов.

Больше часа они с помощью Маршандо изучали книги счетов, проверяли исправность машин в цеху и запасы какао, сахара и пряностей в кладовых. А потом настал момент, когда Одиже встал и вышел, словно ему надо было найти еще какую накладную. Однако через несколько мгновений Анжелика услышала удаляющийся стук копыт и поняла, что Одиже уехал и она его больше не увидит.

Глава XLIII

Она закончила писать письмо своему судовладельцу в Ла-Рошель, посыпала бумагу песком, запечатала конверт и надела маску и накидку. Из битком набитого зала доносились взрывы смеха: проливной дождь выгнал всех посетителей из беседок, где они устроились выпить шоколада.

Сладковатый запах шоколада, смешанный с ароматом жареного миндаля, проникал в маленькую контору, где Анжелика, в черном платье с белым воротничком и белыми манжетами, с гусиным пером в руке, годами корпела над бесчисленными счетами.

По привычке она подошла к входу в зал и оглядела своих клиентов сквозь потайное отверстие в дверной шторе. Когда она станет маркизой дю Плесси-Бельер, и речи не будет о том, чтобы вот так прийти сюда, разве что в компании богатых бездельников, отведать «божественного» шоколада. Да, забавный и пикантный получится реванш.

Большие зеркала в золоченых рамах отражали благопристойное оживление, которое она всегда умела поддерживать в «Испанской Карлице». Впрочем, это не составляло особого труда, ибо шоколад – такой напиток, который располагает скорее к приятной беседе, чем к грубой ссоре.

Совсем близко от дверной шторы, за которой притаилась Анжелика, перед дымящейся чашкой шоколада сидел человек и меланхолично грыз фисташки. Взглянув на него пару раз, она подумала, что где-то его видела, а после третьего взгляда у нее возникло подозрение, что этот расфуфыренный господин – не кто иной, как искусно переодетый и загримированный полицейский Дегре. Ее охватила чистая, детская радость. Ледяное презрение ее будущего мужа, упреки Одиже, любопытство друзей... На этом фоне Дегре был единственным, с кем Анжелика могла разговаривать, не следя за каждым своим словом и не ломая комедии.

Она вышла из-за шторы и подошла к нему.

– Сдается мне, вас покинули, мэтр Дегре, – тихо сказала она. – Могу ли я – о, весьма скромно! – занять место той жестокой, что не

явилась?

Он поднял глаза и узнал ее:

– Нет ничего приятней для меня, чем посидеть с хозяйкой этого волшебного заведения.

Она, смеясь, уселась рядом и сделала одному из негрят знак принести чашку шоколада и вафель.

– Кого вы ловите на моей территории, Дегре? Опять какого-то ядовитого памфлетиста?

– Нет, на этот раз его женский эквивалент – отравительницу.

– Ха! Как это банально! Лично я была когда-то знакома с отравительницами, – брякнула Анжелика, подумав о мадам де Бренвилье.

– Я знаю. Однако лучшее, что вы можете предпринять, – это забыть, что вы были с ними знакомы.

Он сказал это без тени улыбки, и она осеклась и молча кивнула.

– Когда мне понадобятся сведения, я вас спрошу, – заметил Дегре с иронией. – Думаю, вы мне их доверите добровольно.

Анжелика пригубила обжигающий напиток, который принес негритенок Том.

– Что вы думаете о шоколаде, господин Дегре?

– Суцая мука! Однако, когда ведешь расследование, надо быть готовым к любым испытаниям. Должен сознаться, за всю мою карьеру мне приходилось бывать и в более мрачных заведениях, чем эта кондитерская. А здесь просто шикарно...

Анжелика была убеждена, что Дегре в курсе ее планов в отношении Филиппа. Поскольку она никогда ему об этом не говорила, то сочла неловким касаться этой темы.

Но случай помог ей, потому что в кондитерскую, вместе с веселой компанией кавалеров и дам, вошел Филипп собственной персоной. Анжелика была в маске и сидела в дальнем от входа углу, а потому не рисковала быть узнанной.

Указав Дегре на Филиппа, она сказала:

– Видите вон того молодого человека в ярко-голубом атласном камзоле? Так вот, я выхожу за него замуж.

Дегре изобразил удивление:

– А!.. Не тот ли это кузен, который был в тот вечер в таверне «Красная Маска»?

– Тот самый, – подтвердила Анжелика и вызывающе вздернула подбородок. – И что вы об этом думаете?

– О чем? О свадьбе или о кузене?

– И о том и о другом.

– Замужество – вещь деликатная, и я оставляю вашему духовнику право беседовать об этом с вами, дитя мое, – наставительно произнес Дегре. – Что же до кузена, то должен с сожалением констатировать, что это не ваш тип мужчины.

– Как это не мой? Ведь он так красив!

– Несомненно. Но красота – это то, что меньше всего привлекает вас в мужчинах. Вы цените в них отнюдь не те качества, что сближают их с женщинами, а как раз противоположные: их ум, их взгляд на вещи, не всегда правильный, но для вас новый, и, наконец, – загадку мужской природы. Да, мадам, вы таковы. И не надо так изумленно смотреть на меня из-под маски. Могу еще добавить: чем больше мужчина отдаляется от общего «стада», тем больше шансов, что вы признаете его главенство. Именно поэтому вам нравятся оригиналы, отверженные, мятежники... И поэтому же все ваши любовные истории плохо кончались. Мужчине достаточно вас развлечь или рассмешить – и вы готовы идти за ним на край света. А если он к тому же достаточно крепок и умел, чтобы удовлетворить потребности вашего изысканного тела, то вы вообще все ему прощаете. Этот парень не дурак, но в нем нет души. Если он вас любит, то вы рискуете умереть от скуки в его обществе.

– Он меня не любит.

– Тем лучше. Тогда вы сможете попробовать влюбить его в себя, ну чтобы развлечься. Бьюсь об заклад, что в физической любви он не деликатнее простого мужика. Мне как-то говорили, что он принимал участие в бесчинствах банды Месье, брата короля.

– Мне не нравится, когда так говорят о Филиппе, – сказала Анжелика, помрачнев. – О Дегре, мне стыдно задавать вам такие вопросы, но я спрошу: мужчины такого типа... они... могут иметь детей?

– Это зависит от того, о каком типе мужчин идет речь, наивная вы моя! – засмеялся Дегре. – По-моему, этот парень скроен как раз для того, чтобы сделать любую женщину счастливой и наплодить кучу детишек. Но у него нет сердца. Когда он умрет, его сердце не станет

холоднее, чем сейчас. Ба! Я вижу, вы желаете вкушать красоты. Пожалуйста! Ешьте, вонзайте в нее свои прекрасные зубки, а главное – ни о чем не жалеете! А я вас покидаю. – Он встал и поцеловал ей руку. – Моя отравительница не явилась. Я огорчен. Благодарю вас за прекрасную компанию.

И он направился к выходу, лавируя между столиками. У Анжелики ком подступил к горлу от ощущения тоски и муки, внезапно охватившего ее.

«А я вас покидаю», – сказал Дегре.

И вдруг до нее дошло, что в том мире, куда она вот-вот войдет, в Версале, в Сен-Жермен, в Лувре, она уже никогда не встретит полицейского по имени Дегре и его собаку Сорбонну. Они отдалятся, сольются с толпой слуг, торговцев, цветочниц – всего простого люда, который крутится в вечном хороводе вокруг вельмож и которого те просто не желают замечать.

Анжелика вскочила с места и ринулась к двери вслед за Дегре. Она сразу его увидела: он шел по темнеющей аллее сада, а за ним двигался белый силуэт Сорбонны.

Анжелика пустилась бегом:

– Дегре!

Он остановился и пошел ей навстречу. Анжелика втолкнула его в полумрак беседки и обвила руками его шею:

– Обнимите меня, Дегре.

Он вздрогнул:

– Да что это на вас нашло? У вас что, появился еще один памфлетист, которого надо спасать?

– Нет... но я...

Она не знала, как рассказать ему о той панике, которая охватила ее при мысли о том, что она его никогда не увидит. В замешательстве она ласково потерлась щекой о плечо Дегре:

– Понимаете, я выхожу замуж. Потом я уже не смогу обманывать мужа.

– Напротив, дорогая. Знатная дама не должна делать подобных глупостей: любить своего мужа и быть ему верной женой. Но я вас понимаю. Когда вы станете маркизой дю Плесси-Бельер, вам будет не к лицу иметь в числе ваших друзей полицейского по имени Дегре?

– О! Зачем вы ищете ссоры? – запротестовала Анжелика.

Она уже хотела засмеяться, но совладать с собой не получилось. И глаза ее наполнились слезами, когда она снова прошептала:

– Зачем вам ссора? С тех пор как стоит этот мир, кому, господа, удалось разгадать женские сердца и истоки их страстей?

Дегре узнал отзвук собственного голоса на заседании трибунала, когда он защищал графа де Пейрака.

Он молча обнял Анжелику и прижал к себе.

– Вы мой друг, Дегре, – прошептала она, – и лучшего друга у меня не было и никогда не будет. Скажите, вы ведь все знаете, скажите мне, что я не стала недостойной ЕГО. Этот человек преодолел и свои беды, и бедность и достиг такой власти над умами людей, какой мало кто достиг... Но я... разве я тоже не преодолела?.. Вы знаете, кто я такая, вспомните и скажите мне... Я не достойна того необычайного феномена воли, которым был граф де Пейрак?.. Узнает ли он свою силу в тех стараниях, что я приложила, чтобы вытащить из нищеты его детей?.. Если он вернется...

– О! Не ломайте себе голову, мой ангел, – произнес Дегре своим тягучим голосом. – Если он вернется... Ну, если он вернется, то, насколько я знаю этого человека, он начнет с того, что задаст вам хорошую порку розгами. А потом он заключит вас в объятия и не выпустит до тех пор, пока вы не запросите пощады. А потом вы займетесь поиском уютного уголка, чтобы отпраздновать золотую свадьбу. Успокойтесь, мой ангел. И идите своей дорогой.

– Правда, странно, Дегре, что я все не могу убить в себе надежду снова его увидеть? Мне говорили... что это не его сожгли тогда на Гревской площади.

– Не слушайте сплетен, – сказал он жестко. – Вокруг необычных личностей всегда ходит множество легенд. Он умер, Анжелика. Не надо больше надеяться. Это изматывает душу. Смотрите вперед и выходите замуж за вашего маркиза.

Анжелика не ответила. Сердце ее разрывалось от безмерного, почти детского горя.

– Я больше не могу! – простонала она. – Мне так худо... Обнимите меня, Дегре.

– Ох уж эти женщины! – проворчал он. – Они рассказывают вам о своей великой любви к уникальному человеку, а секунду спустя просят, чтобы вы их обняли. Ну и порода!

Резким, почти грубым движением он рванул вниз рукава ее корсажа до самых локтей, обнажив плечи, и она почувствовала, как волосатые руки Дегре скользнули ей под мышки, словно он хотел насладиться тайным теплом.

– Вы дьявольски аппетитны, не могу отрицать, но обнимать вас я не стану.

– Почему?

– Потому что у меня есть другие дела. И если однажды я вас и обнял как следует, то исключительно ради вашей же пользы. Второй раз будет уже перебором с позиций моего душевного спокойствия.

Он медленно отвел руки, по дороге нежно погладив приподнятую пластиной корсета грудь.

– Не обижайтесь, милая, и вспоминайте обо мне... иногда. Я буду вам за это благодарен. Удачи, Маркиза Ангелов!..

Глава XLIV

Филипп с самого начала настаивал, чтобы бракосочетание состоялось в Плесси. Ему не хотелось придавать этой церемонии ни малейшей пышности. Это вполне устраивало Анжелику: она получала возможность найти пресловутый ларец, никуда специально не уезжая и не привлекая к себе внимания. Однако она не раз обливалась холодным потом при мысли, что не обнаружит ларца на месте, в маленькой башенке замка. А вдруг его кто-нибудь уже нашел? Но это было маловероятно. Кому придет в голову пройти по узкому карнизу, доступному разве что ребенку, и заглянуть внутрь ничем не примечательной башенки? Она знала, что в последние годы замок дю Плесси не подвергался никаким перестройкам. Значит, шансы найти предмет, от которого зависел ее триумф, были велики. И она сможет вручить ларец Филиппу прямо в день свадьбы.

Подготовка к отъезду в Пуату шла полным ходом. С собой брали Флоримона, Кантора и всех домочадцев: Барбу, Легконового, собак, обезьяну и попугаев. Вместе с сундуками и прислугой все это заняло карету и две повозки. Сбоку ехал отряд сопровождения из свиты Филиппа.

Сам он предпочел остаться в стороне от этих хлопот. Он, как и прежде, крутился при дворе на праздниках и балах. Когда же ему намекали на предстоящее бракосочетание, он с удивленным видом пожимал плечами и отделялся презрительными восклицаниями: «Ах да!.. В самом деле...»

За всю последнюю неделю Анжелика ни разу с ним не виделась. Он только отдавал через Молина короткие письменные распоряжения. Она должна отбыть в такой-то срок. Он к ней присоединится в такой-то день. Он приедет с аббатом и Молином. Бракосочетание состоится тотчас же.

Анжелика, как послушная будущая супруга, во всем ему подчинялась. Ничего, настанет время – и она переменит тон с этим молокососом. В конце концов, она принесла ему удачу и вовсе не заставляла разбивать сердце малышке Ламуаньон. Она даст ему понять, что, если она и была вынуждена допустить некоторую

грубость, это никоим образом не повредило интересам обоих и все его недовольство просто смешно.

Успокоившись и тоже решив не встречаться со своим женихом, Анжелика заставляла себя думать о нем поменьше. Но «вопрос Филиппа» занозой сидел в душе и отравлял всю радость. Поразмыслив, она поняла, что эта заноза – страх... Уж лучше было вообще о нем не думать.

Экипажи меньше чем за три дня покрыли расстояние от Парижа до Пуатье. Дороги были ужасные, размытые весенними ручьями, но путешествие обошлось без приключений, если не считать поломанной на подъезде к Пуатье оси. Путники были вынуждены остаться в этом городке на сутки. Когда же они снова двинулись в путь, Анжелика начала узнавать места. Дорога пролегла совсем рядом с Монтелу. Она с трудом удерживалась, чтобы не побежать туда, но дети очень устали. Эту ночь они провели в скверной гостинице, кишасей крысами и блохами. Чтобы снова обрести хоть какие-то удобства, надо было скорее добраться до Плесси.

Обняв малышей за плечи, Анжелика с наслаждением вдыхала свежий воздух, напоенный запахом полевых цветов. Она вскрикивала от радости и называла по имени каждую деревушку: здесь все было связано с какими-нибудь событиями ее детства. Перед отъездом она целыми днями подробно описывала мальчикам Монтелу и рассказывала, в какие чудесные игры там можно играть. Теперь Флоримон и Кантор знали, что там есть подземелье, которое в былые времена служило ей ведьминой пещерой, и чердак с заколдованными уголками.

Наконец вдалеке они увидели Плесси – таинственный белый замок на берегу пруда. После просторных и пышных парижских дворцов он показался Анжелике меньше, чем образ, отпечатавшийся в ее памяти. Навстречу вышла прислуга. Несмотря на то что дю Плесси совсем забросили замок, Молин заботился о том, чтобы содержать его в порядке. Курьер, посланный за неделю до приезда, велел открыть все окна, и свежий запах воска от только что натертых полов вступил в сражение с запахом плесени, который источали ковры. Но того удовольствия, на какое рассчитывала, Анжелика не получила. Все ее чувства словно притупились. Может, ей надо было заплакать, или пуститься в пляс, или что-нибудь крикнуть, обняв Флоримона и

Кантора? Но она не смогла: у нее внутри все помертвело. Слишком сильным оказалось чувство возвращения, и потрясенная душа отказывалась реагировать.

Она нашла уютный уголок, где дети могли бы отдохнуть, сама занялась их обустройством и не оставила их до тех пор, пока не увидела, что они, отмытые с дороги и одетые в теплые курточки, мирно поглощают завтрак – молоко и всякие вкусности, которые принесли крестьяне.

Тогда она направилась в комнату в северном крыле замка, уже приготовленную для нее. Когда-то в этой комнате останавливался принц Конде.

Ей надо было еще подождать, пока Жавотта не развесит ее туалеты, и ответить на приветствия слуг, принесших ведра с горячей водой в смежную ванную комнату. Услышав, с каким трудом они подбирают французские слова, она машинально ответила на местном диалекте. Парни рот разинули от удивления, когда парижская гранд-дама в сногшибательном платье заговорила на их языке, словно она тут родилась.

– Но так оно и есть! – рассмеялась Анжелика. – Вы что, меня не помните? Я Анжелика де Сансе. А ты – Гилло из деревни Мобюис, что совсем рядом с Монтелу, я помню.

Тот, кого звали Гилло и с которым они не раз в детстве опустошали заросли тутовника и вишневые деревья, просиял от радости:

– Так это вы, мадам, вышли замуж за нашего хозяина?

– Ну да.

– Вот все у нас обрадуются! А то все спрашивают, кто будет новой хозяйкой.

Значит, местные жители вообще ничего не знали. Либо у них были неверные сведения, если они решили, что свадьба уже состоялась.

– Эх, жаль, что вы не дождались, не доехали до нас, – продолжил Гилло, покачав лохматой головой. – Какая свадьба была бы!

Анжелика не решилась выдать Филиппа и сказать этому увальню Гилло, что свадьба состоится в Плесси и она рассчитывает, насколько это от нее зависит, на большой праздник, где соберется вся округа.

– Праздник все равно будет, – пообещала она.

Поторопив Жавотту и наконец оставшись одна, Анжелика облачилась в домашнее шелковое платье и оглядела комнату.

За прошедшие почти десять лет ее убранство не поменялось. Но теперь Анжелика смотрела на все иными глазами, она уже не была той девочкой, которую ослепила роскошь. Старинная, в голландском стиле мебель черного дерева и широченный альков с четырьмя колоннами показались ей старомодными.

Она подошла к окну и распахнула его. При виде узкого карниза ее охватил страх. А ведь когда-то она с легкостью по нему пробиралась.

«Я стала слишком толстой, теперь мне до башенки не дойти!» – в отчаянии подумала она.

Все по привычке расхваливали ее стройное, подтянутое тело... Но в этот вечер ей пришлось с горечью признать, как неумолимо течет время. Дело было не только в другом весе, нет, ей не хватало гибкости, и она рисковала свернуть себе шею.

Поразмыслив, она решила позвать на помощь Жавотту:

– Жавотта, девочка моя, ты маленькая, тоненькая и гибкая как тростник. Попробуй пройти по карнизу до угловой башенки. И пожалуйста, постарайся не упасть!

– Хорошо, мадам, – ответила Жавотта, готовая ради своей хозяйки пролезть хоть сквозь игольное ушко.

Высунувшись в окно, Анжелика с тревогой наблюдала, как девушка продвигается по карнизу.

– Загляни внутрь башенки. Видишь что-нибудь?

– Вижу. Что-то темное... какой-то ящичек, – сразу отозвалась Жавотта.

Анжелика закрыла глаза и вынуждена была прислониться к оконной раме.

– Хорошо. Возьми его и принеси мне, только осторожно.

Через несколько мгновений Анжелика держала в руках ларец монаха Экзили. От сырости на нем образовалась земляная корка. Но корпус его был сделан из сандалового дерева, и ни грызуны, ни цвель не могли его повредить.

– Ступай, – бесцветным голосом сказала она Жавотте. – И не болтай о том, что я попросила тебя сделать. Будешь держать язык за зубами – подарю тебе чепец и новое платье.

– О мадам, да с кем же мне болтать? – возмутилась Жавотта. – Я ни слова по-здешнему не понимаю.

Ей было очень досадно, что они уехали из Парижа. Со вздохом она пошла вслед за Барбой поговорить со знакомыми, и в особенности с господином Давидом Шайу.

Анжелика очистила ларец. Ей стоило немалых усилий разработать проржавевшую пружину. Наконец крышка поднялась, и она увидела на дне, выстланном несколькими слоями ткани, изумрудный флакон. Наглядевшись на него, она закрыла ларец. Куда бы его спрятать до приезда Филиппа и до той минуты, когда она отдаст его взамен на обручальное кольцо? Анжелика положила ларец в тот же секретер, откуда его так безрассудно вытащила пятнадцать лет назад. «Если бы я тогда знала! – сказала она себе. – Но разве в тринадцать лет можно предвидеть последствия своих поступков?»

Спрятав ключ от секретера за корсаж, она в отчаянии огляделась. Эти места вызывали у нее тягостное чувство. Из-за мелкой кражи, которую она совершила, Жоффрей, ее единственная любовь, был приговорен и рухнула вся их жизнь!..

Она заставила себя ненадолго прилечь отдохнуть. Вскоре щебет детских голосов на лужайке возвестил ей о том, что сыновья проснулись. Она спустилась к ним, усадила их в старую двуколку вместе с Барбой, Жавоттой, Флипо и Легконогим, а сама села за кучера. И вся компания весело покатила в Монтелу.

Солнце садилось, и по зеленым лугам, где паслись мулы, разливался шафрановый свет. Болота осушили, и от этого весь пейзаж очень изменился.

Береговая линия с зарослями кустарников отступила к западу.

Однако, въехав на подъемный мост, по которому, как и раньше, важно расхаживали индюки, Анжелика поняла, что замок, где прошло ее детство, ничуть не изменился. Барон де Сансе, несмотря на относительный достаток, так и не починил старую каменную кладку. Донжон и зубчатые стены с земляными валами обветшали и заросли плющом, а главный вход был по-прежнему с кухни.

На кухне кормилица чистила лук, старый барон сидел рядом. Кормилица сохранила свою статность и подвижность, а вот зуба ни одного не осталось. И волосы стали совсем седыми, и оттого лицо казалось почти коричневым, как у мавританки.

Может, Анжелике показалось, но радость от встречи вышла слегка натянутой, как случается порой, когда вдруг объявляется человек, которого долго считали умершим. Ее, конечно, давно оплакали, жизнь пошла своим чередом без нее, и теперь ей надо снова дать место в этой жизни.

Флоримон и Кантор быстро помогли всем справиться с неловкостью. Кормилица со слезами на глазах прижимала к сердцу «прелестных малышей», и не прошло и трех минут, как щеки мальчиков покраснели от ее поцелуев, а руки не могли удержать всех яблок и орехов. Кантор взобрался на стол и спел весь свой репертуар.

– А призрак старой дамы все еще бродит по Монтелу? – спросила Анжелика.

– Я ее уж давно не видала, – отозвалась кормилица, покачивая головой. – С тех пор как Жан-Мари, самый младший в семье, уехал в коллеж, она больше не появлялась. Я всегда думала, что она разыскивает сына...

В мрачноватой гостиной, как и прежде, царила тетушка Жанна. Она сидела, как большая паучиха в паутине, и ткала ковры.

– Она уже ничего не слышит и умом немного тронулась, – пояснил старый барон.

Однако, увидев Анжелику, старуха хрипло спросила:

– А Хромой тоже приехал? Ведь его же сожгли?..

Это был единственный намек на ее первое замужество, который Анжелика слышала в Монтелу. Об этом периоде ее жизни все предпочитали не упоминать. Да барон, похоже, не особенно задавался вопросами по этому поводу. По мере того как вырастали его дети, выходили замуж, женились, приезжали к нему или не приезжали, они все постепенно смешались в его сознании. Он много говорил о Дени, который стал офицером, и о младшем, Жане-Мари. Его не заботила судьба Ортанс, а о Гонтроне он вообще ничего не желал знать. На самом деле единственная тема, которая его волновала в любой беседе, были его мулы.

Побродив по замку, Анжелика успокоилась. Монтелу остался прежним – немного грустным, обветшалым, но таким душевным...

Она с ликованием отметила, что дети чувствовали себя на кухне так, словно родились здесь, среди кастрюль с капустным супом и

бесконечных баек кормилицы. Они просили мать остаться обедать и ночевать в Монтелу. Но Анжелика увезла их в Плесси: она боялась, что приедет Филипп, и хотела встретить его.

На другой день, поскольку никакого курьера Филипп не прислал, она снова отправилась к отцу, на этот раз одна.

Они вместе объехали владения барона, и он показал ей все нововведения.

Прохладный вечерний воздух пах травами, и Анжелике хотелось петь. Под конец прогулки барон неожиданно остановил коня и пристально взгляделся в лицо дочери. Потом глубоко вздохнул:

– Значит, ты вернулась, Анжелика?

Глаза его наполнились слезами. Он положил руку ей на плечо и повторял без конца:

– Анжелика, доченька...

Она взволнованно ответила:

– Я вернулась, отец, и теперь мы часто сможем видеться. Вы ведь знаете, я выхожу замуж за Филиппа дю Плесси-Бельера. Вы посылали мне свое благословение.

– А я думал, свадьба уже состоялась, – удивленно заметил он.

Сжав губы, Анжелика промолчала. Но зачем было Филиппу всем внушать, что свадьба уже состоялась в Париже?

Глава XLV

На обратном пути Анжелика почувствовала смутную тревогу, и сердце ее забило, когда она увидела во дворе экипаж маркиза.

Лакеи сообщили, что хозяин уже два часа как приехал. Она поспешила в замок. Поднимаясь по лестнице, она слышала крики детей.

«Снова Флоримон и Кантор раскапризничались, – сказала она себе. – Деревенский воздух их явно возбуждает». Не годилось, чтобы будущий отчим счел их несносными созданиями. Она сразу направилась в детскую с намерением строго навести порядок. Оттуда доносились испуганные крики Кантора и собачий лай.

Анжелика открыла дверь и окаменела.

Возле горящего камина стояли, прижавшись друг к другу, Флоримон и Кантор, а на них с лаем кидались три огромных черных, как дьяволы, волкодава. Собак держал на поводке Филипп дю Плесси-Бельер, и его, казалось, очень забавлял ужас детей. На плитках пола лежал в луже крови любимый пес мальчиков, Партос. Видимо, его загрызли, когда он пытался их защитить.

Кантор кричал, его круглое личико было залито слезами. Но мертвенно-бледное лицо Флоримона светилось необыкновенным мужеством. Он выхватил из ножен маленький меч и размахивал им перед мордами псов, пытаясь защитить брата.

Анжелика даже вскрикнуть не успела. Рефлекс сработал быстрее, чем мысль, и она, схватив тяжелый табурет, запустила им в собачьи морды. С визгом боли псы отскочили назад.

Она обняла детей, и они прижались к ней. Кантор перестал плакать.

– Филипп, – выдохнула она, – разве можно так пугать детей?.. Они же могли упасть в камин... Смотрите, Кантор обжег себе руку...

Тот посмотрел на нее своими прозрачными как лед глазами.

– Ваши сыновья трусливы, как бабы, – произнес он нетвердо.

Лицо его было краснее обычного, и он пошатывался.

«Да он пьян!» – промелькнуло в голове у Анжелики.

В этот момент вошла Барба. Задохнувшись, она схватилась за грудь, чтобы унять отчаянно колотящееся сердце. Глаза ее с ужасом перебегали с Филиппа на Анжелику, потом остановились на мертвой собаке.

– Простите меня, мадам, – пролепетала она. – Я пошла за молоком для детей на завтрак, а их оставила под присмотром Флипо. Я никак не могла подумать...

– Ничего страшного, – спокойно сказала Анжелика. – Дети не привыкли так близко от себя видеть злобных охотничьих собак. Они должны привыкать, если хотят выезжать на охоту на оленя или кабана как настоящие дворяне.

Будущие дворяне без особого энтузиазма косились на собак, но, оказавшись под защитой матери, они уже ничего не боялись.

– Глупыши, вот вы кто, – нежно проворчала она.

Филипп, в золотисто-коричневом дорожном костюме, разглядывал всю группу, покачиваясь на широко расставленных ногах. Потом хлестнул собак плеткой, рванул их за поводки и вышел из комнаты.

Барба быстро захлопнула дверь.

– Меня разыскал Флипо, – шепнула она. – Господин маркиз выгнал его из комнаты. И вы меня не убедите, что он не хотел затравить мальчиков собаками...

– Не говори глупостей, Барба! – сухо отрезала Анжелика. – Господин маркиз просто не привык к детям и не умеет с ними обращаться. Наверное, он хотел поиграть...

– Ну да! Игры принцев крови! Известно, куда они заводят! Я знаю одного малыша, который уже заплатил своей жизнью...

Анжелика содрогнулась, вспомнив Лино. Разве белокурый Филипп не был тогда среди мучителей маленького продавца вафель? И разве его не пошатывало точно так же, как сейчас? Тогда он тоже не реагировал на мольбы...

Поняв, что дети успокоились, она ушла к себе и уселась за туалетный столик поправить прическу.

Что все это значило? Надо ли принимать инцидент всерьез? Филипп был пьян, это бросалось в глаза. Протрезвев, он, конечно, извинится за свой поступок...

Но из головы не выходили слова Мари-Агнес: «Он настоящее животное!»

В нем прячется коварное, жестокое животное... «Когда он захочет отомстить женщине, он не остановится ни перед чем».

«Но не станет же он нападать на детей!» – сказала себе Анжелика, отбросив дурные мысли и быстро поднимаясь.

В этот момент дверь в комнату отворилась. На пороге стоял Филипп и глядел на нее тяжелым взглядом:

– Ларец с ядом у вас?

– Я передам его вам в день нашей свадьбы, как записано в контракте.

– Мы обвенчаемся сегодня же вечером.

– Значит, я передам вам ларец сегодня вечером, – сказала она, сиюсь не выдать замешательства.

Она протянула ему руку.

– Мы даже не поздоровались...

– Не вижу в этом необходимости, – отрезал он и с силой захлопнул дверь.

Анжелика закусил губы. Решительно, повелителя, которого она себе выбрала, задобрить будет нелегко. Ей на память пришел совет, который дал Молин: «Попробуйте сыграть на его чувственности». Но впервые она сомневалась в удаче. Она не чувствовала власти над этим ледяным человеком. Когда он был рядом, она не ощущала в нем никакого желанья. Да и у нее сейчас не было ни малейшей тяги к нему, только тоска и тревога.

«Он сказал, что мы обвенчаемся сегодня вечером. Он сам не понимает, что говорит. Моего отца даже не предупредили...»

В дверь робко постучали. Анжелика пошла открывать и увидела сыновей, все так же трогательно жавшихся друг к другу. Но на этот раз Флоримон, как старший, взял под свою защиту еще и обезьянку Пикколо, которую он держал на руках.

– Мама, – сказал он дрожащим, но твердым голосом, – мы хотим уехать к бабушке. Здесь нам страшно.

– Мальчик, который носит на поясе шпагу, не должен произносить слово «страх», – строго сказала Анжелика. – Вы что, трусы, как вам сегодня намекнули?

– Господин дю Плесси-Бельер уже убил Партоса, а теперь захочет убить Пикколо.

Кантор заплакал, сдавленно всхлипывая. Кантор, спокойный Кантор до такой степени потрясен и взбудоражен! Это уже было выше сил Анжелики. И нечего доискиваться, глупо это или не глупо: ее дети напуганы! Разве она не поклялась, что они никогда больше не испытают страха?

– Решено, вы поедете в Монтелу вместе с Барбой. И тотчас же. Только дайте слово вести себя хорошо.

– Дедушка обещал мне, что позволит прокатиться на муле, – сказал Кантор, сразу успокоившись.

– Ха! А меня он обещал посадить на коня! – с торжеством выпалил Флоримон.

Меньше чем через час Анжелика усадила их в повозку вместе с прислугой, собрав сундучок с одеждой. В Монтелу хватит места для всех – и для мальчиков, и для их малочисленной свиты. Прислуга и сама была рада уехать отсюда. С приездом Филиппа в белом замке стало нечем дышать. Этот молодой красавец при дворе короля был сама любезность, а в своих владениях правил железным кулаком деспота.

Барба шепнула:

– Мадам, вам нельзя здесь оставаться одной с этим... с этим человеком.

– С каким это человеком? – надменно бросила Анжелика и прибавила: – Барба, спокойная жизнь совсем вышибла у тебя из памяти, что нам с тобой довелось пережить вместе. Ты забыла, что я всегда смогу себя защитить?

Она расцеловала служанку в пухлые щеки, но сердце ее пронизал холод.

Глава XLVI

Когда звон колокольчика маленького экипажа затих в синих вечерних сумерках, Анжелика медленно пошла назад к замку. При мысли о том, что дети под заботливым кровом Монтелу, ей стало легче. А вот замок дю Плесси, несмотря на сходство с милой безделушкой эпохи Возрождения, показался ей заброшенным и враждебным.

В вестибюле слуга склонился перед ней в поклоне и сказал, что ужинать подано. Она вошла в столовую, где был накрыт стол. Тотчас же появился Филипп и уселся в торце стола. Анжелика заняла место напротив. Они были одни, им прислуживали лакеи, поваренок уносил и приносил блюда.

Три светильника отбрасывали свет на роскошный серебряный сервиз. На протяжении всего ужина слышались только стук ложек и позвякивание бокалов, но все заглушал пронзительный стрекот кузнечиков на лугу. В открытую балконную дверь было видно, как туман заволакивает поля.

Анжелика думала, что не сможет проглотить ни кусочка, но поела с большим аппетитом – такова уж была ее натура. Она заметила, что Филипп много пил, однако вино не веселило его, напротив, он становился все мрачнее и холоднее.

Когда, отказавшись от десерта, он встал из-за стола, ей ничего не осталось, кроме как последовать за ним в соседнюю гостиную. Там уже находились Молин и капеллан, а кроме них – очень старая крестьянка, как потом узнала Анжелика, кормилица Филиппа.

– Все готово, аббат?

– Да, господин маркиз.

– Тогда идемте в капеллу.

Анжелика вздрогнула. Что, в этой мрачной обстановке и состоится ее брак с Филиппом?

– Не хотите же вы сказать, что к бракосочетанию все готово и оно состоится немедленно? – запротестовала она.

– Именно это я и хочу сказать, мадам, – насмешливо ответил Филипп. – Контракт мы подписали в Париже. Это для света. А теперь

здесь присутствующий аббат благословит нас, и мы обменяемся кольцами. Это для Бога. Другие приготовления, на мой взгляд, излишни.

Анжелика с тоской обвела глазами свидетелей церемонии. Старуха держала в руке единственный факел, освещавший комнату. Дальше тьма была – хоть глаз выколи. Слуги куда-то подевались. Если бы не Молин, суровый, жесткий Молин, который, однако, любил ее больше, чем отец, она подумала бы, что ее заманили в ловушку.

Она хотела заглянуть интенданту в глаза. Но тот услужливо потупился, как всегда в присутствии господ дю Плесси.

И Анжелика смирилась.

В капеллу, освещенную двумя большими свечами из желтого воска, какой-то придурковатый мальчик-крестьянин, одетый в платье церковного служки, принес сосуд со святой водой.

Анжелика и Филипп опустились на колени на молитвенные скамеечки. Капеллан встал перед ними и принялся гнусавым голосом читать положенные по обряду молитвы.

– Филипп дю Плесси-Бельер, согласны ли вы взять в жены Анжелику де Сансе де Монтелу?

– Да.

– Анжелика де Сансе де Монтелу, согласны ли вы взять в мужья Филиппа дю Плесси-Бельера?

Она ответила «да» и протянула руку, чтобы Филипп надел ей кольцо. Ее пронзило воспоминание, как много лет назад в кафедральном соборе Тулузы она точно так же протянула руку...

В тот день она не дрожала от страха, а рука, надевшая ей кольцо, нежно и ободряюще сжала ее руку. Она была в таком смятении, что не поняла значения короткого рукопожатия. И теперь воспоминание причинило ей такую боль, словно ее ударили кулаком. Полупьяный, еле стоящий на ногах Филипп, плохо различая все вокруг, никак не мог надеть кольцо ей на палец. Наконец ему это удалось, и обряд завершился.

Все вышли из капеллы.

– Очередь за вами, мадам, – сказал Филипп, глядя на нее со своей невыносимой ледяной усмешкой.

Она поняла и попросила свидетелей пройти вместе с ней в ее комнату.

Там она вынула ларец из секретера, открыла его и отдала мужу. Пламя свечей заиграло на флаконе.

– Да, это тот самый ларец, – произнес Филипп после секундного молчания. – Все идет как надо, господа.

Капеллан и интендант подписали бумагу о том, что они подтверждают, что мадам дю Плесси-Бельер вернула ларец согласно статье контракта. Затем они еще раз низко поклонились новобрачным и на цыпочках удалились вслед за старухой, которая светила им факелом.

Анжелика с трудом удержалась, чтобы не попросить интенданта остаться. Ее охватила безотчетная и, наверное, безосновательная паника. Конечно, не очень-то приятно оказаться лицом к лицу с разъяренным мужчиной. Но может быть, им с Филиппом удастся прийти к какому-то согласию...

Она украдкой бросила на него взгляд. Всякий раз, когда ей удавалось как следует разглядеть его невероятную красоту, она почему-то успокаивалась. Над ларцом склонилось классически вылепленное, словно с камей, лицо с полоской светлых усов над верхней губой. Тень от густых длинных ресниц ложилась на щеки. Но это прекрасное лицо из красного уже стало багровым, и от Филиппа невыносимо несло перегаром.

Увидев, как в его неуверенной руке дрожит флакон с ядом, Анжелика быстро сказала:

– Осторожно, Филипп, монах Экзили сказал, что одной капли этого яда достаточно, чтобы изуродовать человека навсегда.

– В самом деле?

Филипп поднял на нее глаза, и в них загорелся злобный огонек.

Он взвесил флакон на руке. И тут Анжелика ясно поняла, что он собирается выплеснуть яд ей в лицо. Замерев от ужаса, она продолжала не мигая смотреть на него дерзким, безмятежным взглядом. Он усмехнулся, положил флакон обратно, запер ларец и сунул его под мышку.

Потом, не говоря ни слова, он схватил Анжелику за руку и потащил из комнаты.

В замке было пусто и темно, но луна уже взошла, и отсветы высоких окон ложились на плиты пола.

Рука Филиппа крепко сжимала хрупкое запястье Анжелики, и она различала удары собственного сердца. Но уж лучше так... У себя в замке Филипп обрел такую жесткость, какой в королевском дворце за ним и не водилось. Наверное, таким он становился на поле боя, сбрасывая с себя личину мечтательного красавца-придворного и представляя в своем настоящем обличье: благородного воина, всегда идущего только напролом... Почти варвара...

Они спустились по лестнице, пересекли вестибюль и очутились в саду.

Над прудом плыл серебристый туман. На небольшой мраморной пристани Филипп толкнул Анжелику к лодке.

– Залезайте! – сухо бросил он.

Он тоже шагнул в лодку, бережно поставив ларец между сиденьями. Анжелика услышала, как звякнула якорная цепь, и лодка медленно отошла от берега. Филипп взял одно из весел и направил лодку на середину пруда. Лунные блики играли на складках его белого атласного камзола и на посыпанных золотой пудрой буклях парика. Было слышно, как киль трется о жесткие листья водяных лилий. В воду попрыгали испуганные лягушки.

Тогда Филипп посмотрел на Анжелику, и она содрогнулась. Он встал и пересел поближе. Это движение, в такой час и в такой феерической обстановке, могло означать и любовный порыв, но ее парализовал страх.

Медленно, с той грацией, какая была свойственна любому его движению, он положил руки на горло Анжелики.

– А теперь, моя милая, я вас задушу, и вы отправитесь вслед за вашим проклятым ларцом на дно, – тихо сказал он.

Она заставила себя не двигаться. Он либо смертельно пьян, либо сумасшедший. В любом случае он способен ее убить. И она не может ни позвать на помощь, ни защищаться. Неуловимым движением она положила голову на плечо Филиппа, и ее лоб ощутил трогательное прикосновение небритой мужской щеки. Все кончено... Над прудом плыла луна, под сиденьем лодки покоился ларец, поля и леса спали, разворачивался последний акт трагедии. А может, это и справедливо, что Анжелика де Сансе умрет от руки молодого божества, которое носит имя Филипп дю Плесси?

Вдруг дыхание вернулось к ней, кольцо, сжимавшее горло, ослабло. Она увидела перед собой искаженное злобой лицо Филиппа. От ярости он скрипел зубами.

– Да черт побери! – ругнулся он. – Неужели никакой страх не в силах склонить вашу мерзостную, полную гордыни голову? И ничто не заставит вас кричать, умолять о пощаде?.. Ну погодите, вы у меня еще закричите!

Филипп впился в нее мрачным взглядом. Эта женщина была не как все. Ни слез, ни крика, она даже не вздрогнула. Она его не боялась! И уязвленным оказался он! Она его принудила, она его унизила... Ни один мужчина не позволил бы так себя унижить. За такое платят только жизнью... На такое оскорбление дворянин отвечает ударом меча, крестьянин – палки. Но чтобы женщина!.. Какого удовлетворения можно требовать от этих скользких, вялых, лживых созданий? Да к ним прикоснуться – все равно что к ядовитой твари... Они так опутают словесами, что не заметишь, как останешься в дураках... да еще к тому же и сам будешь виноват!

О! Не всегда женщины побеждали! Филипп знал, как им отомстить. Он вволю наслаждался рыданиями, воплями о пощаде и мольбами тех девчонок, что он насиловал во время походов, отдавая их потом на потеху солдатам.

Он мстил им за те унижения, которым его подвергали в юности.

Но как справиться с этой? За выпуклым гладким лбом, за взглядом зеленых глаз таилось все изощренное коварство, вся сила женской породы... Ну, это ему так казалось. Он не догадывался, что Анжелика дрожит и вот-вот расплачется.

Если она не сдалась, так только по привычке не сдаваться и давать отпор.

Он снова грубо, как тюремщик, схватил ее за руку и повел в замок.

Поднимаясь по лестнице, она заметила, что он снял со стены охотничий арапник.

– Филипп, – сказала она, – давайте на этом остановимся. Я понимаю, вы сейчас пьяны. К чему нам препираться? Завтра...

– Ну уж нет! – саркастически протянул он. – Разве я не дал обязательство исполнить свой супружеский долг? А до этого я намерен вас немного наказать, чтобы отбить у вас охоту к шантажу. Не

забывайте, мадам, что я ваш повелитель и могу делать с вами что захочу.

Она попыталась увернуться, но он хлестнул ее арапником, как норовистую, непослушную собаку. Она вскрикнула скорее от унижения, чем от боли:

– Филипп, вы с ума сошли!

– Вы попросите у меня прощения! – проговорил он, стиснув зубы. – Вы еще попросите у меня прощения за все, что сделали!

– Нет!

Он втолкнул ее в спальню, захлопнул дверь и принялся стегать арапником. В этом он знал толк. Должность главного ловчего Франции он получил заслуженно.

Анжелика закрыла руками лицо, чтобы хоть как-то защититься. Инстинктивно отворачиваясь, она пятилась назад, пока не уперлась спиной в стену. Вздрагивая при каждом ударе, она кусала губы, чтобы не застонать. Но внезапно ее охватило странное чувство. Неистовый бунт сменился ощущением справедливости наказания. И она крикнула что было силы:

– Хватит, Филипп! Хватит! Я прошу у вас прощения!

Он застыл, удивленный легкой победой.

– Я виновата... Я была к вам несправедлива...

Филипп пребывал в растерянности. Нет, она все еще над ним издевается... Пытается уйти от наказания, разыгрывая покорность! Как легавая сука! Все они таковы! Упрямятся, пока в силе, а под плеткой ползут на брюхе! Но в голосе Анжелики звучала искренность, и это его смущало. Может, она действительно не такая, как все, и надолго оставшееся в памяти воспоминание о баронессе Унылое Платье – не просто видимость?

В полумраке спальни лунный свет соперничал с пламенем факела. Филипп смотрел на хрупкие белые плечи, исхлестанные плетью, на нежный затылок и лоб, которым она уткнулась в стену, как раскаявшийся в своих преступлениях ребенок... Изнутри вдруг поднялось неистовое желание, необычное, ни на что не похожее. Ни одна из женщин не вызывала в нем такого... И это не было привычное, слепое требование плоти. Это было какое-то таинственное, сладостное влечение.

У него вдруг возникло предчувствие, что с Анжеликой он достигнет чего-то неизведанного, ступит на территорию той любви, которую безуспешно пытался найти во множестве позабытых женских тел...

Он ощутил, как его высохшие губы изнывают от желания утолить жажду, соприкоснувшись с нежной, благоуханной плотью.

Прерывисто вздохнув, он отшвырнул прочь арапник и решительно сбросил камзол и парик.

И смятенная Анжелика вдруг увидела, что он стоит перед ней полураздетый и безоружный, как архангел, вынырнувший из мрака... Без парика, с коротко остриженными светлыми волосами, он походил на аркадского пастуха. Кружевная рубашка распахнулась и обнажила гладкий белый торс, руки рванулись в стороны, да так и застыли.

Филипп шагнул вперед, схватил ее и неуклюже припал губами к горячей ямке на шее. Но шея болела от ударов плети, и теперь настал черед Анжелики почувствовать себя уязвленной. К тому же, если ей хватило смелости признать, что была не права, это еще не означало, что, после того как с ней обошлись, она была расположена к любви.

Она вырвалась из рук нового супруга:

– Нет! Только не это!

Услышав этот крик, Филипп снова взъярился. Значит, мечта опять ускользнула! Эта женщина – такая же как все, упрямая, расчетливая, требовательная... О, вечная бабья порода! Он отступил, размахнулся и ударил Анжелику кулаком в лицо.

Она пошатнулась, а потом, схватив его за полы рубашки, изо всех сил оттолкнула к стене. На миг он опешил. Для защиты она применила прием, которым маркитантки обычно умирjali пьяных солдат.

Ему никогда не приходилось видеть, чтобы знатные дамы отбивались подобным образом. Это было смешно и одновременно досадно. Она что, думает, что заставит его отступить?

О, он хорошо знал это отродье! Если он не обуздает ее сегодня же ночью, завтра она его закабалит. Он заскрипел зубами, и его охватила острая жажда сокрушить, сломить, подчинить... Бросившись вперед, он вдруг схватил Анжелику за шею и ударил головой о стену.

От боли она почти потеряла сознание и сползла на пол.

Из последних сил она старалась не лишиться чувств. В ней крепла уверенность: тогда, в таверне «Красная Маска», именно Филипп, и

теперь она точно это знала, ударил ее, чтобы она потеряла сознание, когда остальные пытались ее изнасиловать. Это было животное, мерзкая скотина!

Он всей тяжестью навалился на нее и прижал к ледяным плитам пола. У нее было ощущение, что она стала добычей хищника, и мало того, что этот хищник ее насиловал, он еще и бил ее, жестоко и безостановочно нанося удар за ударом. Нечеловеческая боль пронизала бедра Анжелики... Любая женщина не вынесла бы такого и умерла... А он продолжал ее мучить, уничтожать! Скотина!.. Мерзкая скотина!..

Наконец, совсем обессилев, она душераздирающе крикнула:

– Пощадите, Филипп, пощадите!..

Он ответил глухим торжествующим рычанием. Ага, она закричала! Он добился единственной любви, способной его удовлетворить, испытал адскую радость прижимать к себе жертву, обезумевшую от боли, испуганную, молящую. Вот теперь он отомстил за недавнее унижение. И желание, подхлестнутое ненавистью, вспыхнуло с новой силой. Он опять навалился на Анжелику.

Когда он ее отпустил, она была почти без сознания.

Он любовался, как она валяется у его ног, расплостанная на каменном полу.

Она больше не стонала, только судорожно подергивалась, как раненая птица, пытаясь прийти в себя.

Филипп не то икнул, не то всхлипнул.

«Что же я натворил?!» – с ужасом осознал он.

Весь мир вдруг окутал мрак. Его охватило отчаяние, свет померк. Все было разрушено навсегда. Все, что еще могло жить, умерло. Он убил даже воспоминание о робкой девочке в сером платье, чья рука дрожала в его руке. Это воспоминание всплывало иногда в памяти, и ему становилось хорошо, он и сам не знал почему...

Анжелика открыла глаза. Он тронул ее носком сапога и сказал с ухмылкой:

– Ну, я полагаю, теперь вы удовлетворены? Доброй ночи, мадам дю Плесси.

Она услышала, как он побрел к выходу, натыкаясь на мебель, и вышел из спальни прочь.

Глава XLVII

Анжелика долго лежала на полу, не обращая внимания на то, что холодные плиты жгут голое тело.

Она была истерзана до крови, и горло ее сжималось от детского желания разреветься. Помимо воли к ней все время возвращалось воспоминание о первой брачной ночи в Тулузе.

Она снова увидела себя распростертой на постели, с легкой головой и телом, отяжелевшим от усталости, которую она познала впервые. К ее изголовью склонился Жоффрей де Пейрак.

«Бедная раненая малышка!» – сказал он.

Но в его голосе вовсе не было жалости. Он вдруг расхохотался торжествующим, восторженным смехом мужчины, который первым отметил своей печатью тело любимой.

«Вот за что я люблю его!» – подумала Анжелика. Он человек в высшем смысле этого слова. И что с того, что у него изуродовано лицо? В нем есть и сила, и ум, и мужественность, и простота, и благородная прямота завоевателя. В нем есть все, что делает человека Человеком, венцом творения, властителем всего сущего...

И этого человека она однажды уже потеряла, а теперь теряет во второй раз! Потому что она смутно чувствовала, что призрак Жоффрея де Пейрака от нее отдаляется. Но разве она предала его?

Она принялась думать о смерти, о дне маленького пруда с лилиями. Потом ей вспомнилось, как Дегре сказал когда-то: «Не ворошите этот пепел, он давно развеян ветром... Всякий раз, как вы о нем подумаете, у вас возникнет желание умереть... А я не всегда смогу быть рядом...»

Из-за Дегре, из-за своего друга-полицейского, Маркиза Ангелов снова преодолела искушение отчаянием. Ей не хотелось разочаровывать Дегре.

Она с трудом встала, дотащилась до двери и заперла ее на засов. Потом вернулась и как куль рухнула на постель. Лучше всего было ни о чем не думать. В конце концов, разве Молин не предупреждал ее: «Скорее всего, первую партию вы проиграете...»

В висках лихорадочно стучало, и она не знала, как унять боль во всем теле.

С лунного луча вдруг соскользнул легкий призрак Поэта, в остроконечной шапочке и с бесцветными волосами. Она его окликнула, но он уже исчез. Потом ей показалось, что она слышит вдалеке лай Сорбонны и шаги Дегре...

Дегре, Грязный Поэт с Нового моста... Оба они смешались в ее сознании – охотник и дичь, оба сыны великого Парижа, оба насмешливые и циничные, пересыпающие латынью парижское арго. Напрасно она просила их не уходить – они исчезли, растеряв свои реальные черты. Они больше не принимали участия в ее жизни. Страница была перевернута. Она навсегда рассталась с ними.

Анжелика вдруг проснулась, как от толчка, словно и вовсе не засыпала.

Она прислушалась. Белый замок окружала тишина Ньельского леса. В одной из спален, наверное, храпел ее прекрасный палач, изнемогший от вина. Где-то заухала сова, и в ее приглушенном зове звучала вся поэзия ночи и окрестных лесов.

На душе у Анжелики вдруг стало спокойно. Она поудобнее устроилась на подушке и постаралась заснуть.

Что ж, первую партию она действительно проиграла, но зато стала маркизой дю Плесси-Бельер.

Утро она встретила с высоко поднятой головой, но ее ждало новое разочарование. Она сама справилась со своим туалетом, избегая любопытных расспросов Жавотты: как следует набелила и напудрила лицо, чтобы замаскировать синяки. И тут оказалось, что ее супруг на рассвете уже ускакал в Париж. Точнее, в Версаль, где двор собирался для последних празднеств перед летними военными походами.

Анжелика вскипела. Он что, думает, что погребет жену в провинции, а в Версале в это время один праздник будет сменяться другим?

Четыре часа спустя карета, запряженная шестеркой лошадей, уже ехала по ухабистым дорогам Пуату. Из-под лошадиных копыт летели искры.

Анжелика тоже возвращалась в Париж, собрав всю свою волю, не обращая внимания на боль и слабость.

Предстать перед пронизательным взором Молина она не рискнула, а предпочла написать письмо, в котором поручала детей его заботам. С Барбой, кормилицей, дедом и интендантом Флоримон и Кантор были под надежной защитой. Она могла с легким сердцем отправиться в путешествие.

В Париже она как снег на голову свалилась к Нинон де Ланкло. Та уже целых три месяца хранила верность герцогу де Гассампьеру. Поскольку герцог неделю находился при дворе, Анжелика нашла у Нинон убежище, которого ей так не хватало. Сорок восемь часов она провела в постели Нинон с припарками из перуанского бальзама на лице и с компрессами из квасцов на веках. Тело она натирала всевозможными маслами и мазями.

Все синяки и ссадины она объяснила поломкой кареты. Куртизанка была настолько тактична, что Анжелика и сама в это поверила.

Нинон, вполне естественно, заговорила с ней о Филиппе: она слышала, что тот вернулся в Версаль. Там намечалась грандиозная праздничная программа: игры, балеты, комедии, фейерверки и другие затеи. Город гудел от веселых разговоров тех, кто был приглашен, и от скрежета зубов тех, кто приглашен не был.

Сидя у изголовья Анжелики, Нинон без конца болтала, пока ее пациентка не отважилась сама открыть рот. Чтобы скорее восстановить лилейно-розовый цвет лица, ей нельзя было шевелиться. Нинон говорила, что не жалеет о том, что не была в Версале: тому мешала ее репутация. Ее доменом был небольшой особняк в квартале Марэ. Здесь она действительно царила, и ей не было равных. Ей было достаточно знать, что, обсуждая то или иное событие при дворе, король обычно интересовался: «А что об этом думает прелестная Нинон?»

– Когда вы будете на празднике в Версале, вы не забудете обо мне, дорогая? – спросила она Анжелику.

И та, вся в пластырях и компрессах, кивнула: «Не забуду».

Глава XLVIII

Двадцать первого июня 1666 года маркиза дю Плесси-Бельер прибыла в Версаль. Приглашения у нее не было, зато отваги – хоть отбавляй.

Ее карета изнутри и снаружи была обита зеленым бархатом с золотой бахромой и галунами, кузов и колеса сияли позолотой, а везли карету два крупных коня в яблоках.

Анжелика надела платье из зеленой парчи с пепельным отливом, расшитое серебром, а в качестве украшения выбрала жемчужное кольцо в несколько нитей, которое спускалось чуть ниже края корсажа.

Прическа, над которой потрудился Бине, тоже сверкала жемчугом, а кроме того, ее украшали два белоснежных пера. Макияж отличался особой тщательностью, но без излишеств. На лице не осталось никаких следов недавних побоев, если не считать крошечного синячка на виске. Но Нинон искусно замаскировала его мушкой из тафты, вырезанной в форме сердечка. Другую мушку прилепили над уголком рта. Анжелика смотрелась великолепно!

Она натянула перчатки от Вандома, раскрыла веер ручной росписи и, высунувшись в окно кареты, крикнула:

– Кучер, в Версаль!

От волнения и радости она так разнервничалась, что взяла с собой Жавотту, чтобы отвлечься и поболтать в дороге.

– Мы едем в Версаль, Жавотта! – без конца повторяла она.

Та чинно сидела напротив, в муслиновом чепчике и вышитом переднике.

– О мадам, я уже там была. Ездила на галере в Сен-Клу, в воскресенье... смотреть, как ужинает король.

– Это разные вещи, Жавотта. Тебе не понять.

Путь казался бесконечным. Дорога была скверная, изрезанная колеями от двух тысяч повозок, ежедневно снующих взад и вперед и подвозящих камни, щебень и штукатурку для строительства замка, а для сада – свинцовые трубы для фонтанов и статуи.

Кучеры и возницы отчаянно переругивались.

– Мадам, нам не надо бы ехать этой дорогой. Лучше через Сен-Клу.

– Нет, так будет дальше.

Анжелика поминутно отодвигала занавеску и высовывалась из окошка, рискуя испортить шедевр Бине или получить в лицо порцию жидкой грязи.

– Да черт побери, кучер! Поторапливайся! Твои клячи ползут как улитки!

Но тут на горизонте выросла высокая розовая скала, которая так сверкала, словно вобрала в себя весь солнечный свет весеннего дня.

– Кучер, что это такое?

– Это Версаль, мадам.

Конец подъездной дороги уходил в тень аллеи из только что высаженных деревьев. У первой решетки карета Анжелики вынуждена была остановиться, чтобы пропустить экипаж, который во весь опор несся со стороны Сен-Клу. Красную карету, запряженную шестеркой гнедых, сопровождал эскорт всадников. Наверняка это был экипаж Месье, брата короля. За ним следовала карета Мадам, его супруги, запряженная шестеркой белых коней.

Анжелика велела ехать вслед за ними. Она не верила ни в дурные стечения обстоятельств, ни в порчу. Просто шла напролом, наслаждаясь только что полученным патентом маркизы. В ней росла уверенность, что час ее триумфа близок, и эта уверенность пересиливала все страхи. Она дорого за нее заплатила!

Дождавшись, пока не рассосется водоворот, образовавшийся при проезде венценосных особ, она вышла из кареты и направилась к ступеням, ведущим в Мраморный двор.

Флипо, в светло-желтой с голубым ливрее дома дю Плесси, нес шлейф ее манто.

– Не вытирай нос рукавом, – сказала ему Анжелика. – Не забывай, что ты в Версале.

– Да, ма'ам, – ответил бывший карманник из Двора Чудес, разинув рот от изумления и с восторгом озираясь кругом.

Версаль еще не обрел того ошеломляющего величия, которое ему придали два белых крыла, выстроенные Мансаром в конце царствования Людовика XIV. Он возвышался на холме, как дворец из

сказки, – розовый с красным, с ажурными железными балконами и высокими белыми трубами. Шпили, маскароны, свинцовые переплеты оконных витражей и плашек-светильников на крышах – все горело позолотой, и Версаль сверкал, как усыпанный драгоценными камнями ларец. Новые кровельные плитки, в зависимости от угла освещения, то вспыхивали серебряным отсветом, то гасли, и в их прихотливый рисунок вплетался темный бархат ночи. А контуры крыш тонули в синеве неба.

Вокруг замка царило оживление, разноцветные ливреи слуг и лакеев перемешались с черными блузами рабочих, которые сновали взад и вперед с тележками и инструментами. Постукивание резцов и стамесок, обрабатывающих камень, вторило флейтам и барабанам отряда мушкетеров, который маршировал в центре двора.

Оглядевшись, Анжелика не заметила ни одного знакомого лица. Наконец она вошла в замок с бокового левого входа, где суэта была особенно заметна. Поднявшись по широкой лестнице из разноцветного мрамора, она очутилась в просторном зале, битком набитом людьми в весьма скромной одежде. Она справилась, где находится, и оказалось, что она попала в караульное помещение. Каждый понедельник сюда приходили просители, чтобы оставить прошение или получить ответ. В глубине зала, на камине, стоял золоченый и посеребренный ковчег, олицетворявший персону короля. Но все надеялись, что его величество, по обыкновению, лично выйдет к просителям.

Анжелика, разодетая, в сопровождении пажа, чувствовала себя не в своей тарелке среди престарелых военных, вдов и сирот. Она уже собралась выйти, как увидела мадам Скаррон и с радостью бросилась ей на шею: слава богу, хоть кто-то знакомый...

– Вы не знаете, где двор? – спросила она. – Мой муж должен присутствовать при утреннем туалете короля, и я хочу потом к нему присоединиться.

Мадам Скаррон выглядела скромнее и беднее, чем обычно, и, казалось, мало подходила для того, чтобы разьяснить тонкости дворцового этикета. Однако, многократно пройдя по королевским приемным в хлопотах о пенсии, молодая вдова была в курсе всех деталей жизни двора и могла дать сто очков вперед самому Лорэ – газетчику, в чьи обязанности входило час за часом сообщать о придворных новостях.

Она предупредительно проводила Анжелику к другой двери, ведущей на просторный балкон^[9], с которого открывался вид на сады.

– Я полагаю, король уже закончил свой туалет, – сказала мадам Скаррон. – Сейчас он должен пройти в кабинет, где проведет несколько минут с принцессами крови. Потом он спустится в сад, если не заглянет сюда. В любом случае вам лучше пойти вот по этой открытой галерее. Справа будет дверь, ведущая в прихожую кабинета короля. Там сейчас много народу, и вы наверняка встретитесь с супругом.

Анжелика взглянула на балкон, но увидела там только нескольких гвардейцев-швейцарцев.

– Я просто умираю от страха. Может быть, вы пойдете со мной?

– О дорогая, да разве я могу?.. – растерянно возразила мадам Скаррон, смущенно указав на свой более чем скромный туалет.

Анжелика только сейчас заметила, как разнятся их наряды.

– Почему вы здесь, среди просителей? Вам все еще нужны средства?

– Увы, более, чем когда-либо! После смерти королевы-матери мне урезали пенсию, и я надеюсь добиться ее восстановления. Господин д'Альбре обещал помочь.

– Желаю успеха. Я правда очень сожалею...

Мадам Скаррон ласково улыбнулась и погладила Анжелику по щеке:

– Не надо огорчаться. Это ни к чему. Вы выглядите такой счастливой! Впрочем, вы вполне заслужили свое счастье, дорогая. Я рада видеть вас такой красавицей. Король весьма чувствителен к красоте. Не сомневаюсь, что вы его очаруете.

«А вот я как раз сомневаюсь», – подумала Анжелика, и сердце у нее забилось. Сверкающая красота Версаля придавала ей сил идти до конца. Конечно, она сумасшедшая. Ну и пусть! Ей вовсе не хотелось уподобиться бегуну, который у самого финиша сошел с дистанции.

Ободренная доброй улыбкой мадам Скаррон, Анжелика устремилась в галерею с такой скоростью, что Флипо, пыхтя, еле за ней поспевал. Пройдя примерно половину пути, она увидела, что с противоположного конца галереи к ней приближается группа людей. Даже с такого расстояния нетрудно было разглядеть, что в центре группы горделиво вышагивает король.

Красные каблуки и пышный парик делали его выше ростом, но Людовик XIV и без того выделялся среди всех своей восхитительной походкой. И никто лучше его не умел управляться с тростью. Раньше трость была прерогативой стариков и инвалидов, но теперь стала модным атрибутом. И король использовал трость как инструмент в искусстве себя подать: с ней он выглядел как нельзя более уверенным, величавым и обольстительным.

Он приближался, опираясь на роскошную трость эбенового дерева с золотым набалдашником, на ходу обмениваясь репликами с двумя принцессами, которые шли по бокам, – Генриеттой Английской и юной герцогиней Энгийенской. Официальная фаворитка, Луиза де Лавальер, сегодня не принимала участия в прогулке. Его величество это ничуть не расстраивало: бедняжка все больше и больше становилась просто предметом декора. В интимной обстановке король еще испытывал к ней былую нежность, но в такие ясные, светлые утра, когда Версаль сиял всей своей красотой, худоба и бледность мадемуазель де Лавальер особенно бросались в глаза. Она обитала в уединении, и его величество иногда заглядывал справиться о ее здоровье...

А утро действительно выдалось на редкость ясным, и Версаль блистал великолепием. Уж не сама ли Весна шла навстречу государю в облике юной незнакомки?.. Солнце окружало ее сияющим ореолом, а ожерелье струилось до самой талии каплями жемчужной росы...

Анжелика сразу сообразила, что, повернув обратно, она станет мишенью для насмешек. И она продолжала идти вперед, постепенно замедляя шаг, и ее охватывало ощущение своей беспомощности и неизбежности происходящего, как бывает иногда во сне. Она словно погрузилась в туман и видела перед собой только короля: он как магнитом притягивал к себе ее взгляд. Она и рада была бы опустить глаза, но не могла. Теперь король был к ней так же близко, как тогда в Лувре, и все померкло перед этим ужасным воспоминанием.

Анжелика даже не догадывалась, какое зрелище собой представляла – одна, посреди залитой солнцем галереи, в роскошном туалете, во всем блеске своей красоты, которая и согревала, и завораживала.

Людовик XIV остановился, и придворные замерли позади него. Лозен, который узнал Анжелику, закусил губы и спрятался за спины

остальных. Он торжествовал: у него на глазах разворачивалось нечто из ряда вон выходящее.

Король галантно снял шляпу, украшенную огненно-красным плюмажем. Он был очень чувствителен к женской красоте, и спокойная отвага, с которой эта женщина смотрела на него своими зелеными глазами, не раздражала, а околдовывала. Кто она такая? Почему он раньше ее не замечал?

Безотчетно отреагировав на приветствие короля, Анжелика склонилась в глубоком реверансе. Ей и хотелось бы застыть в коленопреклоненной позе, но она выпрямилась, по-прежнему не сводя глаз с лица Людовика. И взгляд ее помимо воли сделался вызывающим.

Король удивился. Во всем облике незнакомки и в молчаливом изумлении придворных было что-то необычное. Он огляделся вокруг, и брови его слегка нахмурились.

Анжелика почувствовала, что сейчас потеряет сознание. Руки отчаянно дрожали в складках платья, силы покидали ее. Все, она пропала.

В этот момент кто-то с такой силой стиснул ей руку, что она чуть не вскрикнула, и голос Филиппа спокойно произнес:

– Ваше величество, окажите мне честь и позвольте представить вам мою супругу, маркизу дю Плесси-Бельер.

– Вашу супругу, маркиз? Потрясающая новость! Я что-то такое слышал, но ожидал, что вы сами мне об этом скажете...

– Сир, мне показалось, что нет необходимости информировать вас о такой безделице.

– Безделица? Женитьба – безделица! Берегитесь, маркиз, как бы господин исповедник Боссюэ вас не услышал!.. И дамы тоже... Черт побери, с той поры как я с вами познакомился, я все задаю себе вопрос: из какого же теста вы сделаны? А вы отдаете себе отчет, что ваша скрытность по отношению ко мне граничит с дерзостью?

– Сир, я весьма огорчен, что ваше величество так истолковали мое молчание. Событие не имело никакой важности!

– Замолчите, месье! Ваше легкомыслие переходит все границы, и я вам даже пяти минут не даю на подобные дискуссии в присутствии такой прелестной женщины, как ваша жена. Честное слово, вы просто солдафон какой-то! Мадам, а вы что думаете о своем супруге?

– Я постараюсь к нему приспособиться, сир.

Король улыбнулся:

– Вы рассудительная женщина. И очень красивы. Эти два качества так редко соединяются вместе! Маркиз, я прощаю тебя за такой выбор... И за прекрасные глаза твоей жены... Зеленые глаза... Редкий цвет, мне нечасто доводилось такими любоваться. Женщины с зелеными глазами...

Он замолчал, словно задумавшись, и принялся внимательно вглядываться в лицо Анжелики. Улыбка сошла с его лица, и он вдруг застыл, словно пораженный молнией. На глазах у придворных, сначала изумленных, а потом испуганных, Людовик XIV начал бледнеть. Это ни от кого не укрылось, поскольку король вообще отличался сангвиническим цветом лица и придворный врач часто пускал ему кровь. А тут он на несколько секунд стал блее собственного жабо, хотя на лице у него не отразилось ничего.

Анжелика растерялась, но не отвела от короля глаз, продолжая смотреть на него с вызовом, как смотрит провинившийся ребенок на того, кто сейчас его накажет.

– А вы, случаем, не из южных краев, мадам? – неожиданно резко спросил Людовик. – Не из Тулузы?

– Нет, сир, моя супруга – уроженка Пуату, – быстро сказал Филипп. – Ее отец – барон де Сансе де Монтелу, его земли расположены в окрестностях Ниора.

– О! Сир, спутать пуатевинку с уроженкой Юга! – воскликнула мадам де Монтеспан и залилась своим серебристым смехом. – Это вам-то, сир!

Прекрасная Атенаис чувствовала себя достаточно уверенной, чтобы позволить себе такую вольность. Напряжение спало. Лицо короля снова обрело свой обычный цвет. Совладав с собой, он бросил на Атенаис заинтересованный взгляд:

– Да, пуатевинки обладают немалым шармом. Однако берегитесь, мадам, как бы господину де Монтеспану не пришлось мериться силами со всеми гасконцами Версаля! Они вполне вправе потребовать удовлетворения за своих обиженных жен!

– Я кого-то обидела, сир? Это случилось ненамеренно. Я только хотела сказать, что южанок и пуатевинок трудно спутать, хотя они в

равной степени прелестны. Надеюсь, ваше величество простит мне это скромное замечание.

Улыбка, затаившаяся в ее больших голубых глазах, не имела ничего общего с раскаянием и была совершенно неотразима.

– Я давно знакома с мадам дю Плесси, – продолжала мадам де Монтеспан. – Мы выросли вместе, и наши семьи состоят в родстве.

Анжелика дала себе слово никогда не забывать, чем она обязана мадам де Монтеспан. Прекрасная Атенаис отреагировала молниеносно и тем самым спасла подругу.

Король снова поклонился Анжелике дю Плесси, на этот раз с умиротворенной улыбкой:

– Что ж, Версаль рад приветствовать вас, мадам. Добро пожаловать.

И уже тише добавил:

– Мы рады снова видеть вас.

Анжелика поняла, что Людовик ее узнал, но отнесся к ней благосклонно и хочет забыть прошлое.

В последний раз между ними вспыхнуло пламя костра... Склонившись в глубоком реверансе, Анжелика почувствовала, как веки набухают от слез.

Слава богу, король пошел дальше по галерее. Она встала, украдкой вытерла глаза и смущенно взглянула в сторону Филиппа:

– Как мне благодарить вас, Филипп?

– Благодарить меня! – прошипел он вполголоса, и на щеках его от злости заходили желваки. – Да я защищал свое имя от насмешек и опалы! Вы, черт возьми, моя жена! И впредь прошу вас об этом думать!.. Явиться в Версаль вот так, без приглашения, без представления!.. И так дерзко смотреть на короля!.. Нет, ваше дьявольское нахальство воистину неистребимо! Когда-нибудь я вас убью!

– О Филипп, прошу вас, не портите мне такой прекрасный день!

Вместе со свитой придворных они вышли в сад. Лазурное небо отражалось в струях фонтанов, солнце вспыхивало на гладкой поверхности двух больших бассейнов на первой террасе. Все это ослепляло Анжелику.

Ей казалось, что она в раю, где все вокруг невесомо и сообразуется с Божественным порядком.

С верхней ступени лестницы, которая круглой пирамидой поднималась над бассейном, ей открылся дивный вид на высаженные в шахматном порядке деревья, между которыми кружились в белоснежной фарандоле мраморные статуи. И повсюду, до самого горизонта, простирались разноцветные ковры цветников.

Легкий ветерок слегка шевелил белые перья в прическе Анжелики.

К нижней ступени лестницы подали карету короля. Однако, уже ступив на подножку, король вдруг шагнул назад и снова поднялся по лестнице. Анжелика увидела его рядом. Он подошел один, жестом отстранив придворных.

– Вы любуетесь Версалем, мадам? – спросил Людовик.

Анжелика сделала реверанс и ответила с большим изяществом и искренностью:

– Сир, я благодарна вашему величеству за необыкновенную красоту, которую вы явили взорам ваших подданных. История будет вам признательна.

Людовик XIV помолчал с минуту. Лесть его не смущала, он к ней привык, но сейчас он почему-то не находил слов, чтобы выразить свои мысли.

– Вы счастливы? – спросил он наконец.

Анжелика отвела глаза и вдруг стала совсем юной, как девочка, еще не знавшая ни бед, ни мучений.

– Как можно не быть счастливой в Версале? – прошептала она.

– Ну вот, и не надо плакать, – сказал король. – Доставьте мне удовольствие разделить со мной прогулку. Я хочу показать вам парк.

Анжелика вложила руку в руку Людовика, и так, рука в руке, они спустились по лестнице к фонтану Латоны, и придворные почтительно склонились перед ними.

Садясь в карету рядом с мадам де Монтеспан, напротив обеих принцесс и его величества, она мельком увидела лицо мужа.

Филипп смотрел на нее с каким-то загадочным выражением, и в глазах его загорелся интерес. Он начал понимать, что в жены ему досталась феноменальная женщина.

Анжелика чувствовала себя такой легкой, что казалось, вот-вот взлетит. Будущее представлялось ей безоблачным, как голубой

горизонт. Она говорила себе, что ее дети больше никогда не узнают нужды. Они получат воспитание в Академии Монпарнаса и станут настоящими аристократами. А она будет одной из самых уважаемых дам двора.

И раз уж король выразил такое пожелание, она постарается вычеркнуть из памяти всю скопившуюся там горечь. Но в глубине души Анжелика знала, что пламя любви, пожирившее ее, не погаснет никогда. Так будет всю жизнь. Это сказала Ла Вуазен.

Но судьба не обошлась с ней несправедливо – ей было угодно, чтобы Анжелика сделала привал на вершине волшебной горы, чтобы набраться сил в опьянении успехом и в триумфе красоты.

Потом она снова ступит на путь приключений, предопределенный ей в жизни. Но это будет потом. Сейчас она ничего не боялась. ОНА БЫЛА В ВЕРСАЛЕ!

Об авторе

Симона Шанжо родилась 17 декабря 1921 года в Тулоне. Очень рано у девочки пробудилась страсть к литературному творчеству и к истории. «Ты сможешь писать книги для детей», – сказала ей мать. «Нет, я буду писать для взрослых!» – возразила шестилетняя писательница. Еще в отрочестве Симона публиковала рассказы и статьи в различных журналах. Ее первая, написанная в девятнадцать лет книга «В стране, которую видят мои глаза изнутри» была напечатана под псевдонимом Жоэль Дантерн, и критики приветствовали появление многообещающего автора. Во время войны она в одиночку дважды объехала Францию на велосипеде, чтобы описать красоту страны пером и кистью. Несколько раз ее задерживали, но, обнаружив рисунки акварелью, отпускали. Столкнувшись с немецкими пограничниками, храбрая девушка демонстративно нарушила границу, ступив одной ногой на территорию Испании, чтобы «ощутить почву свободной страны». Позднее впечатления от этих патриотически окрашенных путешествий лягут в основу приключений Анжелики.

Вторая ее книга «Мастер-Куки» – детектив, действие которого разворачивалось в Индокитае, – стала бестселлером, а Жоэль Дантерн – признанным автором книг для юношества. Она продолжала писать приключенческие романы, не оставляя журналистской работы, а также создавала сценарии фильмов («Спешащие на помощь», «Женщина в красном» и др.). Она основала журнал «Франция 47», где напечатала свой первый роман с продолжением («*Le Caillou d'Or*»).

Получив премию «Ларигоди» за «Дозор невинных мучеников», она отправилась в качестве внештатного корреспондента в Африку и участвовала в нескольких гуманитарных миссиях в Конго, в том числе в экспедиции, помогавшей населению справиться с эпидемией сонной болезни, а также в строительстве собора Св. Анны. Здесь, в африканской глуши, она встретила мужчину своей жизни – геолога Всеволода Голубинова. Симона вышла за него замуж и сопровождала мужа в его странствиях. Они вместе путешествовали в джунглях Майомбе и Чада.

Всеволод Голубинов родился в 1903 году в России в дворянской семье, вырос в Средней Азии и Персии, где его отец был губернатором Исфахана. Когда разразилась революция, ему было пятнадцать, он покинул Севастополь перед приходом армии большевиков. Всеволод закончил высшую инженерную школу в Нанси, стал геологоразведчиком, много путешествовал по Африке и Азии. Хотя он и не имел французского гражданства, но во время войны примкнул к генералу де Голлю и был заочно приговорен к смертной казни правительством Виши.

В Африке Симона пишет репортажи и два романа: «Дело Лимба» и «Белая женщина из Кермалы», которые печатались с продолжением в журналах. А когда по возвращении во Францию Всеволоду Голубинову не удается найти работу, супруги начинают зарабатывать себе на жизнь совместным написанием научных статей под псевдонимом Анн и Серж Голон или Серж Голон. Они также создают книги о полной приключений жизни Сержа Голона («Гиганты из озера», «Сердце хищников» и несколько повестей, оставшихся неопубликованными). В 1952 году выходит последняя книга под псевдонимом Серж Голон, она называлась «Переполох в Чаде». Затем Симона, вдохновленная семнадцатым веком – осмеянной и практически вышедшей из моды эпохой истории Франции, – начинает в Версале работу над «Анжеликой» – «практически бесконечным проектом неопределенного жанра». «Я решила написать нечто особенное, порывающее с тем, что довлело в ту пору над людьми. С гнетом условностей, с религиозными запретами. Здесь было над чем подумать...» В версальской библиотеке Анн и Серж свели воедино исторические данные, связанные с этим громадным замыслом (правда, в ту пору Анн Голон еще казалось, что все уложится в один большой том). «Анжелика» была опубликована в Германии в 1956 году под псевдонимом Анн Голон, а затем в 1957-м во Франции под псевдонимом Анн и Серж Голон – французский литературный агент и издатель решили ввести мужское имя, чтобы все выглядело «более серьезно». В 1958 году «Анжелика» была напечатана в США. Там автором значилась Сержанна Голон. Во всех этих странах книга имела огромный успех.

В 1959 году супруги Голон вместе с детьми переехали в Швейцарию в Кран-Монтану. Всеволод несколько раз побывал в Африке с геологическими партиями, а в 1961 году переключился на

исследования, связанные с живописью. Он работал над изобретением новых красок, которые меняют оттенок в зависимости от дневного света. Он был поглощен своим научным проектом вплоть до самой смерти в 1972 году. Исключение составил только 1966 год, когда он сопровождал жену, которую исторические изыскания увлекли в Новый Свет (в США и Новую Францию^[10]).

«Анжелика» победоносно шествовала по миру. Восемь книг уже были переведены на разные языки, а во Франции был снят фильм «Анжелика» (режиссер Бернар Бордери), за которым последовало еще четыре, свободно интерпретировавшие содержание серии романов. В 1985 году выходом тринадцатого тома завершилась публикация «Анжелики», однако остальные тома серии уже давно почти полностью исчезли с книжных прилавков во Франции и франкофонных странах. А между тем серия с успехом продавалась повсюду – от Японии до Италии – суммарными тиражами до 10 миллионов экземпляров в год, в то время как Анн Голон жила в стесненных обстоятельствах, пытаясь через суд вернуть себе авторские права. В России об авторах «Анжелики» ходили разные легенды. Журналисты писали, что «Анжелика» – это роман, написанный в XIX веке, другие сообщали, что Серж Голон погиб, сражаясь за революцию, третьи объявляли себя наследниками Анн и Сержа Голон и публиковали «продолжения» романа при попустительстве французских издателей. И вот после долгих судебных разбирательств в 2005 году Анн Голон вернула себе права, придав своему проекту новое дыхание.

Все эти годы она работала над продолжением истории. В то же время в прежних французских изданиях «Анжелики» были обнаружены сокращения и поправки, сделанные прежними издателями в обход автора. Анн Голон принялась заново пересматривать книги серии, чтобы вернуть текст к первоначальному варианту. Кроме того, она начала добавлять новые сюжетные линии, которые прежде не удалось развить (например, Фронда, преследование целительниц или закулисные события при заключении Пиренейского договора...), и новые элементы, предвещающие развитие событий. Несколько томов этой расширенной версии «Анжелики» уже вышли в свет в ряде стран.

Анн Голон, как и ее героиня, каждый раз возрождается из пепла: недавно на экраны кинотеатров вышел новый фильм «Анжелика»

(режиссер Ариэль Зейтун), а в книжных магазинах появились новые издания «Анжелики» (выпускаются и книги в старом варианте, и пересмотренные и дополненные автором романы). Это масштабный амбициозный проект, но для храброго сердца нет ничего невозможного. «Я поставила себе срок десять лет, а потом посмотрим!..» – скромно заметила она в недавно написанном очерке.

Ныне Анн Голон является одним из самых читаемых французских авторов в мире. Созданные ее воображением легендарные персонажи – Анжелика Маркиза Ангелов и Жоффрей де Пейрак – стали неотъемлемой частью массовой культуры, а серия книг о них – своего рода литературной классикой. И хотя автор по-прежнему считает, что она, будучи обычной женщиной, «просто написала ту книгу, которую должна была написать», история ее жизни и ее литературный дар свидетельствуют о том, что и она сама сродни своей героине.

Надин Голубинофф

notes

СНОСКИ

1

Кюрболи (от фр. «Cuir bouilli») – вареная кожа; кожа специальной выделки; применялась во Франции в XIV–XV вв.

Государю дѣлжно тщательно выбирать объект своего обожания, ибо мир взирает на него (*лат.*).

3

Ждать (*нем.*).

4

Перевод М. Б. Вербловской.

Нынешняя Вогезская площадь. *(Примеч. авт.)*

6

Перевод А. Мотенко.

7

Манто – верхнее короткое платье со шлейфом, надеваемое поверх юбок.

8

Намек на один из бракоразводных процессов того времени.

9

Сейчас на месте этого балкона находится Зеркальная галерея.

Новая Франция – так назывались французские владения в Северной Америке; в разное время туда входили современные канадские провинции Квебек, Онтарио и часть берегов Великих Озер.